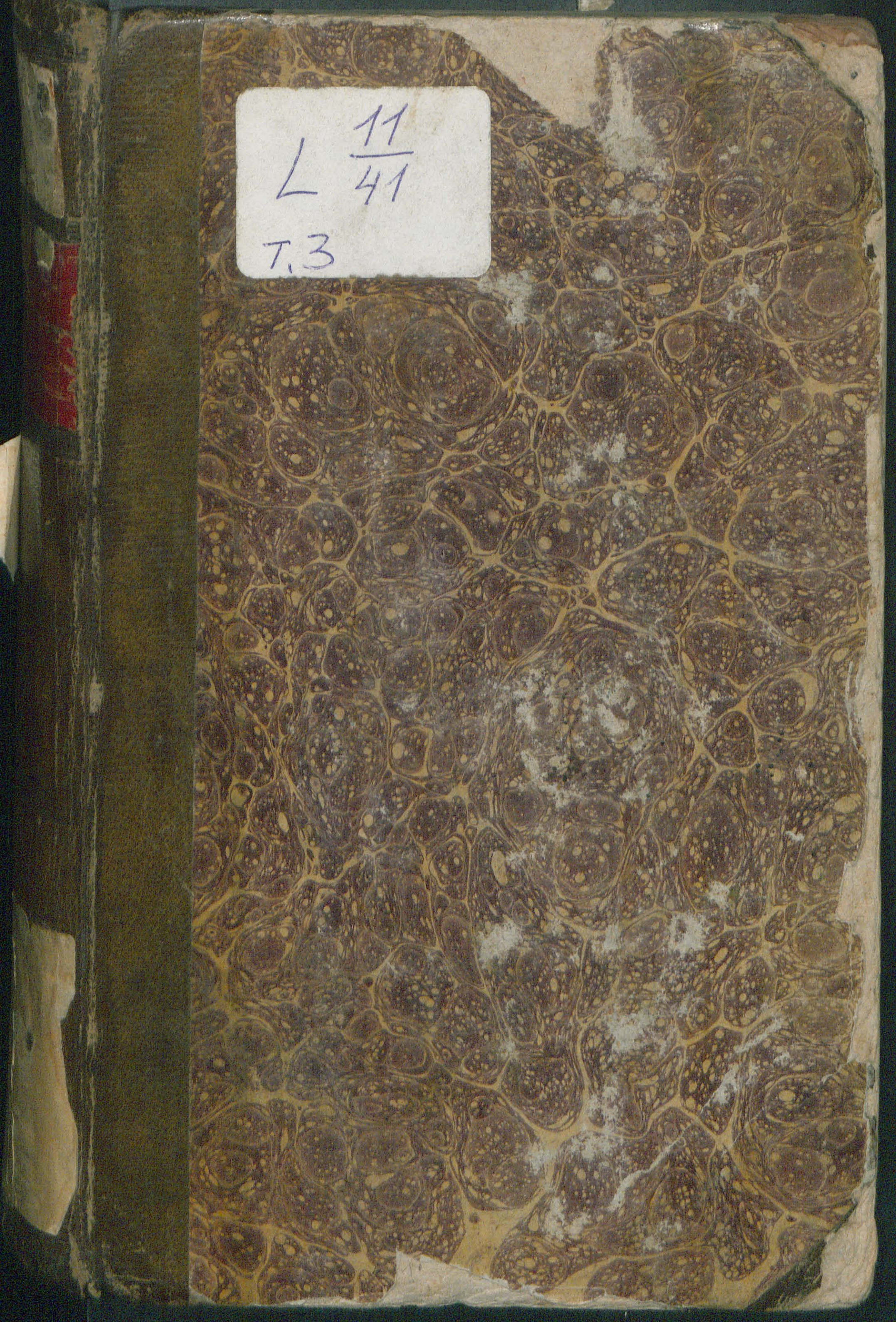
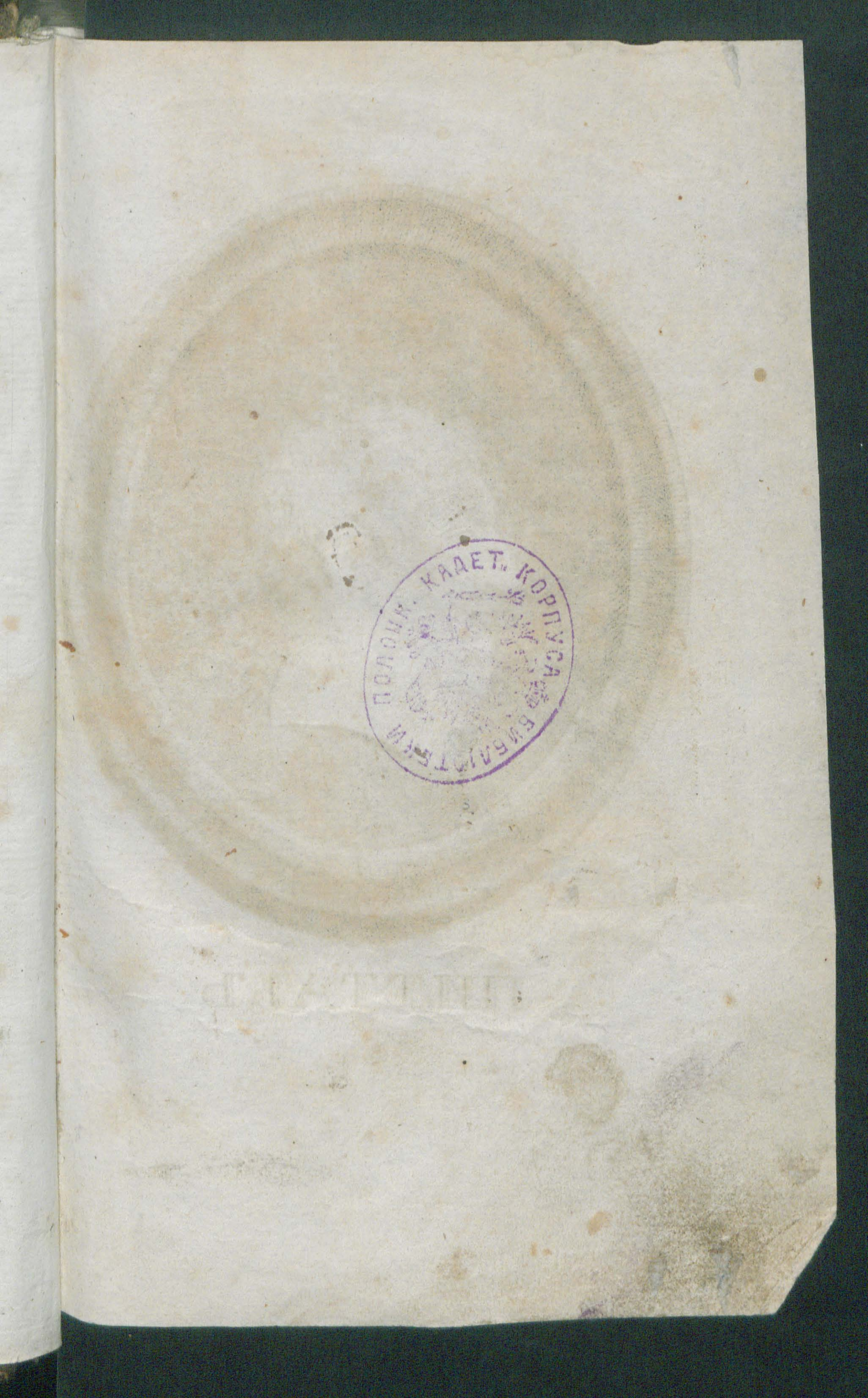

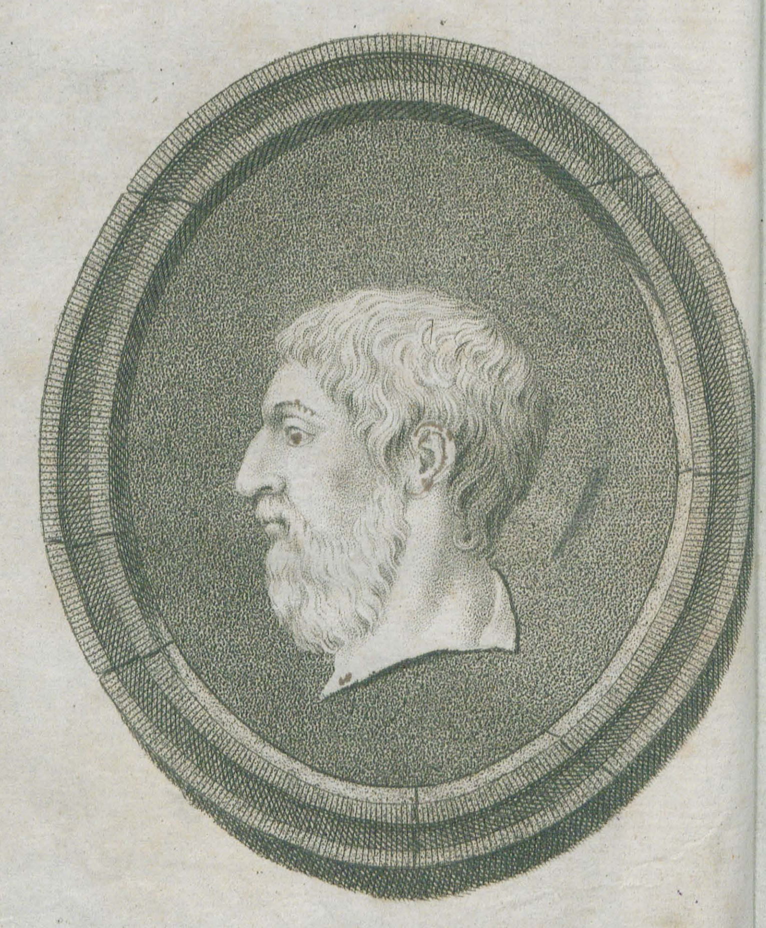

Фундаментальная

2010514805

Passiva.

Actien-Capital		fl. 42,000.000·—
Prioritäts-Anlehen (abzüglich der bereits amortisirten Summen)		„ 54,320.250·—
$^1/_5$ % Tilgungsquote des garantirten Anlage-Capitals vom 1. Sept. 1861 bis Ende Dec. 1873 .	fl. 2,140.409·10	
Hiezu 5% Zinsen bis 1873	„ 691.722·86	
		„ 2,832.131·96
Zinsen und Tilgungsrückstände		„ 2,816.847·81
Tratten-Conto		„ 3,088.812·95
Reservefond		„ 155.056.97
Special-Reserve-Conto		„ 904.476·44
Pensionsfond		„ 433.544·47
Provisionsfond		„ 16.188.19
Krankenfond		„ 27.172·85
Creditoren		„ 2,310.999·81
Bahnbetriebs-Conto, Ueberschuss pro 1873		„ 12.868·38
Staats-Vorschuss sammt Zinsen		„ 559.044·44
		fl. 109,477.334.27

БИБЛІОТЕКИ ПОЛОЦК. КАДЕТ. КОРПУСА

ПИТТАКЪ

Ч. 3

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА ПО ГРЕЦІИ,

въ половинѣ четвертаго вѣка до Рождества Христова.

Переведено съ Французскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Графомъ Димитріемъ Ивановичемъ Хвостовымъ,

и оною Академіею издано.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

ВЪ САНКПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Ивана Глазунова.
1807 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

стран:

стран:

ПУТЕШЕСТВІЕ МЛАДШАГО АНАХАРСИСА ПО ГРЕЦІИ

Около половины четвертаго столѣтія до Р. Х.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

О воспитаніи Аѳинянъ.

Жители Митиленскіе, покоривъ нѣкоторыхъ изъ своихъ союзниковъ, отъ нихъ отдѣлившихся, запретили имъ преподавать и малѣйшее дѣтямъ ихъ просвѣщеніе. Они, желая содержать ихъ въ рабствѣ, не находили лучшаго къ тому средства, какъ оставить ихъ въ невѣжествѣ.

Цѣль воспитанія состоитъ въ доставленіи тѣлу крѣпости, каковую оно имѣть должно, а душѣ совершенства, каковое она воспріять удобна. Воспитаніе у Аѳинянъ начинается съ рожденіемъ младенца и оканчивается на 20 году его возраста. Сіе вре-

мя испытанія недовольно достаточно къ образованію совершеннаго гражданина; но сей недостатокъ происходитъ отъ нерадѣнія родителей, предающихъ надежду государства и рода своего сперва рабамъ, а потóмъ наемнымъ наставникамъ.

Законодатели не иначе могли изъясниться о семъ предметѣ, какъ общими законами. Философы вошли въ бóльшія подробности; они простерли виды свои даже и на тѣ попеченія, каковыхъ требуетъ младенчество, и на заботы иногда мучительныя для тѣхъ, кои за онымъ присмотръ имѣютъ. Занимаясь симъ важнымъ обстоятельствомъ, я покажу сообразность нѣкоторыхъ обыкновеній съ вѣрою и съ правительствомъ: а при злоупотребленіяхъ помѣщу совѣты особъ просвѣщенныхъ.

Эпихарисѣ, женѣ Аполлодора, у котораго я жилъ, приспѣвало время къ разрѣшенію отъ бремени. Въ первые сóрокъ дней ея беременности запрещено ей было выходить изъ дому. Послѣ того часто совѣтовали ей, что какъ образъ ея жизни и здоровья можетъ имѣть вліяніе на сложеніе ея младенца; то и должно ей упот-

реблять хорошую пищу и подкрѣплять силы умѣренными прогулками.

У многихъ народовъ, которыхъ Греки называютъ варварами, день рожденія младенца почитается днемъ печали для семейства. Собравшіеся вокругъ новорожденнаго родственники сѣтуютъ о томъ, что онъ получилъ бѣдственный даръ жизни. Сіи ужасныя жалобы слишкомъ сообразны съ правилами Греческихъ мудрецовъ. Помышляя, говорятъ они, о судьбинѣ, ожидающей человѣка на землѣ, должно орошать колыбель его слезами.

Однакожъ, при рожденіи Аполлодорова сына, я видѣлъ любовь и радость въ глазахъ всѣхъ его родственниковъ; я видѣлъ, что повѣсили у дверей дома вѣнецъ масличный — знаменованіе земледѣлія, къ которому человѣкъ рожденъ. Ежели бы родилась дщерь, то шерстяная повязка, на мѣсто вѣнца повѣшенная, означала бы родъ трудовъ, которымъ женскій полъ заниматься долженъ. Сіе обыкновеніе, изображающее древніе нравы, возвѣщаетъ отечеству, что оно приобрѣло гражданина. Прежде оно возвѣщало должности отца и матери семейства.

Отецъ имѣетъ право осуждать дѣтей своихъ на жизнь или на смерть. Какъ скоро родятся они, то кладутъ ихъ къ его ногамъ. Ежели онъ возметъ ихъ на свои руки, то жизнь ихъ почитается внѣ опасности. Когда по скудости своей не можетъ ихъ воспитать или отчаевается исправить въ нихъ нѣкоторые недостатки тѣлосложенія; то отвращаетъ взоры, и тогда спѣшно ихъ уносятъ, чтобъ гдѣ нибудь подкинуть, или лишить жизни. Въ Ѳивахъ законы запрещаютъ сіе варварство; почти по всей Греціи они его позволяютъ или терпятъ. Философы оное одобряютъ; другіежъ, которымъ строжайшіе нравоучители по справедливости противурѣчатъ, присовокупляютъ, что мать, уже многочисленнымъ семействомъ окруженная, имѣетъ право истребить младенца, во чревѣ ея носимаго.

Для чего народы чувствительные и просвѣщенные оскорбляютъ тако природу? Для того, что какъ у нихъ число гражданъ опредѣлено самимъ законоположеніемъ, то не пекутся они о размноженіи человѣческаго рода; для того еще, что каждый гражданинъ у нихъ есть воинъ, то отечество не прини-

маетъ никакого участія въ судьбѣ человѣка, который никогда не можетъ быть ему полезенъ, а отечество напротивъ того ему часто будетъ необходимо.

Младенца обмыли теплою водою, сообразно Иппократову совѣту. У народовъ, называемыхъ варварами, погрузили бы его въ холодную воду. Наконецъ положили его въ одну изъ ивовыхъ лозъ сплетенную кошницу, каковая употребляется для отдѣленія зеренъ отъ мякины. Сіе есть предзнаменованіе большаго изобилія или многочисленнаго потомства.

Прежде никакое отличное состояніе не избавляло мать отъ кормленія своего младенца; нынѣ возлагаетъ она сію священную должность на рабыню. И чтобы поправить низкость ея родопроисхожденія, сопричисляютъ ее къ дому, и большая часть кормилицъ дѣлаются друзьями и наперсницами воспитанныхъ ими дѣвицъ.

Какъ Лакедемонскія кормилицы весьма знамениты въ Греціи, то Апполлодоръ выписалъ оттуда одну, и поручилъ ей своего сына. Она, принявъ его, отнюдь не отважилась пеленать и оковать члены его, по

обычаю нѣкоторыхъ народовъ, узами, которые часто служатъ только къ тому, чтобы противуборствовать природѣ.

Дабы приучить заблаговременно къ стужѣ, она покрывала его только нѣкоею легкою одеждою; сїе самое одобряется философами, и сїе нахожу я въ обыкновенїи у Кельтовъ, у народа который Греки также, называютъ варварами.

Въ пятый день было назначено очищенїе младенца. Женщина взяла его на руки и въ провожанїи всѣхъ домашнихъ не однократно бѣгала кругомъ огня, на жертвенникѣ горѣвшаго.

Поелику много дѣтей умираютъ отъ родимца вскорѣ послѣ рожденїя ихъ, то ожидаютъ седьмаго, а иногда десятаго дня для назначенїя имени. Аполлодоръ, приглася своихъ и женниныхъ родственниковъ и друзей, назвалъ въ присутствїи ихъ сына своего Лизисомъ, по имени своего отца; ибо по обычаю, старшїй сынъ долженъ всегда носить имя своего дѣда. Сей обрядъ сопровождался жертвоприношемъ и пиромъ. Онъ совершался за нѣсколь-

ко дней прежде священнаго обряда, а именно сопричисленія къ таинствамъ Елевсины. Аѳиняне, убѣждены будучи, что сіи таинства по смерти доставляютъ большія преимущества, спѣшатъ скорѣе включать въ оныя своихъ дѣтей. Въ сороковый день по разрѣшеніи отъ бремени, Эпихариса вышла изъ своего покоя. День сей былъ торжествомъ въ домѣ Аполлодора.

Оба супруга, восприявъ отъ друзей своихъ новые знаки благоприятства, усугубили попеченія о воспитаніи своего сына. Первая забота ихъ была та, чтобы ему доставить крѣпкое тѣлосложеніе и выбирать изъ употребляемыхъ обычаевъ тѣ, которые болѣе сообразны съ намѣреніями природы и съ наставленіями любомудрія. Дейдамія, такъ называлась кормилица или воспитательница, слѣдовала родительскимъ совѣтамъ, и сама своею опытностію ихъ усовершала.

Въ первыя пять лѣтъ младенчества человѣческое тѣло возрастаетъ такъ успѣшно, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ испытателей природы, чрезъ послѣдующіе двадцать лѣтъ не прибавляет-

ся оно столько же въ вышину. Оно имѣетъ тогда нужду во многой пищѣ и движеніи. Природа возбуждаетъ въ немъ внутреннія безпокойства; и кормилицы часто принуждены бываютъ качать младенца на своихъ рукахъ и сотрясать тихонько мозгъ его пріятнымъ и усладительнымъ пѣніемъ. Кажется, что долговременная опытность заставила ихъ почитать музыку и плясаніе первыми началами воспитанія нашего. Сіи движенія споспѣшествуютъ варенію желудка, доставляютъ спокойный сонъ, разсѣваютъ внезапные страхи, внѣшними предметами производимые надъ слабыми орудіями чувствъ.

Какъ скоро дитя могло стоять на ногахъ, Дейдамія заставляла его ходить и всегда готова была простирать къ нему руку помощи. Послѣ того я видѣлъ, что она давала ему въ руки гремушки, коихъ шумъ забавлялъ его, или развлекалъ его вниманіе. Я о семъ обстоятельствѣ и говорить бы не сталъ, ежелибы удобнѣйшая изъ сихъ игрушекъ не была изобрѣтена славнымъ философомъ Архитою, который

писалъ о естествѣ вселенныя, и занималзя воспитанїемъ дѣтей.

Вскорѣ важнѣйшїя упражненїя озаботили Дейдамїю, и особенныя намѣренїя удалили ее отъ правилъ самыхъ обыкновенныхъ. Она приучила питомца своего не дѣлать никакого различїя между яствъ, ему предлагаемыхъ. Силою никогда не удерживала его отъ слезъ; не для того, чтобы, по примѣру нѣкоторыхъ философовъ, она почитала ихъ родомъ полезнаго упражненїя для дѣтей. Ей казалось полезнѣе, узнавъ оныхъ причину, пресѣкать ихъ; или дать волю плакать, ежели причина неизвѣстна. А по тому дитя и переставало плакать, какъ скоро тѣлодвиженїями своими могло объяснять свои нужды.

Паче всего внимательна была къ первымъ впечатлѣнїямъ, имъ получаемымъ: къ впечатлѣнїямъ иногда столько сильнымъ и столь продолжительнымъ, что въ теченїе цѣлой жизни оставляютъ они свои слѣды во нравѣ. И въ самомъ дѣлѣ весьма трудно, чтобы душа, съ дѣтства волнуемая пустыми страхами, часъ отъ часу болѣе не сдѣлалась удобною къ трусости, къ которой она

приучалась. Дейдамія остерегала своего питомца отъ всякихъ страховъ, и никогда ихъ не умножала угрозами и наказаніемъ.

Я видѣлъ нѣкогда ее въ большой досадѣ отъ того, что одна мать сказала сыну своему, что въ наказаніе за ложь у него появились прыщики на лицѣ. А какъ я сказывалъ ей, что Скиѳы обѣими руками равно искусно умѣютъ дѣйствовать оружіемъ, то вскорѣ послѣ того я увидѣлъ, что молодой ея питомецъ дѣйствовалъ равно и правою и лѣвою рукою.

Онъ былъ здоровъ и крѣпкаго сложенія; съ нимъ поступали ни съ тою чрезмѣрною благосклонностію, отъ которой дѣти становятся упрямыми, опрометчивыми, не терпящими ни малѣйшаго противурѣчія и несносными для всѣхъ; ниже съ неограниченною строгостію, которая ихъ дѣлаетъ робкими, раболѣпными и несносными самимъ себѣ. Воспротивлялися его желаніямъ, не упоминая о его зависимости, и наказывали за проступки, не присоединяя посмѣянія къ исправленію. Аполлодоръ весьма строго запрещалъ сыну своему имѣть сообщество съ его служи-

телями, а имъ не подавать въ присутствіи его ни малѣйшаго познанія о порокѣ ни словами, ни примѣрами.

По совѣту мудрыхъ особъ не должно заставлять дѣтей въ первыя пять лѣтъ возраста заниматься трудомъ, требующимъ великаго прилѣжанія. Однѣ игры въ это время должны ихъ занимать и забавлять. А поелику время сіе предоставлено для роста и укрѣпленія тѣла, то Аполлодоръ и продолжилъ оное въ пользу своего сына годомъ болѣе; и не прежде какъ въ концѣ шестаго года поручилъ его смотрителю или дядькѣ, который былъ рабъ вѣрный, и имѣлъ приказаніе ходить за нимъ всюду, а паче къ учителямъ, опредѣленнымъ на преподаваніе ему первыхъ началъ въ наукахъ.

Прежде, нежели препоручилъ онъ своего сына его попеченію, желалъ доставить ему право гражданина. Я уже сказалъ, что Аѳиняне раздѣляются на десять колѣнъ. Колѣно раздѣляется на три собратства или куріи, а сіе на тридцать отдѣленій. Члены одного собратства почитаются собратіями между собою, по тому что праздники, храмы, жертвоприношенія имѣютъ об-

щія. Аѳинянинъ долженъ быть вписанъ въ одно изъ сихъ собратствъ или вскорѣ послѣ рожденія, или на третьемъ и четвертомъ году, рѣдко по прошествіи седьмаго года. Сей обрядъ торжественно совершается въ праздникъ Апатурій, отправляемый въ мѣсяцѣ Піанепсіонѣ, и продолжаемый три дня.

Первый день препровождается только въ пиршествахъ, на кои собираются родственники въ одинъ домъ, а члены собратства въ одно мѣсто.

Вторый посвящается обрядамъ вѣры. Градоначальники приносятъ жертвы всенародно; многіе Аѳиняне въ богатыхъ одеждахъ, съ горящими пламенниками въ рукахъ, шествуютъ скорыми шагами вокругъ олтарей, воспѣваютъ имны въ честь Вулкана и превозносятъ бога, открывшаго смертнымъ употребленіе огня.

На третій день вступаютъ дѣти въ званіе гражданъ, и въ сей-то день представляемы были многіе изъ нихъ обоего пола. Я сопровождалъ Аполлодора во храмъ, къ собратству его принадлежащій. Тамо находилися многіе изъ его родственниковъ, старѣйшины его куріи и того отдѣленія,

къ коему онъ былъ сопричисленъ. Онъ представилъ имъ сына и на закланіе овцу, которую свѣся присутствующіе закричали со смѣхомъ: меньше! меньше! то есть, что въ овцѣ не было предписаннаго законами вѣса. Сіе не иное что, какъ шутка, обыкновенно въ такихъ случаяхъ употребляемая. Между тѣмъ какъ пламень пожиралъ часть жертвы, Аполлодоръ приближился, и держа сына за руку, призвалъ боговъ во свидѣтельство, что отрокъ сей рожденъ отъ него и жены Аѳинянки въ законномъ бракѣ. Послѣ того собрали голоса и отрокъ тотчасъ былъ внесенъ подъ именемъ Лизиса, сына Аполлодорова, въ списокъ куріи, называемый общественнымъ спискомъ.

Симъ только сопричисленіемъ, вводящимъ отрока въ извѣстное колѣно, курію и отдѣленіе той куріи, доказывается законность рожденія и дается право на наслѣдство послѣ его сродниковъ. Когда члены куріи не соглашаются на его сопричисленіе, отецъ имѣетъ право на нихъ просить въ судѣ.

Воспитаніе должно впечатлѣвать въ сердца юныхъ гражданъ одинакія чувство-

ванія и правила, дабы оно было сообразно съ свойствомъ правительства. По сей-то причинѣ древніе законодатели подвергали ихъ единообразному всеобщему постановленію. Нынѣ большая часть воспитываются въ нѣдрахъ своего семейства, что явно противно духу народоправленія. Въ частномъ воспитаніи дитя, предоставленное потворству родственниковъ и рабовъ ихъ, почитаетъ себя отъ прочихъ отличеннымъ потому только, что отъ нихъ отдѣлено: въ воспитаніи общенародномъ соревнованіе болѣе распространяется, состоянія уравниваются или сближаются. Тамъ-то юноша вседневно научается, что единое достоинство и дарованія могутъ доставить истинное превосходство.

Гораздо легче разрѣшить сей вопросъ, нежели множество другихъ, о которыхъ вотще спорятъ философы. Вопрошается, болѣе ли потребно попеченій къ усовершенствованію разума, нежели къ образованію сердца? нужно ли внушать дѣтямъ одни только наставленія въ добродѣтели, а не наставленія, клонящіяся къ необходимостямъ и пріятностямъ жизни? до ка-

кой степени должно ихъ просвѣщать въ наукахъ и искуствахъ?

Аполлодоръ, не углубляяся въ таковыя розысканія, вознамѣрился не уклоняться отъ порядка воспитанія, установленнаго древними законодателями, которыхъ премудрое учрежденіе привлекаетъ отъ сосѣдственныхъ и отдаленныхъ странъ множество молодыхъ воспитанниковъ. Но онъ предоставилъ себѣ поправить злоупотребленіе онаго. Онъ посылалъ каждый день сына въ училища. Ибо законъ повелѣваетъ отворять оныя при возхожденіи, и затворять при захожденіи солнца каждодневно. Дядька провожалъ его туда поутру и приходилъ за нимъ каждый вечеръ.

Не рѣдко между наставниками, которымъ ввѣряютъ воспитаніе юныхъ Аѳинянъ, бываютъ люди отличнаго достоинства. Таковъ прежде былъ Дамонъ, обучавшій Сократа музыкѣ, а Перикла политикѣ. Таковъ былъ въ мое время и Филотимъ. Онъ посѣщалъ Платоново училище, и соединялъ въ себѣ познаніе въ художествахъ съ просвѣщеніемъ здраваго любомудрія. Аполлодоръ, который его весьма любилъ

достигъ до того, что онъ согласился раздѣлять съ нимъ труды при воспитанiи его сына.

Они положили, чтобы воспитанiе основано было на одномъ началѣ. Удовольствiе и огорченiе, сказалъ мнѣ нѣкогда Филотимъ, суть два обильные источника, изливаемые природою на человѣка, откуда онъ случайно почерпаетъ счастiе и несчастiе. Они суть два первыя чувствованiя, которыя мы въ дѣтствѣ нашемъ получаемъ и которыя въ зрѣломъ возрастѣ управляютъ всѣми нашими дѣянiями; но весьма опасно, чтобы таковые путеводители не вовлекли насъ въ свои заблужденiя. Надобно, чтобы Лизисъ заблаговременно научался имъ не довѣрять, чтобы онъ въ юныхъ лѣтахъ своихъ ни къ чему такому не привыкалъ, чего разсудокъ его когда либо не одобрилъ, и дабы такимъ образомъ примѣры, бесѣды, науки и тѣлесныя упражненiя, все споспѣшествовало къ тому, чтобы съ сего времени заставить его любить и ненавидѣть то, что онъ будетъ любить и ненавидѣть во всю свою жизнь.

Кругъ наукъ заключалъ въ себѣ музыку и гимнастику, т. е. все то, что от-

носится къ упражненіямъ разума и тѣла. Въ семъ случаѣ слово музыка принимается въ пространнѣйшемъ смыслѣ.

Познаніе изображенія и силы буквъ, чистое и свободное ихъ начертаніе, пристойное произношеніе и удареніе въ слогѣ, были первыя упражненія юнаго Лизиса. Каждый день ходилъ онъ къ учителю грамматики, котораго домъ находился близь храма Өисеева, въ многолюдной части города, и привлекалъ множество учениковъ. Въ каждой вечеръ разсказывалъ онъ своимъ родителямъ о своихъ успѣхахъ. Я самъ видалъ, какъ онъ, держа въ рукѣ трость скорописца или иглу, неоднократно повторялъ очертаніе буквъ, написанныхъ на дскѣ учителемъ. Ему совѣтовали точно наблюдать знаки препинанія прежде, нежели предпишутся ему о томъ правила. Онъ часто читалъ притчи Езоповы; часто говаривалъ выученные имъ наизусть стихи. Учители грамматики для изощренія памяти своихъ воспитанниковъ заставляютъ ихъ вытверживать мѣста изъ Омира, Исіода и лирическихъ стихотворцовъ. Сіе однако же, по словамъ философовъ, весьма противно пред-

мешу воспитанія по шому, что стихотворцы, присвоивая страсти богамъ, оправдываютъ оныя въ человѣкахъ: и дѣти прежде нежели узнаютъ, что шакое порокъ, уже къ оному привыкаютъ. По сему и избираютъ для нихъ сочиненія отмѣнныя, заключающія въ себѣ нравоученіе чистое, каковыя сочиненія доставлялъ Лизису его наставникъ. Къ онымъ присовокупилъ онъ послѣ изчисленіе войскъ, бывшихъ при осадѣ Трои, каковое находится въ Иліадѣ. Нѣкоторые законодатели предписали приучать дѣтей въ училищахъ, чтобы они читали Омира наизусть по тому, что въ немъ содержатся имена городовъ и древнѣйшихъ племенъ Греческихъ.

Сначала, когда Лизисъ говорилъ, читалъ или произносилъ какое нибудь сочиненіе, я удивлялся, съ какимъ тщаніемъ старались управлять его голосомъ иногда для того, чтобы въ наклоненіяхъ онаго было разнообразіе, а иногда, чтобы онъ на одномъ слогѣ останавливался, а другой выговаривалъ бы скорѣе. Филотимъ, коему я изъявилъ мое удивленіе, разсѣялъ оное, сказавъ слѣдующее:

Первые законодатели наши легко за-

ключили, что съ Греками должно было говоришь по воображенію, и что добродѣтель удобнѣе впечатлѣвалась чувствованіемъ, нежели правилами. Они возвѣстили намъ истинны, украшенныя прелестями стихотворства и музыки. Мы научились должностямъ нашимъ въ забавахъ дѣтства. Мы воспѣвали благодѣянія боговъ, доблесть ироевъ. Сила прельщеній умягчала наши нравы, и мы можемъ похвалиться, что сами Граціи образовать насъ старались.

Языкъ, нами употребляемый, кажется ихъ твореніемъ. Какая приятность! какое богатство! какое доброгласіе (гармонія). Онъ вѣрный истолкователь разума и сердца, и въ то самое время, когда по обилію и смѣлости выраженій своимъ почти достаточенъ къ изъясненію всѣхъ нашихъ понятій, умѣетъ въ случаѣ нужды покрывать ихъ яркими красками; и сладкогласіемъ своимъ (мелодіею) вливаетъ убѣжденіе въ души наши. Я не намѣренъ объяснять тебѣ сіе дѣйствіе; но хочу дать тебѣ почувствовать оное.

Мы замѣчаемъ въ семъ языкѣ три важнѣйшія свойства: звучность, переходъ голоса и теченіе.

Каждая буква, отдѣленно ли она или соединенно съ другою находится, производитъ звуки ; звуки сіи различаются мягкостію и грубостію, силою и слабостію, громкостію и тихостію. Я показалъ Лизису, которые изъ нихъ уху пріятны и кои противны. Я велю ему примѣчать, что звукъ явственный, полный и громкій болѣе производитъ дѣйствій, нежели звукъ издыхающій на губахъ или разсыпающійся на зубахъ; и что есть буква, которой частное повтореніе производитъ столь непріятное свистаніе, что нѣкоторые писатели строжайше изгнали ее изъ своихъ сочиненій.

Тебѣ удивителенъ кажется тотъ родъ сладкогласія, которое у насъ одушевляетъ не только произглашеніе, но даже и обыкновенные разговоры. Ты его найдешь почти у всѣхъ полуденныхъ народовъ. Ихъ языкъ, такъ какъ и нашъ, управляется силами (акцентами), свойственными каждому слову, и которыя придаютъ голосу перемѣны тѣмъ болѣе частыя, чѣмъ народы чувствительнѣе; а тѣмъ грубѣйшія, чѣмъ народы менѣе просвѣщены. Я даже думаю, что Греки въ древнія времена имѣли не только больше гортанныхъ

произношеній; но еще болѣе уклонялись въ составленіи звуковъ, нежели мы нынѣ. Какъ бы то ни было, у насъ голосъ возвышается и понижается иногда на разстояніе квинты, иногда на двухъ слогахъ или на одномъ. Часто голосъ протекаетъ меньшія пространства, иныя весьма примѣтныя, иныя едва ощутительныя или даже совсѣмъ непримѣтныя. Какъ въ письмѣ на каждомъ словѣ непремѣнно ставятся знаки ударенія, то Лизисъ безъ труда различаетъ, на которыхъ слогахъ должно понижать или возвышать голосъ; но какъ точная степень возвышенія или пониженія голоса не можетъ быть опредѣлена знаками, то я его заблаговременно приучаю къ измѣненію голоса, пристойнѣйшаго содержанію и обстоятельствамъ. Ты долженъ былъ примѣтить, что его произношеніе получаетъ день ото дня новыя пріятности, потому что становится правильнѣе и многообразнѣе.

Продолженіе слоговъ измѣряется нѣкоторымъ разстояніемъ времени. Одни произносятся съ большею или меньшею медленностію, другіе текутъ съ большею или меньшею быстротою. Соединивъ нѣсколь-

ко короткихъ слоговъ, ты какъ бы по неволѣ увлеченъ будешь быстротою выговора; положи на мѣсто ихъ долгїе слоги, тягость ихъ остановитъ тебя: смѣшай ихъ вмѣстѣ по соразмѣрности ихъ продолженія, ты увидишь, что слогъ твой будетъ повиноваться всѣмъ движеніямъ души твоей и образовать всѣ тѣ впечатлѣнія, кои я долженъ съ нею раздѣлять. Вотъ, что составляетъ риѳмъ и паденїе звука, котораго нарушить не льзя, не оскорбляя уха; и такимъ образомъ, отъ разнообразностей, которыя природа, страсти и искуство производятъ въ управленїи гососа, бываютъ звуки болѣе или менѣе приятные. болѣе или менѣе громкїе, болѣе или менѣе быстрые.

По мѣрѣ Лизисовыхъ успѣховъ въ ученїи я ему покажу, что лучшее средство для удачнаго совокупленія звуковъ есть то, чтобы ихъ между собою противополагать, по тому что противоположенїе, изъ коего произходитъ равновѣсїе, есть первый источникъ порядка и красоты во всей природѣ, а наипаче въ подражательныхъ искуствахъ. Я ему покажу, какимъ

удачнымъ уравненіемъ можно ихъ усиливать и ослаблять; къ утвержденію правилъ присовокуплю примѣры. Въ твореніяхъ Фукидида увидитъ онъ звучность важную, величавую, исполненную благородства, но по большей части лишенную пріятности; въ твореніяхъ Ксенофонтовыхъ безпрерывность согласныхъ звуковъ, которыхъ сладость и томная нѣжность изображаютъ внушающихъ его Грацій; въ Омировыхъ всегда расположеніе съ благоразуміемъ употребленное и разнообразное. Когда сей пѣснопѣвецъ говоритъ о Пенелопѣ, примѣть, какъ сладостные и блистательные звуки совокупляются для выраженія согласности и сіянія красоты. Надобно ли представить шумъ волнъ, о брега ударяющихся? выраженіе его протяженно и кажется испускаетъ ревъ. Намѣренъ ли онъ описать мученіе Сизифа, вѣчно трудящагося надъ втаскиваніемъ ужаснаго камня на верьхъ горы, съ которой онъ тотъ же мигъ паки низпадаетъ: слогъ его сперва течетъ медлѣнно, тяжело, томно, и потомъ вдругъ стремится и низвергается, аки быстрый потокъ. Такимъ-то образомъ

подъ перомъ сладкогласнѣйшаго изъ стихотворцевъ звуки дѣлаются красками, а картины истинною.

Мы не преподаемъ ученикамъ нашимъ иностранныхъ языковъ, по неуваженїю ли къ другимъ народамъ, или по тому, что не много остается имъ времени изучиться и своему. Лизисъ знаетъ свойство началъ, его составляющихъ. Его гибкїе органы легко выражаютъ и самыя малѣйшїя отличїя, которыя внимательное ухо замѣчаетъ въ природѣ звуковъ, въ ихъ продолженїи, въ разныхъ степеняхъ ихъ возвышенїя и напряженїя.

Таковыя изслѣдованїя, которыя еще не были помѣщены ни въ какомъ сочиненїи, можетъ быть кажутся маловажными: да и въ самомъ дѣлѣ были бы онѣ таковыми, естьлибы не заставляла насъ необходимость нравиться людямъ, для убѣжденїя ихъ, часто предпочитать слогъ мыслямъ и согласїе звуковъ выраженїю. Но они весьма необходимы въ такомъ правительствѣ, гдѣ даръ слова великое получаетъ преимущество отъ побочныхъ качествъ, съ нимъ соединенныхъ; они нужны особливо у такого народа, котораго разумъ весьма легкомысленъ, а чувства весьма

нѣжны; которой иногда прощаетъ витіи, что онъ противится его волѣ; но никогда не прощаетъ за то, когда оскорбляетъ его слухъ. Отъ того произходятъ невѣроятныя опытныя упражненія, которымъ подвергались нѣкоторые витіи для поправленія своего произношенія; отъ того произходитъ напряженіе для помѣщенія въ словахъ своихъ сладкозвучности паденія слоговъ, приготовляющихъ убѣжденіе; отъ того наконецъ произтекаютъ неизъяснимая приятность и восхитительная сладость, какую имѣетъ Греческой языкъ въ устахъ Аѳинянъ. Грамматика, когда смотрѣть на нее съ сей стороны, столько имѣетъ соотношенія съ музыкою, что обыкновенно одинъ наставникъ опредѣляется для обученія учениковъ своихъ началамъ и той и другой.

Я при другомъ случаѣ упомяну о разсужденіяхъ моихъ съ Филотимомъ о музыкѣ. Я нѣкогда присутствовалъ при урокахъ, ученику его имъ преподаваемыхъ. Лизисъ обучался пѣть со вкусомъ и въ то же время игралъ на лирѣ. Отъ него удалены были мусикійскія орудія, весьма силь-

но душу волнующія, или тѣ, которыя ее разслабляютъ. Свирѣль, возбуждающая и укрощающая попеременно страсти, была ему запрещена. Она недавно была любимымъ орудіемъ знаменитѣйшихъ Аѳинянъ. Алкивіадъ въ дѣтствѣ своемъ игралъ на оной; но какъ усилія, имъ дѣлаемыя для произведенія звуковъ, нарушали пріятность и стройность въ чертахъ его лица, то онъ свирѣль свою изломалъ въ мѣлкіе куски. Съ того времени Аѳинскіе юноши почли за неблагородное упражненіе играть на свирѣли и оставили ее музыкантамъ, дѣлающимъ себѣ изъ того ремесло.

Около сего времени я отправился въ Египетъ. До отъѣзда моего просилъ я Филотима написать продолженіе сего воспитанія и по его-то дневнымъ запискамъ я буду продолжать повѣствованіе онаго.

Лизисъ имѣлъ попеременно разныхъ учителей; онъ играючи учился правиламъ ариѳметики; потому что, желая облегчить изученіе оной пріучаютъ дѣтей иногда раздѣлять между собою, смотря по числу, въ какомъ они находятся, извѣстное количество яблоковъ, или даемыхъ имъ вѣнковъ;

иногда въ своихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ мѣняться мѣстами, по даннымъ разчисленіямъ такъ, чтобы одно и то же дитя занимало каждое мѣсто по очереди. Аполлодоръ не хотѣлъ, чтобы сынъ его зналъ ни о мнимыхъ свойствахъ, Пифагоровыми учениками приписываемыхъ числамъ, ни о употребленіи, каковое гнусное корыстолюбіе можетъ составить изъ вычисленія въ дѣлахъ торговыхъ. Онъ уважалъ ариѳметику, потому что сверхъ другихъ преимуществъ, она умножаетъ остроту разума и приуготовляетъ оный къ познанію геометріи и астрономіи.

Лизисъ получилъ понятіе о сихъ двухъ наукахъ. Съ помощію первой онъ могъ бы легче, ежели бы случилось ему быть предводителемъ войскъ, разположить лагерь, ускорить осаду, устроить ратниковъ въ боевой порядокъ и заставить ихъ имѣть быстрое движеніе во время похода или сраженія. Другая наука должна была его охранять отъ ужасовъ, производимыхъ затмѣніями и другими чрезвычайными явленіями, кои недавно рождали духъ унынія въ воинахъ.

Аполлодоръ нѣкогда пришедъ къ одному изъ наставниковъ своего сына, увидѣлъ тамо математическія орудія, сферы, глобусы и доски, на которыхъ начертаны были границы разныхъ государствъ и мѣстоположеніе знаменитѣйшихъ городовъ. Услышавъ, что сынъ его, говоря съ друзьями своими, часто упоминаетъ о помѣстьѣ принадлежащемъ его роду въ округѣ Кефисіи, онъ воспользовался симъ случаемъ для поданія ему такого же наставленія, какой нѣкогда Сократъ далъ Алкивіаду. Покажи мнѣ на чертежѣ, сказалъ онъ ему, Европу, Грецію, Аттику. Лизисъ удовлетворилъ сему вопросу; но послѣ того Аполлодоръ спросилъ у него, гдѣ лежитъ мѣстечко Кефисія, на что ему сынъ закраснѣвшись отвѣчалъ, что онаго не нашелъ; друзья его улыбнулись, и съ тѣхъ поръ пересталъ онъ говорить объ отцовскихъ помѣстьяхъ.

Онъ горѣлъ желаніемъ просвѣтиться; но Аполлодоръ не забывалъ правила нѣкоего царя Лакедемонскаго, чтобы дѣтей учить только тому, что послѣ можетъ быть имъ полезно, также помнилъ и то правило, что невѣжество предпочтительнѣе

множеству познанїй, безъ всякаго порядка разумъ наполняющихъ.

Въ то же самое время Лизисъ учился преплывать рѣки и укрощать коней. Танцованїе изправляло его выступку, и придавало приятность его движенїямъ. Онъ неопустительно ходилъ въ гимназїю Ликея. Дѣти начинаютъ тѣлесныя свои упражненїя съ самыхъ юныхъ лѣтъ иногда даже съ семи лѣтъ и продолжаютъ ихъ до двадцати лѣтъ своего возраста. Сперва приучаютъ ихъ сносить стужу, жаръ и всѣ воздушныя непогоды; потомъ играть мячами разной величины, перекидывая ихъ другъ къ другу. Сїя игра и другїя сему подобныя служатъ только предшествїемъ труднѣйшихъ подвиговъ, коимъ подвергаются они по мѣрѣ умноженїя силъ своихъ. Они бѣгаютъ по глубокому песку, мечутъ дротики, скачутъ черезъ рвы или назначенныя мѣста, держа въ рукахъ своихъ большїе куски свинца, кидая въ верьхъ или въ даль каменные или мѣдные кружки, они пробѣгаютъ въ тяжелыхъ доспѣхахъ единожды или нѣсколько разъ извѣстную часть стадїи.. Главное ихъ упражненїе суть

борьба, кулачный бой, и другія сраженія, о коихъ я упомяну, когда говорить стану объ Олимпійскихъ играхъ. Лизисъ, страстно имъ предавшійся, принужденъ былъ умѣрять къ нимъ охоту свою и предупреждать слѣдствія оныхъ упражненіями ума, къ которымъ родитель его непрестанно обращалъ.

Возвратясь домой по вечерамъ, то игралъ онъ на лирѣ припѣвая, то занимался рисованіемъ. Ибо нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вошло въ обыкновеніе обучать рисованію почти вездѣ дѣтей свободнаго состоянія. Часто онъ читалъ въ присутствіи своихъ родителей книги, служащія къ его наставленію или къ забавѣ. Аполлодоръ принялъ на себя должность тѣхъ грамматиковъ, которые подъ именемъ критиковъ, научаютъ разрѣшать темныя въ сочинителѣ мѣста. Эпихариса брала на себя должность разборчивой женщины, которая знаетъ цѣнить красоты въ сочиненіяхъ. Лизисъ нѣкогда спрашивалъ, почему судить можно о достоинствѣ какой либо книги? Аристотель, при томъ случившійся, отвѣчалъ:,,по тому, когда сочинитель

„сказалъ все то, что должно; когда сказалъ „только то, что должно и когда сказалъ „такъ, какъ должно.„

Родители его приучали къ той благородной вѣжливости, примѣръ которой подавали они сами. Желанїе нравиться, ловкость въ свѣтскомъ обращенїи, равность въ свойствѣ, вниманїе къ старшимъ, пристойность въ осанкѣ, въ одеждѣ, въ словахъ, въ поступкахъ, все было предписано безъ принужденїя и исполняемо безъ усилїя.

Отецъ часто бралъ его съ собою на звѣриную ловлю, потому что она представляетъ образъ войны; а иногда на птичью, но всегда на невоздѣланныя земли, чтобы не истребить надежды земледѣльца.

Съ малыхъ лѣтъ начали его водить въ ѳеатръ. Въ послѣдствїи времени отличался онъ пѣнїемъ и плясанїемъ въ хорахъ при торжественныхъ празднествахъ. Онъ блисталъ также при тѣхъ общественныхъ играхъ, гдѣ бывало конское ристанїе: тамъ онъ часто одерживалъ побѣду; но никто не видалъ, чтобы онъ по примѣру нѣкоторыхъ становился ногами на коня, бросалъ

дротики и проворствомъ своимъ выставлялъ себя на позорище народу.

Онъ учился нѣкоторое время управлять мечемъ, обучился военному искуству; но не ходилъ къ тѣмъ невѣжественнымъ наставникамъ, къ которымъ другїе юноши хаживали учиться, какъ предводительствовать войсками.

Всѣ разныя сїи упражненїя относились къ военному искуству. Но ежели онъ долженъ былъ защищать отечество свое, то равномѣрно обязанъ и просвѣщать оное. Логика, риторика, нравоученїе, исторїя, законовѣдѣнїе, политика, занимали его попеременно.

Наемные наставники преподаютъ сїи науки за весьма высокую цѣну. Сказываютъ, что одинъ Аѳинянинъ просилъ Аристиппа о довершенїи воспитанїя сына своего. Аристиппъ потребовалъ за то тысячу драхмъ; но отецъ отвѣчалъ:,, за таковыя деньги могу купить раба. Такъ ты будешь имѣть двухъ рабовъ, отвѣчалъ мудрецъ, вопервыхъ сына своего, а потомъ раба, котораго ты къ нему приставишь.

Прежде хитрословы толпами въ здѣш-

ній городъ приходили. Они приучали молодыхъ Аѳинянъ говорить о всѣхъ предметахъ поверхностно. Хотя нынѣ число ихъ и уменшилось, однако же иногда встрѣчаются они окруженные своими учениками, и наполняютъ храмины училищъ своимъ крикомъ и спорами. Лизисъ рѣдко присутствовалъ при сихъ словопрѣніяхъ. Просвѣщеннѣйшіе учители преподавали ему наставленія, а мужи превосходныхъ дарованій давали ему совѣты. То были Платонъ, Исократъ и Аристотель, друзья Аполлодоровы.

Логика разсудку его придала новыя силы, а риторика новыя прелести. Но ему предварительно сказано было, что обѣ сіи науки, долженствующія способствовать торжеству истинны, часто содѣлываютъ и ложь торжествующею. Какъ витія не долженъ пренебрегать внѣшними качествами, то и былъ онъ препорученъ на нѣкоторое время искусному лицедѣю, который имѣлъ попеченіе выправить его голосъ и тѣлодвиженія.

Изъ Греческой исторіи усмотрѣлъ онъ и ошибки и притязанія обитающихъ въ Грецiи народовъ. Онъ посвятилъ себя судебному краснорѣчію, дабы по примѣру Ѳеми-

стокла и другихъ великихъ мужей, могъ на судѣ защищать невинность.

Главнѣйшій предметъ воспитанія есть образованіе сердца. Во время продолженія онаго, родители, наставникъ или дядька, учители и слуги твердятъ ему общія правила нравственности, силу которыхъ сами они ослабляютъ своими примѣрами. Часто даже угрозы и наказанія, неблагоразумно употребляемыя, производятъ въ немъ отвращеніе къ истиннамъ, которыя любить онъ долженъ. Но Лизису ученіе нравственности не стоило слезъ. Отецъ приставилъ къ нему людей, которые научали его своимъ поведеніемъ, а нескучными выговорами. Во время его дѣтства, онъ напоминалъ ему о его проступкахъ съ кротостію; а въ зрѣлыхъ лѣтахъ его, онъ показывалъ ему, что проступки сіи противны его пользѣ.

Аполлодоръ былъ весьма разборчивъ въ книгахъ нравоучительныхъ, по тому что сочинители оныхъ по большей части не очень тверды въ своихъ правилахъ, или имѣютъ ложныя понятія о нашихъ должностяхъ. Однажды Исократъ читалъ намъ письмо, имъ писанное нѣкогда къ Де-

монику, нѣкоему молодому человѣку, жившему при дворѣ царя Кипрскаго. Письмо сіе исполненное разума, но обремененное противуположеніями, содержало наставленія нравоучительныя, предложенныя въ видѣ правилъ и относительныя къ разнымъ обстоятельствамъ жизни. Я приведу изъ онаго нѣкоторыя мѣста.

„Будь къ своимъ родителямъ таковъ, „каковыми ты хочешь, чтобы были дѣти „твои къ тебѣ самому. Въ самыхъ тайныхъ твоихъ дѣлахъ воображай, что имѣешь цѣлую вселенную свидѣтелемъ. Не „надѣйся, что предосудительныя дѣла могутъ остаться въ неизвѣстности; ты „можешь иногда ихъ скрыть отъ другихъ, „но никогда отъ самого себя. Употребляй „свободное время свое на слышаніе бесѣды „мудраго. Разсуждай медлительно; исполняй скоро. Помогай несчастной добродѣтели: благодѣянія разумно изливаемыя суть „сокровища честнаго человѣка. Когда ты „будешь имѣть важную должность, то не „держи при себѣ людей безчестныхъ; оставляя же должность, оставляй ее съ большею „славою, нежели богатствомъ.

Сочиненіе сіе было писано съ тою чистотою и плодовитостію, каковыя замѣчаются и во всѣхъ Исократовыхъ твореніяхъ. Сочинителю приписывали похвалы; и когда онъ вышелъ, Аполлодоръ сказалъ своему сыну: Я примѣтилъ, какое удовольствіе произвело въ тебѣ читанное. Я сему и не удивляюсь; оно возбудило чувствованія, сердцу твоему неоцѣненныя; пріятно находить вездѣ своихъ друзей. Но имѣлъ ли ты вниманіе на то самое мѣсто, о которомъ я просилъ его еще прочесть и въ которомъ предписывается Демонику, какимъ образомъ долженъ онъ себя вести при дворѣ Кипрскомъ. Я знаю его наизусть, отвѣчалъ Лизисъ. „ Соображайся со склонностями государя. Когда ты будешь одобрять оныя, то отъ него получишь больше довѣрія, а отъ народа больше уваженія. Покорствуй его законамъ, а примѣръ его почитай первымъ закономъ." Какое странное наставленіе въ устахъ республиканца, сказалъ Аполлодоръ! какъ согласить его съ тѣмъ совѣтомъ, какой подаетъ сочинитель Демонику, гнушаться льстецами? не происходитъ ли сіе отъ того, что

Исократъ преподаетъ ученіе о нравственности чужое, и говоритъ объ оной больше какъ витія, нежели мудрецъ. Впрочемъ можно ли такими неопредѣлительными правилами просвѣщать разумъ? Думаешь ли ты, чтобъ Демоникъ былъ въ состояніи уразумѣть слова: мудрость, правосудіе трезвость, честность и множество другихъ, которыя во время сего чтенія часто поражали слухъ твой, слова о которыхъ многіе мыслятъ, что довольно ихъ помнить и употреблять безъ всякаго вниманія. Ты самъ понимаешь ли ихъ во всей точности? Знаешь ли, что бо́льшая опасность отъ предъубѣжденій и пороковъ состоитъ въ томъ, что онѣ скрываются подъ личиною истинны и добродѣтели и что весьма трудно послѣдовать гласу вѣрнаго руководителя, когда оный заглушается гласомъ толпы обманщиковъ, наряду съ нимъ идущихъ и подражающихъ его произношенію.

До сего времени никакого не дѣлалъ я усилія для утвержденія тебя въ добродѣтели; я только заставлялъ тебя исполнять ее на самомъ дѣлѣ. Надобно было раз-

положить душу твою такъ, какъ приуготовляется земля, прежде нежели ввѣрены будутъ ей сѣмена для ея обогащенія.

Теперь ты долженъ спросить отъ меня отчета въ тѣхъ пожертвованіяхъ, какихъ я иногда требовалъ отъ тебя, и привести себя въ состояніе оправдать твои будущія произвольныя пожертвованія.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, Аристотель, изъ угожденія, принесъ разныя свои творенія, изъ коихъ однимъ сдѣлано только начертаніе, а другія кончены, и изъ которыхъ большая часть относится къ нравственности. Онъ ихъ объяснялъ при чтеніи. Я постараюся предложить его правила вкратцѣ:

Всякой родъ жизни, всякое наше дѣяніе должны клониться къ особенному концу и всякой конецъ къ общей цѣли, которая есть благополучіе. Мы ошибаемся не въ избраніи конца, но въ избраніи средствъ къ достиженію онаго. Коликократно, честь, богатство, могущество, красота были для насъ паче бѣдственны, нежели полезны. Коликократно самый опытъ научалъ насъ, что болѣзнь и нищета сами по себѣ не-

вредны. Итакъ по ложному понятію, которое мы имѣемъ о благѣ и злѣ, и столько же по непостоянству нашей воли, мы всегда почти дѣйствуемъ, не зная точно, чего должно желать и чего опасаться.

Искуство различать истинное добро отъ мнимаго составляетъ предметъ нравственности, которая по несчастію несто̀лько дѣйствуетъ, сколько науки основанныя на умозрѣніи. Въ сихъ послѣднихъ разумъ видитъ слѣдствія, произтекающія изъ ихъ началъ. Но разумъ, когда надобно дѣйствовать, долженъ колебаться, разсуждать, избирать, а паче остерегаться обольщеній, извнѣ приходящихъ и раждающихся во глубинѣ нашихъ сердецъ. Хочешь ли увѣриться въ справедливости его сужденій, войди въ самого себя и разсмотри точно твои страсти, пороки и добродѣтели.

Душа, сіе начало, которое кромѣ другихъ способностей, имѣетъ способность познавать, соображать, разсуждать, чувствовать, желать и бояться; душа, можетъ быть, сама въ себѣ не раздѣлимая, въ отношеніи къ разнымъ ея дѣйствіямъ раз-

дѣляется какъ бы на двѣ главныя части: одна обладаетъ разсудкомъ и качествами ума, другая должна быть подъ управленіемъ первой, и есть вмѣстилище нравственныхъ качествъ.

Къ первой принадлежатъ разумѣніе, мудрость и знаніе, которыя занимаются предметами умственными и неизмѣняемыми; благоразуміе, сужденіе и мнѣніе, которыхъ предметы принадлежатъ чувствамъ и безпрестанно перемѣняются; острота, память и другія качества, о которыхъ я умалчиваю.

Разумѣніе, какъ простое понятіе души, ограничивается созерцаніемъ сущности и вѣчныхъ началъ вещей; мудрость не только разсуждаетъ о началахъ, но такъ же и о послѣдствіяхъ, которыя отъ нихъ проистекаютъ; она дѣйствуетъ совокупно съ разумѣніемъ, которое созерцаетъ, и со знаніемъ, которое доказываетъ. Благоразуміе разсматриваетъ и соображаетъ благо и зло, медленно разсуждаетъ и преклоняетъ насъ къ выбору сообразнѣйшему съ истинною пользою нашею. Когда оно, при достаточныхъ доказательствахъ къ убѣжденію на-

шему не имѣетъ столько силы, чтобы заставить насъ дѣйствовать; то оно не иное что есть, какъ здравое сужденїе. Наконецъ мнѣнїе объято бываетъ различными сомнѣнїями и часто вовлекаетъ насъ въ заблужденїе.

Превосходнѣйшая изъ всѣхъ душевныхъ способностей есть мудрость, а полезнѣйшая благоразумїе. Какъ ничего въ мїрѣ нѣтъ величественнѣе самаго мїра, то мудрецы, возходящїе умомъ до его начала и разсуждающїе о неизмѣняемой сущности бытїй, занимаютъ первую степень въ уваженїи нашемъ. Таковы были Анаксагоръ и Ѳалесъ. Они предали намъ удивительныя и высокїя понятїя, но безполезныя къ благополучїю нашему. Ибо мудрость не прямо дѣйствуетъ на нравственность. Она вся заключается въ умозрѣнїи, а благоразумїе въ самомъ дѣйствїи.

Ты видишь, что хозяинъ въ своемъ домѣ разныя мѣлочи предоставляетъ домашнему управленїю вѣрнаго приставника, а самъ занимается важнѣйшими дѣлами; такъ мудрость, погруженная въ свои глубокїя размышленїя, возлагаетъ на благора-

зумïе попеченïе разполагать нашими склонностями и управлять тою частïю души. въ которой, какъ я сказалъ, находятся нравственныя качества.

Часть сïя ежеминутно обуреваема бываетъ любовïю, ненавистïю, гнѣвомъ, желанïемъ, страхомъ, завистïю и множествомъ другихъ страстей, которыхъ сѣмена раждаются купно съ нами, и которыя сами по себѣ ни похвальны, ни порицанïя достойны. Ихъ движенïя, направляемыя прелестïю удовольствïя или страхомъ горести, всегда почти неправильны и бѣдственны. И такъ недостатокъ или излишество въ тѣлесномъ упражненïи истощаетъ силы тѣлесныя, а умѣренное упражненïе возстановляетъ оныя; такъ точно и движенïе страстей слишкомъ сильное, или слишкомъ слабое, завлекаетъ душу въ разныя стороны отъ той цѣли, которую она должна себѣ предполагать; а порядочное движенïе ведетъ ее прямо къ оной. Слѣдовательно средняя точка между двухъ противуположныхъ порочныхъ склонностей опредѣляетъ мѣсто добродѣтели. Напримѣръ: трусость боится всего и погрѣшаетъ отъ недостатку; дерзость ничего не

боится и погрѣшаетъ отъ излишества, храбрость, въ срединѣ ихъ находящаяся, боится только тогда, когда должно. Посему страсти одного рода производятъ въ насъ три различныя склонности: двѣ порочныхъ и одну добродѣтельную. Посему нравственныя добродѣтели происходятъ въ нѣдрахъ страстей или яснѣе сказать, они не иное что какъ страсти, заключенныя въ надлежащихъ предѣлахъ.

Тогда Аристотель показалъ намъ слова, въ три столбца размѣщенныя, на которыхъ большая часть добродѣтелей были помѣщены между двумя своими крайностями. Я сберегъ изъ оной выписку для Лизиса.

Излишество.	*средина.*	*недостатокъ, или другая крайность.*
Дерзость,	Храбрость,	Страхъ.
Невоздержаніе	Воздержаніе,	Нечувствительность.
Расточительность,	Щедрость,	Скупость.
Пышность,	Великолѣпіе,	Нищета.
.	Великодушіе,	Подлость.
Безчувственность,	Кротость,	Гнѣвъ.
Самохвальство,	Правда,	Притворство.
Шутство,	Веселость,	Грубость.

Лесть,	Дружба,	Ненависть.
Застѣнчивость,	Скромность,	Нахальство.
Зависть,		. . . . . .
Хитрость,	Благоразуміе,	Простота, и пр.

Такимъ образомъ щедрость поставлена между скупостію и расточительностію; дружба между ненавистію или отвращеніемъ и между угожденіемъ или ласкательствомъ; а какъ благоразуміе по существу своему принадлежитъ къ душѣ разумной, по дѣйствіямъ же своимъ къ душѣ неразумной, то подлѣ его означены съ одной стороны хитрость, которая есть порокъ сердца; а съ другой простота, которая есть недостатокъ разума.

Воздержаніе противуполагается невоздержности, которая есть превышеніе мѣры; для другой его крайности выбрана нечувствительность по тому, сказалъ намъ Аристотель, что въ удовольствіяхъ никогда не погрѣшаютъ по недостатку, развѣ отъ нечувствительности. Вы видите, продолжалъ онъ, въ сихъ столбцахъ нѣсколько пустыхъ мѣстъ, по той причинѣ, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ довольно словъ для изъясненія всѣхъ душевныхъ страстей; нѣтъ въ немъ напри-

мѣрЪ для выраженія добродѣтели противной пороку зависти, однако она удобно познается по тому негодованію, которое возбуждаютЪ вЪ честной душѣ успѣхи людей злыхЪ.

КакЪ бы то ни было, два порока, соотвѣтствующіе одной добродѣтели, могутЪ болѣе или менѣе быть отдалены отЪ оной, не преставая быть достойными порицанія. Можно быть болѣе или менѣе боязливымЪ, болѣе или менѣе расточительнымЪ: но однимЪ только образомЪ можно быть совершенно мужественнымЪ или щедрымЪ. По сему-то у насЪ мало словЪ для означенія каждой добродѣтели, а весьма много для означенія каждаго порока. По сему-то послѣдователи Пиѳагоровы говорятЪ, что зло причастно свойству неограниченнаго, а добро свойству ограниченнаго.

Но кто же отличитЪ сіе почти неощущаемое благо посреди золЪ, его окружающихЪ? благоразуміе, которое иногда я буду называть здравымЪ разсудкомЪ; по тому что оно кЪ природному просвѣщенію разума присовокупляя свѣденія, опытомЪ

приобрѣтаемыя, исправляетъ однѣ другими. Благоразуміе должно показывать ему стезю, по которой надлежитъ шествовать и удерживать сколько возможно тѣ изъ страстей нашихъ, которыя совратили бы насъ въ противную сторону, по тому что оно имѣетъ право повелѣвать ими. Оно въ разсужденіи ихъ то же, что зодчій для работающихъ подъ его смотрѣніемъ.

Благоразуміе во всякомъ случаѣ разсуждаетъ о томъ, какого блага искать мы должны, блага, которое познать трудно и которое должно относиться не только къ намъ, но и къ нашимъ родственникамъ, друзьямъ и согражданамъ. За таковымъ сужденіемъ долженъ послѣдовать добровольный выборъ, въ противномъ же случаѣ оный выборъ былъ бы только достоинъ снисхожденія или сожалѣнія. Выборъ бываетъ произволенъ только тогда, когда внѣшняя сила не принуждаетъ насъ противъ воли нашей дѣйствовать, или когда мы не увлечены извинительнымъ невѣжествомъ. И такъ дѣянію, имѣющему предметомъ своимъ честность, должно предшествовать разсужденіе и выборъ, чтобы то могло,

собственно говоря, быть дѣянїемъ добродѣтели, и сїе дѣянїе отъ частаго повторенїя составляетъ въ душѣ нашей навыкъ, которой я называю добродѣтелїю.

Мы теперь въ состоянїи различить то, что въ насъ производитъ природа, отъ того, что здравый разсудокъ присоединяетъ къ ея произведенїю. Природа не даетъ намъ никакой добродѣтели, и ни въ одной изъ нихъ не отказываетъ; она только даруетъ намъ способности, коихъ употребленїе предоставляетъ произволенїю нашему. Посѣявъ въ сердцахъ нашихъ сѣмена всѣхъ страстей, впечатлѣла она въ нихъ и начала всѣхъ добродѣтелей. Слѣдственно при самомъ рожденїи нашемъ получаемъ большую или меньшую способность болѣе сдѣлаться добродѣтельными, большую или меньшую склонность ко всему честному. Отъ сего происходитъ существенная разность между тѣмъ, что мы называемъ иногда добродѣтелїю врожденною, и тѣмъ, что собственно называется добродѣтелью. Первая изъ нихъ есть та самая способность и та самая склонность, о коихъ я ужѣ говорилъ; родъ естественнаго по-

бужденія, которое, не бывъ еще озаряемо здравымъ разсудкомъ, устремляется иногда ко благу, иногда ко злу. Вторая есть то же самое побужденіе, постоянно направляемое здравымъ разсудкомъ ко благу и всегда дѣйствующее по свѣденію, по выбору и неослабно.

Изъ сего заключаю, что добродѣтель есть навыкъ, сперва благоразуміемъ произведенный, а потомъ имъ управляемый; или она есть естественное побужденіе ко всему честному, превращаемое благоразуміемъ въ навыкъ.

Изъ сихъ понятій проистекаютъ многія послѣдствія. Въ нашей власти состоитъ быть добродѣтельными, потому что всѣ мы имѣемъ способность сдѣлаться таковыми, но не отъ насъ зависитъ быть всѣхъ добродѣтельнѣе, ежели мы не получимъ отъ природы потребнаго къ сему совершенству расположенія.

Какъ благоразуміе производитъ въ насъ навыки добродѣтели, то и всѣ прочія добродѣтели суть его твореніе; изъ чего слѣдуетъ, что въ душѣ, всегда покорствующей его внушеніямъ, нѣтъ добродѣтели, которая не занимала бы собственнаго ей

мѣста, и нѣтъ такой, которая была бы противуположна одна другой. Въ нихъ должно существовать совершенное согласїе между разсудкомъ и страстями, потому что первый повелѣваетъ, а другїя повинуются.

Но чѣмъ ты удостовѣришься въ такомъ ихъ согласїи? по чему ты можешь ласкаться, что въ тебѣ есть такая-то добродѣтель? --- Сперва по внутреннему ощущенїю; потомъ по удовольствїю или неприятности, которыя ты отъ нихъ чувствовать будешь. Ежели добродѣтель сїя еще несовершенна, то требуемыя ею отъ тебя пожертвованїя будутъ огорчительны; ежели она совершенна, то оныя преисполнятъ тебя чистою радостїю; ибо добродѣтель имѣетъ свое услажденїе.

Дѣти не могутъ быть добродѣтельными; ибо они не могутъ ни познавать, ни избирать истиннаго своего блага. Однако же какъ необходимо нужно питать въ нихъ склонность къ добродѣтели, то надлежитъ упражнять ихъ въ добрыхъ дѣлахъ.

Поелику благоразумїе руководствуется всегда честными побужденїями, и каждая

добродѣтель требуетъ всегдашняго постоянства; то многія дѣянія, которыя кажутся быть достойными похвалы, теряютъ цѣну свою, какъ скоро открывается начало ихъ. Иные подвергаютъ себя опасности въ надеждѣ получить великія выгоды, а другіе боясь порицанія; и потому они не суть мужественны. Лиши первыхъ честолюбія, а другихъ стыда, то можетъ быть они явятся боязливѣйшими изъ смертныхъ.

Не приписывай сего имени тому человѣку, которой возбуждается мщеніемъ. Онъ есть вепрь, кидающійся на копіе, его поразившее. Не приписывай его тѣмъ, которые бываютъ волнуемы страстями буйными, и у которыхъ храбрость вмѣстѣ съ ними воспламеняется и погасаетъ. Итакъ кто же храбрый человѣкъ? — Тотъ, кто побуждается намѣреніемъ честнымъ и управляется здравымъ разсудкомъ, познаетъ опасность, боится оной, и однако же въ нее ввергается.

Аристотель тѣ же самыя правила предписывалъ правосудію, воздержанію и другимъ добродѣтелямъ. Онъ всѣ ихъ особенно разбиралъ и дѣлалъ имъ подраздѣленія, опредѣляя пространства и предѣлы

ихЪ владычества; ибо онЪ толковалЪ намЪ какимЪ образомЪ, вЪ какихЪ обстоятельствахЪ и на какіе предметы каждая изЪ нихЪ должна была дѣйствовать или не дѣйствовать. ОнЪ объяснилЪ многіе вопросы о существѣ нашихЪ должностей, вЪ которыхЪ и понынѣ несогласны философы. Сіи подробности, которыя вЪ сочиненіяхЪ его только лишь упомянуты, и о которыхЪ я здѣсь распространяться не могу, привели его кЪ показанію побужденій, долженствующихЪ привязать насЪ нерушимыми узами кЪ добродѣтели.

РазсмотримЪ оную, сказалЪ онЪ намЪ нѣкогда, вЪ отношеніяхЪ ея и кЪ намЪ и кЪ другимЪ. Сладостно добродѣтельному человѣку жить и обходиться сЪ самимЪ собою. Ты не найдешь вЪ душѣ его ни угрызенія совѣсти, ни возмущеній, волнующихЪ человѣка порочнаго. ОнЪ счастливЪ воспоминаніемЪ сдѣланнаго имЪ блага и надеждою того, которое впредь сдѣлать можетЪ. ОнЪ наслаждается собственнымЪ своимЪ почтеніемЪ, приобрѣтая оное отЪ другихЪ; кажется, онЪ для другихЪ только и дѣйствуетЪ; онЪ даже уступитЪ имЪ знатнѣйшія должности, ежели

удостовѣрится, что они лучше его могутъ отправлять оныя. Вся жизнь его въ дѣйствіи, и всѣ дѣйствія его проистекаютъ отъ какой нибудь особенной добродѣтели. Итакъ онъ вкушаетъ блаженство, которое не иное что есть, какъ непрерывная цѣпь дѣяній сообразныхъ съ добродѣтелію.

Я теперь говорю о блаженствѣ свойственномъ жизни дѣятельной и посвященной должностямъ общежитія; но есть еще иное блаженство превосходнѣйшей степени, изключительно предоставленное малому числу мудрыхъ, которые, удаляся отъ дѣлъ, съ заботами и безпокойствомъ сопряженныхъ, провождаютъ жизнь въ умозрѣніи. Они свергнувъ все то, что мы ни имѣемъ смертнаго, и слыша только издалека ропотъ страстей, находятъ въ душѣ своей миръ и безмолвіе, кромѣ той части души, которая имѣетъ право повелѣвать части божественной, которую мы назовемъ разумѣніемъ или другимъ какимъ именемъ, части безпрестанно упражненной размышленіемъ о естествѣ божескомъ и о свойствѣ существъ. Тѣ, кои внемлютъ только ея гласу, преимущественно любезны Божеству;

ибо, ежели то правда, какъ все насъ въ томъ увѣряетъ, что оно печется о вещахъ человѣческихъ, то какимъ окомъ должно оно взирать на тѣхъ, кои по его примѣру поставляютъ блаженство свое только въ созерцанїи вѣчныхъ истиннъ?

Въ разговорахъ, бывшихъ при Лизисѣ, Исократъ услаждалъ его слухъ, Аристотель просвѣщалъ его разумъ, а Платонъ воспламенялъ его душу. Сей послѣднїй иногда изъяснялъ ему ученїе Сократово, иногда толковалъ начертанїе своей республики, иногда же давалъ ему чувствовать, что нѣтъ нигдѣ возвышенїя истиннаго духа, совершенной независимости, какъ только въ душѣ добродѣтельной. Онъ еще чаще показывалъ ему подробно, что истинное блаженство состоитъ въ разумѣнїи верховнаго блага, которое не иное что, камъ самъ Богъ. Итакъ, когда другїе философы назначаютъ въ награду добродѣтели всенародное почтенїе и преходящее счастїе настоящей жизни, Платонъ представлялъ благороднѣйшее подкрѣпленїе.

Добродѣтель, говорилъ онъ, происходитъ отъ Бога; ты не можешь иначе ее приобрѣсти, какъ чрезъ познанїе самого себя

чрезъ снисканіе мудрости, чрезъ предпочтеніе самого себя тому, что тебѣ принадлежитъ. Внимай мнѣ, Лизисъ! Твое тѣло, красота, богатство принадлежатъ тебѣ, но все это не ты. Весь человѣкъ состоитъ въ душѣ своей. Для познанія того, что онъ есть и что дѣлать долженъ, надобно, чтобы онъ обратилъ вниманіе свое на то, что называется разумѣніемъ, на ту часть души, гдѣ блистаетъ лучъ божественной премудрости: свѣтъ чистый, который нечувствительно возведетъ очи его къ тому источнику, отъ коего она проистекаетъ. Когда взоры его до онаго достигнутъ и когда онъ узритъ вѣчный образъ всѣхъ совершенствъ, тогда восчувствуетъ, что величайшая его польза заключается во впечатлѣніи оныхъ въ самомъ себѣ, и въ томъ, чтобы онъ уподоблялся Божеству по крайней мѣрѣ столько, сколько слабый списокъ можетъ приближиться къ прекраснѣйшему образцу. Богъ есть мѣра каждой вещи. Нѣтъ ничего въ мірѣ ни благаго, ни почтеннаго кромѣ того, что имѣетъ съ Божествомъ нѣкоторую сообразность. Богъ есть всепремудръ, всесвятъ, всеправеденъ. Быть исполнену премудрости, правосудія и

святости, есть единое средство ему уподобиться и благоугодить.

Призванъ будучи на сїю вышнюю череду, помѣсти себя между тѣми, кои, какъ говорятъ мудрецы, соединяютъ добродѣтелями своими небеса съ землею, боговъ съ человѣками. Да представляетъ жизнь твоя счастливѣйшїй для тебя самого порядокъ, прекраснѣйшее зрѣлище для другихъ, а именно: зрѣлище души, въ которой всѣ добродѣтели въ совершеннѣйшемъ согласїи.

Я часто тебѣ говорилъ о послѣдствїяхъ, изъ оныхъ истиннъ истекающихъ, которыя между собою связаны, ежели смѣю такъ сказать, причинами желѣзными и адамантовыми; но прежде нежели кончу, долженъ я тебѣ напомянуть, что порокъ, кромѣ того, что унижаетъ душу нашу, рано или поздно предается достойной казни.

Богъ, какъ то прежде насъ извѣстно, обтекаетъ вселенную, держа въ десницѣ своей начало, средину и конецъ всѣхъ существъ. Правосудїе слѣдуетъ за нимъ и готово наказывать за содѣянныя оскор-

бленія божественному закону. Кроткій и смиренный человѣкъ находитъ благополучіе свое въ послѣдованіи сему закону. Человѣкъ суетный отъ него удаляется и Богъ предаетъ его страстямъ. Нѣкоторое время онъ кажется быть нѣчто въ глазахъ народа; но вскорѣ месть разитъ его, и ежели она щадитъ въ семъ мірѣ, то съ большею яростію постигаетъ въ другомъ. Итакъ не въ нѣдрахъ почестей, ни во мнѣніяхъ человѣческихъ, должны мы искать отличія; но предъ страшнымъ тѣмъ судилищемъ, на которомъ будутъ насъ судить по смерти нашей.

Лизису минуло 17 лѣтъ; душа его исполнена была страстей; воображеніе его было блистательно и остроумно; онъ изъяснялся свободно и пріятно. Его друзья безпрестанно дарованія сіи выхваляли, и давали ему знать какъ примѣрами, такъ и шутками, въ какомъ принужденіи онъ жилъ до сего времени. Филотимъ ему нѣкогда сказалъ: за молодыми людьми прежде гораздо строжѣе присматривали, нежели нынѣ. Въ самую суровую погоду носили они легкую одежду, и голодъ, ихъ тер-

завшїй, утоляли простою пищею. На улицахъ, въ домахъ учителей и родственниковъ являлись они съ потупленными взорами и смиреннымъ видомъ; они не смѣли говорить ни слова въ присутствїи людей престарѣлыхъ, и столько ихъ приучали къ благопристойности, что сидя стыдились положить одну ногу на другую. Что же происходило отъ сей грубости нравовъ, вопрошалъ Лизисъ? — Сїи грубые люди, отвѣтствовалъ Филотимъ, и побѣдили Персовъ и спасли Грецїю. — Мы бы и теперь ихъ побѣдили. — Сомнѣваюсь, когда во время празднества Минервы смотрю на юношество наше, съ трудомъ держащее щитъ, а въ воинскихъ пляскахъ показывающее толикое щегольство и нѣгу.

Потомъ Филотимъ спросилъ у него, что онъ думаетъ о такомъ юношѣ, который въ одеждѣ и въ словахъ не наблюдаетъ никакого уваженїя къ общежитїю. — Всѣ его сверстники похваляютъ сїе, сказалъ Лизисъ; а всѣ благоразумные люди осуждаютъ его, отвѣчалъ Филотимъ. — Но, продолжалъ Лизисъ, подъ сими благоразумными особами не разумѣешь ли ты тѣхъ стариковъ,

которые знаютъ только свои древніе обычаи, и кои не имѣя снисхожденія къ нашимъ слабостямъ, хотятъ, чтобы мы раждались 80^ти^ лѣтними? Они думаютъ такъ, а внуки ихъ иначе. Кто жъ будетъ ихъ судіею? Ты самъ, сказалъ Филотимъ. Не упоминая здѣсь о правилахъ должнаго почтенія и любви къ виновникамъ нашей жизни, предполагаю, что ты долженъ путешествовать въ дальнія страны: изберешь ли ты дорогу, не узнавъ прежде, удобна ли она къ путешествію, не лежитъ ли она чрезъ пространныя степи, не ведетъ ли къ народамъ варварскимъ, и не находятся ли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разбойники? — Безразсудно было бы вдаваться въ таковыя опасности. Я бы взялъ проводника. — Теперь представь себѣ, Лизисъ, что старики уже достигли до конца поприща толь труднаго и опаснаго. - - Понимаю тебя, сказалъ Лизисъ; стыжусь моего заблужденія.

Однако же успѣхи народныхъ ораторовъ воспламеняли его честолюбіе. Нечаянно услышавъ въ Лицеѣ нѣкоторыхъ софистовъ, пространно разсуждающихъ о

политикѣ, онъ возмечталъ, что былъ самъ въ состоянїи просвѣщать Аѳинянъ. Онъ съ жаромъ порицалъ настоящее правительство; ожидалъ, какъ и всѣ его сверстники съ большею нетерпѣливостїю того времени, въ которое ему позволено будетъ вступить на ораторское мѣсто. Родитель въ немъ истребилъ сїю мечту такъ, какъ Сократъ въ меньшемъ братѣ Платоновомъ.

Любезный сынъ, сказалъ онъ ему, я слышу, что ты ревнуешь чести достигнуть до верховнаго правительства. — Я въ самомъ дѣлѣ о томъ помышляю, отвѣчалъ Лизисъ съ трепетомъ. — Намѣренїе прекрасное! Ежели оно удастся, ты будешь полезенъ родственникамъ, друзьямъ и отечеству твоему: слава твоя распространится не только между нами, но и по всей Грецїи, а можетъ быть, по примѣру славы Ѳемистокловой, и у народовъ варварскихъ.

При сихъ словахъ юноша затрепеталъ отъ радости. И для полученїя сей славы, повторилъ Аполлодоръ, не должно ли оказать важнѣйшихъ услугъ республикѣ? — Безъ сомнѣнїя. — Какое же она первое отъ тебя получитъ благодѣянїе? Лизисъ за-

молчалъ для изготовленія отвѣта. По нѣкоторомъ молчаніи Аполлодоръ продолжалъ: когда бы надобно было возставить домъ друга твоего, ты бы прежде всего помышлялъ, какъ бы его обогатить; такимъ же образомъ ты приложишь попеченіе о умноженіи государственныхъ доходовъ. — Такъ и я думаю. — Скажи мнѣ, какъ велики доходы наши, откуда они проистекаютъ, какія отрасли по соображенію твоему удобны къ ихъ приращенію, и тѣ, кои совершенно были въ небреженіи? Безъ сомнѣнія ты о томъ разсуждалъ? Нѣтъ, родитель мой, никогда. — По крайней мѣрѣ ты знаешь, на что употребляется народная казна; и безъ сомнѣнія ты намѣрѣнъ уменшить безполезныя издержки? — Признаюсь, что я ни тѣмъ, ни другимъ не занимался. — Итакъ, когда мы не знаемъ ни о доходѣ, ни о расходѣ, отложимъ на сіе время намѣреніе доставлять новые республикѣ доходы. — Но, родитель мой, можно ихъ получить отъ неприятеля. — Согласенъ: но сіе зависѣть будетъ отъ побѣды, тобою надъ нимъ одержанной; а для одержанія побѣды, не должно ли прежде,

нежели рѣшишься ты на войну, сравнить собственныя силы съ тѣми, которыя неприятель тебѣ противоположитъ? — Правда. — Скажи же мнѣ, въ какомъ состоянiи находятся сухопутныя и морскiя наши силы, въ разсужденiи войска и флота неприятельскаго? --- Я не могу вамъ вдругъ о томъ сказать. — Можетъ быть оно у тебя записано; я бы радъ былъ сiе видѣть. — Нѣтъ, я совсѣмъ того не имѣю.

Я понимаю, сказалъ Аполлодоръ, что тебѣ нѣкогда было заниматься такими вычисленiями; но безъ сомнѣнiя ты обращалъ вниманiе свое на пограничныя наши крѣпости? Ты знаешь, сколько въ крѣпостяхъ нашихъ содержится войска; ты также знаешь, что нѣкоторыя изъ нихъ недовольно защищены людьми, а другiя совсѣмъ не имѣютъ нужды въ защитѣ; и рѣшительно въ народномъ собранiи скажешь, гдѣ именно надлежитъ прибавить охранное войско, или гдѣ упразднить оное? — Я скажу, что всѣ сiи охранныя войска надобно уничтожить; потому что онѣ худо исполняютъ свою должность. — Почемужъ ты удостовѣренъ, что тѣсные наши проходы худо

ограждены? Развѣ ты на мѣстѣ бывалъ? — Нѣтъ, но такъ догадываюсь. — О! такъ надобно будетъ объ этомъ разсуждать тогда, когда вмѣсто догадокъ мы получимъ достаточное свѣденіе.

Я знаю, что ты никогда не видалъ серебряныхъ рудниковъ, принадлежащихъ республикѣ, и не можешь мнѣ сказать, для чего они нынѣ менѣе приносятъ серебра, нежели прежде. — Нѣтъ, я никогда въ нихъ не спускался. — Въ самомъ дѣлѣ, тамъ воздухъ нездоровъ; и сіе извиненіе тебя оправдаетъ, ежели только сію причину Аѳиняне примутъ въ уваженіе. По крайней мѣрѣ есть другой предметъ, которой не миновалъ твоего вниманія. Сколько мѣръ хлѣба родится въ Аттикѣ? — И сколько онаго потребно для продовольствія ея жителей? Ты можешь легко разсудить, что сіе познаніе нужно правительству для предупрежденія голода. — Но всѣмъ таковымъ подробностямъ конца не будетъ. — Развѣ хозяинъ дома не долженъ заниматься безпрестанно нуждами своего семейства и средствами, какъ имъ удовлетворять? — Впрочемъ ежели всѣ такія подробности

тебя устрашаютъ, то надлежало бы тебѣ прежде испытавъ свои силы, привести въ порядокъ домъ твоего дяди, котораго дѣла совсѣмъ разстроены, а не обременять себя попеченіемъ болѣе, нежели о 10000 хъ семействъ, въ семъ городѣ живущихъ. — Я конечно бы умѣлъ сіе сдѣлать, ежелибы онъ согласился слѣдовать моимъ совѣтамъ. — Развѣ ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что тебѣ легче будетъ склонить къ тому всѣхъ Аѳинянъ, не выключая и твоего дяди? Берегись, сынъ мой, чтобы ты, слѣдуя суетному любочестію, вмѣсто славы, не покрылъ себя стыдомъ. Не чувствуешь ли ты самъ, сколь неблагоразумно и опасно брать на себя дѣла̀, не зная оныхъ? Множество примѣровъ удостовѣряютъ тебя, что люди, занимающіе первѣйшія мѣста, единымъ просвѣщеніемъ и мудростію приобрѣтаютъ удивленіе и почтеніе; а невѣжество и надменность заслуживаютъ поношеніе и презрѣніе.

Великое множество познаній, необходимо нужныхъ государственному человѣку, устрашило Лизиса; но не лишило бодрости духа. Аристотель изъяснилъ ему существо разныхъ родовъ правленія, о кото-

рыхъ законодатели писали; а Аполлодоръ изъяснилъ о управленіи, силѣ и торговлѣ какъ своего, такъ и другихъ народовъ. Положено было отправить его, по окончаніи воспитанія, въ путешествіе, для обозрѣнія всѣхъ тѣхъ народовъ, которые имѣли какое либо соотношеніе съ Аѳинянами.

Тогда прибылъ я изъ Персіи; ему былъ осмнадцатый годъ. Въ семъ возрастѣ дѣти Аѳинянъ вступаютъ въ число Эѳебовъ и вписываемы бываютъ въ военную службу. Но въ два послѣдующіе года не позволяютъ имъ служить внѣ Аттики. Съ сего времени отечество, почитая ихъ своими защитниками, требуетъ отъ нихъ торжественной клятвы въ точномъ повиновеніи его повелѣніямъ. Лизисъ во храмѣ Агравля клялся предъ олтарями между прочимъ въ томъ, чтобы не посрамить оружія республики, не оставлять мѣста, на которое онъ поставленъ, жертвовать жизнію своею за отечество, и оставить его болѣе процвѣтающимъ, нежели каково оно было прежде.

Цѣлый годъ не оставлялъ онъ Аѳинъ, бдительно надзиралъ надъ сохраненіемъ

города; ревностно ходилъ на стражу и привыкалъ къ военной подчиненности. Въ началѣ слѣдующаго года, когда явился онъ въ ѳеатрѣ, гдѣ было всеобщее собранїе, народъ, похваля поведенїе его, вручилъ ему копье и щитъ. Вскорѣ послѣ того Лизисъ отправился изъ города и попеременно былъ употребляемъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ Аттики.

По возвращенїи его на двадцать первомъ году отъ рожденїя, оставалося ему довершить существенный обрядъ. Выше сего сказалъ я, что онъ во время младенчества былъ вписанъ при его родственникахъ въ списокъ той курїи, къ которой отецъ его былъ причисленъ. Сїе доказывало о законности его рожденїя. Надобно еще было ввести его во всѣ права гражданства.

Извѣстно, что всѣ жители Аттики раздѣляются на нѣкоторое число округовъ или уѣздовъ, которые по разнымъ соединенїямъ своимъ составляютъ десять колѣнъ. Каждый уѣздъ состоитъ подъ начальствомъ одного Демарха, чиновника, обязаннаго созывать членовъ онаго уѣзда и хранить у себя списокъ, содержащїй ихъ

имена. Родъ Аполлодоровъ причисленъ былъ къ уѣзду Кефисїи, находящемуся въ Ерехѳеидскомъ колѣнѣ. Въ семъ мѣстечкѣ нашли мы большую часть тѣхъ, кои имѣютъ право подавать голоса въ сихъ собранїяхъ. Аполлодоръ представилъ имъ сына своего и свидѣтельство, которымъ онъ уже признанъ былъ въ своей курїи. Послѣ собранїя одобрительныхъ голосовъ, внесли Лизиса въ списокъ. Но какъ сїе есть единственный памятникъ, свидѣтельствующїй о лѣтахъ гражданина, то къ имени Лизиса, сына Аполлодорова, присовокупили имя перваго Архонта, не только текущаго, но даже и минувшаго года. Съ того времени Лизисъ имѣлъ право присутствовать въ собранїяхъ, требовать начальническихъ должностей, и въ случаѣ отцовской смерти, распоряжать своимъ имѣнїемъ.

По возвращенїи въ Аѳины, мы вторично ходили во храмъ Агравлы, гдѣ Лизисъ, облеченный въ броню, возобновилъ клятву, за два года имъ произнесенную.

Остается мнѣ упомянуть о воспитанїи дѣвицъ. Онѣ обучаются по различности состоянїя читать, писать, шить,

ткать, приготовлять волну, употребляемую на одежды, и имѣть попеченіе о дѣлахъ хозяйственныхъ. Дѣвицы, принадлежащія къ первымъ домамъ республики, воспитываются съ большимъ раченіемъ. Достигнувъ семи или десяти лѣтъ, являются онѣ при духовныхъ обрядахъ, однѣ для ношенія на головахъ своихъ священныхъ корзинъ, другія для пѣнія имновъ, или для плясокъ; то разные учители приучаютъ ихъ управлять голосомъ и выступкою. Вообще матери увѣщаваютъ дочерей своихъ вести себя благоразумно. Но еще болѣе совѣтуютъ имъ, чтобы онѣ держали себя прямо, не поднимали плечъ, стягивали грудь широкою лентою, чтобы въ пищѣ и питіи наблюдали умѣренность и всякими образами предупреждали тучность, обезображивающую стройность стана и пріятность въ тѣлодвиженіяхъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Разговоръ о Греческой музыкѣ.

Нѣкогда былъ я у Филотима въ небольшомъ его домѣ, который находился внѣ Аѳинъ, на холмѣ Киносаргскомъ, въ трехъ стадїяхъ отъ воротъ Мелитидскихъ. Мѣстоположенїе его было самое веселое. Повсюду представлялися очамъ богатыя и разнообразныя картины. Взоръ, обтекши различныя части города и его окрестностей, простирался по ту сторону Аѳинъ до горъ Саламинскихъ, Коринѳскихъ и даже Аркадїйскихъ.

Потомъ пошли мы въ небольшой садъ, который самъ Филотимъ воздѣлывалъ, и который доставлялъ ему плоды и овощи во изобилїи. Яворовая роща, среди которой воздвигнутъ жертвенникъ Музамъ, все его украшенїе составляла. Всегда съ прискорбїемъ оставляю я сїе уединенїе, сказалъ мнѣ Филотимъ воздыхая. Я буду имѣть попеченїе о воспитанїи сына Аполлодорова; я обѣщалъ сїе: но теперь уже въ послѣднїй разъ жертвую я своею свободою. Поелику слова сїи привели меня въ нѣко-

торое изумленіе, то онъ присовокупилъ: Аѳиняне не имѣютъ уже нужды въ наставленіяхъ; толико-то они любезны! Ахъ! чему учить такихъ людей, которые всегдашнимъ поставляютъ себѣ правиломъ, что приятность чувственныхъ забавъ всѣмъ нравственнымъ истиннамъ предпочитать должно?

Домъ показался мнѣ убраннымъ съ толикоюжъ приличностію, какъ и вкусомъ. Въ особенномъ покоѣ нашли мы лиры, свирѣли, разнаго вида мусикійскія орудія, изъ коихъ нѣкоторыя вышли уже изъ употребленія. На многихъ столикахъ лежали книги, до музыки относящіяся. Я просилъ Филотима показать мнѣ тѣ книги, изъ которыхъ можно было научиться правиламъ музыки. Таковыхъ книгъ совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ мнѣ Филотимъ; мы имѣемъ не много, но и то поверхностныхъ сочиненій, о родѣ энгармоническомъ; напротивъ того есть великое множество оныхъ о преимуществѣ, какое давать должно при воспитаніи нѣкоторымъ родамъ музыки. Донынѣ ни одинъ писатель не предпринималъ еще учебнымъ способомъ объяснить всѣ части сей науки.

Тогда изъявилъ я ему столь сильное желанiе мое имѣть о сей наукѣ хотя нѣкоторое понятiе, что онъ склонился удовлетворить настоятельной моей прозьбѣ.

РАЗГОВОРЪ ПЕРВЫЙ.

О искуственной части музыки.

О вкусѣ нашемъ въ музыкѣ, сказалъ мнѣ Филотимъ, можешь ты судить по множеству значенiй, каковыя даемъ мы сему слову. Безъ всякаго разбора слово сiе приписываемъ мы мелодiи (сладкогласiю), мѣрѣ, стихотворству, пляскѣ, тѣлодвиженiямъ, соединенiю всѣхъ наукъ, познанiю почти всѣхъ художествъ. Сего еще не довольно; вкусъ къ соединенiю, вкравшiйся между нами около двухъ столѣтiй и принуждающiй насъ искать повсюду сближенiй, восхотѣлъ подвергнуть законамъ гармонiи движенiе небесныхъ тѣлъ и движенiе души нашей.

Оставимъ сiи посторонние предметы. Теперь говоримъ мы о музыкѣ, собственно такъ называемой. Я постараюсь истолковать тебѣ первыя основанiя оной, есть-

ли только дашь мнѣ обѣщанїе терпѣливо сносить скучныя и подробныя изслѣдованїя, каковыя предлагать тебѣ буду. Я обѣщалъ, и онъ продолжалъ говорить слѣдующимъ образомъ:

Музыка раздѣляется на звуки, промежутки, настрой (аккордъ), роды, мѣры, риѳмъ, перемѣны и мелопїю (пѣснословенїе). Я не буду заниматься послѣдними двумя статьями, которыя единственно до сочиненїя относятся; а о прочихъ предложу вкратцѣ.

Звуки, во время разговора или пѣнїя производимые нами, хотя образуются одними и тѣми же орудїями, однако же не одинакое производятъ дѣйствїе. Сїя разность не отъ того ли происходитъ, какъ нѣкоторые думаютъ, что голосъ въ пѣнїи переходитъ промежутки гораздо ощутительнѣйшїе, нежели въ разговорахъ, останавливается гораздо долѣе на одномъ слогѣ и бываетъ чаще прерываемъ примѣтными отдыхами или стойками. Звуки.

Всякое пространство, голосомъ пройденное, можетъ быть раздѣлено на безконечное множество частей; но орудїе слуха,

хотя имѣетъ способность къ воспріятію величайшаго числа чувствованій, есть однако же не столько нѣжно, какъ орудіе слова, и ощущать можетъ нѣкоторое только количество промежутковъ. Какъ же опредѣлить ихъ? Послѣдователи Пиѳагоровы употребляли къ тому вычисленіе, а музыканты сужденіе уха.

Промежутки.

Тогда Филотимъ взялъ однострунку (монохорда) или родъ линейки, на которой натянута была струна, обоими концами своими привязанная къ двумъ неподвижнымъ подставкамъ. Подъ струну сію подложили мы третью подставку, и, переставляя оную по раздѣленіямъ, на семъ орудіи означеннымъ, я удобно примѣтилъ, что различныя части струны издавали голоса острѣйшіе, нежели цѣлая струна; что половина сей струны давала гаму или октаву; что три четверти струны издавали кварту, а двѣ трети квинту. Ты видишь, присовокупилъ Филотимъ, что звукъ цѣлой струны содержится къ звуку ея частей въ томъ же самомъ отношеніи, каковое имѣетъ ея длина къ длинѣ сихъ же самыхъ частей, и слѣдственно октава на-

ходится вЪ отношенiи какЪ 2 кЪ 1 или 1 кЪ $\frac{1}{2}$; кварта какЪ 4 кЪ 3, а квинта какЪ 3 кЪ 2.

Самыя простыя раздѣленiя однострунки издавали промежутки прiятнѣйшiе для слуха. Предположивъ, что цѣлая струна издаетЪ звукЪ *ми*, я изображу сiи промежутки слѣдующимЪ порядкомЪ: *ми ля* кварта, *ми си*, квинта; *ми ми* октава.

Для полученiя двойной октавы довольно будетЪ раздѣлить на двое изображенную числомЪ октаву: т. е. $\frac{1}{2}$ отЪ чего получишь $\frac{1}{4}$. Послѣ сего на самомЪ дѣлѣ онЪ мнѣ показалЪ, что кварта цѣлой струны издавала звукЪ двойной октавы.

Когда онЪ показалЪ мнѣ способЪ дѣлать изЪ кварты кварту, изЪ квинты квинту, то спрашивалЪ я его, какимЪ образомЪ опредѣляетЪ онЪ степень голоса (тона)? ВзявЪ, отвѣчалЪ онЪ, разности между квинтою и квартою, между *си* и *ля*; такЪ что кварта т. е. дробь $\frac{3}{4}$ относится кЪ квинтѣ т. е. кЪ дроби $\frac{2}{3}$ какЪ 9 кЪ 8.

НаконецЪ, присовокупилЪ ѲилотимЪ, посредствомЪ многихЪ вычисленiй найдено, что полуголосЪ, промежутокЪ, на примѣрЪ

отъ *ми* до *фа* находится въ отношеніи какъ 256 къ 243.

Ниже полуголоса мы употребляемъ еще трети и четверти голоса; однакожъ никогда не можемъ опредѣлить ихъ отношеній и не смѣемъ ласкаться надеждою получить въ томъ строжайшую точность: признаюсь, что самое опытнѣйшее ухо съ великимъ трудомъ чувствовать ихъ можетъ.

Я спрашивалъ Филотима, что кромѣ сихъ почти непостижимыхъ звуковъ, можно ли постепенно на однострункѣ находить всѣ тѣ звуки, коихъ величина опредѣлена и которыя составляютъ лѣствицу или размѣръ мусикійской системы? — Для сего надлежало бы имѣть, сказалъ онъ мнѣ, струну длины безмѣрной: однакожъ ты можешь замѣнить сей недостатокъ вычисленіемъ. Представь себѣ такую струну, которая была бы раздѣлена на 8192 равныя части, и которая издавала бы звукъ *си*. Положивъ отношеніе полголоса напр. *си* къ *утъ* какъ 256 къ 343, найдешь, что 256 къ 8192 содержится какъ 243 къ 7776 и слѣдственно сіе послѣднее число дастъ

тебѣ *ут*. Поелику отношенїе голоса, какъ уже мы сказали, есть какъ 9 къ 8, то явно, что отнявъ 9 отъ 7776 останется 6912 для *ре*.

Продолжая таковое дѣйствїе надъ остальными числами, какъ въ разсужденїи голосовъ, такъ и въ разсужденїи полуголосовъ, ты удобно довести можешь твою лѣствицу гораздо далѣе, нежели доколѣ простираться могутъ голоса и мусикїйскїя орудїя; даже до пятой октавы *си*, отъ которой ты началъ. Она изобразится числомъ 256, а слѣдующїй *ут* числомъ 243. Сїе самое покажетъ отношенїе полголоса, которой я только предполагалъ.

Филотимъ, говоря сїе, самъ дѣлалъ всѣ сїи вычисленїя, а окончавъ оныя, сказалъ мнѣ: отсюда слѣдуетъ, что на сей длинной лѣствицѣ всѣ голоса и полуголоса совершенно ровны. Ты увидишь такъ же, что одинаковаго рода промежутки суть совершенно таковы же, напримѣръ полтора голоса или меньшая терцїя всегда содержится какъ 32 къ 27, два голоса (дитонъ) или большая терцїя какъ 81 къ 64.

Какимъ же образомъ, спросилъ я его, увѣряетесь вы въ томъ на самомъ дѣлѣ?

Кромѣ долговременнаго навыка, отвѣчалъ онъ, мы употребляемъ иногда, для большей точности, сравненіе квартъ и квинтъ на одной или на многихъ однострункахъ. Получивъ изъ разности между квартою и квинтою голосъ, я подымаюсь, когда желаю имѣть большую терцію ниже даннаго голоса, каковъ есть *ля* къ квартѣ *ре*, а отсюда спускаюсь до квинты *соль*, потомъ паки восхожу къ квартѣ *утъ* и опять спускаюсь къ квинтѣ и получаю *фи* большую терцію ниже *ля*.

Настрои.

Промежутки бываютъ согласные или разногласные. Къ первому роду причисляются кварта, квинта, октава, одиннадцатая, двѣнадцатая доля и двойная октава; но сіи три послѣднія не иное что суть, какъ повтореніе первыхъ. Прочіежъ промежутки, извѣстные подъ именемъ разноголосныхъ, мало по малу введены были въ мелодію.

Октава есть пріятнѣйшая созвучность, потому что она есть естественнѣйшая. Таковый настрой слышимъ бываетъ въ голосѣ дѣтей, когда оный смѣшивается съ голосомъ человѣка взрослаго.

Она такъ же происходитъ и отъ струны тронутой; звукъ исчезая самъ собою издаетъ свою октаву.

Филотимъ, желая доказать, что настрой кварты и квинты не менѣе сообразенъ съ природою, показалъ мнѣ на своей однострункѣ, что въ продолжительномъ произглашенiи рѣчи и даже въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ, голосъ переходитъ гораздо чаще сiи промежутки, нежели другiе.

Я не иначе пробѣгаю оные, сказалъ я ему, какъ токмо переходя отъ одного голоса къ другому. Звуки, составляющiе настрой, не бываютъ ли въ пѣнiи слышимы въ одно и то же время?

Пѣнiе, отвѣчалъ онъ, не иное что есть, какъ послѣдованiе звуковъ; голоса соблюдаютъ всегда въ пѣнiи единозвучность или октаву, которая отличается отъ единозвучности тѣмъ только, что она бываетъ гораздо прiятнѣе для слуха. Что касается для другихъ промежутковъ, то слухъ судитъ объ ихъ отношенiяхъ по сравненiю звука, произшедшаго со звукомъ настоящимъ. Въ однихъ токмо концертахъ, гдѣ голосъ сопровождается мусикiй-

скими орудіями, можно различать звуки, кои въ одно и то же время бываютъ различны. Ибо лира и свирѣль, дабы придать приятность простотѣ пѣнія, иногда присовокупляютъ къ оной выходки и перемѣны, отъ чего и происходятъ части отличныя отъ главнаго предмета. Но онѣ вскорѣ возвращаются отъ сихъ отступленій, дабы не оскорбить слуха таковою вольностію удивленнаго.

Роды. Ты опредѣлилъ, сказалъ я ему, мѣру промежутковъ: я видѣлъ такъ же употребленіе оныхъ въ мелодіи. Теперь желалъ бы я знать, какой порядокъ назначаешь ты имъ на орудіяхъ мусикійскихъ. Посмотри, отвѣчалъ онъ, на сіе четверострунное орудіе (тетрахорда); ты увидишь, какимъ образомъ расположены промежутки на нашей лѣствицѣ, и по тому узнаешь всю систему нашей музыки. Четыре струны сей цитры такъ расположены, что двѣ крайнія, пребывающія всегда неподвижными, издаютъ кварту возвышаясь *ми*, *ля*. Двѣ среднія струны, подвижными называемыя, поелику онѣ получаютъ разныя степени напряженія, составляютъ три рода гар-

моніи: Діатоническій, хроматическій и энгармоническій.

Въ діатоническомъ родѣ четыре струны переходятъ чрезъ полголоса и чрезъ два голоса *ми*, *фа*, *соль*, *ля*; въ хроматическомъ чрезъ два полуголоса и меншую терцію, *ми*, *фа*, *фа* діезу, *ля*; въ энгармоническомъ чрезъ двѣ четверти голоса и большую терцію, *ми*, *ми*, четверть голоса, *фа*, *ля*.

Поелику подвижныя струны болѣе или менѣе натянуты быть могутъ и по тому производить большіе или меньшіе промежутки: то отсюда происходитъ другой родъ діатоническій, въ которомъ допускаются три четверти и пять четвертей голоса, и два другіе вида хроматическаго рода, изъ коихъ въ одномъ голосѣ, такъ сказать, раздробляется на малыя частицы. Что касается до энгармоническаго рода, то еще въ молодыхъ моихъ лѣтахъ видѣлъ я, что иногда употребляли въ немъ соразмѣрности разныя во всякомъ родѣ согласія (гармоніи) но нынѣ, кажется мнѣ, родъ сей уже опредѣленъ: и по тому въ семъ случаѣ придерживаться будемъ по-

казанныхъ мною выше образцовъ вычисленія, которые, не взирая на сопротивленіе нѣкоторыхъ музыкантовъ, почти всѣми другими приняты.

Для распространенія мусикійской системы нашей умножены были только орудія четырехструнныя (тетрахорды); но таковыя прибавленія дѣлаемы были не вдругъ, а постепенно. Искуство мусикійское находило препятствія въ законахъ, предписывавшихъ ему предѣлы и въ невѣжествѣ, которое останавливало его успѣхи. Повсюду покушалися дѣлать опыты. У нѣкоторыхъ народовъ прибавлялись струны на лирѣ: у другихъ убавлялись. Наконецъ явилось орудіе семиструнное (эптахорда) и нѣкоторое время обращало на себя вниманіе. Оно есть лира о семи струнахъ. Первыя четыре струны представляютъ старинное четырехструнное орудіе *ми*, *фа*, *соль*, *ля*; къ симъ прибавлены еще четыре *ля*, *си* бемоль, *утъ*, *ре*, которые идутъ чрезъ тѣ же промежутки и изъ коихъ нижайшая струна сливается съ самою высокою струною перваго четырехструннаго орудія. Оба сіи четырехструнныя орудія

называются *соединенными* или *сопряженными*, по тому что они соединены среднею струною *ля*, которую промежутокъ кварты равно отдаляетъ отъ двухъ ея крайнихъ *ля ми* внизъ и отъ *ля ре* вверхъ.

Въ послѣдствіи времени музыкантъ Терпандръ, жившій почти за триста лѣтъ предъ симъ, уничтожилъ пятую струну, *си* бемоль; а на мѣсто ея присовокупилъ новую выше однимъ голосомъ; отъ чего произошелъ слѣдующій родъ голосовъ *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *утъ*, *ре*, *ми*, коихъ крайніе голоса даютъ октаву. Поелику сіе семиструнное орудіе не составляло двухъ полныхъ четыреструнныхъ орудій; то, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Пиѳагоръ, а по мнѣнію другихъ, Ликаонъ Самосскій исправилъ сіе несовершенство, присовокупивъ осмую струну голосомъ выше *ля*.

Филотимъ, взявъ осмиструнную цитру, сказалъ мнѣ, вотъ осмиструнное орудіе (октахорда), произшедшее отъ присовокупленія осмой струны. Оно составлено изъ двухъ, но одно отъ другаго отдѣленныхъ четыреструнныхъ орудій *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *си*, *утъ*, *ре*, *ми*. Въ первомъ семиструнномъ орудіи *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *си*,

бемоль, *ут*, *ре* всѣ сходныя струны издавали кварту *ми*, *ля*, *фа*, *си* бемоль, *соль*, *ут*, *ля*, *ре*. Въ осмиструнномъ орудіи они производятъ квинту *ми си*, *фа ут*, *соль ре*, *ля ми*.

Октава называлася тогда согласіемъ (гармоніею): поелику она содержала въ себѣ кварту и квинту, т. е. всѣ согласные звуки: а какъ сіи промежутки чаще встрѣчаются въ осмиструнномъ орудіи, нежели въ другихъ, то осмиструнная лира почиталася, и нынѣ еще почитается, совершеннѣйшею системою діатоническаго рода: и посему Пиѳагоръ, его ученики и прочіе нашего времени любомудрцы умозрѣніе музыки заключаютъ въ предѣлахъ октавы или двухъ четырерострунныхъ орудій (тетракордъ).

Потомъ дѣланы были другія покушенія умножить число струнъ, и прибавлены еще четыре струны ниже первыхъ, отъ чего произошло орудіе объ одиннадцати струнахъ, (эндекахорда), издающихъ голоса слѣдующимъ порядкомъ: *си*, *ут*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, *си*, *ут*, *ре*, *ми*. Другіежъ музыканты начинаютъ дѣлать свои лиры въ четыре и даже въ пять тетрахордъ.

Потомъ показалъ мнѣ Филотимъ цитры, которыя гораздо удобнѣе служить могутъ къ подыгрыванію извѣстныхъ пѣсней, нежели къ доставленію образца системы. Таково было орудіе Магадисъ, на которомъ иногда игрывалъ Анакреонъ. На немъ было двадцать струнъ, которыя однакоже значили только десять, по тому что при каждой струнѣ находилась своя октава. Таково было орудіе Эпигоній, изобрѣтенное Эпигономъ Амбракійскимъ, который первый не смычкомъ, но перстами производилъ на струнахъ звуки. Сорокъ его струнъ, сколько я упомнить могу, уменшенныя до двадцати по той же самой причинѣ, представляли тройную гептахорду, которую можно отнести къ тремъ родамъ или къ тремъ различнымъ строямъ.

Нашелъ ли ты, сказалъ я ему, число тоновъ и полутоновъ, каковые голосъ и орудія пройти могутъ какъ въ низкомъ, такъ и въ высокомъ звукѣ. — Голосъ, отвѣчалъ онъ, переходитъ обыкновенно только двѣ октавы или одну квинту. Орудія же бо́льшее пространство пройти могутъ. У насъ есть такія свирѣли, которыя бе-

рутъ выше третьей октавы. Вообще перемѣны, каковымъ ежедневно подвержена бываетъ система нашей музыки, не позволяютъ утвердительно положить числа употребительныхъ въ оной голосовъ (тоновъ). Двѣ среднія струны каждаго четырехструннаго орудія, въ разныхъ степеняхъ натянутыя, издаютъ, какъ то нѣкоторые думаютъ, смотря по разности трехъ родовъ и ихъ видовъ, три четверти, треть, четверть и другія еще меньшія подраздѣленія голоса (тона). И посему въ каждомъ четырехструнномъ орудіи вторая струна даетъ четыре вида *ута* или *фа;* а третья шесть видовъ *ре* или *соль*. Они могли бы произвести безконечное оныхъ множество, естьлибы музыкантамъ позволены были еще бóльшія вольности, которые, для полученія многихъ перемѣнъ въ ихъ согласіи (гармоніи), возвышаютъ или понижаютъ, по собственному своему произволенію, подвижные струны орудія, и такимъ образомъ производятъ, такъ сказать, оттѣнки звуковъ, которыхъ ухо довольно различить не можетъ.

Строи. Многоразличіе строевъ (modes) производитъ новые звуки. Поднявъ или опустивъ струны на лирѣ на одинъ голосъ или полголо-

ea, ты получишь совсѣмъ другой строй. Народы, въ отдаленныхъ временахъ музыкою занимавшiеся, не были согласны въ главномъ голосѣ четырехструннаго орудiя; такъ какъ и нынѣ сосѣдственные народы отъ разныхъ эпохъ начинаютъ считать дни своихъ мѣсяцовъ. Одну и ту же пѣсню Дорiйцы пѣли цѣлымъ голосомъ ниже, нежели Фригiяне, а сiи послѣднiе еще однимъ голосомъ ниже Лидiянъ. Отсюда произошли разныя названiя строевъ, какъ то: Дорiйскiй, Фригiйскiй и Лидiйскiй. Въ первомъ строѣ самая низкая струна тетрахорды есть *ми*; во второмъ, *фа* дieза; въ третьемъ, *соль* дieза. Въ послѣдствiи времени къ первымъ тремъ прибавлены другiе, и всѣ они въ образованiи своемъ неоднократно перемѣняемы были. Мы видимъ, что и нынѣ являются новые строи, по мѣрѣ разспространенiя системы, или по мѣрѣ перемѣнъ, каковымъ подвергается музыка: и подобно какъ во время переворота весьма трудно бываетъ сохранить свое мѣсто; то и музыканты стараются четвертью голоса сближить строи Фригiйской и Лидiйской, которые всегда раздѣлены были одинъ отъ другаго промежуткомъ цѣлаго голоса.

О положеніи, порядкѣ и числѣ другихъ строевъ, произходятъ непрестанные и безконечные споры. Я оставляю подробное изслѣдованіе оныхъ, по тому что не уменьшу скуки, раздѣляя оную съ тобою. Мнѣніе, которое начинаетъ одерживать верьхъ, допускаетъ тринадцать строевъ, разстояніемъ одинъ отъ другаго на полуголосъ, которые идутъ слѣдующимъ порядкомъ, начиная съ Гиподорійскаго, который есть самой низкій:

Гиподорійскій - - *си.*
Гипофригійскій нижній - *утъ.*
Гипофригійскій высокій - *утъ* діеза.
Гиполидійскій нижній - *ре.*
Гиполидійскій высокій - *ре* діеза.
Дорическій - - - *ми.*
Іоническій - - - *фа.*
Фригійскій - - - *фа* діеза.
Эольскій или Лидійскій нижній *соль.*
Лидійскій высокій - - *соль* діеза.
Миксолидійскій нижній - *ля.*
Миксолидійскій высокій - *ля* діеза.
Гипермиксолидійскій - *си.*

Всѣ строи имѣютъ особенное свойство. Они получаютъ его не столько отъ главнаго голоса, сколько отъ рода стихо-

творства и мѣры, отъ измѣненія и украшеній пѣнія, которыя имъ приличны и которыя отличаютъ ихъ такъ же существенно, какъ разныя соразмѣрности и украшенія отличаютъ ордены архитектуры.

Голосъ можетъ переходить отъ одного строя или отъ одного рода къ другому: но поелику таковыхъ перехожденій не льзя дѣлать на музыкальныхъ орудіяхъ, которыя служатъ только для нѣкоторыхъ родовъ или строевъ, то музыканты употребляютъ два способа. Иногда имѣютъ они при себѣ многія свирѣли или цитры, чтобы можно было непримѣтно ихъ брать одну за другою. Также разстроиваютъ они на лирѣ всѣ струны, смотря по тому, какъ потребуетъ разность родовъ и строевъ. Недавно случилось, что одинъ музыкантъ поставилъ на трехъ сторонахъ подвижнаго треножника три настроенныя лиры, одну по строю Дорійскому, другую по Фригійскому, третью по Лидійскому. Отъ малѣйшаго движенія треножникъ оборачивался на своей оси и доставлялъ художнику удобность переходить изъ одного строя въ другой безъ остановки. Сіе ору-

дїе, которому прежде удивлялись, предано забвенїю по смерти изобрѣтателя.

Способъ пропѣвать музыкальную лѣствицу.

Четырехструнныя орудїя различаются именами относительными къ ихъ положенїю въ музыкальной лѣствицѣ; а струны именами относительными къ ихъ положенїю въ каждомъ четырехструнномъ орудїи. Самая низкая струна *си* называется *Гипатою* или главною: слѣдующая по ней въ верьхъ *Парипатою* или ближнею къ главной.

Я прерву рѣчь твою, сказалъ я ему, и спрошу не имѣешь ли ты названїй кратчайшихъ для пѣнїя музыкальнаго сочиненїя безъ словъ. Четыре буквы, отвѣчалъ онъ, *е* краткое, *а*, *е* тяжкое, *о* долгое съ предыдущею буквою t, изображаютъ четыре звука каждаго четырехструннаго орудїя, выключая то, что первая изъ сихъ односложныхъ отнимается, когда встрѣчается звукъ общїй двумъ четырехструннымъ орудїямъ. Я объясню сїе: ежели я хочу выразить голосомъ сей рядъ звуковъ, находящихся въ двухъ первыхъ тетрахордахъ, *си*, *утъ*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*, то говорить буду *те*, *та*, *те*, *то*, *та*, *те*, *то*, и такъ далѣе.

Голоса.

Я видалъ иногда писанную музыку, сказалъ я Филотиму; въ ней замѣтилъ я

только буквы, горизонтально написанныя на одной линіи, соотвѣтствующія слогамъ словъ, изображенныхъ въ низу, изъ которыхъ однѣ были цѣльныя или недописанныя, другія поставлены въ разныхъ положеніяхъ. Намъ нужны были ноты, отвѣчалъ онъ: мы избрали буквы; и какъ, по причинѣ разности строевъ, надобно было имѣть много нотъ, то мы и дали буквамъ разныя положенія или начертанія. Способъ сей класть на ноту хотя и простъ, однако недостаточенъ. Таковый недостатокъ состоялъ въ томъ, что не было назначено особой буквы каждому звуку голоса, каждой струнѣ лиры. Отсюда происходитъ, что одинъ и тотъ же знакъ былъ общій струнамъ, принадлежащимъ къ разнымъ тетрахордамъ; и потому не можетъ показать разныхъ ихъ степеней возвышенія, и ноты діатоническаго рода суть одинаковы съ нотами хроматическаго и энгармоническаго. Со временемъ конечно будутъ онѣ умножены; но ихъ потребно столь великое множество, что онѣ, можетъ быть, сдѣлаются обременительными для памяти начинающихъ учиться.

Филотимъ, говоря сіи слова, писалъ пѣсню, которую зналъ я наизусть. Посмотрѣвъ на ноты, я далъ ему замѣтить, что знаки сіи могутъ конечно управлять моимъ голосомъ, но оборотовъ его установить немогутъ. Сіи обороты, отвѣчалъ Филотимъ, опредѣляются слогами долгими и короткими, изъ которыхъ составляются слова; риѳмомъ, который есть одна изъ самыхъ существенныхъ частей музыки и стихотворства.

Риѳмъ. Риѳмъ есть общее послѣдственное и нѣкоторымъ соразмѣрностямъ подверженное движеніе. Ты видишь его въ полетѣ птицы, въ біеніи жилъ, въ выступкахъ плясуна, въ періодахъ рѣчи. Въ стихотворствѣ риѳмъ есть относительное продолженіе времени, употребляемаго на произношеніе слоговъ въ стихѣ; въ музыкѣ онъ есть относительное продолженіе звуковъ, въ составленіе пѣнія входящихъ.

При началѣ музыки риѳмъ ея образовался точно по риѳму стихотворства. Тебѣ извѣстно, что въ языкѣ нашемъ каждый слогъ бываетъ или короткій или долгій. Для произношенія краткаго слога потреб-

но одно мгновеніе, а для долгаго два. Изъ соединенія нѣсколькихъ слоговъ долгихъ или короткихъ составляется стопа; а изъ соединенія нѣсколькихъ стопъ, мѣра стиха. Каждая стопа имѣетъ движеніе и риѳмъ, на два времени раздѣленный: одно для ударенія, а другое для повышенія.

Омиръ и современные ему стихотворцы употребляли вообще стихъ ироическій, изъ шести стопъ состоящій, изъ коихъ каждая содержитъ въ себѣ два слога долгіе, или одинъ долгій и два короткихъ. Итакъ четыре мгновенія слога составляютъ стопу, а двадцать четыре таковыхъ мгновеній цѣлой стихъ.

Послѣ замѣчено было, что съ лишкомъ единообразное движеніе управляло теченіемъ таковаго рода стиха: что многія выразительныя и звучныя слова не могли быть помѣщены въ стихъ, по тому что не льзя было подвести ихъ подъ риѳмъ; что надлежало поддерживать ближнимъ словомъ тѣ слова, которыя могли быть помѣщены въ стихѣ. Для сего старались ввести въ стихотворство нѣкоторые новые риѳмы. Въ послѣдствіи времени число

ихъ нарочито умножилось стараніемъ Архилоха, Алкея, Сафы и многихъ другихъ стихотворцовъ. Нынѣ раздѣляются они на три главные рода.

Въ первомъ возвышеніе равно ударенію; мѣра его есть два времени равныя. Во второмъ продолженіе возвышенія есть вдвое болѣе ударенія; мѣра сія имѣетъ два времени неравныя, или три времени равныя. Въ третьемъ, возвышеніе относительно къ ударенію есть какъ 3 къ 2, то есть, что ежели предположить равныя ноты, то ихъ надобно три для одного времени, а двѣ для другаго. Сверхъ сего есть четвертый родъ, въ которомъ отношеніе временъ есть какъ 3 къ 4; но сей родъ рѣдко употребляется.

Кромѣ сей разности въ родахъ, еще бо́льшая разность происходитъ отъ числа слоговъ, принадлежащихъ къ каждому времени риѳма. Такъ въ первомъ родѣ возвышеніе и удареніе можетъ составлено быть изъ одного мгновенія слога или изъ одного короткаго слога; но они могутъ такъ же быть составлены изъ 2, изъ 4, изъ 6 и даже изъ 8 мгновеній слога; что

иногда дѣлаетъ, для цѣлой мѣры, соединенїе слоговъ долгихъ и короткихъ, равняющееся шестнадцати мгновенїямъ слоговъ. Во второмъ родѣ соединенїе сїе можетъ состоять изъ осмнадцати таковыхъ мгновенїй. Наконецъ въ третьемъ одно время можетъ вмѣщать въ себѣ отъ трехъ короткихъ до пятнадцати; а другое время отъ одного короткаго до десяти короткихъ или имъ равносильныхъ, такъ что цѣлая мѣра, содержащая въ себѣ двадцать пять мгновенїй слога, превышаетъ однимъ мгновенїемъ длину стиха эпическаго, и можетъ содержать въ себѣ до 18 слоговъ долгихъ или короткихъ.

Ежели къ разнообразности, каковая происходитъ въ риѳмѣ отъ теченїя болѣе или менѣе быстраго мгновенїй слога, присоединишь разность, происходящую отъ смѣшенїя и переплетенїя риѳмовъ и ту, которая раждается отъ вкуса музыканта, когда онъ по свойству страстей, которыя изобразить желаетъ, употребляетъ мѣру скорую или медленную, не нарушая однакоже ея соразмѣрностей; то удобно заключишь, что въ концертѣ

слухъ нашъ долженъ быть непрестанно поражаемъ неожидаемыми движенїями, которыя возбуждаютъ вниманїе и удивленїе.

Черты, проведенныя въ заглавїи музыкальнаго сочиненїя, показываютъ его риѳмъ: и Корифей съ возвышеннаго мѣста показываетъ его музыкантамъ и танцовщикамъ, которые со вниманїемъ смотрятъ на его тѣлодвиженїя. Я примѣтилъ, сказалъ я ему, что начальники хоровъ бьютъ мѣру то рукою, то ногою. Я видѣлъ, что обувь у нѣкоторыхъ изъ нихъ подбита желѣзомъ, и признаюсь тебѣ, что сїи громкїе удары разстроивали мое вниманїе и мое удовольствїе. Филотимъ улыбнулся и продолжалъ:

Платонъ сравниваетъ стихотворство безъ пѣнїя съ лицомъ, потерявшимъ красоту свою, лишившись цвѣтущей младости. Я сравню пѣнїе безъ риѳма съ чертами лица правильными, но неодушевленными и невыразительными. Симъ наиболѣе средствомъ музыка возбуждаетъ въ насъ движенїя, которыя мы отъ оной ощущаемъ. Въ семъ случаѣ достоинство музуканта состоитъ только въ выборѣ: всякой риѳмъ имѣетъ

свойства, ему принадлежащія и отъ другихъ отличныя. Когда военная труба удвоенными ударами издаетъ живый и стремительный риѳмъ, тогда слышатся тебѣ вопли побѣжденныхъ и побѣдителей; ты приводишь себѣ на память воинскія наши пѣсни и пляски. Когда многіе голоса производятъ въ твоемъ слухѣ звуки, одинъ за другимъ съ пріятною медленностію текущіе, тогда ты входишь, такъ сказать, въ самаго себя; ежели ихъ пѣсни содержатъ въ себѣ хвалы богамъ, тогда ты чувствуешь себя расположеннымъ къ благоговѣнію, каковое внушаетъ ихъ присутствіе; и все сіе производитъ риѳмъ, каковый въ обрядахъ нашего богослуженія управляетъ имнами и плясаніемъ.

Свойство риѳмовъ такъ опредѣлено, что для ихъ измѣненія довольно только переставить одинъ слогъ. Въ стихосложеніи употребляемъ мы часто двѣ стопы *ямбъ* и *трохей*, составленныя изъ одной долгой и одной короткой, съ тою токмо разностію, что *ямбъ* начинается короткою, а *трохей* долгою. Сія стопа приличествуетъ тяжелой сельской пляскѣ, а другая жаркому

разговору. Какъ при каждомъ шагѣ *ямбъ*, кажется, усугубляетъ пылкость, а *трохей* теряетъ оную, то сатирики употребляютъ первую стопу при нападенїи своемъ на неприятелей, а драматическїе писатели иногда употребляютъ вторую, когда они выводятъ на позорище хоры стариковъ.

Ни въ природѣ, ни въ страстяхъ нашихъ нѣтъ такихъ движенїй, которыя не находили бы въ разныхъ родахъ риѳма движенїй, имъ соотвѣтствующихъ и служащихъ изображенїемъ оныхъ. Сїи отношенїя такъ утверждены, что пѣнїе теряетъ всѣ свои приятности, какъ скоро теченїе его бываетъ непорядочно и когда наша душа не получаетъ въ извѣстныхъ мѣстахъ, того повременнаго послѣдованїя ощущенїй, которыхъ она ожидаетъ. Для сей-то причины содержатели нашихъ зрѣлищъ и нашихъ праздниковъ непрестанными упражненїями занимаютъ своихъ лицедѣевъ, которымъ ввѣряютъ они жребїй своея славы.

Я даже увѣренъ, что успѣхъ музыки большею частїю зависитъ отъ красоты, съ каковою оная произведена будетъ, а наиболѣе отъ рачительнаго вниманїя, съ како-

вымъ хоры слѣдуютъ движенiямъ, какiя имъ предписаны.

Но, присовокупилъ Филотимъ, время намъ кончить сей разговоръ: завтра возобновимъ его, ежели сiе угодно будетъ тебѣ: я увижуся съ тобою прежде, нежели пойду къ Аполлодору.

Разговоръ второй.

О нравственной части Музыки.

На другой день всталъ я въ самое то время, какъ сельскiе жители приносятъ на торгъ съѣстные припасы, а городскiе жители съ шумомъ разсыпаются по улицамъ. Погода была тихая и ясная; прiятная свѣжесть воздуха оживляла удивленныя мои чувства. Востокъ блисталъ огнемъ, и вся земля ожидала присутствiя сего свѣтила, которое, какъ кажется, ежедневно ее возраждаетъ. Будучи пораженъ симъ зрѣлищемъ, я и не примѣтилъ, какъ пришелъ Филотимъ. Я вижу тебя, сказалъ онъ съ восхищенiемъ. Я непрестанно его чувствую, отвѣчалъ я ему, съ того времени,

какъ нахожусь въ Греціи: чрезвычайная чистота воздуха, которымъ въ ней питаются, и живые, цвѣты, которыми всѣ предметы для моихъ взоровъ украшенными кажутся, отверзаютъ душу мою къ возприятію новыхъ ощущеній. Сіе подало намъ поводъ говорить о вліяніи климата. Сему-то вліянію Филотимъ приписывалъ удивительную чувствительность Грековъ: чувствительность, говорилъ онъ, которая для нихъ есть неизсякающій источникъ удовольствій и заблужденій, и которая, кежется, со дня на день умножается. А мнѣ кажется, сказалъ я, что она ослабѣвать начинаетъ. Ежели я ошибаюсь, то скажи мнѣ, для чего нынѣ музыка не производитъ болѣе тѣхъ чудесъ, какія она прежде сего производила?

Сіе происходитъ отъ того, отвѣчалъ онъ, что она прежде была грубѣе; отъ того, что народы тогда еще младенчествовали. Ежели людямъ, которые изъясняли радость свою шумными воплями, когда, говорю, людямъ симъ голосъ, сопровождаемый какимъ либо мусикійскимъ орудіемъ, дастъ услышать самое противное пѣніе, но нѣкоторымъ правиламъ подлежащее; то тот-

часъ увидишь, какою радостію они восхитятся, и какъ будутъ изъявлять свое удивленіе самыми сильными иперболами: таковы были чувствованія Греческихъ народовъ до войны Троянской. Амфіонъ одушевлялъ своимъ пѣніемъ строителей Ѳивской крѣпости, какъ то и послѣ дѣлано было при возобновленіи стѣнъ Мессенскихъ: пронесся слухъ, будто бы стѣны Ѳивскія воздвигнуты силою звуковъ его лиры. Орфей лирою своею производилъ небольшое число пріятныхъ звуковъ: но тогда говорили, что тигры у ногъ его оставляли свою лютость.

Я не обращаюся къ симъ отдаленнымъ вѣкамъ, сказалъ я: но приведу тебѣ въ примѣръ Лакедемонянъ, пришедшихъ въ несогласіе, но вдругъ сладкогласными звуками Терпандра примиренныхъ; Аѳинянъ, привлеченныхъ пѣніемъ Солона на островъ Саламинскій, вопреки опредѣленію, осуждавшему на смерть всякаго витію, который дерзнулъ бы предложить о завоеваніи сего острова; нравы Аркадскихъ жителей, музыкою смягченные, и я не знаю, какія еще могъ бы я привесть тебѣ другія произше-

ствія, которыя могли бы сокрыться отъ твоихъ изысканій.

Я ихъ знаю довольно, сказалъ онъ мнѣ, и могу тебя увѣрить, что все чудесное въ нихъ изчезнетъ, какъ скоро они прилѣжно разсмотрѣны будутъ. Терпандръ и Солонъ успѣхами своими наиболѣе одолжены стихотворству, нежели музыкѣ, а можетъ быть не столько стихотворству, сколько особеннымъ обстоятельствамъ. Надобно думать, что Лакедемоняне начали тогда скучать своими раздорами, по тому что они согласились слушать Терпандра. Что касается до уничтоженія опредѣленія Солономъ, то сіе нимало не удивительно тѣмъ, которымъ извѣстно легкомысліе Аѳинянъ.

Поданный Аркадянами примѣръ еще болѣе замѣчанія достоинъ. Народы сіи, живя въ суровой поднебесности (климатѣ) и занимаясь тяжкими работами, привыкли къ звѣрской жизни, которая содѣлывала ихъ несчастными. Первые ихъ законодатели примѣтили, какое впечатлѣніе въ душахъ ихъ производитъ пѣніе. Они почли ихъ способными наслаждаться счастіемъ, потому что

они были чувствительны. Дѣти научились воздавать похвалы богамъ и ироямъ своего отечества. Учреждены были праздники, общенародныя жертвоприношенія, торжества, пляски юношей и дѣвъ. Таковыя учрежденія, и понынѣ еще существующія, нечувствительно соединили сихъ грубыхъ людей. Они сдѣлались кротки, человѣколюбивы, благотворительны. Но сколько причинъ содѣйствовали сей перемѣнѣ! Стихотворство, пѣніе, пляски, собранія, праздники, игры; словомъ, всѣ средства, которыя, прельщая ихъ забавами, могли внушить имъ вкусъ къ художествамъ и склонность къ общежитію.

Надлежало ожидать таковыхъ или почти подобныхъ симъ слѣдствій, доколѣ музыка, тѣсно соединенная со стихотворствомъ, которое подобно ей важно и благопристойно, употребляема была къ сохраненію непорочности нравовъ. Но съ того времени, когда музыка столь далеко успѣхи свои распространила, она лишилась важнѣйшаго преимущества учить людей и содѣлывать ихъ лучшими. Неоднократно и я слыхалъ сіи жалобы, сказалъ я ему; а

еще чаще видалъ, что ихъ почитали искуствами пустыми. Одни сѣтуютъ, что музыка испорчена, другїе радуются ея совершенству. У васъ есть много любителей древней музыки, но еще большее число любителей новой. Нѣкогда законодатели почитали музыку существенною частїю воспитанїя; нынѣ философы почитаютъ ее не болѣе, какъ благопристойною забавою. Отъ чего же происходитъ, что искуство, толикую силу надъ душами нашими имѣющее, становится менѣе полезнымъ, дѣлаясь болѣе прiятнымъ?

Ты, можетъ быть, гораздо удобнѣе понять сїе можешь, отвѣчалъ онъ, когда сравнишь древнюю музыку съ тою, которая почти въ наше время введена въ употребленїе. Сперва была она проста, послѣ сдѣлалась богатѣе и разнообразнѣе: она одушевляла попеременно стихи Исїода, Омира, Архилоха, Терпандра, Симонида и Пиндара. Музыка, бывъ неразлучна со стихотворствомъ, заимствовала отъ него прелести, или паче свои сообщала оному; ибо все ея честолюбїе состояло въ томъ, чтобы украшать свою подругу.

Токмо одно есть выраженїе, могущее представить во всей силѣ какое либо изображенїе или чувствованїе. Оно одно производитъ въ насъ движенїя тѣмъ сильнѣйшїя, что оно возбуждаетъ въ сердцахъ нашихъ гласъ природы. По чему несчастные столь удобно находятъ средство трогать и раздирать наши сердца? По тому, что ихъ голосъ и вопли суть выраженїе, свойственное горести. Въ голосовой музыкѣ единственное изображенїе есть тотъ родъ напѣва, который приличенъ каждому слову, каждому стиху. Древнїе стихотворцы, которые были и музыканты и философы и законодатели, бывъ принуждены сами распредѣлять родъ пѣнїя, къ какову их стихи были способны, никогда не выпускали изъ виду сего правила. Слова, мелодїя, риѳмъ, сїи три сильныя орудїя, употребляемыя музыкою къ подражанїю природѣ, были ввѣрены единой рукѣ, и оною направляемы были такъ, что все равно содѣйствовало къ единству выраженїя.

Они скоро узнали родъ дїатоническїй, хроматическїй и энгармоническїй, и разо-

бравъ ихъ свойство, назначили для каждаго рода стихотворство, наиболѣе ему приличное. Они употребляли наши три главные строя и принаравливали ихъ преимущественно къ тремъ родамъ предметовъ, о которыхъ почти всегда были обязаны сочинять. Надлежало возбуждать къ сраженїю народъ воинственный, или занимать его повѣствованїями собственныхъ его подвиговъ: а Дорическая гармонїя подавала къ тому свою силу и величественность, Надлежало представлять его взорамъ великїе примѣры злополучїя для наученїя его сносить несчастїя: элегїи и жалобныя сочиненїя заимствовали пронзительные и страсти возбуждающїе звуки отъ гармонїи Лидїйской. Надлежало наконецъ наполнять сердца народа почитанїемъ и благодарностїю къ богамъ; Фригїйской строй опредѣленъ былъ для сихъ священныхъ пѣсней.

Большая часть сихъ пѣсней, называвщихся *номами* т. е. законами или образцами, раздѣляемы были на многїя части и содержали въ себѣ одно дѣйствїе. Какъ должно было въ немъ показать неизмѣняемое свойство особливаго божества, коему

въ честь дѣйствіе сіе сочиняемо было: то предписаны для сего правила, отъ которыхъ почти никогда не отступали.

Пѣніе, строго порабощенное словамъ, было поддерживаемо такого рода мусикійскимъ орудіемъ, которое лучше ему приличествовало. Орудіе сіе издавало одинаковый звукъ съ голосомъ: и когда къ пѣнію присовокуплялась пляска, то оныя вѣрно представляли взору то чувствованіе или изображеніе, каковыя орудіе сообщало слуху.

Лира имѣла малое число звуковъ, а пѣніе весьма малое число измѣненій. Простыя средства употребляемыя въ музыкѣ доставляли стихотворству торжество несомнѣнное, а стихотворство, содержащее въ себѣ болѣе философіи и поэзіи, нежели исторія, поелику оно избираетъ прекраснѣйшіе образцы, изображало великія свойства, и преподавало важныя наставленія въ мужествѣ, благоразуміи и чести. Филотимъ въ семъ мѣстѣ остановился съ тѣмъ, чтобъ я могъ послушать нѣкоторыя мѣста изъ сей древней музыки, а особливо пѣсенки, сочиненныя стихотворцемъ Олимпомъ,

жившимъ за девять столѣтій. Пѣсни сіи, промолвилъ Филотимъ, играются на немногихъ струнахъ, однакоже красота оныхъ приводитъ нѣкоторымъ образомъ въ отчаяніе нашихъ новѣйшихъ сочинителей.

Искуство сіе возрасло; оно приобрѣло болѣе строевъ и риѳмъ; лира обогатилась струнами. Но долгое время стихотворцы или отметали сіи новости, или употребляли ихъ весьма умѣренно, держась всегда прежнихъ своихъ правилъ, а наипаче весьма старались не удаляться отъ благопристойности и важности, коими отличалася тогда музыка.

Изъ сихъ двухъ качествъ толико существенныхъ для художествъ изящныхъ, когда ихъ дѣйствіе не ограничивается одними удовольствіями чувствъ, первое принадлежитъ къ порядку, а второе къ красотѣ. Благопристойность или приличіе поставляетъ точную соразмѣрность между слогомъ и содержаніемъ онаго: оно даетъ каждому предмету, каждой мысли, каждой страсти приличный имъ видъ, свойство, движеніе; слѣдовательно оно отвергаетъ всякія красоты невмѣстныя, яко недостатки, и ни-

какъ не допускаетъ, чтобы украшенія, произвольно разпредѣленныя, были противны главному намѣренію. Поелику важность соединена съ возвышеніемъ мыслей и чувствованій; то стихотворецъ, въ душѣ котораго они напечатлѣнны, не вдается въ подражанія рабскія; его мысли суть мысли высокія, выраженія его суть выраженія посредника, долженствующаго бесѣдовать съ богами и научать людей.

Сію-то сугубую обязанность первые стихотворцы ревностно исполнять старались. Ихъ имны внушали благоговѣніе; поэмы возбуждали желаніе ко славѣ; элегіи твердость въ несчастіяхъ. Пѣсни простыя, однакожъ благородныя, выразительныя, удобно впечатлѣвали въ память примѣры и правила; и юношество заблаговременно привыкшее повторять сіи пѣсни съ удовольствіемъ научалось любить свою обязанность, и почерпало понятія о красотѣ истинной.

Мнѣ кажется, сказалъ я тогда Филотиму, что столь строгая музыка была почти неспособна къ возбужденію страстей. По сему ты думаешь, отвѣчалъ онъ

съ улыбкою, что страсти Грековъ были недовольно пылки. Народъ сей гордъ и чувствителенъ; при возбужденіи въ немъ сильныхъ движеній надлежало опасаться, чтобы онъ не простеръ слишкомъ далеко своихъ пороковъ и добродѣтелей. Почему намѣреніе его законодателей и было благоразумно, чтобы употребить музыку къ умѣренію его жара въ нѣдрахъ удовольствій, или на поприщѣ побѣды. Для чего же съ самыхъ давнихъ временъ и введено въ употребленіе при пиршествахъ воспѣвать боговъ и ироевъ? не для того ли, чтобы не допустить до излишняго употребленія вина, которое тѣмъ наипаче было тогда пагубно, что люди были гораздо склоннѣе къ насиліямъ. Для чего Лакедемонскіе полководцы ставятъ между воинами нѣкоторое число свирѣльщиковъ, и болѣе водятъ ихъ противу непріятеля при звукѣ сего мусикійскаго орудія, нежели при громогласномъ шумѣ военной трубы? не для того ли, чтобы умѣрить стремительную храбрость юныхъ Спартанцевъ и заставить ихъ не выходить изъ своихъ рядовъ?

И такъ не дивись, что даже до введе-

нія философіи самыя благоучрежденныя государства съ великимъ раченіемъ пеклися о неизмѣняемости благородной музыки, и что потомъ самые мудрые мужи, убѣжденные необходимостію укрощать паче, нежели возбуждать наши страсти, признали, что музыка, философіею управляемая, есть одинъ изъ превосходныхъ небесныхъ даровъ, одно изъ прекраснѣйшихъ употребленій между человѣками.

Нынѣ служитъ она только забавою. Ты могъ уже примѣтить, что при концѣ ея, такъ сказать, царствованія она была близка къ своему поврежденію, по тому что приобрѣтала новыя богатства. Полимнестъ, поднимая или опуская по своему произволу струны, ввелъ настрои до него неизвѣстные. Нѣкоторые музыканты занимались сочиненіемъ для свирѣли пѣсенъ безъ словъ: вскорѣ потомъ явились на играхъ пиѳическихъ пренія, при которыхъ играли на сихъ токмо орудіяхъ: напослѣдокъ піиты, а наипаче сочинители смѣлыхъ и шумныхъ стиховъ, извѣстныхъ подъ именемъ диѳирамвическихъ, коверкали языкъ, мелодію и риѳмъ, дабы принаровить

ихъ къ буйному своему изступленiю. Однако же древнiй вкусъ еще господствовалъ. Пиндаръ, Пратинъ, Лампръ и другiе знаменитые лирики поддерживали ее и въ самомъ ея паденiи. Первый былъ славенъ во время Ксерксова похода почти за 120 лѣтъ. Онъ жилъ такъ долго, что былъ свидѣтелемъ перемѣны, приготовленной нововведенiями его предшественниковъ, и пособствуемой духомъ независимости, каковую внушали въ насъ одержанныя нами побѣды надъ Персами. Но болѣе всего ускорила сiю перемѣну необузданная страсть, вдругъ всѣми овладѣвшая къ инструментальной музыкѣ и къ дифирамвической поэзiи. Первая приучила насъ слушать музыку безъ словъ; вторая заглушать слова прибавленiемъ украшенiя.

Музыка, до того времени подвластная поэзiи, свергнула съ себя иго сiе съ дерзостiю, свойственною возмутившемуся рабу: музыканты старались только отличать себя новыми изобрѣтенiями. Чѣмъ больше умножали они обороты искуства, тѣмъ болѣе уклонялась она отъ природы. Лирѣ и цитрѣ придано было большее число зву-

ковъ. Свойство родовъ, строевъ, голосовъ и мусикійскихъ орудій было смѣшено. Пѣнія, назначаемыя прежде для различныхъ родовъ поэзіи, прилагаемы были безъ всякаго разбору къ каждому роду особенно. Явились настрои (аккорды) дотолѣ неизвѣстные, неупотребительное измѣненіе звуковъ, и такое наклоненіе голоса, въ которомъ часто небыло согласія. Главный и превосходнѣйшій законъ риѳма явно нарушенъ, и одинъ и тотъ же слогъ получалъ многіе звуки: отсюда произошла та нелѣпость, которая должна быть толико же противна въ музыкѣ, какъ и въ произглашеніи.

Анаксилай, видя столь скорыя перемѣны, сказалъ недавно въ одной своей комедіи, что музыка подобно странѣ Ливіи производитъ ежегодно новое чудовище.

Главные виновники таковыхъ новыхъ введеній жили въ послѣднемъ вѣкѣ, или и теперь еще живутъ съ нами; аки бы судьбою опредѣлено было, чтобы музыка лишилась влiянiя своего во нравы, въ такое время, въ которое наиболѣе занимаются философіею и нравоученіемъ! Многіе изъ нихъ имѣли великій разумъ и великія да

рованія. Я упомяну только о Меланиппидѣ, Кинесіи, Фринисѣ, Поліидесѣ прославившемся трагедіею своею Ифигеніею; Тимоѳеѣ Милетскомъ, который упражнялся во всѣхъ родахъ стихотворства, и который въ самой глубокой старости наслаждается еще своею славою. Онъ болѣе всѣхъ нанесъ вреда древней музыкѣ. Сперва останавливалъ его страхъ прослыть нововводителемъ: въ первыя сочиненія свои вмѣшивалъ онъ старинные напѣвы въ намѣреніи обмануть бдительность градоначальниковъ, и чтобы не слишкомъ оскорбить господствовавшій тогда вкусъ: но вскорѣ потомъ, бывъ ободренъ успѣхами, вышелъ изъ предѣловъ умѣренности.

Сверьхъ упомянутаго мною своевольства, безпокойные музыканты хотятъ отнять у тетракорда новые звуки. Одни силятся ввести въ пѣніе четверти голоса; натягиваютъ струны, съ большою скоростію дѣйствуютъ смычкомъ, прикладываютъ ухо, чтобы услышать при переходѣ измѣненіе звука, которое почитаютъ они за малѣйшій соизмѣримый промежутокъ. Тотъ самый опытъ утверждаетъ другихъ

въ совершенно противномъ мнѣнїи. Они всѣ между собою несогласны о свойствѣ звука; они спорятъ о томъ, какїе настрои употреблять должно, о введенныхъ въ пѣнїе образцахъ, о дарованїяхъ и сочиненїяхъ начальника каждой стороны. Эпигонъ, Эрастоклъ, Пиѳагоръ Закинѳскїй, Агеноръ Митиленскїй, Антигенидъ, Дорїонъ, Тимоѳей имѣютъ учениковъ, которые въ спорахъ своихъ ежедневно доходятъ даже до драки, и которые согласны только въ совершенномъ своемъ презрѣнїи къ древней музыкѣ, которую называютъ они стародавнею.

Знаешь ли ты, кто наиболѣе поселилъ въ насъ сїе презрѣнїе? Їоняне. Народъ сей, не могшїй защитить вольности своей отъ Персовъ, живя въ плодоносной и прекрасной странѣ, находитъ утѣшенїе, по таковой потерѣ, въ художествахъ и нѣгѣ. Въ легкой, блистательной и приятной его музыкѣ ощутительна сверьхъ того та нѣга, которою, такъ сказать, все дышетъ въ благополучной сей странѣ. Намъ нѣсколько трудно было привыкнуть къ звукамъ сей музыки. Одинъ изъ сихъ Їонянъ Тимоѳей, о которомъ я уже говорилъ, спер-

ва былъ освистанъ на ѳеатрѣ нашемъ: но Эврипидъ, знавшiй склонности своихъ согражданъ, предсказалъ ему, что вскорѣ будетъ онъ господствовать на позорищѣ; что и сбылося. Возгордясь таковымъ успѣхомъ, отправился онъ въ Лакедемонъ съ цитрою объ одиннадцати струнахъ и съ нѣжными своими пѣснями. Лакедемоняне двукратно укрощали дерзость новыхъ музыкантовъ. Даже и нынѣ требуютъ они, чтобы въ сочиненiяхъ, для соперничества представленныхъ, измѣненiе голосовъ, на семиструнномъ орудiи выигрываемое, производимо было однимъ, или двумя строями. Какое было ихъ удивленiе, когда услышали они музыку Тимоѳееву! Какое же было и его удивленiе при чтенiи опредѣленiя, даннаго царями и эѳорами! Его обвиняли, что онъ неблагопристойностiю, разнообразiемъ и нѣжностiю своихъ пѣсней оскорбилъ важность древней музыки и вздумалъ развращать Спартанское юношество. Приказано было ему снять съ лиры своей четыре струны, съ тѣмъ, что таковый примѣръ долженъ отвратить навсегда введенiе новостей, противныхъ строгости нравовъ.

Надлежитъ замѣтить, что сіе опредѣленіе сдѣлано почти въ то самое время, когда Лакедемоняне одержали при Эгосъ-Потамосѣ ту славную побѣду, которая содѣлала ихъ владыками Аѳинъ.

У насъ ремесленники и всякіе рабочіе люди рѣшатъ объ участи музыки; ѳеатръ бываетъ ими наполненъ; они находятся при музыкальныхъ преніяхъ, и поставляютъ себя судіями вкуса. А поелику они любятъ болѣе сильныя потрясенія, нежели впечатлѣнія; то чѣмъ музыка отважнѣе, живѣе и стремительнѣе, тѣмъ она въ большее приводитъ ихъ восхищеніе. Философы сильно вопіяли, что одобреніе таковыхъ новостей колеблетъ основаніе государства; драмматическіе сочинители поражали безчисленными стрѣлами своими вводителей таковыхъ новостей; но все было тщетно. Какъ не имѣли они отъ правительства опредѣленій къ защитѣ древней музыки; то прелести ея соперницы повсюду возторжествовали. Обѣ онѣ имѣли ту же участь, каковой подвергается добродѣтель и сладострастіе, когда бываютъ онѣ въ соперничествѣ.

Признайся, сказалъ я тогда Филотиму, не былъ ли и ты когда нибудь подверженъ всеобщему обольщенію? Весьма часто, отвѣчалъ онъ. Не спорю, что нынѣшняя музыка превосходнѣе прежней своимъ богатствомъ и пріятностями: но утверждаю, что она не имѣетъ нравственной цѣли. Я уважаю древнія умопроизведенія, когда піитъ заставляетъ меня любить мои обязанности; удивляюсь новѣйшимъ сочиненіямъ, когда музыкантъ доставляетъ мнѣ удовольствіе. Развѣ ты не думаешь, спросилъ я его съ жаромъ, что о музыкѣ не должно судить по удовольствію, отъ нея получаемому?

Конечно нѣтъ, отвѣчалъ онъ, ежели удовольствіе сіе вредно, или ежели оно заступаетъ мѣсто другихъ не столь сильныхъ, но полезныхъ удовольствій. Ты молодъ, и имѣешь нужду въ движеніяхъ сильныхъ и частыхъ. Однако ты постыдился бы предаваться имъ, естьлибы они не сообразны были съ общимъ порядкомъ, и по сему ясно видѣть можно, что ты долженъ подвергать твои удовольствія и твои печали изслѣдованію разсудка, прежде неже-

ли сдѣлаются они правиломъ твоихъ сужденій и твоего поведенія.

Должно, кажется мнѣ, постановить сіе правило: предметъ какой либо тогда только бываетъ достоинъ нашего исканія, когда онъ, кромѣ пріятностей, его украшающихъ, заключаетъ въ себѣ доброту и настоящую пользу. Такимъ образомъ природа, ведущая насъ къ своему намѣренію прелестями удовольствія, и никогда важныхъ своихъ видовъ не ограничивающая единымъ доставленіемъ намъ пріятныхъ ощущеній, вложила въ пищу пріятность привлекательную, и силу, служащую къ сохраненію нашего рода. Здѣсь удовольствіе есть первое дѣйствіе и становится средствомъ, связующимъ причину со вторымъ дѣйствіемъ, благороднѣйшимъ перваго: можетъ случиться, что неумѣренное дѣйствіе пищи столько же здоровой, какъ и пріятной для вкуса, бываетъ вредно: наконецъ, ежели нѣкоторыя снѣди на вкусъ пріятныя не производятъ ни добра, ни зла; то удовольствіе будетъ скоро-преходящее, и никакого не будетъ имѣть слѣдствія. Изъ сего заключить можно, что не столько по пер-

вому, сколько по второму дѣйствію должно рѣшить, полезны ли наши удовольствія, или пагубны, или ни полезны ни вредны.

Объяснимъ сїе примѣромъ. Подражанїе, которое художества имѣютъ своею цѣлїю, дѣйствуетъ на насъ различнымъ образомъ; таково есть первое его дѣйствїе. Бываетъ иногда и второе гораздо существеннѣе перваго, и которое часто бываетъ неизвѣстно и зрителю и самому художнику: оно нечувствительно располагаетъ душу къ такимъ навыкамъ, которые украшаютъ ее или безобразятъ. Ежели ты никогда не размышлялъ о безмѣрной силѣ подражанїя; то разсмотри, сколь глубокїя два наши чувства, слухъ и зрѣнїе, сообщаютъ душѣ нашей впечатлѣнїя, каковыя онѣ сами получаютъ. Дитя, окруженное рабами, съ великою удобностїю перенимаетъ ихъ разговоры и тѣлодвиженїя, и присвояетъ себѣ низкїя ихъ склонности.

Хотя живопись и не имѣетъ точно такой силы, какова сама изображаемая вещь; однако же тѣмъ не менѣе справедливо, что картины ея суть такїя явленїя, при ко-

торыхъ я присутствую; ея изображенія служатъ примѣрами, глазамъ моимъ представляющимися. Большая часть зрителей ищутъ въ нихъ одной только вѣрности въ подражаніи и пріятности скоро преходящаго впечатлѣнія: но философы часто усматриваютъ въ сихъ обольщеніяхъ искуства сѣмена сокрытаго яда. По словамъ ихъ кажется, что наши добродѣтели, или столь чисты, или столь слабы, что онѣ отъ малѣйшаго дуновенія заразы вянутъ, или совсѣмъ пропадаютъ. По сей причинѣ позволяется молодымъ людямъ разсматривать подробно картины Діонисіевы, но совѣтуютъ имъ не останавливаться долго на картинахъ Павзона, а чаще обращать взоры свои на Политнотовы. Первый изобразилъ людей такими, каковыми ихъ видимъ; подражаніе его вѣрно, пріятно для зрѣнія, не опасно и не полезно для нравовъ. Второй, давши лицамъ своимъ свойства и дѣйствія безчестныя, неблагородныя, унизилъ человѣка; онъ представилъ его гораздо ниже, нежели каковъ онъ есть. Въ изображеніяхъ его ироиство теряетъ свою славу, а добродѣтель свое достоин-

ство. Полигнотъ, изображая людей паче великими, и паче добродѣтельными, нежели каковы они суть отъ природы, представляетъ мыслямъ и чувствованїямъ нашимъ великїе образцы, и въ душахъ нашихъ сильно впечатлѣваетъ понятїе о нравственной красотѣ, и такъ же любовь къ благопристойности и порядку.

Впечатлѣнїя музыки скорѣе, глубже и продолжительнѣе, нежели впечатлѣнїя живописи; но подражанїя сїи, поелику весьма рѣдко бываютъ согласны съ истинными нашими нуждами, почти никакого не подаютъ намъ наставленїя. И въ самомъ дѣлѣ, какое наставленїе можетъ дать мнѣ свирѣльщикъ, когда онъ на ѳеатрѣ подражаетъ пѣнїю соловья, а въ играхъ нашихъ шипѣнїю змїя; когда при игранїи своемъ поражаетъ онъ слухъ мой множествомъ звуковъ, быстро одинъ за другимъ стремящихся. Платонъ при мнѣ спрашивалъ, что значитъ сей шумъ; и когда большая часть зрителей рукоплесканїями своими одобряли смѣлую игру музыканта, сей философъ называлъ его невѣждою и самохваломъ; первымъ по тому, что онъ не имѣлъ никако-

го понятія о истинной красотѣ; а вторымъ, что онъ искалъ только тщетной славы преодолѣть трудность.

Какое дѣйствіе произвести могутъ слова, которыя, будучи принуждены рабски принаравливаться къ пѣнію, ломаться въ связи своей, встрѣчая препятствія въ своемъ теченіи, не могутъ обратить на себя вниманія, каковое оборотами и приятностію голоса, возбуждается единственно къ мелодіи? Я говорю наипаче о музыкѣ, каковую слышимъ мы на ѳеатрѣ и при играхъ нашихъ; ибо въ большой части духовныхъ нашихъ обрядовъ оно еще сохраняетъ древнее свое свойство.

Въ сію самую минуту услышали мы приятное пѣніе. Въ тотъ день былъ праздникъ въ честь Ѳисея. Хоры, составленные изъ лучшаго Аѳинскаго юношества, шествовали ко храму сего ироя. Они воспѣвали побѣду его надъ Минотавромъ, прибытіе его въ сей городъ и возвращеніе юныхъ Аѳинянъ, коихъ оковы онъ разторгнулъ. Послушавъ со вниманіемъ, сказалъ я Филотиму: не знаю, стихотворству ли, пѣнію, точности ли риѳма, привлекательно-

сти ли содержанія, или восхитительной приятности голосовъ я болѣе удивляюсь; но мнѣ кажется, что сія музыка всю душу мою наполняетъ и возвышаетъ. Сіе потому, отвѣчалъ Филотимъ, что она вмѣсто того, чтобы заниматься малыми нашими страстями, возбуждаетъ въ самой глубинѣ сердецъ нашихъ чувствованія почтеннѣйшія для человѣка, полезнѣйшія для общества, какъ то: мужество, благодарность, преданность къ отечеству; по тому что отъ удачнаго ея соединенія съ поэзіею, риѳмомъ и съ прочими средствами, о которыхъ ты теперь говорилъ, она получаетъ свойство великое и благородное; по тому что такое свойство никогда не остается безъ дѣйствія, и тѣмъ болѣе привлекаетъ къ себѣ тѣхъ, кои могутъ его чувствовать, чѣмъ высшее мнѣніе внушаетъ имъ о самихъ себѣ. Симъ-то оправдывается ученіе Платона. Онъ желаетъ, чтобы художества, игры, зрѣлища, всѣ внѣшніе предметы, ежели бы можно было, окружали насъ картинами, которыя непрестанно обращали бы наши взоры на истинную красоту. Привычка созерцать ее, содѣлалась бы въ насъ

какъ бы природнымъ побужденїемъ, и душа была бы принуждена направлять всѣ свои силы, сообразуяся тому порядку и согласїю, которыя блистаютъ въ семъ божественномъ образцѣ.

Ахъ! какъ далеко отстоятъ художники наши отъ высокости сихъ понятїй! Они не только уничтожили особенныя принадлежности разныхъ частей музыки, но нарушаютъ еще и самыя общїя правила пристойности. Уже пляска, прихотямъ ихъ подверженная, дѣлается шумною, дерзкою; а надлежало бы ей быть важною и благопристойною; уже между дѣйствїями нашихъ трагедїй помѣщаются отрывки поэзїи и музыки, ни мало непринадлежащїе къ сочиненїю, и хоры, неимѣющїе связи съ главнымъ дѣйствїемъ.

Я не говорю, чтобы подобные безпорядки были причиною нашего развращенїя: но они поддерживаютъ его и укрѣпляютъ. Кто почитаетъ ихъ ни худыми, ни добрыми, тотъ не знаетъ, что порядокъ поддерживается столько же обрядами и обычаями, какъ и правилами; что нравы, такъ какъ и законы, имѣютъ свои правила, и что пре-

небреженіе оныхъ разрушаетъ мало по малу всѣ узы, соединяющія людей.

Новѣйшую музыку порочить можно за ту изнѣженность, за тѣ очаровательные звуки, отъ которыхъ народъ приходитъ въ восторгъ и которыхъ выраженіе, не относяся ни къ какому опредѣленному предмету, всегда обращается въ пользу господствующей страсти. Единственно ихъ дѣйствіе состоитъ въ томъ, чтобы болѣе и болѣе разслаблять такой народъ, въ которомъ душевныя качества, не имѣя ни силы, ни свойства, отличаются только разными степенями своего малодушія.

Но поелику древняя музыка, сказалъ я Филотиму, имѣетъ столь великія преимущества, а новая столь великія пріятности; то для чего не стараются согласить ихъ? Я знаю одного музыканта, именемъ Телезія, отвѣчалъ онъ, который за нѣсколько предъ симъ лѣтъ имѣлъ-было намѣреніе произвести сіе въ дѣйство. Еще въ юности своей напитался онъ чувствованіемъ тѣхъ важныхъ красотъ, которыми наполнены творенія Пиндара и нѣкоторыхъ другихъ лирическихъ стихо-

творцевъ. Потомъ бывъ прельщенъ твореніями Филоксена, Тимоѳея и новѣйшихъ стихотворцевъ, онъ вздумалъ сближить сіи два различные рода сочиненій: но при всемъ своемъ стараніи онъ всегда придерживался рода сочиненій первыхъ своихъ учителей, и не получилъ другаго плода отъ всѣхъ своихъ трудовъ, какъ только то, что навлекъ на себя неудовольствіе обѣихъ сторонъ.

Нѣтъ! музыка такъ упала, что она никогда не возстанетъ. Для сего надлежало бы перемѣнить наши мысли и обратиться къ прежнимъ нашимъ добродѣтелямъ. Но гораздо труднѣе поправить народъ, нежели вновь образовать его. Мы потеряли добрые нравы, присовокупилъ онъ, но вмѣсто того будемъ имѣть забавы. Древняя музыка приличествовала Аѳинянамъ побѣдителямъ при Мараѳонѣ: новая приличествуетъ Аѳинянамъ побѣжденнымъ при Эгосъ-Потамосѣ.

Я сдѣлаю тебѣ одинъ только вопросъ, сказалъ я ему: для чего же учите вы воспитанника своего столь пагубному искуству? Къ чему оно служитъ? — Къ чему слу-

жишъ! отвѣчалъ Филошимъ съ усмѣшкою; оно служишъ гремушкою для дѣтей всякаго возраста, которая, забавляя ихъ, препятствуетъ имъ портить домашнїе уборы. Оно занимаетъ тѣхъ людей, коихъ праздность была бы опасна въ таковомъ правленїи, каково наше; забавляетъ тѣхъ, которые бываютъ страшны только по скукѣ, повсюду за ними слѣдующей, и которые не знаютъ, къ чему употребишь жизнь свою.

Лизисъ долженъ учиться музыкѣ для того, что онъ современемъ занимать будетъ первыя мѣста въ республикѣ, и тогда нужно ему быть въ состоянїи подавать свое мнѣнїе о сочиненїяхъ, представляемыхъ для соперничества какъ на ѳеатрѣ, такъ и въ музыкальныхъ пренїяхъ. Онъ узнаетъ всѣ роды гармонїи и уважать будетъ тѣ только, которые возымѣютъ влїянїе въ его нравы. Ибо музыка, не взирая на испорченное свое состоянїе, можетъ еще подавать намъ нѣкоторыя полезныя наставленїя. Трудные приемы, тѣ трудныя пѣнїя, которымъ удивлялись нѣкогда только на зрѣлищахъ нашихъ, и въ которыхъ нынѣ

упражняются дѣти съ великимъ прилѣжанїемъ, никогда слишкомъ занимать не будутъ моего воспитанника. Я заставлю его учиться играть на нѣкоторыхъ мусикїйскихъ орудїяхъ съ тѣмъ условїемъ, чтобы онъ никогда не старался сравняться съ учителями сего искуства. Я желаю, чтобы самая избранная музыка занимала его въ свободное время, когда оно случится; чтобы она служила ему отдохновенїемъ отъ трудовъ, а не умножала бы оныхъ; и умѣряла бы его страсти, естьли онъ слишкомъ чувствителенъ. Наконецъ я желаю, чтобы онъ всегда помнилъ сїе правило: что музыка зоветъ насъ къ удовольствїю, философїя къ добродѣтели: а природа удовольствїемъ и добродѣтелїю приглашаетъ насъ къ благополучїю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

О нравахъ Аѳинянъ.

Я сказалъ выше, что въ извѣстные часы дня Аѳиняне собираются на площадь или въ окружающія ее лавки. Я часто ходилъ туда или слушать новостей или узнавать свойства сего народа.

Нѣкогда встрѣтился я съ однимъ изъ первостатейныхъ гражданъ, которой прогуливался съ важнымъ видомъ. Его тщеславіе равнялось съ его ненавистію къ народоправленію; онъ изъ всѣхъ Омировыхъ стиховъ затвердилъ только слѣдующее изреченіе: нѣтъ ничего опаснѣе, какъ имѣть много начальниковъ.

Ему учинено было нѣкоторое оскорбленіе. Нѣтъ, говорилъ онъ въ ярости, или мнѣ, или ему надлежитъ оставить городъ; по тому что нѣтъ болѣе средства сего терпѣть: засѣдаю ли я въ какомъ судилищѣ? тамъ мучитъ меня толпа челобитчиковъ, или крикъ стряпчихъ. Въ общемъ собраніи человѣкъ, ничего не значущій, неопрятный, худо одѣтый, имѣетъ дер-

зость садиться рядомъ со мною. Наши витіи подкуплены народомъ, который ежедневно препоручаетъ свои дѣла такимъ людямъ, которымъ не хотѣлъ бы я препоручить и моихъ собственныхъ. Недавно надобно было выбрать военачальника: я встаю, говорю о должностяхъ, которыя отправлялъ я въ воинской службѣ, показываю раны свои: но выбираютъ человѣка и неопытнаго и безъ дарованій. Ѳисей установилъ равенство и чрезъ то сдѣлался виновникомъ всѣхъ оныхъ золъ. Омиръ весьма справедливо сказалъ: „нѣтъ ничего опаснѣе, какъ имѣть многихъ начальниковъ.„ Говоря такимъ образомъ, гордо толкалъ онъ встрѣчающихся съ нимъ; почти никому не кланялся, и ежели позволялъ своимъ кліентамъ приближаться къ себѣ; то единственно для того, чтобы вслухъ напоминать имъ о своихъ къ нимъ одолженіяхъ.

Тогда подошелъ къ нему одинъ изъ его пріятелей: ну! вскричалъ онъ, еще ли скажутъ, что я угрюмъ, что я своенравенъ? Теперь только выигралъ я свою тяжбу, и, правду сказать, по общему приговору; но и тутъ стряпчій мой пропустилъ лучшіе

доводы въ защищенїе моего дѣла. Вчера жена моя родила сына, и всѣ меня поздравляютъ, какъ будто бы такое умноженїе семейства не уменшаетъ дѣйствительно именїя? Одинъ изъ друзей моихъ неотступно проситъ меня взять у него лучшаго раба. Я полагаюсь на его оцѣнку: и знаете ли, что онъ дѣлаетъ? Онъ уступаетъ мнѣ за цѣну гораздо ниже той, которую я ему назначилъ. Безъ сомнѣнїя въ этомъ рабѣ есть какой нибудь порокъ. Не знаю, какой-то тайный ядъ отравляетъ мое благополучїе.

Я оставилъ человѣка сего оплакивать его бѣдствїя и переходилъ отъ одной толпы къ другой находящагося на площади народа. Они состояли изъ людей всякаго возраста и состоянїя. Палатки ихъ защищали отъ зноя солнечнаго.

Я сѣлъ подлѣ Филандра, одного богатаго Аѳинянина. Одинъ изъ его похлѣбствователей Критонъ, старался забавлять его непомѣрнымъ ласкательствомъ и развеселить его язвительными шутками. Онъ заставлялъ всѣхъ молчать, рукоплескалъ съ восклицанїемъ при всякомъ словѣ Фи-

ландра, и полою платья закрывалъ ротъ свой, чтобы не треснуть со смѣху, когда удавалось Филандру сказать какую нибудь глупую шутку. Посмотри, говорилъ онъ, какъ весь народъ устремилъ на тебя глаза свои: вчера въ портикѣ хвалили тебя безумолкно; рѣчь зашла, кто честнѣе всѣхъ въ городѣ? насъ было болѣе тридцати человѣкъ, и всѣ единогласно объявили, что это ты. Тогда сказалъ Филандръ, тотъ человѣкъ, котораго я тамъ вижу въ столь великолѣпной одеждѣ, провожаемый тремя рабами, не Аполлодоръ ли, сынъ Пазіона, этотъ богатѣйшій банкиръ? — Онъ точно, отвѣчалъ похлѣбствователь: его пышность несносна, онъ уже и не помнитъ, что отецъ его былъ рабъ. А тотъ сказалъ Филандръ, которой за нимъ идетъ, поднявъ голову? — Отецъ его сперва назывался Созіею, отвѣчалъ Критонъ, а побывавъ на войнѣ сталъ называться Сосистратомъ. Потомъ былъ вписанъ въ число гражданъ. Его мать изъ Ѳракіи, и безъ сомнѣнія знаменитаго роду. Ибо женщины, пріѣзжающія изъ сей отдаленной страны, столько же тщеславятся своею породою, сколь-

ко и гибкостїю во нравахЪ. СынЪ бездѣльникЪ, однакожЪ не таковЪ какЪ ГермонЪ, КораксЪ и ѲерсидЪ, которые шагахЪ вЪ четырехЪ отЪ насЪ разговариваютЪ. Первой такЪ скупЪ, что жена его и зимою купается вЪ холодной водѣ. Другой такЪ перемѣнчивЪ, что вЪ немЪ вЪ одинЪ день увидишь лицЪ двадцать; третїй такЪ тщеславенЪ, что никогда не имѣлЪ товарища вЪ похвалахЪ себѣ приписываемыхЪ, ни соперника вЪ любви кЪ самому себѣ.

Когда я оборотился посмотрѣть на игру вЪ кости, подбѣжалЪ ко мнѣ человѣкЪ сЪ видомЪ торопливымЪ и сказалЪ: знаешь ли ты новость? нѣтЪ, отвѣчалЪ я. — КакЪ! ты ея не знаешь? я очень радЪ, что могу вамЪ оную сообщить. Я услышалЪ ее отЪ Ницерата, лишь только прибывшаго изЪ Македонїи. Иллирїяне разбили царя Филиппа; онЪ вЪ плѣну, онЪ умерЪ. — КакЪ! возможноль? — НѣтЪ ничего вѣрнѣе. Теперь встрѣтился я сЪ двумя нашими архонтами; я видѣлЪ, что радость еще играетЪ на лицахЪ ихЪ, однако же прошу помолчать и не сказывать, что ты именно отЪ меня слышалЪ. ВЪ ту минуту

оставивъ меня, пошелъ разсказывать о томъ же всему городу.

Сей человѣкъ проводитъ жизнь свою въ выдумываніи новостей, сказалъ мнѣ одинъ толстой Аѳинянинъ, подлѣ меня сидѣвшій. Онъ всегда занимается дѣлами, до него не принадлежащими. По мнѣ довольно того знать, что до меня касается. У меня есть жена, которую люблю; потомъ началъ хвалить ее чрезвычайно. Вчера я не могъ вмѣстѣ съ нею ужинать, бывъ отозванъ къ пріятелю, и тутъ описалъ мнѣ весь пиръ. Я возвратился домой довольно веселъ, но видѣлъ ночью сонъ, которой меня теперь безпокоитъ; тутъ разсказывалъ мнѣ свой сонъ: наконецъ сказалъ мнѣ съ неудовольствіемъ, что городъ наполненъ иностранцами, что люди нынѣшніе хуже прежнихъ, что съѣстные припасы были прежде гораздо дешевле, что можно надѣяться хорошей жатвы, ежели будутъ дожди. Спрося у меня, которое нынѣ число, всталъ и пошелъ ужинать съ своею женою.

Какъ! сказалъ мнѣ тогда же пришедшій Аѳинянинъ, котораго я давно искалъ, ты имѣешь терпѣніе слушать этого скучна-

го человѣка? для чего ты не сдѣлалъ также какъ Аристотель? Однажды великой говорунъ поймавъ его мучилъ странными разсказами, и вдругъ сказалъ: не уже ли это тебя не удивляетъ? Я удивляюся только тому, отвѣчалъ Аристотель, какъ не жалѣютъ ушей тебя слушать, когда есть ноги, чтобы отъ тебя уйти. Я ему сказалъ тогда, что мнѣ есть нужда съ нимъ переговорить и хотѣлъ къ тому приступить. А онъ началъ останавливать меня на каждомъ словѣ. Такъ, я знаю, о чемъ дѣло; я могу вамъ разсказать подробно; продолжай, не упускай ни одного обстоятельства; очень хорошо; такъ точно, это самое то. Вотъ какъ нужно было намъ посовѣтоваться. Наконецъ я ему далъ замѣтить, что онъ безпрестанно рѣчь мою перебиваетъ; я знаю, отвѣчалъ онъ; но мнѣ крайняя нужда говорить. Однакожъ я непохожъ на того человѣка, которой теперь съ тобою разстался. Онъ говоритъ не подумавши; а меня, кажется, этимъ попрекнуть нельзя. Я свидѣтельствуюсь тою рѣчью, которую говорилъ недавно въ собранiи. Тебя тамъ не было; я ее теперь прочту.

При сихъ словахъ я хотѣлъ воспользоваться совѣтомъ Аристотеля; но онъ гнался за мною, безпрестанно говоря, безпрестанно разсказывая.

Я скрылся въ народъ, столпившийся около одного гадателя, которой жаловался на невѣріе Аѳинянъ. Онъ кричалъ: когда въ общемъ собраніи я говорю о вещахъ божественныхъ и открываю вамъ будущее; вы только надо мной смѣетеся, какъ надъ дуракомъ; однакожъ событіе всегда оправдывало мои предсказанія. Но вы завидуете всѣмъ тѣмъ, кои васъ превышаютъ въ познаніяхъ.

Онъ хотѣлъ продолжать, но вдругъ показался Діогенъ, которой возвращался изъ Лакедемона. „Откуда, пріѣхалъ ты спро„силъ нѣкто у него? Изъ покоя мужес„каго въ женской, отвѣчалъ онъ. Много ли „было народа на Олимпійскихъ играхъ, во„просилъ другой? — Зрителей много, а людей „мало.„ При сихъ отвѣтахъ народъ восплескалъ и въ ту же минуту окружила его толпа Аѳинянъ, которые старались извлечь изъ него какую нибудь острую шутку. „Для чего, говорилъ одинъ, ѣшь ты на рынкѣ? — Для того, что я на рынкѣ

ѣсть захотѣлъ. Другой его спросилъ: „Какъ бы мнѣ отмстить моему неприяте„лю. — Будь добродѣтельнѣе. Дїогенъ! ска„залъ ему третїй, тебѣ приписываютъ „много странностей. — Но я ихъ на счетъ свой не ставлю.„ Иностранецъ, рожденный въ Миндѣ, хотѣлъ знать, какъ ему показался этотъ городъ: „Я совѣтовалъ жи„телямъ онаго, отвѣчалъ Дїогенъ, запереть „ворота, чтобъ городъ въ нихъ не ушелъ.„ Въ самомъ дѣлѣ городъ Миндъ былъ малъ, а ворота очень велики. Похлѣбствователь Критонъ, взмостясь на стулъ, спрашивалъ: почему тебя называютъ собакою? „Пото„му, что я ласкаюсь къ тѣмъ, которые ме„ня кормятъ, лаю на тѣхъ, отъ кото„рыхъ слышу отказы, а злыхъ кусаю. Ка„кое, спросилъ Критонъ, опаснѣйшее живот„ное? — Между дикими клеветникъ, между „домашними льстецъ.

При сихъ словахъ зрители захохотали; Критонъ скрылся; а къ Дїогену приступать начали съ большимъ жаромъ. „Дїогенъ! от„куда ты, сказалъ ему нѣкто? Я гражданинъ „вселенной, отвѣчалъ онъ. Ахъ, нѣтъ! гово„рилъ другой, онъ изъ Синопа: тамошнїе жи-

„тели осудили его на изгнанїе. — А я ихъ „осудилъ на житье въ томъ городѣ.„ Одинъ красивый юноша, подошедъ къ нему, произнесъ такое слово, которое по неблагопристойности заставило краснѣть бывшаго при томъ его приятеля однихъ съ нимъ лѣтъ. Дїогенъ сказалъ послѣднему: „Хоро„шо, мой другъ! это цвѣты добродѣтели; „а другому, не стыдно ли тебѣ вынимать „свинцовой мечъ изъ дорогихъ ноженъ?„ Молодой человѣкъ осердясь ударилъ его въ щоку. „Ну, повторилъ онъ хладнокровно, ты мнѣ даешь знать, что мнѣ нуженъ шишакъ. Въ ту минуту спросили у него, какую онъ получилъ пользу отъ своей философїи? — Вы это видите: я готовъ на всякїе случаи.

Въ то самое время Дїогену на голову капала вода съ кровли, а онъ съ мѣста не сходилъ. Нѣкоторые изъ предстоявшихъ объ немъ жалѣли: Платонъ, случайно проходя, сказалъ имъ; „Хотите ли, чтобы ваше со„страданїе было ему полезно? притворитесь, „будто вы его не видите.„

Нѣкогда встрѣтился я въ портикѣ Юпитеровомъ съ нѣкоторыми Аѳиинянами, имѣв-

шими споръ о предметахъ философскихъ. Нѣтъ говорилъ съ прискорбіемъ одинъ старый Ираклитовъ ученикъ, я не могу созерцать природы безъ внутренняго содрагания. Существа безчувственныя пребываютъ въ безпрестанномъ состояніи войны или разрушенія; обитающія въ воздухѣ, въ водахъ и на землѣ получили силу или хитрость единственно для взаимнаго притѣсненія. Я умерщвляю и пожираю то животное, которое вскормилъ моими руками, доколѣ презрѣнныя насѣкомыя въ свое время не пожрутъ самаго меня.

Я обращаю взоры мои на пріятнѣйшія изображенія, сказалъ одинъ молодой послѣдователь Демокрита. Приливъ и отливъ не болѣе меня сокрушаетъ, какъ и повремянное послѣдствіе волнъ морскихъ или древесныхъ листьевъ. Какая нужда, что одни существа появляются, а другія изчезаютъ? Земля есть зрѣлище измѣняющееся ежеминутно въ своихъ украшеніяхъ; не покрывается ли она ежегодно новыми цвѣтами, новыми плодами? Частицы, изъ коихъ я составленъ, по раздѣленіи своемъ паки нѣкогда соединятся, и я оживу въ новомъ уже образѣ.

Ахъ! сказалъ третій, степень любви или ненависти, радости или печали, владычествующихъ нами, весьма много дѣйствуютъ надъ сужденіями нашими. Когда я боленъ, тогда вижу въ природѣ систему разрушенія; когда здоровъ, систему рожденія. Она есть и то и другое, отвѣтствовалъ четвертый. Когда вселенная вышла изъ хаоса, разумныя твари ласкали себя надеждою, что верховная премудрость удостоитъ ихъ откровеніемъ о причинѣ ихъ бытія, но она таинство свое сокрыла въ нѣдрѣ своемъ и обращаяся ко вторымъ причинамъ изрекла только сіи два слова: истребляйте, возраждайте. Сіи два слова на вѣки опредѣлили судьбу вселенной.

Я еще не знаю, отвѣчалъ первый, для забавы или для важнаго какого намѣренія сотворили насъ боги? А знаю только то, что родиться есть величайшее насчастіе, а умереть величайшее благо. Жизнь, говорилъ Пиндаръ, не иное что, какъ мечтательное видѣніе; видѣніе величественное, но при первомъ взлядѣ изображающее совершенную ничтожность человѣка. Жизнь, говорилъ Сократъ, должна быть единымъ толь-

ко размышленїемъ о смерти; странная мысль! будто бы мы должны жить для того только, чтобы учиться умирать.

Человѣкъ раждается, живетъ и умираетъ въ одно и то же мгновенїе, а въ сїе столь скоропреходящее мгновенїе, какое сцѣпленїе страданїй! Вступленїе его въ жизнь возвѣщается воплемъ и слезами; во время дѣтства и юности учители и должности его обременяютъ и мучатъ; потомъ начинается цѣпь трудныхъ подвиговъ, мучительныя заботы, горькїя печали, борьба всякаго рода; и все сїе окончивается старостью, навлекающею на него презрѣнїе, и гробомъ, предающимъ его забвенїю.

Вникни только въ человѣка. Его добродѣтели суть только измѣненїе его пороковъ. Не успѣетъ избавиться отъ одного, покоряется другому. Есть ли онъ не пользуется опытностїю своею, то онъ есть дитя, начинающее жить каждый день; а ежели сообразуется съ ними, то онъ старикъ, сѣтующїй на продолжительную жизнь.

Онъ предъ прочими животными имѣетъ два знаменитыя преимущества: предусмотрительность и надежду. Что же сдѣлала

природа съ сими преимуществами? Она ихъ отравила ядомъ боязливости.

Какая пустота во всѣхъ его дѣянїяхъ! сколько разнобразности и нелѣпостей въ его намѣренїяхъ и склонностяхъ! я вопрошаю, что есть человѣкъ?

Я вамъ это скажу, вскричалъ повѣса, въ сїю минуту вошедшїй. Онъ вынулъ изъ кармана деревянную или бумажную куклу, у которой члены двигались по нитямъ, которыя онъ дергалъ по своей волѣ. Сїи нити, сказалъ онъ, суть страсти, влекущїя насъ то въ ту, то въ другую сторону: вотъ все, что я знаю о человѣкѣ; сказалъ и ушелъ.

Наша жизнь, говорилъ одинъ ученикъ Платоновъ, есть вмѣстѣ и комедїя и трагедїя; въ первомъ видѣ ей не льзя имѣть другой завязки, кромѣ нашего дурачества; въ другомъ иной развязки, кромѣ смерти; и какъ жизнь наша заключаетъ въ себѣ обѣ сїи драммы, она потому и составлена изъ заботъ и печалей.

Разговоръ безпрестанно перемѣнялся. Одинъ не признавалъ существованїя движенїя; другой, окружающихъ насъ предметовъ. Нѣкоторые говорили, что все внѣ насъ есть

призракЪ и привидѣнïе; внутрь насЪ ложь и мечта. Наши чувства, наши страсти и самой разсудокЪ приводятЪ насЪ вЪ заблужденïе; знанïя или паче суетныя мнѣнïя исторгаютЪ насЪ изЪ спокойнаго невѣжества и ввергаютЪ вЪ мучительную неизвѣстность; а удовольствïя подвержены перемѣнамЪ, тысячу разЪ горестнѣйшимЪ, нежели удовольствïя чувствЪ.

Я осмѣлился вступить вЪ разговорЪ. Люди, сказалЪ я, болѣе и болѣе просвѣщаются. Не должно ли надѣяться, что люди, истощивЪ всѣ заблужденïя, постигнутЪ наконецЪ таинства, ихЪ сокрушающïя. А знаешь ли ты, отвѣчали мнѣ, что тогда случается? ВЪ ту минуту, какЪ тайна сïя начинаетЪ открываться, природа мгновенно впадаетЪ вЪ страшную болѣзнь. ПотопЪ, пожарЪ истребляютЪ народы вкупѣ и сЪ памятниками ихЪ знанïя и тщеславïя. Сïи ужасные бичи часто измѣняли видЪ нашего шара. СвѣтильникЪ ученïя не разЪ угасалЪ и возжигался. При каждой перемѣнѣ нѣсколько человѣкЪ, по случаю спасшихся, возобновляютЪ цѣпь поколѣнïй; и вотЪ новый родЪ несчастныхЪ, который

рачительно занимается въ продолженіи многихъ вѣковъ составленіемъ изъ себя общества, изданіемъ для себя законовъ, изобрѣтеніемъ художества и усовершенствованіемъ своихъ познаній, доколѣ другое злоключеніе не повергнетъ его въ бездну забвенія.

Не могъ я долѣе присутствовать при столь новомъ и странномъ для меня разговорѣ. Я тотчасъ вышелъ изъ портика и, не зная куда идти, пошелъ на берегъ Илисса. Мысли самыя печальныя и чувствованія горести сильно волновали мою душу. Такъ я для пріобрѣтенія толь ненавистнаго просвѣщенія оставилъ отечество и родственниковъ! Такъ всѣ усилія человѣческаго разума служатъ только къ познанію, что мы самыя несчастныя существа? Но отъ чего же они существуютъ и погибаютъ? Что значатъ тѣ повременныя перемѣны, которыя вѣчно являются на ѳеатрѣ міра? Для кого опредѣлено столь ужасное зрѣлище? для боговъ ли, въономъ нужды не имѣющихъ? или для человѣковъ, кои суть жертвы оныхъ перемѣнъ? Я самъ на ѳеат-

рѣ; почто меня принудили представлять на ономъ лицѣ? почто извлекать меня безъ моего согласія изъ небытія? почто дѣлать меня несчастнымъ, не спросивъ прежде, хочу ли я быть таковымъ? Я вопрошаю небеса, землю, всю вселенную. Но что могутъ они отвѣтствовать? Они безмолвно совершаютъ уставы, причины которыхъ не вѣдаютъ. Я вопрошаю мудрыхъ: жестокіе люди! они мнѣ отвѣтствовали; они научили меня познавать самаго себя; они меня лишили всякаго права, которое я имѣлъ на почтеніе къ себѣ. Уже я виновенъ предъ богами, а можетъ быть вскорѣ буду жестокъ къ человѣкамъ.

До какой степени дѣятельности и напряженія простирается сильно потрясенное воображеніе! Единымъ обозрѣніемъ я объялъ все послѣдствіе сихъ бѣдственныхъ мнѣній. Малѣйшіе признаки сдѣлались для меня истиннами; малѣйшіе страхи мученіемъ. Мысли мои, подобно ужаснымъ призракамъ, сражались въ моемъ разумѣ, какъ волны въ морѣ, ужасною бурею возмущенномъ.

Въ такомъ волненіи духа я бросился

непримѣтно подъ яворовое дерево, подъ которымъ Сократъ иногда бесѣдовалъ съ учениками своими. Воспоминанїе о человѣкѣ столько мудромъ и столько счастливомъ умножило болѣе мое безпокойство и изступленїе. Я громогласно призывалъ его, орошалъ слезами мѣсто, гдѣ онъ возсѣдалъ, какъ увидѣлъ издали идущихъ Фоку сына Фокїонова и Ктезиппа сына Хабрїева, въ сопровожденїи нѣсколькихъ молодыхъ людей, знакомыхъ и мнѣ. Я только что могъ опомниться, какъ они подошли и принудили меня за собою слѣдовать.

Мы пошли на площадь; намъ показывали пѣсенки, эпиграммы, сочиненныя на правителей государственныхъ дѣлъ, и рѣшено было, что лучшее правительство есть Лакедемонское. Мы пошли въ ѳеатръ, тамъ играли новыя сочиненїя, кои мы освистывали, а народу нравились. Мы ѣздили верьхомъ. По возвращенїи, побывавъ въ купальняхъ, мы ужинали съ пѣвицами и свирѣльщицами. Я позабылъ о портикѣ, яворѣ и Сократѣ. Я весь предался своевольству и забавамъ. Мы проводили часть ночи въ питїи,

а другую пробѣгали по улицамъ и обижали мимоходящихъ.

Проснувшись поутру я чувствовалъ, что душа моя была спокойна совершенно, и легко позналъ причины ужасовъ, сильно меня въ прошедшій день волновавшихъ. Я еще не довольно укрѣпился противъ неизвѣстностей въ познаніяхъ; то страхъ мой походилъ на страхъ робенка, которому въ первой разъ случилось быть въ потемкахъ. Я тогда рѣшился утвердить свои понятія въ разсужденіи мнѣній, о которыхъ разсуждали въ портикѣ Юпитеровомъ, чаще посѣщать библіотеку одного Аѳинянина, моего пріятеля, и воспользоваться симъ случаемъ, чтобы подробно узнать различныя отрасли Греческой словесности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Библіотека нѣкоего Аѳинянина; книги философскія.

За два столѣтія предъ симъ, Пизистратъ собралъ библіотеку, которую сдѣ-

лалъ онъ для всѣхъ открытою, и которая послѣ того была взята Ксерксомъ въ Персїю. Въ мое время многїе Аѳиняне имѣли знатное собранїе книгъ; и самое большое было у Эвклида. Оно досталось ему отъ предковъ; Эвклидъ и достоинъ былъ обладать онымъ, потому что зналъ его цѣну.

Вступя въ библїотеку, я вострепеталъ отъ радости и удивленїя. Я былъ тамо посреди превосходнѣйшихъ умовъ Грецїи. Казалось, они еще жили, еще дышали въ своихъ творенїяхъ, вокругъ меня расположенныхъ. Самое безмолвїе ихъ умножало мое къ нимъ почтенїе. Собранїе всѣхъ владыкъ земныхъ не показалось бы мнѣ столько величественно. Нѣсколько минутъ спустя, воскликнулъ я: коль многихъ познанїй не имѣютъ Скифы! Послѣ того я не разъ говаривалъ: сколько есть познанїй для человѣка безполезныхъ!

Я здѣсь не буду говорить о разныхъ веществахъ, на коихъ они начертывали писмена. То употребляемы были козьи и бараньи кожи, то полотно разнаго рода; а потомъ дѣлали бумагу изъ слоевъ нѣ-

коего болотнаго растенія въ Египтѣ, или среди стоячихъ Нильскихъ водъ, остающихся послѣ наводненія сей рѣки. Составляли столбцы, въ концѣ коихъ висѣла записочка, содержащая названіе книги. Буквы начертаны на одной сторонѣ каждаго столбца; и для облегченія читателей они раздѣлены были по многимъ статьямъ или страницамъ.

Сочиненія были переписываемы или нарочными писцами, которые во всю свою жизнь только тѣмъ и занимались; или такими людьми, которые принимали на себя трудъ сей въ намѣреніи чему нибудь научиться. Димосѳенъ нѣкогда сказывалъ мнѣ, что онъ, для усовершенствованія своего слога, восемь разъ своеручно переписывалъ исторію Ѳукидида. Такимъ образомъ умножаются списки; но по причинѣ издержекъ на оные, не всякой можетъ ихъ имѣть. Отъ сего-то и просвѣщеніе толь медленно распространяется. Книга еще становится рѣже, когда появляется въ земляхъ отдаленныхъ и содержитъ въ себѣ такіе предметы, которые не всякому понятны. Я знаю, что Платонъ, не взирая на сношенія свои съ Ита-

лїею, съ великимъ трудомъ досталъ нѣкоторыя философскія творенія и заплатилъ сто минъ за три маленькія сочиненія Филолая.

Книгопродавцы Аѳинскіе не могутъ быть ни столько рачительны, ни столь щедры на таковыя издержки, какъ Платонъ. Они по большой части запасаются книгами, служащими для единственной забавы, изъ коихъ часть посылаютъ они въ сосѣднія страны, а иногда и въ Греческія поселенія на брегахъ Эвксинскаго понта. Непомѣрная страсть писать доставляетъ непрестанно пищу сей торговлѣ. Греки упражнялись во всѣхъ родахъ словесности, о чемъ судить можно по разнымъ замѣчаніямъ, которыя сдѣлаю о библїотекѣ Эвклидовой.

Я начну съ философскихъ книгъ. Ихъ начали писать въ вѣкъ Солона, который жилъ почти за 250 лѣтъ. Прежде были у Грековъ богословы, а философовъ не было. Они мало пеклись познавать природу, а стихотворцы собирали и утверждали въ своихъ сочиненїяхъ ложь и суевѣрныя преданія, господствовавшія въ народѣ. Но во вре-

мя сего законодателя, и около 50 Олимпіады, мгновенно послѣдовала въ умахъ удивительная перемѣна. Ѳалесъ и Пиѳагоръ положили основаніе своей философіи; Кадмъ Милетскій написалъ исторію въ прозѣ; Ѳеспись далъ первое образованіе трагедіи, а Сузаріонъ комедіи.

Ѳалесъ. Ѳалесъ изъ Милета, что въ Іоніи, одинъ изъ семи Греческихъ мудрецовъ, родился въ 1мъ году 35й Олимпіады. Онъ сперва отправлялъ съ отличіемъ должности, которыя на него возлагали и порода и мудрость. Нужда въ пріобрѣтеніи просвѣщенія вскорѣ побудила его путешествовать къ народамъ чуждымъ. По возвращеніи своемъ, посвятя себя совершенно изученію природы, онъ удивилъ Грецію, предсказавъ солнечное затменіе; онъ просвѣтилъ ее, сообщая ей пріобрѣтенныя имъ въ Египтѣ познанія въ геометріи и астрономіи. Онъ жилъ свободнымъ, наслаждался спокойно славою, и умеръ равнодушно. Мать, въ его молодости, склоняла его къ женитьбѣ; нѣсколько лѣтъ спустя, еще къ тому же уговаривала; онъ въ первой разъ отвѣчалъ: еще не пришло время, а въ другой; теперь уже не время.

Есть множество извѣстныхъ его отвѣтовъ, которые здѣсь помѣщу; потому что они могутъ подать понятїе о его философїи и показать, съ какою точностїю мудрые того вѣка старалися отвѣчать на заданные имъ вопросы.

Что всего прекраснѣе? — Вселенная, ибо она есть творенїе Божїе. — Что всего обширнѣе? — Пространство, ибо оно содержитъ въ себѣ все. — Что всего сильнѣе? — Нужда, потому что она все побѣждаетъ. — Что всего труднѣе? — Познанїе самаго себя. Что всего легче? — Подавать совѣты. — Что всего рѣже? — Тираннъ, достигающїй старости. — Какая разность между жизнїю и смертїю? — Это все равно. — Для чегожъ ты не умираешь? Для того, что это все равно. — Что насъ можетъ утѣшить въ бѣдствїи? — Видъ врага несчастнѣйшаго, нежели мы. — Что потребно для того, чтобы жизнь моя была неукоризненна? — Не дѣлать того, что осуждаешь въ другихъ. — Что потребно для того, чтобъ быть счастливу? — Тѣло здоровое, достатокъ умѣренный, разумъ просвѣщенный и пр. и пр.

Ничто такъ не славно, какъ имя Пиѳагорово, и ничто такъ мало неизвѣстно, Пиѳагоръ.

какъ подробности его жизни. Кажется, что въ юности своей онъ получилъ наставленія отъ Ѳалеса и Ферესида Сиросскаго, что потомъ имѣлъ долгое пребываніе въ Египтѣ; и ежели не странствовалъ по царствамъ верьхней Асіи, по крайней мѣрѣ имѣлъ нѣкоторое понятіе о процвѣтающихъ тамъ наукахъ. Глубина Египетскихъ таинствъ, долговременныя размышленія восточныхъ мудрецовъ имѣли столькожъ прелестей для его пламеннаго воображенія, сколько для твердаго его духа строгая жизнь, каковую большая часть изъ нихъ вела.

По возвращеніи своемъ нашелъ онъ отечество притѣсненное тиранномъ, и потому, избѣгая рабства, поселился онъ въ Кротонѣ, Италійскомъ городѣ, который находился тогда въ плачевномъ состояніи. Обитатели, побѣжденные Локріянами, потеряли чувствованіе силъ своихъ, и не находили въ напастяхъ своихъ другаго пособія, какъ только погружаясь въ безмѣрныя забавы. Пиѳагоръ вознамѣрился возвратить имъ мужество возстановленіемъ ихъ древнихъ добродѣтелей. Его наставленія и примѣры столько содѣйствовали успѣхамъ преобра-

зованія, что видѣли нѣкогда женъ Кротонскихъ, восхищенныхъ его краснорѣчіемъ, посвящающихъ въ храмѣ богатыя свои украшенія.

Недоволенъ будучи симъ торжествомъ, онъ захотѣлъ его увѣковѣчить, воспитывая юношество въ тѣхъ правилахъ, которыя доставили ему оное торжество. Онъ зналъ, что государство ничѣмъ такъ не укрѣпляется какъ благонравіемъ; а частный человѣкъ, какъ совершеннымъ отверженіемъ самаго себя; потому и составилъ систему воспитанія, которое, для содѣланія душъ способными къ воспріятію истинны, долженствовало сдѣлать ихъ отъ чувствъ независимыми. Тогда-то учредилъ онъ то знаменитое училище, которое даже и нынѣ отличается отъ прочихъ философскихъ сектъ. Я буду говорить о семъ въ послѣдствіи.

При концѣ дней своихъ и въ глубокой старости Пиѳагоръ съ прискорбіемъ увидѣлъ, что его учрежденіе было почти уничтожено завистію главнѣйшихъ Кротонскихъ жителей. Бывъ принужденъ къ бѣгству, онъ скитался изъ города въ го-

родѣ, до самой той минуты, когда смерть, прекращая его бѣдствія, заставила безмолствовать зависть и возвратить праху его почести, которыя воспоминаніе гоненій содѣлало чрезмѣрными.

Училище Іонійское.

Училище Іонійское обязано началомъ своимъ Ѳалесу; Италійское, Пиѳагору: отъ сихъ двухъ училищъ составились еще другія, кои всѣ произвели великихъ людей. Эвклидъ, собравъ ихъ творенія, расположилъ оныя сообразно различнымъ системамъ философіи.

Къ нѣкоторымъ твореніямъ, можетъ быть ложно приписываемымъ Ѳалесу, приобщены были книги такихъ писателей, которые другъ другу передавали его ученіе, и кои одинъ послѣ другаго были начальниками его училища, какъ то: Анаксимандръ, Анаксименъ, Анаксагоръ, который первый училъ философіи въ Аѳинахъ; Архелай, который былъ учителемъ Сократа. Въ ихъ сочиненіяхъ разсуждается о составленіи міра, о природѣ вещей, о геометріи и астрономіи.

Послѣдующія книги гораздо болѣе относились къ нравственности; ибо Сократъ, равно какъ и его ученики, менѣе зани-

мались природою вообще, нежели человѣкомъ въ особенности. Сократъ оставилъ только на письмѣ одинъ гимнъ въ честь Аполлону и нѣсколько Езоповыхъ басенъ, кои онъ преложилъ въ стихи, когда находился заключеннымъ въ темницѣ. Я нашелъ у Эвклида сіи два небольшія творенія, такъ какъ и другія сочиненія, изъ училища сего философа вышедшія. Они почти всѣ писаны въ видѣ разговоровъ, въ коихъ Сократъ занимаетъ главное лице; ибо намѣреніе сочинителей было приводить на память бесѣды его. Я читалъ разговоры Платона, Анаксимена, которые писаны прежде Платоновыхъ; разговоры Ксенофонта, Эсхина, Критона, Симона, Главкона, Симмія, Кебеса, Федона и Эвклида, который основалъ училище Мегарское, нынѣ управляемое Эвбулидомъ, его ученикомъ.

Училище Италійское.

Изъ училища Италійскаго гораздо болѣе вышло писателей, нежели изъ Іонійскаго; кромѣ нѣкоторыхъ книгъ, по видимому несправедливо приписываемыхъ Пиѳагору, библіотека Эвклидова содержала въ себѣ почти всѣ сочиненія философовъ, кои послѣдовали его ученію, или нѣсколько придерживались онаго.

Изъ числа таковыхъ былъ Эмпедоклъ изъ Агригента, которому жители сего великаго города поднесли корону; но онъ вмѣсто того восхотѣлъ установить между ими равенство. Имѣя дарованія, сближавшія его съ Омиромъ, украсилъ онъ прелестями стихотворства самыя отвлеченныя предметы и приобрѣлъ столько славы, что устремилъ на себя взоры всѣхъ Грековъ, собравшихся на Олимпійскія игры. Онъ говаривалъ Агригентинцамъ: „вы такъ гоняетеся за увеселеніями, какъ будто бы вамъ завтра умереть; а домы ваши такъ строите, какъ будто бы вамъ не умирать никогда.„

Изъ числа таковыхъ же были Эпихармъ, человѣкъ разумный, такъ какъ и большая часть Сициліянъ, но который впалъ въ немилость у Царя Гіерона за употребленіе непристойнаго выраженія въ присутствіи супруги сего государя, и въ ненависть у другихъ философовъ за то, что открылъ таинство ихъ догматовъ въ своихъ комедіяхъ; Оцеллъ изъ Луканіи, Тимей изъ Локровъ, сочинители не столько блистательные, но одаренные болѣе глу-

бокомыслїемъ и основательностїю, нежели вышесказанные; Архитъ изъ Тарента, славный по важнымъ открытїямъ въ механикѣ; Филолай изъ Кротоны, одинъ изъ первыхъ между Греками, заставившихъ землю обращаться около центра вселенной; Евдоксъ, съ которымъ я часто видался у Платона, и который вмѣстѣ былъ геометръ, астрономъ, медикъ и законодатель. Не упоминаю объ Экфантѣ, Алкмеонѣ, Иппасѣ и множествѣ другихъ, какъ древнихъ такъ и новѣйшихъ временъ, проживвшихъ въ неизвѣстности и прославившихся послѣ смерти.

Одна полка привлекла мое вниманїе; на ней поставлены были книги философскїя, сочиненныя женщинами, изъ которыхъ большая часть были послѣдовательницы ученїя Пиѳагора. Я тамъ нашелъ разсужденїе Перикпїоны о премудрости; оно есть такое сочиненїе, гдѣ блистаетъ свѣтозарная метафизика. Эвклидъ мнѣ сказывалъ, что Аристотель весьма оную уважалъ, и что почерпалъ изъ оной понятїя о природѣ существа и принадлежностей онаго.

Онъ присовокупилъ, что училище Италїйское болѣе распространило просвѣщенїя на землѣ, нежели Iонїйское; но что оно дѣлало отступленїя, отъ которыхъ соперница ея естественно могла остеречься. Подлинно, что оба великїе мужа, основавшїе сїи училища, напечатлѣли въ своихъ сочиненїяхъ свойство своего разума. Ѳалесъ, отличавшїйся глубокимъ разумомъ, имѣлъ учениками мудрецовъ, разсматривавшихъ природу простыми средствами. Его училище наконецъ произвело Анаксагора и самое здравое богословїе; — Сократа и чистѣйшее нравоученїе. Пиѳагоръ, управляемый сильнымъ воображенїемъ, составилъ толкъ благочестивыхъ энтузїастовъ, которые сперва видѣли только въ природѣ размѣръ и согласїе, и которые, преходя отъ одного вымысла къ другому, возродили въ Италїи Елейское училище и самую отвлеченную метафизику.

Училище Елейское.

Философы сего послѣдняго училища могутъ быть раздѣлены на два разряда. Одни, какъ то: Ксенофанъ, Парменидъ, Мелиссъ и Зенонъ прилѣпились къ метафизикѣ: другїе, какъ Левкиппъ, Демокритъ,

Протагоръ и прочіе болѣе занимались физикою.

Елейское училище обязано своимъ началомъ Ксенофану изъ Колофона въ Іоніи. Онъ, бывъ изгнанъ изъ отечества своего, которое прославилъ въ своихъ стихотвореніяхъ, поселился въ Сициліи, гдѣ для содержанія своего семейства не имѣлъ другаго способа, кромѣ того, что всенародно воспѣвалъ стихи свои, какъ дѣлывали первые философы. Онъ охуждалъ всѣ игры, производимыя наудачу. Нѣкто называлъ его за то слабоумнымъ и предубѣжденнымъ, а онъ отвѣчалъ: „Я слабоумнѣе всѣхъ „человѣковъ въ такихъ дѣлахъ, которыхъ „стыдиться должно.„

Парменидъ, ученикъ его, происходилъ изъ древнѣйшаго и богатѣйшаго дома въ Елеи. Онъ снабдилъ отечество свое толь превосходными законами, что градоначальники ежегодно обязываютъ каждаго гражданина давать клятву въ сохраненіи оныхъ. Послѣ того наскуча довѣренностію отъ народа и властію, онъ предался совершенно философіи, и провелъ остатокъ дней своихъ въ безмолвіи и размышленіи. Большая часть его сочиненій писаны стихами.

Зенонъ изъ Елеи, который былъ его ученикомъ и котораго онъ усыновилъ, увидѣвъ явившагося тиранна въ свободномъ городѣ, сдѣлалъ противъ него заговоръ, и умеръ, не объявивъ своихъ сообщниковъ. Сей философъ столько же имѣлъ уваженія къ народу, какъ и къ самому себѣ. Душа его, толико твердая въ бѣдахъ, не могла сносить клеветы. Онъ говаривалъ: „Чтобъ быть нечувстви„тельнымъ къ хулѣ, надлежитъ мнѣ так„же быть нечувствительнымъ къ пох„валѣ.„

Между философами, а особливо Елейскаго училища, были и такіе, которые занимались управленіемъ государственныхъ дѣлъ, какъ-то Парменидъ и Зенонъ. Иные начальствовали войсками. Архитъ одержалъ многія побѣды, предводительствуя силами Тарентинскими. Мелиссъ, ученикъ Парменидовъ, побѣдилъ Аѳинянъ на морѣ. Сіи и другіе примѣры, о коихъ бы можно было упомянуть, не доказываютъ, что одна философія достаточна для произведенія государственныхъ людей, или знаменитыхъ военачальниковъ; они убѣждаютъ только,

что государственный человѣкъ и великій полководецъ могутъ упражняться въ философіи.

Левкиппъ удалился отъ правилъ Зенона, своего наставника, и сообщилъ свои собственныя Демокриту, родомъ изъ Фракійской Абдеры.

Сей послѣдній имѣлъ богатыхъ родителей; но онъ оставилъ для себя только часть своего имѣнія, чтобы странствовать, по примѣру Пиѳагора, по землямъ народовъ, которыхъ Греки почитаютъ варварами и которые однако же имѣли у себя хранилище наукъ. По его возвращеніи, одинъ изъ его братьевъ, котораго онъ обогатилъ частію своего наслѣдія, помогалъ ему въ необходимыхъ нуждахъ. Демокритъ, для предваренія дѣйствія законовъ, лишающихъ похоронъ гражданина, обвиненнаго въ расточеніи своего наслѣдства, прочиталъ въ присутствіи Абдерскихъ жителей сочиненіе, которымъ приобрѣлъ онъ ихъ уваженіе и удивленіе. Онъ провелъ остатокъ жизни своей въ совершенномъ уединеніи; былъ счастливъ; потому что объятъ былъ сильною страстію, которой могъ всегда удовлетворять, стра- **Демокритъ.**

стію просвѣщаться своими размышленіями, и просвѣщать другихъ своими писаніями.

Протагоръ, рожденный отъ бѣдныхъ родителей, былъ найденъ и воспитанъ Демокритомъ, который открылъ въ немъ разумъ и просвѣтилъ его. Сей самый Протагоръ, который послѣ сдѣлался славнѣйшимъ софистомъ въ Аѳинахъ, гдѣ онъ поселился. Онъ же преподалъ законы Туринянамъ въ Италіи, писалъ о философіи, былъ обвиненъ въ безбожіи и изгнанъ изъ Аттики. Сочиненія его строжайше отъискиваемы были въ домахъ частныхъ людей и послѣ того сожжены на площади.

Не знаю, обстоятельствамъ ли временъ, или свойству человѣческаго разума приписать должно удивительную странность, которая меня всегда поражала, то есть какъ скоро въ какомъ либо городѣ появится человѣкъ превосходнаго ума или дарованія, тотчасъ тамъ открываются и другіе умы знаменитые и дарованія, которыя, можетъ быть, безъ него никогда бы не были извѣстны. Кадмъ и Ѳалесъ въ Милетѣ, Пиѳагоръ въ Италіи, Парменидъ въ городѣ Елеѣ, Эсхилъ и Сократъ въ Аѳинахъ, сотворили, такъ

сказать, въ сихъ различныхъ странахъ цѣлыя поколѣнія умовъ людей, ревнующихъ уподобиться или превзойти образцы свои. Самая Абдера, сей малый городокъ, досслѣ знаменитый глупостію жителей своихъ, едва успѣлъ произвести Демокрита, какъ показался въ немъ Протагоръ; а сей послѣдній будетъ замѣщенъ жителемъ того же города Анаксархомъ, который уже показываетъ великія способности.

Между сочинителей, писавшихъ о философіи, я долженъ упомянуть о мрачномъ Гераклитѣ Ефесскомъ, заслужившемъ сіе названіе по темнотѣ слога своего. Онъ былъ свойства мрачнаго и гордости нестерпимой. Сперва объявилъ, что онъ ничего не знаетъ, а наконецъ говорилъ, что онъ все знаетъ. Ефесеяне хотѣли сдѣлать его начальникомъ республики; но онъ отрекся, негодуя за ссылку Гермодора, друга своего. Они просили у него законовъ; онъ отвѣчалъ имъ, что они слишкомъ развращенны. Сдѣлавшись ненавидимъ всѣми, онъ оставилъ Ефесъ, и удалился на сосѣдственныя горы, гдѣ питался дикимъ быліемъ, и не приобрѣлъ другаго плода отъ своихъ раз- Гераклитъ.

мышленій, кромѣ того, что еще болѣе возненавидѣлъ родъ человѣческій.

Сократъ, прочитавъ одно сочиненіе Гераклита, сказалъ Эврипиду, ссудившему его онымъ: „Все то, что я понялъ, превосходно: думаю, что и прочее таково же; но „надобно быть искуснымъ Делосскимъ пловашелемъ, чтобы въ ономъ не потонуть.„

Подлѣ сочиненія сихъ знаменитыхъ писателей было великое множество и другихъ, которыхъ творцы менѣе извѣстны. Во время, какъ я поздравлялъ Эвклида съ толико богатымъ собраніемъ книгъ, вошелъ въ библіотеку мужъ лѣтами, лицемъ и осанкою достопочтенный. Власы его лежали по плечамъ, чело украшено было діадимою и миртовымъ вѣнкомъ. То былъ Каллій Іерофантъ, или первосвященникъ Цереры, искренній другъ Эвклида, который не упустилъ меня съ нимъ познакомить и предупредить его въ мою пользу. По краткомъ разговорѣ, я опять обратился къ моимъ книгамъ. Я ихъ пересматривалъ съ восторгомъ, что примѣтилъ и Каллій. Онъ у меня спросилъ, доволенъ ли я буду, ежели мнѣ подастся нѣкоторое понятіе объ ученіи,

вѣ нихѣ содержащемся? Я тебѣ буду отвѣчать, сказалѣ я сѣ жаромѣ, также какѣ нѣкто изѣ моихѣ предковѣ отвѣчалѣ Солону: „Я за тѣмѣ только оставилѣ Скиѳ„скую землю, прошелѣ обширныя страны, „презиралѣ бури Эвксинскаго понта, что„бы отѣ васѣ научиться." Итакѣ я отселѣ не выду; я нетерпѣливо желаю, такѣ сказать, пожрать творенія вашихѣ мудрецовѣ; ибо безѣ сомнѣнія должны проистекать отѣ ихѣ трудовѣ великія истинны для блага человѣковѣ. Каллій улыбнулся, видя мою рѣшимость, а можетѣ быть, показывалѣ тѣмѣ и сожалѣніе обо мнѣ; о чемѣ заключить можно изѣ слѣдующаго разсужденія.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Разсужденіе жреца Цереры о первоначальныхъ причинахъ.

Однажды приснилось мнѣ, сказалѣ Каллій, что я вдругѣ очутился на большой дорогѣ, среди безчисленной толпы людей обоего пола, всякаго возраста и состоянія. Мы шли скорыми шагами, сѣ завязанными

повязкою глазами; одни испускали радостные крики, а большая часть были обременены печалїю и скукою. Я не зналъ, откуда и куда я шелъ. Спрашивалъ о семъ окружавшихъ меня. Одни говорили мнѣ: мы также не знаемъ, какъ и ты; мы слѣдуемъ за тѣми, кои намъ предшествуютъ, и предшествуемъ тѣмъ, кои слѣдуютъ за нами. Другїе отвѣчали: что намъ нужды до твоихъ вопросовъ? ты видишь людей, которые насъ тѣснятъ, и мы съ своей стороны должны ихъ отталкивать. Наконецъ разумнѣйшїе говорили: боги опредѣлили намъ совершать сїе поприще, и мы исполняемъ ихъ повелѣнїе, не принимая большаго участїя ни въ тщетной радости, ни въ тщетной печали сея толпы. Будучи увлекаемъ оною толпою, вдругъ услышалъ я голосъ: се путь свѣта и истинны! Я съ особеннымъ удовольствїемъ пошелъ туда, откуда былъ голосъ. Нѣкто схватилъ меня за руку, развязалъ глаза, и ввелъ въ густой лѣсъ, гдѣ было мнѣ также темно, какъ и прежде. Скоро потеряли мы тропинку, по которой шли, и увидѣли множество людей, блуждающихъ подобно намъ. Путеводители ихъ при каждой встрѣ-

чѣ не могли разойтись безъ драки. Они великую выгоду находили въ томъ, чтобъ отнимать другъ у друга послѣдователей. Они держали въ рукахъ факелы, отъ которыхъ сыпались искры, насъ ослѣплявшія. Часто перемѣнялъ я проводниковъ; часто падалъ я въ стремнины; часто непреодолимая стѣна преграждала мнѣ путь; проводники тогда скрывались, и оставляли меня въ ужасномъ отчаяніи. Истощивъ всѣ свои силы, я сожалѣлъ, что оставилъ тотъ путь, по которому шла толпа, и въ то же время проснулся.

Сынъ мой! люди множество вѣковъ жили въ невѣжествѣ, которое не тревожило ихъ разсудка. Довольствуяся недостаточными преданіями о началѣ вещей, они жили спокойно, не заботясь о познаніяхъ. Но около двухъ сотъ лѣтъ тому, какъ побуждаемы какимъ-то внутреннимъ безпокойствомъ, стремятся проникнуть въ тайны природы, коихъ сначала и не примѣчали; и сія новая болѣзнь человѣческаго ума замѣнила грубые предразсудки большими заблужденіями.

Когда открыли, что Богъ, человѣкъ,

вселенная суть важные предметы размышленія; то души, казалось, начали возвышаться; ибо ничто не даетъ такихъ высокихъ понятій, и не представляетъ обширнѣйшихъ видовъ, какъ созерцаніе природы; и поелику честолюбіе ума столь же бодрственно и столь же ненасытимо, какъ и честолюбіе сердца, то восхотѣли измѣрить пространство, проникнуть безконечность, и слѣдовать всей окружности цѣпи, которая неизмѣримостію своихъ сгибовъ объемлетъ всеобщность существъ.

Творенія первыхъ философовъ суть поучительны и безъ всякаго украшенія. Они состоятъ изъ однихъ началъ и послѣдствій, подобно геометрическимъ сочиненіямъ. Но важность содержанія дѣлаетъ оныя столь величественными, что часто одно наименованіе книги возбуждаетъ всю нашу внимательность и внушаетъ почтеніе. Въ нихъ показуется, что разсуждаемо будетъ о *природѣ*, *небѣ*, *мірѣ и душѣ міра*. Демокритъ начинаетъ одно изъ своихъ сочиненій сими важными словами: *я вѣщаю о вселенной*.

Обозрѣвая сіе безчисленное множество

сочиненій, гдѣ среди самаго густаго мрака блистаетъ яркій свѣтъ, гдѣ при глубокой мудрости видно крайнее изступленіе, гдѣ человѣкъ оказалъ всю силу и слабость своего разсудка, припомни, сынъ мой! что природа облечена мѣдянымъ покровомъ, такъ что соединенныя усилія всѣхъ людей и всѣхъ вѣковъ, не могутъ приподнять и самаго края сего покрова; и что знаніе философа состоитъ только въ томъ, чтобы различить ту точку, гдѣ начинаются таинства; а мудрость въ томъ, чтобы оную почитать.

Мы видѣли, какъ въ наши времена отвергали бытіе Бога, или сомнѣвались въ сей истиннѣ, съ столь давняго времени признаваемой общимъ согласіемъ всѣхъ народовъ. Нѣкоторые философы явно отрицаютъ оную. Другіе отвергаютъ своими началами: всѣ тѣ, кои хотятъ проникнуть въ сущность сего безпредѣльнаго существа или описать его дѣйствія, заблуждаютъ.

Спроси ихъ: что есть Богъ? Они скажутъ: то, что не имѣетъ ни начала, ни конца. — Онъ есть духъ чистѣйшій — тончайшее вещество, — воздухъ, — огнь, одаренный разу-

мѣнїемъ; — мїръ. — Нѣтъ, душа мїра, съ которымъ онъ соединенъ такъ, какъ душа съ тѣломъ. — Онъ есть единственное начало. — Онъ есть начало блага, а вещество начало зла. —

Все дѣлается по его велѣнїю и предъ его очами; все производится посредствомъ зависящихъ отъ него началъ. . . . О сынъ мой! почитай Бога, и не старайся постигать его умомъ.

Спроси ихъ: что есть вселенная? Они скажутъ: все то, что есть и всегда было; а посему мїръ вѣченъ. — Нѣтъ; онъ не вѣченъ, а вещество вѣчно. — Сїе вещество будучи способно къ принятїю всякихъ видовъ, въ особенности не имѣло никакого. — Нѣтъ; оно имѣло одинъ, многїе, неограниченное число оныхъ; потому что оно не что иное, какъ вода, какъ воздухъ, какъ огонь, какъ стихїи, какъ собранїе атомовъ, какъ безконечное число неподверженныхъ разрушенїю стихїй, однородныхъ частицъ, коихъ соединенїе составляетъ всѣ виды: сїе вещество находилось безъ движенїя въ хаосѣ, разумѣнїе сообщило ему свое дѣйствїе и мїръ явился. — Нѣтъ, оно имѣло безпорядочное движенїе! Богъ устроилъ оное,

вложивъ въ нее часть своей сущности и чрезъ сїе мїръ сталъ сотворенъ. — Нѣтъ; атомы двигались въ пустотѣ, и вселенная была произведенїемъ случайнаго оныхъ соединенїя. — Нѣтъ; въ природѣ двѣ только стихїи, кои все произвели и все въ своемъ видѣ сохранили, т. е. земля и огонь, ее одушевляющїй. — Нѣтъ; надобно присовокупить къ четыремъ стихїямъ любовь, соединяющую ихъ части, и ненависть, ихъ раздѣляющую. . . . Сынъ мой! не теряй времени на познанїе начала вселенныя, но старайся стоять такъ, какъ должно, на томъ маломъ мѣстѣ, которое ты въ оной занимаешь.

Спроси ихъ наконецъ: что есть человѣкъ? Они тебѣ отвѣтствовать будутъ: человѣкъ представляетъ тѣ же самыя явленїя и тѣ же противорѣчїя, какъ и вселенная, коея онъ есть сокращенїе. Сїе начало извѣстное во всѣ времена подъ именемъ души и разумѣнїя, есть существо всегда находящееся въ движенїи. — Оно есть число движущееся само собою. — Духъ чистѣйшїй, какъ говорятъ, не имѣющїй ничего общаго съ тѣлами. Но естьли такъ, какимъ же обра-

зомъ можетъ онъ познавать ихъ? — Итакъ лучше сказать, онъ есть тончайшій воздухъ, дѣятельнѣйшій огонь — пламя, изтекшее изъ солнца — часть эѳира — легчайшая вода — смѣшеніе многихъ стихій; — собраніе огненныхъ и сферическихъ атомовъ, подобныхъ тѣмъ тонкимъ частицамъ вещества, кои мы видимъ колеблющимися въ лучахъ солнца; оно есть простое существо. — Нѣтъ; существо сложенное, состоящее изъ многихъ началъ, изъ многихъ противныхъ качествъ. — Кровь, обращающаяся въ нашихъ жилахъ. — Душа сія разлита по всему тѣлу; нѣтъ, она имѣетъ свое пребываніе только въ мозгу — въ сердцѣ — въ діафрагмѣ (грудобрюшной преградѣ), она умираетъ съ нами. — Нѣтъ! она не умираетъ, но преселяется въ другія тѣла; — соединяется съ душею вселенныя . . . . Сынъ мой! управляй движеніями души твоей, а не старайся познать ея сущности.

Вотъ общее изображеніе мнѣній философскихъ. Сіе обиліе понятій не иное что есть, какъ существенный недостатокъ; и сія громада видимыхъ тобою сочиненій, мнимое только сокровище высокихъ позна-

нїй, а въ самомъ дѣлѣ поносное хранилище противорѣчїй и заблужденїй. Не найдешь въ нихъ единообразныхъ и связныхъ во всѣхъ своихъ частяхъ системъ, вразумительныхъ изъясненїй, рѣшенїй свойственныхъ каждому явленїю природы. Всѣ почти сїи писатели неудобовразумительны, первое потому, что они говорятъ слишкомъ кратко; второе, что они, опасаясь оскорбить народныя мнѣнїя, прикрываютъ ученїе свое выраженїями метафорическими, или несходными съ началами ихъ; и наконецъ они даже стараются быть таковыми, желая избѣжать непредвидѣнныхъ ими трудностей или тѣхъ, коихъ не могли рѣшить.

Впрочемъ естьли ты, не довольствуясь слышанными тобою положенїями, хочешь получить слабое понятїе о главныхъ ихъ системахъ; то уже, приступая къ дѣлу, одно содержанїе вопросовъ устрашитъ тебя, какъ на примѣръ: одно ли только начало во вселенной? или надобно допускать многїя? Ежели одно, то движимо ли оно, или недвижимо? Ежели многїя, то имѣютъ ли они конецъ, или неограничены, и проч?

Наипаче старались объяснить образованіе вселенныя, и показать причину сего удивительнаго количества видовъ и недѣлимыхъ, природою намъ представляемыхъ; образы и качества тѣлъ измѣняются, разрушаются, и безпрестанно возобновляются; но составляющее оныя вещество всегда существуетъ; можно мысленно слѣдовать ему въ безчисленныхъ его раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ, и достигнуть наконецъ до простаго существа, которое будетъ первымъ началомъ вселенныя и всѣхъ въ особенности тѣлъ. Основатели Іоническаго училища и нѣкоторые другихъ училищъ философы старались открыть сіе простое и нераздѣлимое существо. Одни полагали оное въ водѣ; другіе въ воздухѣ; иные прибавили къ симъ двумъ стихіямъ землю и огонь; иные наконецъ предполагали, что съ самой вѣчности существовало въ первоначальной толщѣ безмѣрное и неподвижное количество частей, ограниченныхъ въ своемъ видѣ, и что довольно было собрать только всѣ частицы воздуха для составленія сей стихіи; всѣ частицы золота, для образованія се-

го металла, и такимъ образомъ для другихъ видовъ.

Сїи различныя системы имѣли предметомъ своимъ только вещественное и страждущее начало вещей. Вскорѣ узнали, что надобно быть другому началу, которое могло бы сообщить дѣятельность первому. Большая часть признали огонь дѣйствователемъ, способнымъ къ сложенїю и разложенїю тѣлъ. Другїе полагали, что въ частицахъ перваго вещества есть нѣкоторый родъ любви и ненависти, могущей попеременно то раздѣлять, то соединять оныя. Какъ сїи объясненїя, такъ и тѣ, коими они потомъ замѣнялись, не могли быть приспособляемы ко всѣмъ представляемымъ природою разнообразностямъ; то изобрѣтатели оныхъ находили себя принужденными прибѣгать къ другимъ началамъ, или изнемогать подъ бременемъ затрудненїй, подобно тѣмъ борцамъ, кои, выходя на бой не упражнявшись въономъ, одолжены бываютъ одному только случаю слабыми надмѣвающими ихъ успѣхами.

Порядокъ и красота, царствующїе во вселенной, принудили наконецъ умы допу-

стить всеразумѣющую причину. Первые философы Іоническаго училища ее признавали. Но Анаксагоръ, можетъ быть слѣдуя мнѣнію Гермотима, первый полагалъ ее внѣ вещества, и ясно говорилъ, что всѣ вещи всегда были въ первоначальной толщѣ, на которую всеразумѣніе какъ скоро подѣйствовало, то явился и порядокъ.

Прежде нежели Іоническое училище достигло сей истинны, которая въ самомъ дѣлѣ была только древнимъ преданіемъ народовъ; то Пиѳагоръ, или лучше сказать, его ученики, — ибо не смотря на смѣжность временъ, почти не возможно познать мнѣній сего необыкновеннаго человѣка, — то Пиѳагорейцы, говорю, представляли вселенную подъ понятіемъ вещества, одушевляемаго всеразумѣніемъ, которое приводитъ его въ движеніе, и разливается по всѣмъ его частямъ такъ, что не можно отдѣлить ее отъ онаго. Сіе всеразумѣніе почесть можно причиною всѣхъ вещей, тончайшимъ пламенемъ, силою дѣйствующею на вещество и всегда содержащею его въ сцѣпленіи. Какъ сущность его не подлежитъ нашимъ чувствамъ; то мы въ изображеніи онаго

говоримЪ не языкомЪ чувствЪ, но языкомЪ ума. Разумѣнію или дѣйствующему началу вселенныя приписываемЪ имя монады или единицы, потому что оно всегда одно и тоже; веществу или страждущему началу имя діады (двоицы) или множества, потому что оно подлежитЪ всякому роду перемѣнЪ; міру наконецЪ даемЪ имя тріады, для означенія того, что онЪ есть необходимое послѣдствіе разумѣнія и вещества.

Многіе Пиѳагоровы ученики, когда нужно было, соединяли сЪ сими выраженіями другія понятія; но почти всѣ они искали вЪ числахЪ такихЪ свойствЪ, коихЪ познаніе могло бы довести ихЪ до познанія природы; и которыя, казалось имЪ, означены вЪ явленіяхЪ тѣлЪ, издающихЪ звуки.

Натяни струну, раздѣляй оную постепенно на двѣ, на три и на четыре части; вЪ каждой половинѣ будешь имѣть октаву цѣлой струны, вЪ трехЪ четвертяхЪ — кварту, вЪ двухЪ третяхЪ — квинту. ИтакЪ октава будетЪ содержаться кЪ цѣлой струнѣ какЪ 1 кЪ 2; кварта какЪ 3 кЪ 4; квинта какЪ 2 кЪ 3. Важность сего наблюденія заставила дать

числамъ 1, 2, 3, 4, имя *Священной четверицы.*

Вотъ размѣры Пиѳагоровы, вотъ тѣ начала, на которыхъ была основана система музыки всѣхъ народовъ, и въ особенности та, которую сей философъ нашелъ у Грековъ и усовершенствовалъ своими познанїями.

Изъ сихъ открытїй, коими безъ сомнѣнїя одолжены Египтянамъ, легко было заключить, что законы гармонїи перемѣнны, и что самая природа непреложно утвердила содержанїе и разстоянїе голосовъ. Но ежели она всегда единообразна въ своемъ ходѣ; то для чего не слѣдовать однимъ и тѣмъ же законамъ въ общей системѣ вселенныя. Для умовъ пылкихъ, коихъ уединенїе, воздержанїе и размышленїе располагаютъ къ восторгу, — для людей, почитающихъ священнымъ долгомъ употребить всякой день нѣсколько часовъ для музыки, а болѣе для составленїя правильнаго напѣва, понятїе сїе было нѣкоторымъ озарительнымъ просвѣщенїемъ.

Вскорѣ въ числахъ 1, 2, 3 и 4 открыли не только одно начало музыкальной,

но и начала физической и нравственной системЪ. Тогда во всемЪ находили размѣрЪ и стройность; время, справедливость, дружество, разумѣніе почитаемы были за соотношеніе чиселЪ.

Эмпедоклъ допускалЪ четыре стихіи: землю, воду, воздухЪ и огонь. Другіе послѣдователи Пиѳагоровы открыли четыре способности вЪ душѣ нашей; всѣ наши добродѣтели проистекли отЪ четырехЪ главныхЪ добродѣтелей. КакЪ числа, составляющія священную четверицу, вЪ сложеніи производятЪ число 10, сдѣлавшееся совершеннѣйшимЪ изЪ всѣхЪ по сему самому сложенію, то для того же и должно было полагать вЪ небѣ десять сферЪ, хотя ихЪ тамЪ только девять.

НаконецЪ послѣдователи Пиѳагоровы, предполагавшіе душу во вселенной, не могли лучше объяснить движенія небесЪ и разстоянія тѣлЪ небесныхЪ отЪ земли, какЪ исчисливЪ степени дѣйствія сей души отЪ средоточія вселенныя до ея окружности. ВЪ самомЪ дѣлѣ, раздѣли сіе неизмѣримое пространство на 36 слоевЪ, или лучше сказать, представь струну, котораяб

изъ средины земли продолжалась до краевъ міра, и была бы раздѣлена на 36 частей; въ каждомъ голосѣ или полголосѣ сей струны будешь имѣть музыкальный размѣръ души вселенныя. Небесныя тѣла имѣютъ свои мѣста на различныхъ степеняхъ сего размѣра, въ разстояніяхъ, составляющихъ между ими содержаніе квинты и другихъ созвуковъ. Движенія ихъ, управляемыя по однимъ и тѣмъ же размѣрамъ, производятъ пріятную и божественную гармонію. Музы, какъ бы Сирены, утвердили престолъ свой на небесныхъ свѣтилахъ; онѣ управляютъ стройнымъ ходомъ небесныхъ сферъ, и начальствуютъ надъ тою вѣчною и плѣнительною гармоніею, которую только можно слышать при безмолвіи страстей, и которая, какъ говорятъ, наполняла чистѣйшею радостію Пиѳагорову душу.

Одни думали открыть въ величинахъ звѣздъ, или въ діаметрахъ ихъ окружностей тѣ соотношенія, которыя другіе хотѣли поставить въ разстояніи и движеніяхъ сферъ небесныхъ.

Законы природы опровергаютъ сію ѳеорію. Но законы сіи едва были извѣстны

въ то время, когда она введена была; а когда лучше познали ихъ, то уже не могли оставить прелесть системы, рожденной и украшенной воображенïемъ.

Многïе Пиѳагорейцы допускали другое начало, хотя столько же мечтательное, но болѣе невразумительное. По наблюденïю Гераклита Ефесскаго, тѣла находятся во всегдашнемъ состоянïи испаренïя и жидкости; части матерïи, составляющïя ихъ, непрестанно отдѣляются и замѣняются другими частями, которыя въ свою очередь также теряются, даже до разрушенïя цѣлаго, соединенïемъ ихъ составляемаго. Сïе непримѣтное, но вещественное и общее всѣмъ чувственнымъ существамъ движенïе, ежеминутно повреждаетъ ихъ качества, и преобразуетъ въ другïя существа, имѣющïя съ прежними одну только видимую сообразность. Ты сего дня не то, что былъ вчера, а завтра не будешь то, что есть нынѣ. Въ такомъ случаѣ мы подобны кораблю Тезееву, который хотя еще у насъ и хранится, но въ частяхъ своихъ многократно былъ поправляемъ.

Итакъ, какое же вѣрное и непремѣня-

емое понятїе можно вывесть изъ сей движимости всѣхъ вещей, изъ сего стремительнаго теченїя, изъ сего прилива и отлива преходящихъ частей въ существахъ? Въ какое мгновенїе можемъ мы измѣрить непрестанно возрастающую и умаляющуюся величину? По сему наши познанїя, премѣняющїяся подобно своему предмету, не заключали бы въ себѣ ничего твердаго и постояннаго, и мы бы не имѣли ни истины, ни мудрости, естьлибы сама природа не открыла намъ основанїй познанїя и добродѣтели.

Она-то, лишивъ насъ способности представлять всѣ недѣлимыя вмѣстѣ, но позволивъ располагать ихъ по извѣстнымъ разрядамъ, возноситъ насъ къ созерцанїю первоначальныхъ понятїй о вещахъ. Правда, что чувственные предметы подвержены перемѣнамъ, но общее понятїе о человѣкѣ, деревѣ, родахъ и видахъ совсѣмъ не измѣняется. Слѣдовательно понятїя сїи непремѣняемы, и вмѣсто того, чтобы почитать ихъ простыми отвлеченностями разума, принимать ихъ должно за вещественныя существа, за истинныя сущности

вещей. Такимъ образомъ дерево и кубъ, которые вы имѣете предъ глазами, не что иное суть, какъ списокъ и изображенїе куба и дерева, которые существуютъ отъ самой вѣчности въ умственномъ мїрѣ, въ семъ чистомъ и блистательномъ жилищѣ, гдѣ существенно присутствуютъ справедливость, красота и добродѣтель, такъ какъ и образцы всѣхъ существъ и всѣхъ видовъ.

Но какое дѣйствїе могутъ имѣть во вселенной понятїя и соотношенїя числъ? Разумѣнїе, которое, по мнѣнїю Пиѳагора, проницаетъ части матерїи, дѣйствуетъ непрерывно, располагая и образуя части сїи попремѣнно то симъ, то другимъ образомъ, присутствуя при послѣдственномъ и стремительномъ возобновленїи всѣхъ порожденїй, разрушая недѣлимыя и сохраняя виды; но оно всегда, по словамъ однихъ, должно управлять своими мудрыми дѣйствїями по вѣчнымъ размѣрамъ числъ, а по мнѣнїю другихъ, соображаться съ вѣчными понятїями о вещахъ, которыя для него есть то же, что образецъ для художника. По примѣру его мудрый долженъ устремлять взоръ свой на одно изъ сихъ двухъ началъ,

или для утвержденія въ душѣ своей гармоніи, каковой онъ удивляется во вселенной; или для начертанія въ себѣ самомъ тѣхъ добродѣтелей, коихъ созерцалъ онъ божественную сущность.

Сблизивъ нѣкоторыя разсѣянныя въ твореніяхъ, взору твоему подлежащихъ, черты, я старался показать частныя системы нѣкоторыхъ Пиѳагорейцовъ. Но ученіе о числахъ столь темно, непонятно и прелестно для праздныхъ умовъ, что оно произвело множество мнѣній.

Одни отличали числа отъ понятій или видовъ; а другіе смѣшивали ихъ съ видами; потому что они въ самомъ дѣлѣ содержатъ извѣстное количество недѣлимыхъ. Говорили, что числа существуютъ раздѣльно отъ тѣлъ; что они существуютъ въ самыхъ тѣлахъ. Иногда число по видимому означало стихію протяженія, оно есть самосуществованіе, иногда начало и послѣдній конецъ тѣлъ, такъ какъ точка есть начало и конецъ линій, поверхностей и всякой величины. Иногда оно объясняетъ только образованіе первоначальныхъ стихій. Такимъ образомъ земная сти-

хїя имѣетъ видъ четвероугольника; огонь, воздухъ и вода имѣютъ видъ различныхъ треугольниковъ; и сїи разные образы достаточны къ объясненїю дѣйствїй природы. Словомъ, сїе таинственное рѣченїе въ обыкновенномъ смыслѣ не что иное есть, какъ произвольный знакъ, служащїй или для изображенїя свойства и сущности первоначальныхъ стихїй, или ихъ образованїй, или ихъ размѣровъ, или наконецъ понятїй, то есть, вѣчныхъ образцовъ всѣхъ вещей.

Здѣсь замѣтить надобно, что Пиѳагоръ не говорилъ, что все произведено силою числъ, но по размѣрамъ числъ. Естьли же, не взирая на прямое выраженїе мыслей, нѣкоторые изъ его учениковъ, приписывая числамъ какое-то вещественное бытїе и тайную силу, почитали ихъ за существенныя начала вселенныя; то они столь мало старались объяснить и открыть свою систему, что ихъ необходимо должно оставить въ непроницаемомъ ихъ глубокомыслїи.

Темнота и несвязность, каковыя читатель находитъ при разсматриванїи сихъ сочиненїй, происходятъ т е, что во-

просы, о которыхъ они разсуждаютъ, всегда будутъ покрыты мракомъ; 2е. Отъ различности знаменованій, въ которыхъ берутъ слова *существо, начало, причина, стихія, самосуществованіе*, и всѣ слова вообще, составляющія языкъ философской; 3е, отъ цвѣтовъ, коими первые истолкователи природы покрывали свое ученіе: поелику они писали въ стихахъ, и потому говорили чаще воображенію, нежели разуму; 4е, отъ различности круга ученія, употребляемаго въ нѣкоторыхъ училищахъ. Многіе ученики Пиѳагоровы, изыскивая начала существъ, устремляли вниманіе свое на свойство нашихъ понятій, и непримѣтно почти преходили отъ чувственнаго міра къ разумному. Возраждающееся тогда ученіе метафизическое предпочтено было физическому. А какъ законы сей строгой діалектики, обуздывающіе умъ въ его отступленіяхъ, еще не были приведены въ порядокъ; то разсудокъ самовластно замѣстилъ свидѣтельство чувствъ своимъ свидѣтельствомъ. Природа, всегда стремящаяся давать существамъ различность, представляетъ вездѣ только многообразность и перемѣны; а

разсудокъ, желающій всегда заниматься общимъ, повсюду зрѣлъ только единство и неизмѣняемость; онъ, летя на крылахъ восторга и воображенія, возносился изъ отвлеченій къ отвлеченіямъ, и дошелъ до такой высоты ѳеоріи, въ которой самой внимательной разумъ съ трудомъ можетъ удержаться.

Вольность умствовать употребила всѣ свои пособія особенно въ училищѣ Элейскомъ. Тамъ приняты были два рода понятій: одинъ имѣлъ предметомъ тѣла̀ и ихъ качества, чувствамъ подлежащія, а другой состоитъ въ разсматриваніи существа въ немъ самомъ и безъ отношенія къ бытію. Отсюда произошли два способа умствованія, первый, какъ утверждаютъ, основанъ на свидѣтельствѣ разсудка и истинны; а второй на свидѣтельствѣ чувствъ и общаго мнѣнія: оба имѣли почти одинаковое шествіе. Сперва философы, которые основывались на чувствахъ, думали, что природа для произведенія дѣйствія употребляетъ два противныя начала, какъ-то: землю и огонь и проч. равно тѣ, которые совѣтовались съ однимъ только разсудкомъ, занимались въ своихъ

размышленіяхъ сущимъ и несущимъ, ограниченнымъ и безконечнымъ, однимъ и многими, числомъ четнымъ и нечетнымъ, и проч.

Оставалось еще величайшее затрудненіе въ примѣненіи сихъ отвлеченій и соображеній метафизики съ физикою. И хотя они покушались на сіе соглашеніе, но съ такою неясностію, что даже не льзя узнать, говорятъ ли они какъ физики, или какъ метафизики. Вы увидите, что Парменидъ не полагаетъ ни произведеній, ни разрушеній въ природѣ; то утверждаетъ, что земля и огонь суть начала всякаго порожденія. Вы увидите, что другіе не допускаютъ никакого согласія между чувствами и разсудкомъ, слѣдуя только внутреннему свѣту, почитаютъ внѣшніе предметы за обманчивые виды и неизсякаемые источники обольщенія и заблужденія. Нѣтъ ничего существующаго, кричалъ одинъ изъ нихъ. Естьлибы что либо и существовало, то бы не можно познать его; естьлибы можно было познать, тобъ не льзя было сдѣлать того ощутительнымъ. Другой по внутреннему своему убѣжденію, что ниче-

го не должно ни отрицать ни утверждать, не довѣрялъ даже словамъ своимъ и объяснялся только знаками.

Я объясню тебѣ примѣромъ, какъ умствовали сіи философы: Ксенофанъ, начальникъ Елейскаго училища подастъ намъ оный.

Изъ ничего ничего не бываетъ. Изъ сего начала, принятаго всѣми его учениками, слѣдуетъ, что то, что существуетъ, должно быть вѣчно. А то, что вѣчно, есть безконечно; потому что оно не имѣетъ ни начала ни конца; что же безконечно, есть единственно; ибо ежели бы оно не было единственно, то оно бы состояло изъ многихъ, одно бы служило предѣломъ другому и не было бы безконечно; а что единственно, то всегда самому себѣ подобно. Но существо единственное, вѣчное и всегда самому себѣ подобное должно быть неподвижно; потому что оно не можетъ уклониться ни въ пустоту, которая есть ничто, ни въ полноту, которая занята имъ же самимъ. Оно должно быть неизмѣняемо; ибо ежели бы оно хотя нѣсколько измѣнилось, то бы въ немъ произошло то, чего не бы-

ло прежде, и тогда бы разрушилось сіе главное начало; изъ ничего ничего не бываетъ.

Итакъ въ безконечномъ существѣ, заключающемъ все въ себѣ, въ существѣ, о которомъ наше понятіе неразлучно съ понятіемъ о разумѣніи и вѣчности, нѣтъ ни соединенія частей, ни различія видовъ, ни пороженій, ни разрушенія. Но какъ можно согласить сію неизмѣримость съ непрерывными перемѣнами, которыя мы видимъ въ природѣ. Онѣ не иное что, какъ мечта, отвѣчалъ Ксенофанъ: вселенная ничего намъ не представляетъ, кромѣ движущагося зрѣлища; зрѣлище существуетъ! но недвижимость есть дѣло чувствъ нашихъ. Нѣтъ, говорилъ Зенонъ, движенія допустить не льзя. Онъ говорилъ сіи слова, и доказывалъ оныя такъ, что противники принуждены были удивляться и молчать.

Какимъ чуднымъ свѣтомъ, сынъ мой! озарили землю тѣ знаменитые мужи, которые надмѣнно думали, что покорили природу. О! сколько бы было унизительно изученіе философіи, естьли бы оно, начиная сомнѣніемъ, оканчивалось одними ложными заключеніями. Не станемъ порицать

шѣхъ, которые ввели оныя. Весьма многїе плѣнялись истинною; они надѣялись открыть ее посредствомъ отвлеченныхъ понятїй и часто ошибались, полагаясь на разсудокъ, коего предѣла они не знали. Когда послѣ всѣхъ возможныхъ заблужденїй, сдѣлались они просвѣщеннѣе, тогда съ неменшимъ жаромъ приступили они къ тѣмъ же изслѣдованїямъ, почитая ихъ таковыми, на которыхъ разумъ могъ остановиться и имѣть большую точность въ понятїяхъ. Наконецъ надобно признаться, что многїе изъ сихъ философовъ, недостойные столь почтеннаго сего имени, для того только вступали въ споры, чтобы испытать свои силы и отличиться торжествами постыдными какъ для побѣдителя, такъ и побѣжденнаго. Поелику разсудокъ, или лучше сказать, наука разсуждать имѣла, подобно другимъ наукамъ, свое младенчество; то неточныя опредѣленїя, и частое злоупотребленїе словъ доставляли непрестанно новое оружїе проворнымъ или сильнымъ противоборникамъ. Даже и въ наше время доказывали, что сїи слова *одинъ* и *многїе* могутъ оз-

чать одинъ и тотъ же предметъ, какъ напримѣръ доказывали бы, что въ качествѣ человѣка ты только одинъ, но въ качествѣ человѣка и музыканта ты составляешь двухъ. Сіи дѣтскія нелѣпости производятъ нынѣ одно только презрѣніе и оставлены однимъ софистамъ.

Мнѣ остается сказать тебѣ о системѣ, столько же знаменитой по ея странности, сколько и по славѣ ея изобрѣтателей.

Простой народъ вокругъ обитаемаго имъ шара ничего не видитъ, кромѣ свода днемъ освѣщеннаго, а ночью усѣяннаго звѣздами. Вотъ предѣлы полагаемые вселенной народомъ. Но система философовъ не имѣетъ никакихъ границъ. И въ наши почти времена она возрасла до такой степени, что ужасаетъ самое воображеніе.

Съ начала полагали, что луна населена; потомъ, что всякая звѣзда есть міръ; наконецъ, что число міровъ должно быть безконечно; потому что ни одинъ изъ оныхъ не могъ служить предѣломъ и вмѣстилищемъ для другихъ. Какое пространное поприще открылося вдругъ человѣче-

скому разуму! Употреби цѣлую вѣчность на совершенїе онаго, возьми Аврорины крылья, лети на планету Сатурна, на небеса, простирающїяся надъ сею планетою, и ты безпрестанно будешь открывать новыя сферы, новые шары и мїры, одинъ надъ другимъ висящїе; въ веществѣ, въ пространствѣ, въ движенїи, въ самомъ числѣ мїровъ и свѣтилъ, ихъ украшающихъ, вездѣ найдешь безконечность. И по истеченїи миллїоновъ лѣтъ едва ли примѣтишь нѣкоторыя точки въ неизмѣримомъ царствѣ природы. Колико умозрѣнїе сїе увеличило природу въ глазахъ нашихъ! И ежели справедливо, что душа наша распространяется съ нашими понятїями, и уподобляется нѣкоторымъ образомъ тѣмъ предметамъ, которыми она наполнена; то сколько человѣкъ долженъ гордиться тѣмъ, что проникаетъ въ сїи непостижимыя глубины!

Намъ гордиться! вскричалъ я съ удивленїемъ: чѣмъ бы это, почтенный Каллїй? Мой умъ теряется при воззрѣнїи на безпредѣльное величїе, предъ коимъ всякое другое величїе изчезаетъ. Ты, я, всѣ люди въ глазахъ моихъ суть не иное что, какъ насѣкомыя, погруженныя въ неизмѣримый

океанѣ, гдѣ цари и завоеватели различаются только тѣмъ, что они болѣе, нежели другіе, движутъ водныя частицы, ихъ окружающія. При сихъ словахъ Каллій взглянулъ на меня, нѣсколько подумавъ и пожимая мою руку, сказалъ: сынъ мой! то насѣкомое, которое можетъ нѣсколько постигать безконечность, причастно величію, тебя удивляющему. Потомъ прибавилъ:

Между художниками, которые проводили жизнь свою въ томъ, что строили и разбирали міры на части, Левкиппъ и Демокритъ, отвергнувъ числа, понятія, гармоническіе размѣры и всѣ метафизическія нагромажденія, по примѣру нѣкоторыхъ философовъ, ничего другаго не приняли за начало вещей, какъ только одну пустоту и атомы; но у атомовъ отняли они свойства, которыя имъ прежде приписываемы были, и ничего имъ не оставили, кромѣ одного вида и движенія. Послушай, что о семъ говорятъ Левкиппъ и Демокритъ.

Вселенная безконечна. Она наполнена безчисленнымъ множествомъ міровъ и вихрей, которые раждаются, пропадаютъ и безпрестанно возраждаются. Но верховный разумъ не управляетъ сими великими пе-

ремѣнами. Все въ природѣ производится по законамъ механическимъ и простымъ. Хочешь ли знать, какимъ образомъ могъ образоваться какой нибудь одинъ изъ сихъ мiровъ? представь себѣ безчисленное множество атомовъ вѣчныхъ, нераздѣлимыхъ, неизмѣняемыхъ, имѣющихъ разные виды, различную величину, увлекаемыхъ въ неизмѣримую пустоту движенiемъ случайнымъ и быстрымъ. Послѣ многочисленныхъ и сильныхъ ударовъ, твердѣйшiя атомы сошлися и сжались въ одну точку пространства, сдѣлавшуюся центромъ вихря; тончайшiя распространяются во всѣ стороны и въ разномъ другъ отъ друга разстоянiи. Въ послѣдствiи времени первые составили землю и воду, вторые воздухъ и огонь. Сiя послѣдняя стихiя, составленная изъ вертящихся и легкихъ шариковъ, распространяется около земли на подобiе лучезарнаго покрова. Воздухъ, волнуемый безпрестаннымъ приливомъ малыхъ тѣлъ, поднимающихся съ нижнихъ странъ, дѣлается стремительнымъ потокомъ, который увлекаетъ свѣтила, одно за другимъ, въ его нѣдрѣ составившiяся.

Можно все изъяснить, какъ въ физикѣ,

такъ и въ нравственности, такимъ же механизмомъ безъ посредствія разумной причины. Изъ соединенія атомовъ образуется вещественность тѣлъ; отъ вида ихъ и расположенія происходитъ холодъ, жаръ, цвѣты и всякое другое различіе въ природѣ; ихъ движеніе безпрестанно производитъ, измѣняетъ и разрушаетъ существа; и какъ сіе движеніе необходимо, то мы называемъ его судьбою и рокомъ. Наши чувствованія, наши понятія производятся слабыми изображеніями, которыя, отдѣляся отъ предметовъ, поражаютъ наши чувства. Наша душа умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ; она не иное что есть, какъ огонь, какъ соединеніе тонкихъ шариковъ, сцѣпленіе которыхъ разрушается смертію; и поелику въ природѣ нѣтъ ничего вещественнаго, кромѣ атомовъ и пустоты; то люди, по видимымъ слѣдствіямъ, принуждены были согласиться, что пороки различествуютъ отъ добродѣтели только по мнѣнію.

О сынъ мой! пади ницъ предъ божествомъ, оплакивай предъ нимъ заблужденія ума человѣческаго, обѣщайся по крайней

мѣрѣ быть столько же добродѣтельнымъ, какъ и большая часть философовъ, которыхъ ученіе устремлялось къ разрушенію добродѣтели. Ибо не изъ сочиненій ихъ, неизвѣстныхъ простонародію, не изъ системъ, произведенныхъ пылкостію воображенія, не изъ волненія духа или тщеславія надлежитъ почерпать понятія, каковыя имѣли сочинители о нравственности; но сему надлежитъ изучиться изъ ихъ житія, изъ ихъ твореній, въ которыхъ они, имѣя въ виду единую истинну и пользу общественную, оказываютъ уваженіе къ благонравію и добродѣтели, каковое имъ воздаваемо было во всѣ времена и всѣми народами.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Продолженіе о библіотекѣ. Астрономія и географія.

Каллій, окончивъ рѣчь свою, вышелъ, а Эвклидъ, обратившись ко мнѣ сказалъ: давно уже стараюсь я отыскать въ Сициліи твореніе Петрона изъ Имеры. Онъ не

только признавалъ множество мiровъ, но даже осмѣлился опредѣлять извѣстное число онымъ. Знаешь ли, сколько онъ ихъ насчиталъ? сто восемьдесятъ три. Онъ, по примѣру Египтянъ, уподоблялъ вселенную треугольнику, полагая на каждомъ боку по шестидесяти мiровъ и по одному на углахъ. Они, совершая тихое движенiе, съ каковымъ производятся нѣкоторыя у насъ плясанiя, касаются другъ друга, и медленно одинъ заступаетъ мѣсто другаго. Средина треугольника есть вмѣстилище истинны; тутъ соотношенiя и образцы бывшихъ и будущихъ существъ находятся въ совершенной недвижимости. Сiи чистыя сущности окружены вѣчностiю, изъ нѣдръ коея изтекаетъ время, которое подобно неизсякаемому источнику течетъ и разливается по сему множеству мiровъ.

Сiи понятiя сходствуютъ съ Пиѳагоровою системою чиселъ, и я заключаю.... Я, прервавъ рѣчь Эвклида, сказалъ, что философы ваши прежде, нежели въ отдаленности произвели толикое множество мiровъ, конечно познали съ величайшею подробностiю мiръ, нами обитаемый. Я думаю,

что въ нашемъ небѣ нѣтъ ниодного тѣла, коего бы свойства, величины, вида и движенія они не опредѣлили.

Ты самъ о томъ судить можешь, отвѣтствовалъ Эвклидъ. Представь себѣ кругъ, родъ колеса, коего окружность въ 28 кратъ больше окружности нашей земли, и заключаетъ въ нѣдрѣ своемъ неизмѣримую огненную толщу. Изъ ступицы колеса, коего діаметръ равенъ діаметру земли, изливаются на нашъ міръ источники свѣта. Вотъ понятіе, какое можно представить о солнцѣ. Предположивъ окружность въ 19 кратъ равную окружности нашего шара, будемъ имѣть понятіе о лунѣ. Но вотъ еще простѣйшее объясненіе. Огненныя частицы, поднимающіяся съ земли, днемъ соединяются въ одну точку на небо, и составляютъ солнце, а ночью соединяются во многія точки и обращаются въ звѣзды. А какъ сіи испаренія скоро пропадаютъ; то онѣ, чтобъ доставлять намъ каждый день новое солнце, каждую ночь новыя звѣзды, безпрестанно возобновляются. Случалось даже, что солнце, при недостаткѣ пищи, не свѣтило въ продолженіе цѣлаго

мѣсяца. Сія-то причина заставляетъ его вращаться около земли. Естьли бы оно было неподвижно; то вдругъ истощило бы всѣ питающія его испаренія.

Я слушалъ Эвклида, смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и наконецъ сказалъ ему: слыхалъ я о какомъ-то Ѳракійскомъ народѣ столь невѣжественномъ, что онъ далѣе четырехъ считать не могъ. Не сего ли народа разсказываешь ты мнѣ столь странныя понятія? Нѣтъ, отвѣчалъ Эвклидъ, такъ думали многіе наши знаменитѣйшіе философы, и между прочими Анаксимандръ и Ираклитъ, изъ коихъ первый жилъ за два вѣка до нашихъ временъ. Потомъ начинали появляться мнѣнія по видимому не столь нелѣпыя, но равно сомнительныя, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ возбудили даже негодованіе черни. Когда Анаксагоръ во времена нашихъ отцовъ сталъ утверждать, что луна есть земля, почти подобная нашей, а солнце разженный камень; то сочтя его нечестивымъ, принудили удалиться изъ Аѳинъ. Народъ хотѣлъ помѣстить сіи два свѣтила въ число боговъ, и послѣдніе наши философы,

сообразуясь иногда съ его просторѣчїемъ, обезоружили суевѣрїе, которое легко прощаетъ, ежели только умѣютъ снисходительно поступать съ онымъ.

Чѣмъ же доказывали, спросилъ я его, что луна подобна землѣ? Не доказывали, отвѣчалъ онъ, но такъ думали. Не знаю, кто-то сказалъ: ежели на лунѣ есть горы, то видимыя нами на ней пятна, можетъ быть, не иное что суть, какъ отбрасываемая ими тѣнь на ея поверхность. Изъ сего вдругъ заключили, что на лунѣ есть горы, долины, рѣки и множество городовъ. Потóмъ надобно было узнать жителей. По мнѣнїю Ксенофана они ведутъ жизнь подобную нашей. А по мнѣнїю нѣкоторыхъ учениковъ Пиѳагоровыхъ растенїя тамъ прекраснѣе, животныя въ пятнадцать разъ болѣе, дни въ пятнадцать разъ долѣе нашихъ. Конечно и люди, присоединилъ я къ сему, тамъ въ пятнадцать разъ разумнѣе обитателей нашего шара. Сїя мысль мнѣ приятна. Какъ природа гораздо обильнѣе въ разнообразности, нежели въ числѣ родовъ; то я, по произволенїю своему, людямъ, обитающимъ на различ-

ныхъ планетахъ, сверьхъ нашихъ пяти чувствъ, приписываю еще по одному, по два, по три и по четыре чувства; и сравнивая ихъ дарованія съ дарованіями произведенными Грецїею, нахожу, что Омиръ и Пиѳагоръ, въ сравненіи съ ними, достойны сожалѣнія. Демокритъ, сказалъ онъ, предохранилъ ихъ славу, уничтоживъ сіе унизительное сравненіе. Увѣренъ будучи, можетъ быть, въ превосходствѣ нашего рода, онъ утверждаетъ, что люди вездѣ одинаковы. По его мнѣнію мы существуемъ вмѣстѣ и однимъ и тѣмъ же образомъ, какъ на нашемъ шарѣ, такъ на лунѣ и на всѣхъ мірахъ вселенныя.

Мы часто божества, управляющія планетами, представляемъ сидящими на колесницахъ; потому что колесницы у насъ уважаются. Египтяне, кои путешествуютъ только по Нилу, изображаютъ ихъ сидящими на судахъ. По сему-то Ираклитъ даетъ солнцу и лунѣ образъ водоходнаго судна. Я не хочу занимать тебя подробнымъ описаніемъ другихъ столько же пустыхъ и неосновательныхъ догадокъ о видѣ небесныхъ тѣлъ. Нынѣ всѣ почти

приписываютъ имъ видъ шарообразный. Чтожъ касается до ихъ величины, не много еще прошло времени, какъ Анаксагоръ утверждалъ, что солнце гораздо болѣе Пелопониса, а Ираклитъ, что оно имѣетъ только одинъ футъ въ діаметрѣ.

Вижу, сказалъ я ему, что мнѣ ненужно спрашивать тебя о измѣреніяхъ другихъ планетъ; но какое у васъ назначается имъ мѣсто на небѣ? — Таковое назначеніе, сказалъ Эвклидъ, стоило многихъ трудовъ нашимъ философамъ; и мнѣнія ихъ о семъ несогласны. Одни полагаютъ выше земли луну, Меркурія, Венеру, Солнце, Марса, Юпитера и Сатурна. Такъ думали древніе Египтяне и Халдеи; и сію же самую систему Пиѳагоръ ввелъ въ Грецію.

А нынѣ приписывается у насъ планетамъ слѣдующій порядокъ: Луна, Солнце, Меркурій, Венера, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ. Имена, Платона, Евдокса и Аристотеля придали много важности сей системѣ, отъ первой только по наружности отличной.

Въ самомъ дѣлѣ разность происходитъ отъ одного только открытія, сдѣланнаго въ Египтѣ, которое Греки хотятъ

нѣкоторымъ образомъ присвоить себѣ. Египетскіе астрономы примѣтили, что планеты Меркурій и Венера, неразлучные спутники солнца, имѣютъ одинакое движеніе съ симъ свѣтиломъ, и безпрестанно обращаются около его. По мнѣнію Грековъ, Пиѳагоръ открылъ первый, что сія блистательная звѣзда Юноны или Венеры, показывающаяся иногда по захожденіи солнца, есть та же самая, которая въ другія времена предшествуетъ его восхожденію. Какъ последователи Пиѳагора приписываютъ такое же явленіе другимъ звѣздамъ и другимъ планетамъ; то, кажется, не изъ наблюденія, приписываемаго ими Пиѳагору, заключили они, что Венера обращается около солнца; но изъ открытія Египетскихъ жрецовъ слѣдуетъ, что Венера и Меркурій должны являться то выше, то ниже сего свѣтила, и что безъ всякаго неудобства можно назначать имъ сіи различныя положенія. По сему-то Египтяне не перемѣнили древняго порядка планетъ въ своихъ небесныхъ плоскошаріяхъ.

Странныя мнѣнія утверждаемы были въ Пиѳагоровомъ училищѣ. Ты найдешь въ

семъ творенiи Гикета Сиракузскаго, что все въ небѣ неподвижно, звѣзды, солнце и самая луна. Одна земля скорымъ своимъ обращенiемъ около оси производитъ всѣ представляемыя намъ сими свѣтилами явленiя. Но во первыхъ неподвижность луны не можно согласить съ ея явленiями; сверьхъ сего, естьли бы земля обращалася около самой себя, то тѣло, брошенное на довольно великую высоту, не упало бы на то же мѣсто, съ котораго оно пущено: чему однакожъ опытъ доказываетъ противное. Да и кто дерзнетъ святотатственною рукою нарушить покой земли, всегда почитаемой центромъ мiра, святилищемъ боговъ, олтаремъ, узломъ и единствомъ природы? По сему-то въ семъ другомъ сочиненiи Филолай, лишая землю сихъ священныхъ преимуществъ, приписываетъ оныя огню. Содѣлавшись свѣтиломъ вселенныя, сей небесный огнь занимаетъ центръ оныя. Вокругъ его безпрерывно вращаются десять сферъ, какъ то: сфера неподвижныхъ звѣздъ, сфера солнца, луны и пяти планетъ, сфера нашего шара и другой земли, находящейся не въ дальнемъ отъ насъ раз-

стоянїи, невидимой однакожъ нами. Солнце имѣетъ свѣтъ заимственный; оно уже не что иное, какъ родъ зеркала, или кристальнаго шара, отражающаго свѣтъ небеснаго огня.

Сїя система, о которой Платонъ иногда сожалѣетъ, что не принялъ въ своихъ сочиненїяхъ, не основана на наблюденїяхъ, но единственно на вѣроятныхъ съ образомъ мыслей болѣе сходствующихъ правилахъ. Какъ существо огня, говорятъ защитники сей системы, гораздо чище существа земли; то оно должно покоиться въ срединѣ вселенныя, какъ въ почтеннѣйшемъ мѣстѣ.

Не довольно было опредѣлить мѣста планетъ, надобно было означить, въ какомъ разстоянїи другъ отъ друга они совершаютъ свое теченїе. Здѣсь-то Пиѳагоръ и ученики его истощили все свое воображенїе.

Поелику планетъ, полагая въ семъ числѣ солнце и луну, считается семь: то сїе тотчасъ привело имъ на мысль гептахорду или лиру о семи струнахъ. Ты знаешь, что такая лира заключаетъ въ себѣ двѣ тетрахорды, соединенныя однимъ общимъ звукомъ, и

вѣ діатоническомѣ родѣ издаетѣ слѣдующіе звуки: *си*, *утъ*, *ре*, *ми*, *фа*, *соль*, *ля*. Положимѣ, что *си* представлять будетѣ луну, *утъ* Меркурія, *ре* Венеру, *ми* Солнце, *фа* Марса, *соль* Юпитера, *ля* Сатурна; тогда разстояніе между Луною *си* и Меркуріемѣ *утъ* будетѣ означать полуголосѣ; а разстояніе между Меркуріемѣ *утъ* и Венерою *ре* будетѣ цѣлой голосѣ; то есть, разстояніе Венеры отѣ Меркурія вдвое больше разстоянія Меркурія отѣ Луны. Такова была первая небесная лира.

Потомѣ желая означить разстояніе земли отѣ Луны, и Сатурна отѣ неподвижныхѣ звѣздѣ, придали сей лирѣ двѣ струны. Раздѣлили обѣ тетрахорды, заключающіяся вѣ сей новой лирѣ, и иногда представляли оныя настроенными вѣ хроматическомѣ родѣ, гдѣ содержанія звуковѣ различны отѣ содержаній звуковѣ діатоническаго рода. Вотѣ примѣрѣ сей новой лиры.

Первый четыреструнникѣ.	Отѣ земли до Луны	1	голосѣ
	Отѣ Луны до Меркурія	$\frac{1}{2}$	голоса
	Отѣ Меркурія до Венеры	$\frac{1}{2}$	голоса
	Отѣ Венеры до Солнца	$1\frac{1}{2}$	голоса

Вторый четыреструнникъ.	Отъ Солнца до Марса	1 голосъ
	Отъ Марса до Юпитера	½ голоса
	ОтъЮпитера доСатурна	½ голоса
	Отъ Сатурна до неподвижныхъ звѣздъ.	1½ голоса

Какъ сей размѣръ представляетъ семь голосовъ вмѣсто шести, составляющихъ октаву; то, дабы получить совершеннѣйшую стройность, иногда уменшали на одинъ голосъ разстоянïе Сатурна отъ звѣздъ, и разстоянïе Венеры отъ солнца. Дѣланы были и другïя перемѣны съ симъ размѣромъ, какъ-то вмѣсто того, чтобы полагать солнце выше Венеры и Меркурïя, поставили оное ниже.

Дабы примѣнить сïи отношенïя къ разстоянïямъ небесныхъ тѣлъ, придается голосу разстоянïе 126000 стадïй, и съ помощïю сего положенïя легко было можно измѣрить пространство, находящееся между землею и неподвижными звѣздами. Сïе пространство сокращается или продолжается, смотря потому, когда измѣрители его болѣе, или менѣе придерживаются извѣстныхъ гармоническихъ содержанïй. Въ предъидущемъ размѣрѣ разстоянïе звѣздъ

отъ солнца, и разстоянїе солнца отъ земли соотвѣтствуютъ содержанїю квинты, или трехъ голосовъ съ половиною, а по другому вычисленїю, каждое изъ сихъ двухъ разстоянїй будетъ только трехъ голосовъ, то есть, во 126,000 стадїй, трижды взятыхъ.

Эвклидъ примѣтивъ, что я слушаю его неохотно, ты недоволенъ? спросилъ онъ меня съ улыбкою. Недоволенъ, отвѣчалъ я. Не уже ли природа должна перемѣнять свои законы по вашимъ прихотямъ? Нѣкоторые изъ вашихъ философовъ думаютъ, что огонь чище земли; и потому шаръ нашъ долженъ уступить ему свое мѣсто и удалиться изъ средоточїя мїра. А естьли другїе предпочтутъ хроматическїй или дїатоническїй родъ музыки; то и небесныя тѣла, сообразуясь съ симъ, должны или удаляться другъ отъ друга, или приближаться одно къ другому. Какимъ окомъ просвѣщенные люди взираютъ на такїя заблужденїя? Иногда, сказалъ Эвклидъ, они почитаютъ ихъ игрою ума; иногда единственнымъ пособїемъ для тѣхъ людей, кои вмѣсто того, чтобы испытывать и познавать природу, хотятъ только уга-

дывать ея дѣла. А я съ своей стороны хотѣлъ только симъ показать тебѣ, что астрономія наша еще младенчествовала во времена отцевъ нашихъ; да и нынѣ еще немного сдѣлала она успѣховъ. Но у васъ есть математики, возразилъ я на сіе, которые безпрестанно наблюдаютъ обращенія планетъ, и стараются узнать ихъ разстоянія отъ земли; вы, думаю, также имѣли ихъ и въ древнѣйшія времена: какой же произошелъ плодъ отъ ихъ изысканій?

Мы сдѣлали, сказалъ онъ мнѣ, весьма обширныя умозрѣнія; но весьма мало наблюденій, а еще менѣе открытій. Правда, имѣемъ мы нѣкоторыя точныя понятія о теченіи небесныхъ свѣтилъ, но оныя получили отъ Египтянъ и Халдеевъ: они научили насъ составлять таблицы, опредѣляющія время нашихъ общенародныхъ торжествъ, и время для сельскихъ работъ. Въ сихъ-то таблицахъ тщательно означается возхожденіе и захожденіе главныхъ звѣздъ, точки поворотовъ солнца, точки равноденствія и предсказанія воздушныхъ перемѣнъ. Я собралъ много такихъ календарей; но одни изъ нихъ слишкомъ древни, другіе

содержатЪ наблюденія, не сходствующія съ нашимЪ климатомЪ. Странно только то, что во всѣхЪ календаряхЪ точки поворотовЪ солнца и точки равноденствія отнесены не кЪ одному и тому же градусу знаковЪ зодіака; сія погрѣшность происходитЪ, можетЪ быть, отЪ нѣкоторыхЪ еще неизвѣстныхЪ доселѣ движеній звѣздЪ, или отЪ невѣдѣнія наблюдателей.

Составленіе сихЪ-то таблицЪ занимало астрономовЪ нашихЪ цѣлые два вѣка. Таковы были КлеостратЪ Тенедосскій, дѣлавшій наблюденія на горѣ Идѣ; МатрикетЪ Меѳимнскій на горѣ Лепетимнѣ; ФаинЪ Аѳинскій на холмѣ Ликабеттѣ; Досифей, ЕвктемонЪ, ДемокритЪ и другіе, о коихЪ упоминать здѣсь не нужно. Великая трудность, или лучше сказать, единственная задача, которую они должны были рѣшить, состояла вЪ томЪ, чтобы отнести наши праздники кЪ одному времени года и кЪ сроку, предписанному оракулами и законами. Для сего нужно было со всею возможностію опредѣлить точно продолженіе какЪ солнечнаго, такЪ и луннаго года, и столько согласить ихЪ между собою, чтобы

новолунія, по коимъ расположены нами праздники, соотвѣтствовали первымъ точкамъ, означающимъ начало временъ года.

По многимъ безполезнымъ покушеніямъ Метонъ Аѳинейскій открылъ къ тому пути. Въ первомъ году 87й олимпіяды, почти за десять мѣсяцовъ до начала Пелопэнисской войны, Метонъ, вмѣстѣ съ Ектемономъ, о коемъ я уже упомянулъ, замѣтивъ лѣтній поворотъ солнца, составилъ періодъ изъ 19ти солнечныхъ годовъ, содержавшій въ себѣ 235 лунныхъ мѣсяцевъ, и обратно привелъ солнце и луну къ одной почти точкѣ неба.

Не смотря на всѣ насмѣшки комическихъ писателей, блистательнѣйшій успѣхъ увѣнчалъ его труды или похищенныя имъ у другихъ писателей мысли; потому что думаютъ, будто бы онъ заимствовалъ сей періодъ отъ народовъ, бывшихъ въ то время гораздо искуснѣе насъ въ астрономіи. Какъ бы то ни было, Аѳиняне вырѣзали точки равноденствія и поворотовъ солнца на стѣнахъ Пникса. Прежде у нихъ начинался годъ съ новолунія, бывающаго послѣ зимняго солнечнаго поворота; а въ сіе время положено было всегда

начинать оный съ перваго новолунія по лѣтнемъ поворотѣ; и по сей-то послѣдней эпохѣ архонты ихъ или чиноначальники вступали въ свою должность. Большая часть другихъ народовъ Греціи не менѣе старались воспользоваться вычисленіями Метона. Изъ нихъ-то нынѣ составляютъ таблицы, вывѣшиваемыя на столбахъ во многихъ городахъ, для представленія нѣкоторымъ образомъ состоянія неба и исторіи года въ продолженіи девятнадцати лѣтъ. На нихъ дѣйствительно можно видѣть, для каждаго года, точки или начала годовыхъ временъ, и для каждаго дня, предсказанія перемѣнъ воздуха.

Всѣ наблюденія Греческихъ астрономовъ доселѣ ограничивались начальными точками, равно какъ восхожденіемъ и захожденіемъ звѣздъ; но сіе не составляетъ еще истиннаго астронома. Онъ долженъ посредствомъ долговременнаго упражненія достигнуть познанія обращеній небесныхъ тѣлъ.

Эвдоксъ, умершій за нѣсколько передъ симъ лѣтъ, открылъ новый къ сему путь. Долгое его пребываніе въ Египтѣ доставило ему удобный случай похитить

у жрецовъ Египетскихъ часть ихъ таинствъ: онъ доставилъ намъ познанiе о движенiи планетъ, и помѣстилъ оное во многихъ изданныхъ имъ сочиненiяхъ. Ты найдешь на сей полкѣ его трактатъ подъ названiемъ *зерцало*, трактатъ *о скорости небесныхъ тѣлъ*, *объ окружности земли*, *о явленiяхъ*. Я имѣлъ съ нимъ довольно тѣсную дружбу; и когда говорилъ онъ мнѣ объ астрономiи, то во всѣхъ словахъ его видна была сильная къ ней страсть. Я желалъ бы, сказалъ онъ нѣкогда, приближиться къ солнцу, чтобы узнать его видъ и его величину, хотя бы я и подвергнулся участи Фаетона.

Я изъявилъ удивленiе мое Эвклиду о томъ, что одаренные толикимъ разумомъ Греки принуждены были просить, какъ будто милостыни, просвѣщенiя у отдаленныхъ народовъ. Можетъ быть, отвѣчалъ онъ, мы не имѣемъ дара къ открытiямъ, а удѣлъ нашъ есть украшать и приводить въ совершенство открытiя другихъ. По чему знать, что можетъ быть и воображенiе наше есть сильнѣйшимъ препятствiемъ успѣху въ наукахъ. Сверьхъ того, мы недавно еще

обратили взоры свои къ небу, между тѣмъ какъ Египтяне и Халдеи невѣроятное число вѣковъ занимаются вычисленїемъ его движенїй. А рѣшенїя астрономическїя должны основываться на наблюденїяхъ. Въ сей наукѣ, равно какъ и во многихъ другихъ, всякая истинна открывается намъ послѣ многихъ заблужденїй; а можетъ быть несравненно лучше и полезнѣе, что заблужденїя предшествуютъ истиннѣ, дабы они, стыдясь собственныхъ своихъ недостатковъ, никогда не смѣли появляться. Наконецъ долженъ ли я, для твоей пользы, обнаружить втайнѣ наше тщеславїе. Какъ скоро открытїя другихъ народовъ переходятъ въ Грецїю, мы принимаемъ ихъ, подобно тѣмъ усыновленнымъ дѣтямъ, коихъ считаемъ наровнѣ съ дѣтьми законными, а иногда и предпочитаемъ онымъ.

Я не думалъ, сказалъ я ему, чтобы право усыновленїя столь далеко могло простираться; но откуда бы ни проистекали ваши познанїя, можешь ли ты мнѣ дать общее понятїе о нынѣшнемъ состоянїи вашей астрономїи?

Эвклидъ, взявъ тогда сферу, упомянулъ

мнѣ о употребленіи различныхъ, составляющихъ оную круговъ: потóмъ показалъ небесное плоскошаріе, и мы нашли на немъ главныя звѣзды, расположенныя по различнымъ созвѣздіямъ. Всѣ свѣтила, сказалъ онъ, каждый день обращаются отъ востока на западъ около полюсовъ міра. Сверьхъ сего движенія, солнце, луна и пять планетъ, въ извѣстное продолженіе времени, имѣютъ другое движеніе отъ запада къ востоку.

Солнце проходитъ 360 градусовъ эклиптики въ годъ, содержащій въ себѣ по Метонову вычисленію 365 дней и $\frac{5}{19}$ частей дня.

Каждый лунный мѣсяцъ содержитъ въ себѣ 29 дней, 12 часовъ, 45 мин. и пр. Слѣдовательно двѣнадцать лунныхъ мѣсяцовъ составляютъ 254 дня и нѣсколько болѣе одной трети дня. Въ нашемъ гражданскомъ году, который есть годъ лунный, мы не обращаемъ вниманія на сіи дроби; полагаемъ только 12 мѣсяцовъ, изъ коихъ одни содержатъ по 30, другіе по 29 дней, а всего 354 дня. Потóмъ соглашаемъ сей гражданской годъ съ годомъ солнечнымъ посредствомъ 7 прибавочныхъ мѣсяцевъ, которые въ продолженіи 19 годовъ придаемъ къ слѣ-

дующимъ годамъ: къ 3 му, 5, 8, 11, 13, 16 и 19 му.

Ты ничего не говоришь, сказалъ я ему, о нѣкоемъ годѣ, который состоитъ обыкновенно только изъ 360 дней, и короче солнечнаго года, а долѣе луннаго. Таковой годъ находимъ у древнѣйшихъ народовъ и въ лучшихъ вашихъ писателяхъ; какимъ образомъ онъ введенъ? почему существуетъ еще у васъ? Онъ введенъ Египтянами, отвѣчалъ Эвклидъ, на основанїи годоваго солнечнаго обращенїя, которое сначала признавали они гораздо кратчайшимъ; а у насъ на продолженїи 12 лунныхъ мѣсяцевъ, въ которыхъ всѣхъ полагали мы равно по 30 ти дней. Потόмъ Египтяне прибавили къ своему солнечному году 5 дней и 6 часовъ; а мы, отнявъ отъ своего луннаго года 6 дней, составляемъ его изъ 354, а иногда изъ 360 дней. Надлежало бы, возразилъ я, оставить таковой годъ, какъ скоро вы признали его неправильнымъ. Мы никогда не держимся онаго, отвѣчалъ онъ, въ дѣлахъ государственныхъ и частныхъ. Въ случаяхъ же не столь важныхъ мы, по старой привычкѣ, предпочитаемъ удобность точности

вычисленія, и никто въ семъ не ошибается.

Не упоминая о вопросахъ, сдѣланныхъ мною Эвклиду о Аѳинскомъ календарѣ, я представлю только то, что сказалъ онъ мнѣ о раздѣленіи дня. Отъ Вавилонянъ, продолжалъ онъ, научились мы раздѣлять день на 12 частей большихъ или меньшихъ, судя по различію временъ года. Сіи части, или сіи часы, ибо такъ начинаютъ называть ихъ, означены для каждаго мѣсяца на солнечныхъ часахъ, съ долготою тѣни, соотвѣтствующею каждому изъ оныхъ. Извѣстно, что въ такомъ-то мѣсяцѣ, тѣнь указателя, продожающаяся до такого-то числа футовъ, означаетъ до полудня или послѣ онаго такую-то минуту дня; и мы, когда нужно назначить свиданіе поутру, или ввечеру, обыкновенно говоримъ: въ 10, въ 12 футовъ тѣни; отсюда-то наконецъ произошло сіе выраженіе: которая тѣнь? Извѣстно также, что мы, желая узнать время, не рѣдко посылаемъ рабовъ справляться съ постановленными на площади народной солнечными часами. Сколько ни удобенъ сей способъ,

стараются однакоже доставить намъ легчайшій, и даже начинаютъ дѣлать карманные солнечные часы.

Хотя солнечный кругъ Метоновъ точнѣе всѣхъ выданныхъ прежде него, примѣтили однакожъ въ наши времена, что его нужно исправить. Эвдоксъ, основываясь на мнѣніяхъ Египетскихъ астрономовъ, уже доказалъ намъ, что солнечный годъ содержитъ 365 дней съ ¼, и слѣдовательно короче Метонова 76ю частію дня.

Замѣчено, что солнце, во время поворотовъ, всходитъ не точно съ одной и той же точки горизонта; изъ сего заключено, что оно имѣетъ широту, какъ луна и планеты, и что въ годовомъ своемъ обращеніи оно удаляется на ту и на другую сторону плоскости Эклиптики, наклоненной къ экватору около 24 градусовъ.

Каждая планета имѣетъ свойственную скорость въ своемъ теченіи и неравные годы. Эвдоксъ, по возвращеніи своемъ изъ Египта, далъ намъ новыя понятія о времени ихъ обращенія. Меркурій и Венера совершаютъ свое теченіе въ одно время съ солнцемъ; Марсъ въ два года, Юпитеръ въ 12, Сатурнъ въ 30 лѣтъ.

Звѣзды, блудящія въ зодіакѣ, движутся не сами собою, но будучи влекомы высшими сферами, или тѣми, отъ коихъ онѣ зависятъ. Прежде полагали только восемь сферъ, какъ то: сферу неподвижныхъ звѣздъ, сферу солнца, луны и пяти планетъ. Послѣ, открывши въ небесныхъ тѣлахъ непримѣчанныя еще дотолѣ движенія, умножили число оныхъ.

Не нужно говорить, что многіе почитали блудящія звѣзды вращающимися въ толикихъ же кругахъ, потому единственно, что сія фигура совершеннѣе всѣхъ: сіе было бы объяснять тебѣ мнѣнія людей, а не законы природы.

Луна заимствуетъ свѣтъ отъ солнца; она закрываетъ сіяніе сего свѣтила, когда находится между имъ и нами; теряетъ свой свѣтъ, когда мы бываемъ между нею и солнцемъ. Затмѣнія луны и солнца устрашаютъ только чернь, но астрономы наши предсказываютъ оныя.

Астрономія доказываетъ, что нѣкоторыя свѣтила гораздо болѣе земли; но я не знаю въ девять ли разъ діаметръ солнца болѣе діаметра луны, какъ думалъ Эв-

доксъ. Я спросилъ Эвклида, для чего не включаетъ онъ кометъ въ число блудящихъ звѣздъ. Точно таково, отвѣчалъ онъ, есть мнѣнie многихъ философовъ, между прочими Анаксагора, Демокрита и нѣкоторыхъ Пиѳагоровыхъ учениковъ: но сie мнѣнie дѣлаетъ болѣе чести ихъ уму, нежели ихъ знанiю. Грубыя погрѣшности, соединенныя съ онымъ, доказываютъ, что оно не есть плодъ наблюденiя. Анаксагоръ и Демокритъ предполагаютъ, что кометы суть не что иное, какъ двѣ планеты, которыя, приближась другъ къ другу, кажутся имѣющими одно тѣло; и послѣднiй придаетъ вмѣсто доказательства то, что они раздѣляясь, все еще блистаютъ на небѣ и представляются намъ звѣздами дотолѣ неизвѣстными. Чтожъ касается до Пиѳагоровыхъ послѣдователей, они, кажется, принимаютъ только одну комету, которая, бывъ нѣсколько времени поглощаема солнечными лучами, является по временамъ.

Но что будешь ты отвѣчать, спросилъ я его, Халдеямъ и Египтянамъ, которые, безъ всякаго сомнѣнiя великie наблюдатели, и согласно приписываютъ ко-

метамЪ перїодическое обращенїе? Между Халдейскими астрономами, отвѣчалЪ онЪ, одни тщеславятся познанїемЪ ихЪ теченїя, другїе почитаютЪ ихЪ вихрями воспламеняющимися отЪ скорости ихЪ движенїя. Мнѣнїе первыхЪ можетЪ быть только предположенїемЪ, потому что оно даетЪ мѣсто мнѣнїю вторыхЪ.

ПоложимЪ, что и Египетскїе астрономы имѣли такое же о семЪ понятїе, однакожЪ они не открыли онаго ни одному изЪ нашихЪ философовЪ, кои ихЪ о томЪ вопрошали. ЭвдоксЪ никогда о семЪ не упоминалЪ ни вЪ разговорахЪ, ни вЪ своихЪ сочиненїяхЪ. Не можно ли думать, что Египетскїе жрецы изключительно хранили только для себя познанїе о теченїи кометЪ?

Я дѣлалЪ еще Эвклиду много другихЪ вопросовЪ, и почти всегда находилЪ несогласїе во мнѣнїяхЪ, а слѣдовательно одну неизвѣстность вЪ самыхЪ вещахЪ. Я вопросилЪ его о млечномЪ пути; по мнѣнїю Анаксагора, отвѣчалЪ онЪ, оный есть множество звѣздЪ, которыхЪ сїянїе до половины было помрачено тѣнїю земли, какЪ

будтобы тѣнь сія можетъ достигать до звѣздъ; а по мнѣнію Демокрита, множество весьма малыхъ и весьма близкихъ другъ къ другу звѣздъ, находящихся въ семъ мѣстѣ неба, которыхъ слабые лучи слившись, составляютъ бѣловатый свѣтъ.

По долгомъ разсматриваніи неба, мы обратились къ землѣ. Мы не открыли, сказалъ я Эвклиду, великихъ истиннъ въ столь отдаленномъ путешествіи, вѣрно будемъ счастливѣе въ нашемъ собственномъ жилищѣ, потому что мѣсто населяемое людьми должно быть имъ совершенно извѣстно.

Какимъ образомъ, спросилъ меня Эвклидъ, столь тяжелая толща, какова наша земля, можетъ съ равновѣсіемъ держаться въ воздухѣ. Сія трудность отвѣчалъ я, мнѣ никогда не представлялась. Можно, кажется, то же сказать о землѣ, какъ о звѣздахъ и планетахъ. Нѣтъ, возразилъ онъ, взяты предосторожности, препятствующія ихъ паденію; полагаютъ, что онѣ прикрѣплены къ твердѣйшимъ сферамъ, имѣющимъ прозрачность кристалла: сферы вращаются, а съ ними и небесныя тѣла: но

мы не видимъ вокругъ себя никакой точки, на которой бы земля висѣла. Для чего она не погружается въ жидкость, ее окружающую? Потому, говорятъ одни, что она не со всѣхъ сторонъ окружена воздухомъ, и подобно горѣ, которыя основанiе или корень простирается до безконечности въ нѣдро пространства. Мы занимаемъ только ея вершину и можемъ на ней покоиться безопасно.

Другiе думаютъ, что нижняя ея часть, есть плоска, дабы она могла быть поддерживаема гораздо большимъ числомъ воздушныхъ столбовъ, или плавать поверьхъ воды. Но почти доказано, что она имѣетъ видъ сферической. Сверьхъ сего, воздухъ столь слабъ, что не можетъ ее поддерживать; естьлижъ избрать для сего воду, то спрашивается, на чемъ она утверждается. Физики наши, въ сiи послѣднiя времена, изобрѣли простѣйшее средство къ разсѣянiю нашего страха. По силѣ общаго закона природы, говорятъ они, всѣ тяжелыя тѣла стремятся къ одной точкѣ; сiя точка есть центръ вселенныя, центръ земли. Итакъ части земли, не только не могутъ уда-

ляться отъ сего средоточія, но должны еще сжимать одна другую, стремяся къ оному.

Изъ сего легко понять можно, что люди, населяющіе сей шаръ, и особенно тѣ, которыхъ называютъ антиподами, безъ всякаго труда могутъ на немъ держаться, въ какомъ бы они положеніи ни были. А вѣришь ли ты, спросилъ я его, что дѣйствительно есть люди въ противуположенной намъ сторонѣ шара? Я сего не знаю, отвѣчалъ онъ. Правда, многіе ученые оставили намъ описаніе земли; извѣстно однакожъ, что еще никто ее всю не объѣхалъ, и знаютъ только малую часть ея поверхности. Тщеславіе ихъ достойно посмѣянія. Они безъ малѣйшаго доказательства говорятъ, что земля окружена со всѣхъ сторонъ океаномъ, и что Европа столь же велика, какъ и Азія.

Какія земли, спросилъ я Эвклида, извѣстны Грекамъ? Онъ хотѣлъ мнѣ указать на историковъ, которыхъ я читалъ; но я столько настоялъ въ своей прозьбѣ, что онъ продолжалъ такимъ образомъ: Пиѳагоръ и Ѳалесъ сначала раздѣлили небо на пять поясовъ, изъ коихъ два холодные,

два умѣренные и одинъ простирается вдоль экватора. Въ послѣднемъ вѣкѣ Парменидъ далъ такое же раздѣленїе землѣ, которое потомъ изобразили на находящейся предъ нами сферѣ.

Люди могутъ обитать только на малой части поверхности шара: чрезмѣрность холода и жара не позволила поселиться имъ въ странахъ близкихъ къ полюсамъ и къ экватору. И они размножились только въ умѣренныхъ климатахъ. Но несправедливо во многихъ географическихъ картахъ, обитаемой части земли даютъ круглый видъ: земля менѣе населена отъ юга къ сѣверу, нежели отъ востока къ западу.

Въ странѣ, лежащей отъ Чернаго моря на сѣверъ, обитаютъ Скиѳскїе народы; одни обработываютъ землю, а другїе скитаются въ обширныхъ своихъ владѣнїяхъ: далѣе живутъ различные народы, и между прочими людоѣды . . . но они не Скиѳы, подхватилъ я, прервавъ вдругъ рѣчь его. Я это знаю, отвѣчалъ онъ; историки наши ихъ отличили. За симъ варварскимъ народомъ полагаемъ мы неизмѣримыя степи.

На востокѣ Дарїевы завоеванїя дали намъ знать о племенахъ, простирающихся до самаго Инда. Думаютъ, что по ту сторону сея рѣки есть страна столь же великая, какъ и прочая часть Азїи. Она называется Индїею, коея весьма малая часть подвластна Персидскимъ государямъ, и каждой годъ платитъ имъ великую подать золотымъ пескомъ. Прочеежъ неизвѣстно.

Къ сѣверо-востоку отъ Каспїйскаго моря находится много народовъ, коихъ имена извѣстны сдѣлались потому, что одни спятъ шесть мѣсяцовъ сряду, другїе имѣютъ одинъ только глазъ, иные наконецъ имѣютъ козьи ноги; по симъ повѣствованїямъ ты можешь судить о нашихъ познанїяхъ въ географїи.

Къ западу мы доходили до Геркулесовыхъ столповъ и имѣемъ темное понятїе о народахъ, населяющихъ берега Иверїи; внутренность страны совсѣмъ намъ неизвѣстна. По ту сторону столбовъ, открывается море, называемое Атлантическимъ, которое по видимому простирается до восточныхъ странъ Индїи; по немъ ходятъ часто только Тирскїе и Карѳагенскїе ко-

рабли, которые почти не смѣютъ удаляться отъ земли; прошедши проливъ, одни спускаются къ югу, и идутъ вдоль береговъ Африки, другїе поворачиваютъ къ сѣверу и мѣняютъ свои товары на олово Касситеридскихъ островов, коихъ положенїе Грекамъ неизвѣстно.

Многїя дѣланы были покушенїя разпространить географїю южной части шара. Думаютъ, что по приказанїю Нехоса, царствовавшаго въ Египтѣ, почти за 250 лѣтъ, корабли съ Финикїйскими мореходцами отправились изъ Аравїйскаго залива, объѣхали Африку, и чрезъ два года Кадирскимъ проливомъ возвратились въ Египетъ. Говорятъ такъ же, что другїе мореплаватели объѣхали сїю часть свѣта съ другой стороны; но сїи предприятїя, ежели оныя подлинно были, не имѣли никакихъ послѣдствїй: торговые люди не могли предпринимать столь дальнихъ и опасныхъ путешествїй, основываясь только на такой надеждѣ, которой трудно сбыться. Послѣ ѣздили только около восточныхъ и западныхъ береговъ Африки: на сихъ-то послѣднихъ берегахъ Карѳагеняне основали до-

вольно великое число селеній. Чтожъ касается до внутренности сея обширныя страны; то говорятъ о какой-то дорогѣ, которая начинаясь отъ города Ѳивъ, находящагося въ Египтѣ, и проходя чрезъ сїю страну, оканчивается у Геркулесовыхъ столповъ. Увѣряютъ такъ же, что въ сей части земли есть многїе народы; но упоминаютъ одни только ихъ имена: и ты можешь изъ сказаннаго мною заключить, что они живутъ не подъ жаркимъ поясомъ.

Математики наши полагаютъ окружность земли въ четыреста тысячъ стадїй. Я не знаю, справедливо ли сїе вычисленїе; но знаю то, что намъ едва ли извѣстна четвертая часть сея окружности.

ГЛАВА XXXII.

Аристиппъ.

На другой день послѣ сего разговора пронесся слухъ о прибытїи Аристиппа Киринейскаго: я никогда его не видалъ. По смерти Сократа, своего учителя, онъ путеше-

ствовалъ по разнымъ землямъ, гдѣ приобрѣлъ знаменитое имя: многїе почитали его за нововводителя въ философїи, и обвиняли тѣмъ, что онъ хотѣлъ установить чудовищное сочетанїе добродѣтели со сладострастїемъ; впрочемъ говорили о немъ какъ о человѣкѣ весьма умномъ.

Какъ скоро прибылъ онъ въ Аѳины, то открылъ свое училище: вмѣстѣ съ толпою народа и я туда пробрался; потомъ я видѣлся съ нимъ у него въ домѣ, и онъ изъяснилъ мнѣ свою систему и образъ своего поведенїя почти такимъ образомъ: „слава Сократа привлекала меня къ нему еще въ моей молодости, а изящность его ученїя удержала меня при немъ; но какъ ученїе сїе требовало такихъ пожертвованїй, каковыхъ я не могъ исполнить: то я счелъ возможнымъ, не удаляясь отъ его правилъ, открыть удобнѣйшїй путь къ достиженїю цѣли своихъ желанїй.

„Онъ часто говорилъ намъ, что какъ скоро мы не можемъ познать существа и качествъ вещей, внѣ насъ находящихся; то всякую минуту случается, что мы почитаемъ добро зломъ, а зло добромъ. Та-

кая мысль устрашала мою безпечность: находясь между предметами страха и надежды, надлежало дѣлать выборъ; но мнѣ не льзя было положиться ни на внѣшность столь неизвѣстныхъ предметовъ, ни на свидѣтельство толико обманчивыхъ чувствъ моихъ.

,,Я вошелъ въ самаго себя, и удивился, увидя въ себѣ склонность къ забавамъ, и отвращенїе отъ труда, коими природа снабдила сердце мое, какъ двумя извѣстными ощутительными знаками своихъ намѣренїй. Да и въ самомъ дѣлѣ, естьли сїи склонности порочны, то для чего она мнѣ ихъ дала? Естьлижъ непорочны, то для чегожъ бы имъ не служить правиломъ въ моихъ выборахъ?

,,Недавно видѣлъ я Парразїеву картину, слышалъ Тимофееву арїю: итакъ нужно ли мнѣ знать, изъ чего состоятъ краски и звуки, чтобы изъяснить отъ чего происходитъ чувствуемое мною восхищенїе? и не имѣлъ ли я права заключать, что сїя музыка и сїя живопись имѣютъ по крайней мѣрѣ для меня вещественнѣйшее достоинство.

,,Такимъ образомъ снискалъ я навыкъ судить о всѣхъ вещахъ по впечатлѣніямъ радости или печали, производимымъ ими въ моей душѣ; навыкъ стремиться къ тому, яко полезному, что производитъ во мнѣ пріятныя чувствованія и удаляться отъ того, яко вреднаго, что производитъ противное дѣйствіе. Исключая чувствованія огорчающія душу, и чувствованія, которыя чрезмѣрно ее восхищаютъ, не забудь, что я поставляю счастіе единственно въ безпрерывномъ продолженіи пріятныхъ движеній ее колеблющихъ, но не утомляющихъ оную; и для означенія всѣхъ прелестей сего состоянія, называю оное сладострастіемъ.

,,Принялъ за правило моего поведенія сіе внутреннее ощущеніе, сіи два рода душевныхъ движеній, о которыхъ теперь только я сказалъ, все отношу къ одному себѣ, прилѣпленъ ко вселенной по одной только моей личной выгодѣ, и поставляю себя средоточіемъ и мѣрою всѣхъ вещей; но, сколь ни блистательно сіе положеніе, я не могу остаться въ ономъ спокоенъ, ежели не буду сообразоваться обстоятельствамъ временъ, мѣстъ и лицъ. Какъ я не хочу

терзаться ни разскаянїемъ ни заботами; то удаляю отъ себя всѣ мысли о прошедшемъ и будущемъ, и погружаюся весь въ настоящее: истощивъ всѣ удовольствїя одной поднебесности, спѣшу предаться новымъ услажденїямъ въ другой. Впрочемъ, хотя всѣ народы для меня чужды; но ни котораго изъ нихъ не ненавижу; наслаждаюсь ихъ выгодами и чту ихъ законы: хотя бы законы сїи и не существовали, то философъ всегда избѣгалъ бы случаевъ возмущать общественный порядокъ вольностїю своихъ правилъ, или безпорядочнымъ своимъ поведенїемъ.

„Я теперь открою тебѣ мою, и почти всѣхъ людей тайну. Обязанности общественныя почитаю я ничѣмъ другимъ, какъ безпрерывною цѣпью взаимныхъ услугъ: я не дѣлаю ни одного шага безъ того, чтобы не ожидать возмездїя; превращаю въ товаръ мои мысли и мои познанїя, являю мое усердїе и мою услужливость; не дѣлаю никакой обиды себѣ подобнымъ; почитаю ихъ, когда должно; оказываю услуги, когда мнѣ возможно, оставляю при ихъ требованїяхъ, и извиняю ихъ слабости.

Люди не неблагодарны: собственность моя ко мнѣ всегда возвращалася съ довольною лихвою.

„Я считалъ только нужнымъ удалить тѣ обряды, которые называются нѣжными чувствованiями, благородными поступками. Я имѣлъ учиниковъ, требовалъ отъ нихъ платы; училище Сократово тому удивлялось и противъ сего вопiяло, не примѣтя, что оно нарушаетъ тѣмъ вольность сказанной торговли.

„Какъ въ первый разъ явился я предъ Дiонисiемъ, Государемъ Сиракузскимъ, онъ спросилъ меня, за чѣмъ я прiѣхалъ къ его двору? Мѣнять мои познанiя, отвѣчалъ я ему, на твои милости, мои нужды на твои. Онъ на торгъ согласился, и вскорѣ отличилъ меня отъ другихъ находившихся при немъ философовъ.„

Правда ли, спросилъ я, прервавъ рѣчь Аристиппа, что сiе предпочтенiе навлекло на тебя ихъ ненависть? Не знаю, отвѣчалъ онъ, испытали ли они сiе тягостное чувствованiе: а я отъ него предохранилъ свое сердце, равно какъ и отъ сильныхъ страстей, болѣе пагубныхъ для предающихся онымъ,

нежели для тѣхъ, кои бываютъ ихъ предметомъ. Я завидовалъ только одной смерти Сократа; и все мое мщенїе человѣку, хотѣвшему оскорбить меня, состояло въ томъ, что я сказалъ ему хладнокровно: я отхожу отъ тебя, потому что естьли ты властенъ мнѣ наносить оскорбленїя, я такъ же властенъ ихъ не слушать.

А что думаешь ты о дружествѣ, спросилъ я его? Я почитаю его прекраснѣйшимъ и опаснѣйшимъ даромъ неба, отвѣчалъ онъ: приятности его сладостны, а превратности ужасны; нѣтъ нужды, чтобы мудрый человѣкъ подвергался такимъ уронамъ, коихъ горесть можетъ отравить остатокъ дней его. Изъ слѣдующихъ двухъ случаевъ ты узнаешь, съ какою умѣренностїю предавался я сему чувствїю.

Я былъ на островѣ Эгинѣ; узналъ, что Сократъ, любезный мой учитель, осужденъ на казнь, содержится въ темницѣ, что казнь его отложена на одинъ мѣсяцъ и только ученикамъ его позволено съ нимъ видѣться. Естьли бы я, безъ всякой трудности, могъ расторгнуть его оковы, то летѣлъ бы къ нему на помощь; но я не въ силахъ былъ

ничего для него сдѣлать, и остался въ Эгинѣ. Вотъ мое правило: когда несчастіе друзей моихъ неотвратимо, то стараюсь не видѣть ихъ страданія, чтобы самому не чувствовать огорченія.

Я подружился съ Эсхиномъ, ученикомъ же, такъ какъ и я, сего великаго мужа: полюбилъ его за добродѣтели его, а можетъ быть такъ же и потому, что онъ, будучи мнѣ обязанъ, чувствовалъ больше склонности ко мнѣ, нежели къ Платону; послѣ мы поссорились. Гдѣ, спросилъ меня нѣкто, прежнее ваше дружество? Оно спитъ, отвѣчалъ я: но въ моей власти разбудить его. Потомъ пошелъ я къ Эсхину и пришедши сказалъ ему: мы глупо сдѣлали; но не уже ли ты почитаешь меня столь неспособнымъ къ исправленію, чтобъ уже я и прощенія недостоенъ? Аристиппъ! отвѣчалъ онъ, ты во всемъ меня превосходишь: я виноватъ, а ты первый простираешь ко мнѣ свои объятія. Мы облобызали другъ друга, и я избавился отъ неудовольствія, какое наносила мнѣ наша холодность.

Естьли я не обманываюсь, сказалъ я ему, то изъ твоей системы слѣдуетъ, что

должно только допускать взаимныя связи, и изгнать то дружество, которое дѣлаетъ насъ столь чувствительными къ несчастїямъ другихъ. Изгнать! сказалъ онъ запинаясь; хорошо! Я скажу съ Эврипидовою Федрою: ты произнесъ сїе слово, а не я.

Аристиппъ зналъ, что внушены были объ немъ Аѳинянамъ худыя мысли: будучи всегда готовъ отвѣчать на упреки, онъ просилъ меня доставить ему случай оправдаться.

Тебя обвиняютъ, сказалъ я ему, что ты льстилъ тиранну; это ужасное преступленїе. Я уже объявилъ тебѣ, сказалъ онъ на сїе, причины, приведшїя меня ко двору Сиракузскому: онъ былъ наполненъ философами, присвоявшими себѣ имя преобразователей. А я принялъ на себя лице придворнаго, сохраняя однакожъ лице честнаго человѣка; одобрялъ хорошїя качества юнаго Дїонисїя; не хвалилъ его недостатковъ, но и не порицалъ ихъ; такъ какъ и не имѣлъ на сїе права: зналъ только то, что ихъ легче сносить, нежели исправить.

Снисходительность и уклончивость

моя возродили въ немъ ко мнѣ довѣренность; довольно удачные отвѣты, вырывавшiеся у меня иногда, забавляли его въ праздное время. А когда предлагалъ онъ мнѣ важные вопросы, я никогда не отступалъ отъ истинны. И какъ я желалъ представить ему всю обширность его должностей, и укротить насильственность его нрава; то часто въ присутствiи его говаривалъ, что просвѣщенный человѣкъ столько же отличается отъ невѣжды, сколько объѣзженный конь разнится отъ необъѣзженнаго.

Когда дѣло не касалось до его правленiя, я говорилъ свободно, иногда даже нескромно. Однажды просилъ я его объ одномъ изъ моихъ приятелей; онъ не внималъ мнѣ. Я упалъ предъ нимъ на колѣна: и какъ сiе причтено мнѣ было въ преступленiе; моя ли въ томъ вина, отвѣчалъ я, что у него уши на ногахъ?

Я просилъ его объ нѣкоемъ награжденiи, онъ мнѣ тогда не сдѣлалъ; а между тѣмъ самъ предложилъ Платону такоежъ награжденiе, котораго сей не принялъ. Тогда я сказалъ вслухъ: Государь не разо-

рится; онъ предлагаетъ тѣмъ, которые отказываются, и отказываетъ тѣмъ, кои просятъ.

Часто предлагалъ онъ намъ задачи; и потомъ прерывая насъ, спѣшилъ самъ рѣшить оныя. Однажды сказалъ онъ мнѣ: поговоримъ о чемъ нибудь изъ философіи; начинай. Очень хорошо, отвѣчалъ я, развѣ только для того, чтобъ тебѣ доставить удовольствіе кончить и меня научить тому, о чемъ ты знать хочешь. Онъ обидился, и за ужиномъ приказалъ мнѣ сѣсть на концѣ стола. На другой день спросилъ меня, каково мнѣ показалось сіе мѣсто. Вѣрно ты хотѣлъ, отвѣчалъ я, сдѣлать его на нѣсколько минутъ почтеннѣе прочихъ.

Упрекаютъ такъ же тебя, сказалъ я ему, въ склонности къ обогащенію, пышности, роскошному столу, женщинамъ, благовоніямъ и ко всѣмъ чувственнымъ удовольствіямъ. Я получилъ такую склонность при рожденіи, отвѣчалъ онъ, и думаю, что удовлетворяя ей съ умѣренностію, удовлетворю вмѣстѣ природѣ и разсудку; я наслаждаюсь пріятностями жизни, и безъ нихъ легко могу обойтися; при дворѣ Діони-

сїя носилЪ я пурпуровую одежду; а вЪ другихЪ мѣстахЪ, иногда платье изЪ шерсти Милетской, иногда толстый плащЪ.

Дїонисїй содержалЪ насЪ сообразно нашимЪ нуждамЪ. Платону давалЪ книги, а мнѣ деньги, которыя не долго сквернили мои руки. КакЪ нѣкто негодовалЪ на меня за то, что я за одну куропатку заплатилЪ 50 драхмЪ; то я сказалЪ ему, не далЪ ли бы ты за нее одного обола? БезЪ сомнѣнїя. — И я 50 драхмЪ почитаю за одинЪ оболЪ.

Я сберегЪ нѣсколько денегЪ для путешествїя вЪ Ливїю; но какЪ невольникЪ мой, неся ихЪ не могЪ поспѣть за мною; то я приказалЪ ему бросить на дорогѣ часть сего столь тяжелаго и столь озабочивающаго металла.

По нечаянному случаю лишился я своего любимаго загороднаго дома: одинЪ изЪ моихЪ друзей хотѣлЪ меня утѣшить. Успокойся, сказалЪ я ему, у меня есть еще три дома, и я болѣе доволенЪ тѣмЪ, что у меня осталось, нежели сколько печалюсь о томЪ, чего я лишился; однимЪ только дѣтямЪ свойственно плакать и бросать

всѣ свои игрушки, когда отнимутъ у нихъ хотя одну.

По примѣру самыхъ строгихъ философовъ, я представляю себя счастїю тѣмъ шаромъ, которой оно можетъ катать по своей волѣ, но котораго не можетъ повредить для того, что не за что уцѣпиться: подбѣжитъ ли оно ко мнѣ, я подаю ему руку; расправляетъ ли оно свои крылья, чтобы летѣть, я ему возвращаю дары его и даю волю летѣть: счастїе есть непостоянная женщина, коея своенравїе иногда меня забавляетъ, но никогда не огорчаетъ.

По щедрости Дїонисїевой имѣлъ я хорошїй столъ, богатыя одежды, и великое число невольниковъ. Многїе философы, ревностные послѣдователи строгой нравственности, явно меня за то поносили: но я отвѣчалъ имъ только шутками. Однажды Поликсенъ, почитавшїй душу свою хранилищемъ всѣхъ добродѣтелей, нашедъ у меня прекрасныхъ женщинъ и приготовленїе къ пышному столу, предался безъ мѣры строптивой своей ревности. Я не мѣшалъ ему говорить и предложилъ остаться съ нами: онъ на то согласился, и скоро увѣ-

рилЪ насЪ, что естьли онЪ и не любитЪ издержекЪ, то столько же любитЪ хорошій столЪ, какЪ и его соблазнитель.

НаконецЪ, (ибо я ничѣмЪ лучше не могу оправдать моего ученія, какЪ собственными своими дѣлами,) Діонисій представилЪ мнѣ трехЪ прекрасныхЪ женщинЪ, и позволилЪ выбрать изЪ нихЪ одну. Я всѣхЪ взялЪ, извиняясь тѣмЪ, что дорого стоило Парису предпочтеніе, сдѣланное имЪ одной изЪ трехЪ богинь. Дорóгою размысливЪ, что всѣ ихЪ прелести ничего не значатЪ предЪ удовольствіемЪ побѣдить себя самаго, я отослалЪ ихЪ назадЪ и спокойно возвратился домой.

АристиппЪ! сказалЪ я тогда, ты изпровергаешь всѣ мои мысли; всѣ думали, что никакого не стоитЪ труда быть последователемЪ твоей философіи, и что защитникЪ сладострастія можетЪ предаваться всѣмЪ безЪ изъятія чувственнымЪ удовольствіямЪ. КакЪ! ты могЪ помыслить, отвѣчалЪ онЪ, чтобы человѣкЪ, почитающій одно только ученіе нравственности для себя существеннымЪ, и пренебрегающій геометрію и другія науки, не

касающїяся непосредственно до образованїя нравовъ; чтобы писатель, коего мыслей и правилъ не стыдился Платонъ неоднократно заимствовать; чтобы наконецъ ученикъ Сократовъ открылъ училища распутства во многихъ городахъ Грецїи, не вооруживъ на себя правительства и даже самыхъ развращенныхъ гражданъ!

Назвавъ сладострастїемъ внутреннее удовольствїе, дѣлающее людей счастливыми, возбудилъ я негодованїе въ умахъ, кои привязываются болѣе къ словамъ, нежели къ вещамъ. Нѣкоторые философы, забывъ любовь свою къ справедливости, поддерживали такое предубѣжденїе, и можетъ быть кто нибудь изъ учениковъ моихъ оправдаетъ оное, предаваясь распутству: но премѣняется ли свойство превосходнаго правила только потому, что изъ онаго можно выводить ложныя послѣдствїя?

Я изъяснилъ тебѣ свое ученїе. Единственнымъ орудїемъ счастїя признаю я тихїя и приятныя движенїя души нашей; но я желаю, чтобы ихъ умѣряли, какъ скоро будетъ примѣтно, что они производятъ въ душѣ смятенїе и безпорядокъ; и подлинно великаго

требуется мужества къ тому, чтобы вдругъ полагать предѣлы воздержанію и наслажденію.

Антисѳенъ въ одно время со мною учился у Сократа: онъ съ природы былъ печаленъ и суровъ, а я веселъ и снисходителенъ. Онъ отвергъ удовольствіе и не смѣлъ сразиться со страстями, ввергающими насъ въ приятную томность; а для меня лучше было побѣждать ихъ нежели избѣгать; и не смотря на ихъ жалобныя стенанія, я влачилъ ихъ за собою какъ невольниковъ, которые должны мнѣ служить и помогать мнѣ носить бремя жизни. Мы шли противуположеннымъ путемъ: и вотъ какой плодъ приобрѣли мы отъ нашихъ подвиговъ. Антисѳенъ почелъ себя счастливымъ, потому что почиталъ себя мудрымъ: а я считаю себя мудрымъ, потому что счастливъ.

Можетъ быть когда нибудь скажутъ, что Сократъ и Аристиппъ, какъ въ поведеніи своемъ, такъ и въ ученіи, удалялись отъ общихъ обыкновеній; но скажутъ также и то, что они вознаграждали сіи малыя вольности познаніями, коими обогатили философію.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Несогласіе между Діонисіемъ младшимъ, Сиракузскимъ государемъ и Діономъ его зятемъ. Путешествіе Платона въ Сицилію.

Въ бытность мою въ Греціи, объѣхалъ я главные города: я былъ свидѣтелемъ тѣхъ великихъ торжествъ, на кои собираются разные Греческіе народы. Не довольствуясь частными поѣздками, мы съ Филотомъ рѣшились обозрѣть съ бо́льшимъ вниманіемъ всѣ ея области, начиная съ сѣверныхъ.

На канунѣ нашего отъѣзда, ужинали мы у Платона: я пришелъ къ нему съ Аполлодоромъ и Филотомъ. Мы нашли тамъ Спевсиппа его племянника, многихъ изъ прежнихъ его учениковъ, и Тимоѳея весьма знаменитаго своими побѣдами. Намъ сказали, что Платонъ былъ наединѣ съ Діономъ Сиракузскимъ, который прибылъ изъ Пелопониса, и который за шесть или за семь лѣтъ предъ симъ, бывъ высланъ изъ своего отечества, жилъ довольно долгое время въ Аѳинахъ. Они вскорѣ вышли къ намъ. Пла-

тонъ сначала показался мнѣ безпокойнымъ и озабоченнымъ; но скоро принялъ веселый свой видъ и приказалъ подавать на столъ.

При столѣ его была совершенная благопристойность и чистота. Тимоѳей, который въ походахъ слыхалъ только о движенiяхъ войскъ, осадахъ, сраженiяхъ, а въ обществахъ Аѳинскихъ о морскихъ силахъ и налогахъ, живо чувствовалъ всю важность разговора, продолжаемаго свободно и поучительнаго безъ скуки. Часто восклицалъ онъ съ воздыханiемъ: „ахъ! Платонъ, сколь ты „счастливъ!„ И какъ послѣднiй извинялся въ умѣренности стола, то Тимоѳей сказалъ ему: „я знаю, что академическiй ужинъ „доставляетъ приятный сонъ, а пробуж„денiе еще приятнѣйшее.„

Нѣкоторые изъ гостей разошлися рано; Дiонъ также скоро за ними послѣдовалъ. Мы были поражены его осанкою и разговорами: онъ нынѣ жертва тираннiи сказалъ намъ Платонъ; но, можетъ статься, будетъ когда нибудь жертвою свободы.

Тимоѳей неотступно просилъ его изъясниться. Исполненъ будучи почтенiя къ

Діону, говорилъ онъ, я никогда не зналъ истинныхъ причинъ его изгнанія, и имѣлъ только темное понятіе о смятеніяхъ Сиракузскаго двора. А я видѣлъ ихъ очень близко, отвѣтствовалъ Платонъ. Прежде негодовалъ я на неистовство и несправедливость, каковыя народъ оказываетъ иногда въ нашихъ собраніяхъ: но сколь ужаснѣе и опаснѣе тѣ пронырства, кои подъ наружною тишиною безпрестанно окружаютъ престолъ; въ тѣхъ возвышенныхъ странахъ, гдѣ говорить истинну есть преступленіе, а дать оную почувствовать государю и еще большее преступленіе, гдѣ милость оправдываетъ злодѣя, а немилость дѣлаетъ виновнымъ добродѣтельнаго человѣка! Мы могли бы исправить Сиракузскаго государя, но его гнуснымъ образомъ развратили: не участь Діона я оплакиваю, а участь цѣлой Сициліи. Сіи слова удвоили наше любопытство; и Платонъ, склонившись на прозьбы наши, началъ такимъ образомъ:

Первое путешествіе Платона.

„Около 32хъ лѣтъ тому назадъ, какъ нѣкоторыя причины, о коихъ здѣсь упоминать не мѣсто, привели меня въ Сицилію.

Дїонисїй старшїй царствовалъ въ Сиракузахъ; извѣстно вамъ, что сей государь страшный своими чрезвычайными дарованїями, занимался во всю жизнь свою наложенїемъ оковъ на сосѣдственные народы, и на свой собственной. Жестокость его, казалось, возрастала по мѣрѣ разпространенїя его власти, достигшей наконецъ до высочайшей степени. Онъ хотѣлъ со мною познакомиться, и какъ онъ предупредилъ меня своею благосклонностїю, то и надѣялся отъ меня ласкательства; но слышалъ только истинну. Я не скажу вамъ ни о его бѣшенствѣ, которое я пренебрегалъ, ни о его мщенїи, отъ коего предохранить себя стоило мнѣ великаго труда. Я обѣщалъ самъ себѣ молчать при жизни Дїонисїя о несправедливыхъ его дѣянїяхъ, но память его и безъ новыхъ поношенїй у всѣхъ народовъ остается въ омерзѣнїи.

Тогда сдѣлалъ я для философїи прiобрѣтенїе, коимъ она должна гордиться: это былъ сей самый Дїонъ. Аристомаха, сестра его, была изъ числа двухъ женъ, взятыхъ въ супружество Дїонисїемъ въ одинъ день; Гиппаринъ, отецъ Дїоновъ,

долго былъ главою Сиракузской республики. Городъ Сиракузы, ежели онъ будетъ когда нибудь столько счастливъ, что возвратитъ свою свободу, будетъ обязанъ оною тѣмъ разговорамъ, кои имѣлъ я съ юнымъ Дiономъ. Душа его, будучи превыше другихъ, отверзлась при первыхъ лучахъ свѣта, и вдругъ воспламенясь сильною любовiю къ добродѣтели, рѣшительно отреклась отъ всѣхъ страстей, унижавшихъ прежде оную. Дiонъ подвергъ себя столь великимъ пожертвованiямъ и съ такою ревностiю, какой никогда не замѣчено было ни въ одномъ молодомъ человѣкѣ, съ такимъ постоянствомъ, которое никогда не измѣнялось.

Съ сей минуты началъ онъ содрогаться, видя свое отечество поверженнымъ въ рабство; но какъ онъ всегда льстился надеждою, что его примѣры и правила сдѣлаютъ впечатлѣнiе въ тираннѣ, который не могъ его не любить и употреблять къ дѣламъ; потому Дiонъ остался жить при немъ, не преставая говорить съ нимъ откровенно, и презирать ненависть развратныхъ царедворцевъ.

Наконецъ Діонисій умеръ, бывъ исполненъ ужаса, мучимъ своею недовѣрчивостію, столь же несчастенъ какъ и народы, 38 лѣтъ подъ его скипетромъ стенавшіе. Въ числѣ дѣтей своихъ оставилъ онъ отъ Дорисы, одной изъ двухъ женъ своихъ, сына, одного съ нимъ имени, возшедшаго по немъ на престолъ. Діонъ употребилъ сей случай ко благоденствію Сициліи. Отецъ твой, говорилъ онъ юному государю, основывалъ свое могущество на страшныхъ флотахъ, находящихся теперь въ твоей власти, на десяти тысячахъ варваровъ, составляющихъ твою стражу. Это были, по мнѣнію его, алмазныя цѣпи, связующія всѣ части государства; но онъ обманывался: я не признаю никакихъ другихъ крѣпчайшихъ узъ, кромѣ правосудія государя и любви народа. Какой стыдъ для тебя, говорилъ онъ также, ежели будешь отличаться однимъ только блескомъ великолѣпія, украшающаго твою особу и твои чертоги, а послѣдній изъ твоихъ подданныхъ можетъ превзойти тебя своими познаніями и своими чувствованіями!

Дїонъ не только подавалъ наставленїя государю, но и бдѣлъ непрестанно надъ государственнымъ управленїемъ; онъ творилъ добро, и тѣмъ умножалъ число своихъ неприятелей. Въ продолженїи нѣкотораго времени они безполезно истощали всѣ свои усилїя; не умедлили однакожъ погрузить Дїонисїя въ постыднѣйшее распутство. Дїонъ, будучи не въ состоянїи имъ противиться, ожидалъ только благоприятнѣйшей минуты. Дїонисїй, коего онъ нашелъ средство расположить въ мою пользу, и коего желанїя всегда были стремительны, писалъ ко мнѣ многїя чрезвычайно убѣдительныя письма; просилъ меня все оставить и приѣхать, какъ можно скорѣе, въ Сиракузы. Дїонъ также убѣждалъ въ своихъ письмахъ, что я не долженъ терять ни одной минуты, что есть еще время возвести философїю на престолъ, что Дїонисїй показываетъ надежнѣйшее къ сему расположенїе, и что родственники его съ охотою будутъ способствовать намъ утвердить его въономъ.

Я долго разсуждалъ о сихъ письмахъ. Не могъ вѣрить обѣщанїямъ молодаго чело-

вѣка, который въ минуту преходилъ изъ одной крайности въ другую: но не долженъ ли былъ положиться на совершенную мудрость Дїона? Должно ли было оставить друга въ толь сомнительныхъ обстоятельствахъ? для того ли посвятилъ я жизнь свою философїи, чтобы измѣнять ей, когда она требуетъ моей защиты? Сверьхъ того, я имѣлъ нѣкоторую надежду привесть въ дѣйство мысли свои о лучшемъ правленїи, и воцарить справедливость во владѣнїяхъ Сицилїйскаго государя. Вотъ истинныя причины, побудившїя меня туда отправиться, причины совершенно различныя отъ тѣхъ, кои приписывали мнѣ несправедливые порицатели.

Второе путешествїе Платона.

Я нашелъ дворъ Дїонисїя исполненнымъ несогласїя и неустройствъ. Дїонъ былъ предметомъ ужасныхъ клеветъ. При сихъ словахъ Спевсиппъ прервалъ рѣчь Платонову. Дядя мой, онъ сказалъ, не смѣетъ описать вамъ возданныхъ ему почестей и успѣховъ, какїе имѣлъ онъ по своемъ прибытїи. Государь встрѣтилъ его при самомъ сошествїи съ корабля, и возведъ на великолѣпную колесницу, запря-

женную четырьмя бѣлыми конями, торжественно сопровождалъ его посреди безчисленнаго народа, покрывавшаго берегъ: приказалъ, чтобы входъ во дворецъ всегда былъ для него отверзтъ, и принесъ пышную жертву, въ знакъ благодарности за благодѣянїе, оказанное богами Сицилїи. Скоро увидѣли, что придворные начали перемѣнять образъ жизни, удалять роскошь отъ столовъ своихъ, съ ревностїю учиться геометрическимъ фигурамъ, которыя разные учители Дїонисїевы чертили на пескѣ, разсыпанномъ въ самыхъ покояхъ дворца.

Народъ, удивленный сею нечаянною перемѣною, возъимѣлъ лестную для себя надежду; государь оказывалъ себя болѣе чувствительнымъ къ его жалобамъ: вспомнили тогда, что онъ получилъ званїе гражданина Аѳинъ, самаго свободнаго города изъ всей Грецїи. Говорили также, что какъ въ одномъ богослужебномъ обрядѣ, провозвѣстникъ послѣ обыкновенныхъ словъ произнесъ молитву къ богамъ о сохраненїи тиранна; то Дїонисїй, оскорбившись симъ наименованїемъ, которое однакожъ до того времени не было

ему противно, вдругъ вскричалъ: „перестанешь ли ты меня проклинать?

Сіи слова привели въ трепетъ защитниковъ тиранніи. Главою ихъ былъ Филистъ, обнародовавшій исторію о Сицилійскихъ войнахъ, и другія сочиненія сего же рода. Діонисій старшій изгналъ его изъ своихъ областей: и какъ онъ былъ краснорѣчивъ и дерзокъ, то возвратилъ его изъ ссылки, дабы противупоставить его Платону. Едва только онъ прибылъ, какъ Діонъ сдѣлался предметомъ злобныхъ клеветъ: вѣрность его стала подозрительна; всѣ его слова, всѣ дѣянія были обращаемы въ худую сторону. Совѣтовалъ ли онъ во время мира уменшить число войскъ и галеръ; то говорили, что онъ хотѣлъ, приведши въ ослабленіе власть государя, пренести корону къ дѣтямъ, которыхъ сестра его имѣла отъ Діонисія старшаго. Побуждалъ ли воспитанника своего къ размышленію о правилахъ мудраго правленія; то говорили, государь уже не что иное, какъ ученикъ академіи, какъ философъ, осужденный провесть остатокъ дней своихъ въ изысканіи мечтательнаго блага.

Въ самомъ дѣлѣ, присоединилъ къ сему Платонъ, въ Сиракузахъ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ только о двухъ заговорахъ: о заговорѣ философіи противъ престола и заговорѣ всѣхъ страстей противъ философіи. Меня обвиняли въ благоприятствѣ первому, и въ томъ, что пользуясь моею силою надъ Діонисіемъ, ставилъ ему сѣти. Правда, вмѣстѣ съ Діономъ, я говорилъ ему, что естьли онъ хочетъ прославиться, и даже умножить свое могущество; то долженъ снискать рѣдкое сокровище, то есть, добродѣтельныхъ друзей, которымъ могъ бы поручить градоначальство и другія должности, возобновить Греческіе города, разоренные Карѳагенянами, и дать имъ мудрые законы, доколѣ не можетъ возвратить имъ свободу, наконецъ ограничить власть свою, и изъ тиранна своихъ подданныхъ содѣлаться ихъ государемъ. Казалось, что иногда Діонисій убѣждался нашими совѣтами; но прежнія его предубѣжденія противъ моего друга, всегда подкрѣпляемыя вѣроломными внушеніями, глубоко вкоренились въ душѣ его. Въ продолженіе первыхъ мѣсяцевъ

пребыванія моего въ Сирикузахъ, я употребилъ все свое стараніе къ истребленію оныхъ предразсудковъ; но вмѣсто успѣха, видѣлъ я довѣренность къ Діону постепенно ослабѣвающею.

Война съ Карѳагенянами еще продолжалась; и хотя она была не иное что какъ временныя сшибки, однакожъ нужно было кончить оную. Діонъ, желая таковоежъ внушить желаніе въ неприятельскихъ предводителей, просилъ ихъ писменно увѣдомить о предварительныхъ условіяхъ, дабы онъ могъ доставить имъ надежный миръ. Письмо попалось какимъ-то образомъ въ руки государя. Онъ тотъ же часъ совѣтуется съ Филистомъ; и скрывая мщеніе свое съ крайнимъ притворствомъ показываетъ, будто бы возвращаетъ прежнія свои милости къ Діону, являетъ всѣ знаки благоволенія, приводитъ къберегамъ моря, показываетъ ему пагубное письмо, укоряетъ въ измѣнѣ, и не давъ ему выговорить въ оправданіе ниодного слова, повелѣваетъ посадить на корабль, который въ ту же минуту отходитъ.

Сей громовый ударъ поразилъ Сицилію,

и привелъ въ унынiе Дiоновыхъ друзей; всѣ страшились, чтобы ударъ сей не обратился и на главы наши; въ Сиракузахъ разнесся ужѐ слухъ о моей смерти. Но за сею сильною бурею вдругъ послѣдовала великая тишина; изъ хитрости, или отъ стыда, государь назначилъ Дiону нѣкоторую сумму денегъ, коей однакожъ сей послѣднiй не принялъ. Дiонисiй не только не мстилъ друзьямъ изгнаннаго, но и употреблялъ всѣ средства къ истребленiю въ нихъ боязни: особенно старался онъ утѣшить меня; настоятельно просилъ остаться при немъ. Хотя прозьбы его были смѣшаны съ угрозами, а ласки съ гнѣвомъ; однакожъ я всегда представлялъ ему избрать одно изъ двухъ: или возвратить Дiона, или отпустить меня. Онъ не могши преодолѣть моего сопротивленiя, велѣлъ перевести меня въ зàмокъ, находящiйся во дворцѣ. Повсюду разосланы были приказанiя привести меня обратно въ Сиракузы, естьли уйду, и запрещено было корабельнымъ начальникамъ отвозить меня безъ имяннаго повелѣнiя отъ государя.

Я видѣлъ себя въ плѣну и крѣпкомъ за-

ключенiи, но при всемъ томъ усердiе и нѣжность его ко мнѣ усугублялися; онъ, казалось, искалъ моего почтенiя и дружества; не могъ болѣе сносить предпочтенiя, какое въ сердцѣ моемъ имѣлъ я къ Дiону; онъ требовалъ себѣ онаго съ высокомѣрiемъ, просилъ съ униженностiю. Я непрестанно былъ предметомъ странныхъ явленiй, то есть, запальчивости, извиненiй, оскорбленiй и слезъ. Какъ наши свиданiя день ото дня становились чаще; то разгласили, что я единственный его любимецъ. Сей слухъ, коварно подтверждаемый Филистомъ и его соучастниками, сдѣлалъ меня ненавистнымъ народу и войску; меня почитали виновникомъ развраша государева и погрѣшностей въ правленiи. Но я никогда не имѣлъ въ томъ участiя, изключая приступа къ нѣкоторымъ законамъ, написаннаго мною вскорѣ по прибытiи моемъ въ Сицилiю; я отказался отъ государственныхъ дѣлъ даже и тогда, когда могъ бы раздѣлять бремя оныхъ съ вѣрнымъ мнѣ сотрудникомъ; а теперь я лишился его. Дiонисiй снова предался великому числу развращенныхъ ласкателей; какъ же могъ бы

я тогда избрать сїе время для подаванїя совѣта безразсудному юношѣ, который думалъ, что онъ правитъ, а вмѣсто того позволялъ управлять собою такимъ совѣтникамъ, кои злѣе его, и столько же несмыслены, какъ и самъ онъ.

Дїонисїй хотѣлъ бы и златомъ купить мое дружество, но я почиталъ его дороже золота; я хотѣлъ, чтобы онъ напитался моимъ ученїемъ и научился повелѣвать самимъ собою, чтобъ быть достойнымъ повелителемъ другихъ: но онъ любитъ только философїю, изощряющую умъ, потому что она даетъ ему случай блистать. Когда началъ я преподавать ему ученїе о мудрости, которая управляетъ душевными движенїями; то видѣлъ, что жаръ его прохлаждался. Онъ слушалъ меня съ безпокойствомъ, съ затрудненїемъ. Я примѣтилъ, что онъ напередъ оградилъ себя отъ моихъ убѣжденїй: онъ былъ дѣйствительно предваренъ въ томъ, что, принявъ мои правила, сдѣлаетъ несомнѣннымъ и возвращенїе и торжество Дїоново.

Природа одарила его быстрою проницательностїю, удивительнымъ краснорѣчї-

емъ, чувствительнымъ сердцемъ, благородными движенiями, склонностiю къ честности, но не дала ему твердости; и какъ воспитанiе его было въ совершенномъ пренебреженiи, то повредились сѣмена добродѣтелей, произрасли однѣ слабости, которыя по счастiю служатъ къ уменьшенiю его пороковъ. Онъ суровъ, но не надолго; надмененъ безъ величавости. По одной слабости бываетъ онъ лживъ и вѣроломенъ, проводитъ цѣлые дни въ пьянствѣ и сладострастiи. Естьли бы онъ имѣлъ болѣе твердости; то былъ бы самый жестокiй въ свѣтѣ человѣкъ. Я не примѣтилъ никакой другой силы въ душѣ его, кромѣ непреклоннаго упорства, съ каковымъ требуетъ онъ, чтобы все покорялось непостояннымъ его желанiямъ; бываетъ такое время, въ которое доказательства, мнѣнiя, чувствованiя, словомъ все должно уступить его знанiямъ; я видѣлъ, какъ онъ унижался прозьбами до подлости, чтобъ избавиться отказа, или возраженiя. Естьли онъ нынѣ съ величайшимъ усилiемъ стремится проникнуть тайны природы, то для того только, чтобъ она ничего отъ него не сокрывала. Дiонъ наиболѣе ненавистенъ ему по-

тому, что противурѣчитъ ему своими дѣлами и своими мнѣнїями.

Тщетно просилъ я о возвращенїи Дїона изъ ссылки до самаго того времени, какъ война возгорѣвшись обременила его новыми заботами. Не имѣя болѣе предлога удерживать меня, наконецъ согласился онъ на мой отъѣздъ. Мы сдѣлали нѣкоторый родъ договора. Я обѣщался опять къ нему прiѣхать по заключенїи мира; а онъ между тѣмъ долженъ былъ возвратить Дїона. Какъ скоро миръ былъ заключенъ, то первое его старанїе было увѣдомить насъ объ ономъ. Онъ писалъ къ Дїону объ отсрочкѣ его возвращенїя еще на годъ, а ко мнѣ о скорѣйшемъ прибытїи. Я тотчасъ отвѣчалъ ему, что лѣта̀ мои не позволяютъ болѣе подвергаться опасностямъ столь дальняго путешествїя, и что ежели онъ измѣнилъ своему слову, то и я свободенъ не сдержать своего. Сей отвѣтъ равно не понравился какъ Дїону, такъ и Дїонисїю. Тогда рѣшился я не вмѣшиваться въ ихъ дѣла; но государь тѣмъ болѣе упорствовалъ въ своемъ желанїи: онъ всѣхъ просилъ униженно склонять меня;

самъ писалъ ко мнѣ безпрестанно, заставлялъ писать ко мнѣ друзей моихъ, бывшихъ въ Сициліи, и философовъ Италійскаго училища. Архитъ, первый изъ числа сихъ философовъ, находился тогда при немъ: онъ далъ мнѣ знать, что государь воспламенился новою ревностію къ философіи, и что я подвергну опасности въ Сиракузахъ всѣхъ занимающихся оною, естьли не возвращусь къ нему, какъ можно скорѣе; сіе самое подтверждаемо было и другими письмами. Діонъ съ своей стороны непрестанно просилъ меня о томъ же.

Діонисій никогда не возвратитъ его; онъ его боится; онъ никогда не будетъ философомъ, а старается только таковымъ казаться. Онъ мыслитъ, что путешествіе мое можетъ умножить къ нему почтеніе у истинныхъ философовъ; а отказъ уменьшить оное: вотъ вся тайна чрезвычайныхъ усилій, съ каковыми старался онъ привлечь меня къ себѣ.

Однакожъ я почелъ, что мнѣ не должно было сопротивляться толь многимъ убѣжденіямъ. Стали бы, можетъ статься, нѣкогда упрекать меня въ томъ, что я оставилъ

юнаго государя въ то время, когда онъ вторично подавалъ мнѣ свою руку, для исторженія его изъ заблужденій; что предалъ гнѣву друзей моихъ, находившихся въ тѣхъ отдаленныхъ странахъ; что пренебрегъ пользу Діона, съ коимъ дружба, долгъ гостепріимства и признательность меня давно соединили. Враги Діона домоглися, что его имѣніе описано было въ казну; гнали его, дабы возбудить его къ мятежу; а государя ожесточали еще болѣе, дабы содѣлать его неумолимымъ. Вотъ что Діонисій писалъ ко мнѣ: „Мы тотчасъ займемся „Діоновымъ дѣломъ: я соглашусь на всѣ „твои требованія, и надѣюсь, что ты по„требуешь справедливаго. Естьлижъ ты „не пріѣдешь, то ничего не получишь въ „его пользу.„

Я зналъ Діона. Душа его исполнена высокихъ чувствованій добродѣтели. Онъ спокойно сносилъ наглость: но естьлибы силою неправды захотѣли его унизить; тогда бы потребно было пролить потоки крови, чтобы омыть обиду. При сановитой наружности имѣетъ онъ превосходнѣйшія качества ума и сердца; онъ имѣетъ великія

богатства въ Сицилїи; во всемъ государствѣ безчисленныхъ приверженцевъ; въ Грецїи такую довѣренность, которая можетъ привесть подъ его знамена храбрѣйшихъ нашихъ воиновъ. Я предвидѣлъ великїя несчастїя, готовящїяся поразить Сицилїю; отъ меня, можетъ быть, зависѣло или отвратить, или удержать оныя на время.

Трудно мнѣ было оставить снова мое уединенїе, и почти въ 70 лѣтъ смѣло предстать предъ надменнаго деспота, коего своенравїе столь же бурно, какъ и море, которое должно мнѣ было переплыть: но нѣтъ добродѣтели безъ пожертвованїя, нѣтъ философїи безъ исполненїя правилъ ея. Спевсиппъ пожелалъ мнѣ сопутствовать. Я согласился на его предложенїе: и ласкалъ себя надеждою, что прiятности ума его укротятъ государя, естьли сила моихъ доказательствъ не возможетъ убѣдить его. Наконецъ я отправился и благополучно прибылъ въ Сицилїю.

Третїе путешествїе Платона.

Дїонисїй казался восхищеннымъ отъ радости, равно какъ его супруга и все царское семейство. Онъ приказалъ изготовить для меня покои во дворцовомъ своемъ са-

ду. При первомъ моемъ съ нимъ свиданiи, я представилъ ему, что по нашему условiю Дiонъ долженъ быть возвращенъ изъ ссылки въ ту самую минуту, какъ я прiѣду въ Сиракузы. При сихъ словахъ вскричалъ онъ: Дiонъ не въ ссылкѣ, а только удаленъ отъ двора. Время призвать его къ оному, отвѣчалъ я, и возвратить ему имѣнiе, которое ты вручилъ невѣрнымъ управителямъ. Долго спорили мы о сихъ двухъ предметахъ, и занимались ими во время многихъ свиданiй: а между тѣмъ онъ старался посредствомъ отличiй и подарковъ охладить во мнѣ усердiе къ выгодамъ друга моего, и заставить меня признать его къ нему немилость справедливою: но я отвергъ благодѣянiя, кои должно было купить измѣною чести и дружества.

Когда я хотѣлъ узнать состоянiе его души, и какое имѣлъ онъ расположенiе къ философiи; то онъ говорилъ мнѣ только о таинствахъ природы, а болѣе о произхожденiи зла. Онъ слышалъ отъ Италiйскихъ послѣдователей Пиѳагора, что я долго занимался рѣшенiемъ сего вопроса; и сiе-то было одно изъ его побужденiй,

принуждавшихЪ неотступно просить меня, чтобы я кЪ нему возвратился. ОнЪ принудилЪ меня открыть ему нѣкоторыя мои мысли; я не старался объяснять ихЪ подробно, и долженЪ признаться, что и самЪ государь сего не желалЪ; ему наиболѣе хотѣлось блеснуть нѣкоторыми слабыми рѣшенїями, которыхЪ онЪ наслышался отЪ другихЪ философовЪ.

Между тѣмЪ я всегда, но безполезно, обращался кЪ моему главному предмету, т. е. сдѣлать между ДїонисїемЪ и ДїономЪ примиренїе весьма нужное для благоденствїя его царства. НаконецЪ утомясь, такЪ же какЪ и онЪ, моими докуками, началЪ я упрекать себя вЪ томЪ, что предпринялЪ толь же безполезное, коль и трудное путешествїе. Тогда было лѣто: и я хотѣлЪ воспользоваться симЪ временемЪ, для возвращенїя вЪ домЪ свой; я объявилЪ ему, что не могу болѣе оставаться при дворѣ государя, который жестоко гонитЪ моего друга. Чтобы удержать меня при себѣ, онЪ употребилЪ всѣ обольщенїя, и наконецЪ обѣщалЪ отправить меня на своей галерѣ: но какЪ вЪ его власти было отсро-

чить ея приготовленіе; то я и рѣшился сѣсть на первый корабль, готовый къ отправленію.

Спустя два дня Діонисій пришелъ ко мнѣ и сказалъ: „Діоново дѣло есть единственная причина нашего несогласія: должно кончить его. Вотъ все, что я, изъ дружбы къ тебѣ, могу для него сдѣлать: „онъ долженъ остаться въ Пелопоннисѣ дотолѣ, когда время его возвращенія будетъ назначено по согласію между имъ, „мною, тобою и твоими друзьями: онъ долженъ тебѣ дать слово — ничего не предпринимать противъ моей власти; онъ долженъ „дать оное твоимъ и своимъ друзьямъ, а „всѣ вы совокупно будете мнѣ въ томъ „порукою. Имѣніе его будетъ перемѣщено „въ Грецію, и ввѣрено такимъ блюстителямъ, какихъ ты самъ изберешь; онъ будетъ получать доходы, но не долженъ „безъ твоего согласія касаться до самаго „имущества; я не довольно полагаюсь на „его вѣрность, а потому и не могу предоставить его расположенію толь сильныхъ средствъ къ нанесенію мнѣ вреда. „Требую такъ же, чтобы ты еще на годъ

„у меня остался; а когда будешь отъ-„ѣзжать, тогда я велю отдать тебѣ день-„ги, ему принадлежащія. Надѣюсь, что онъ „будетъ доволенъ симъ распоряженіемъ. „Скажи мнѣ, согласенъ ли ты на сіе?„

Такое предложеніе меня опечалило. Я испросилъ одни сутки на размышленіе. Сообразивъ выгоды и невыгоды онаго, я отвѣчалъ Діонисію, что я принимаю предлагаемыя имъ условія, естьли только Діонъ одобритъ оныя. Почему положено было, чтобы мы оба писали къ нему въ самой скорости, и чтобы между тѣмъ не дѣлать никакой перемѣны въ распоряженіи его имѣніемъ. Это былъ вторый договоръ между нами, который однакожъ соблюденъ не лучше перваго.

Я пропустилъ время удобное къ мореплаванію: уже всѣ корабли отправились въ море. Я не могъ уйти изъ саду такъ, чтобы стража, поставленная при входѣ въ оный, о томъ не узнала. Государь, видя меня въ своей власти, престалъ уже со мною обходиться принужденно. Однажды сказалъ онъ мнѣ: мы пропустили въ нашемъ договорѣ главную статью. Я пошлю

къ Дїону только половину его имѣнїя; а другую оставлю для его сына, котораго я настоящїй попечитель, такъ какъ братъ Ареты его матери. Мнѣ ничего не оставалось болѣе сказать ему на сїе, какъ только, что должно ожидать отвѣта Дїонова на первое письмо, и потомъ написать другое о семъ новомъ распоряженїи.

Между тѣмъ онъ безстыдно началъ расточать Дїоново имѣнїе; приказалъ продать часть онаго какъ хотѣлъ и кому хотѣлъ, не удостоивъ даже сказать мнѣ о томъ, ниже выслушать моихъ жалобъ. Положенїе мое со дня на день становилось тягостнѣе: а одинъ непредвидѣнный случай сдѣлалъ оное несноснымъ.

Тѣлохранители его, бывъ раздражены тѣмъ, что онъ хотѣлъ уменьшить жалованье старыхъ заслуженныхъ воиновъ, мятежнически приступили къ стѣнамъ замка, коего ворота, по его приказанїю, были заперты. Ихъ угрозы, воинскїй шумъ и приготовленїя къ осадѣ столько его устрашили, что онъ согласился исполнить гораздо болѣе, нежели чего они требовали. Гераклидъ, одинъ знатнѣйшїй Сиракузскїй

гражданинъ, въ крайнемъ бывъ подозрѣніи, что онъ виновникъ сего возмущенія, бѣжалъ, и силою своихъ родственниковъ старался истребить въ Діонисіи то мнѣніе, которое о немъ былъ внушено.

Спустя нѣсколько дней прогуливался я въ саду; пришелъ туда Діонисій и Ѳеодотъ, котораго онъ призвалъ: нѣсколько времени занимались они разговоромъ, и, подошедъ ко мнѣ, Ѳеодотъ сказалъ: „я получилъ „позволеніе племяннику моему Гераклиду „возвратиться для своего оправданія, а „ежели государь не можетъ болѣе терпѣть его въ своихъ владѣніяхъ, то удалиться въ Пелопоннисъ съ женою, съ сыномъ и съ правомъ пользоваться имѣніемъ. И для того почелъ я долгомъ увѣдомить Гераклида, чтобы онъ сюда возвратился. Я намѣренъ еще писать къ „нему о томъ же. Теперь я прошу, чтобы „онъ могъ показаться или въ Сиракузахъ, „или въ ихъ окрестностяхъ безъ опасенія. „Благоволишь ли ты на сіе, Діонисій? Я „согласенъ, отвѣчалъ государь. Онъ даже „можетъ жить и у тебя безъ всякой опа„сности.„

На другой день утромъ вошли ко мнѣ Θеодотъ и Эвривій; печаль и сокрушеніе изображены были на ихъ лицахъ. „Платонъ! сказалъ мнѣ первый: ты былъ вчера свидѣтелемъ обѣщанія государева. „Насъ увѣдомили, что воины, разосланные „по всѣмъ мѣстамъ, ищутъ Гераклида, и „имъ приказано его поймать. Можетъ быть „онъ теперь къ намъ возвращается. Намъ не „должно терять ни минуты: пойдемъ съ „нами во дворецъ.„ Я пошелъ съ ними. Когда мы предстали предъ государя, они сдѣлались неподвижны и залились слезами. Я ему сказалъ: „Они опасаются, чтобы Гераклидъ, не взирая на увѣреніе, которое „ты вчера сдѣлалъ, не былъ подверженъ опасности въ Сиракузахъ; ибо должно думать, „что уже онъ возвратился.„ Діонисій воспаленный гнѣвомъ измѣнился въ лицѣ. Эвривій и Θеодотъ поверглись къ ногамъ его, и между тѣмъ, какъ они орошали руки его слезами, я сказалъ Θеодоту: „успокойся! „государь никогда не нарушитъ даннаго „намъ слова. — Я вамъ его не давалъ, отвѣ„чалъ Діонисій, бросивъ на насъ свирѣпые „взоры. А я свидѣтельствуюсь богами,

„сказалъ я, что ты далъ сїе слово, испол-„ненїя котораго теперь просятъ они не-„отступно.„ Потомъ съ негодованїемъ пошелъ я отъ него прочъ. Ѳеодоту ничего болѣе не оставалось, какъ увѣдомить о семъ тайнымъ образомъ Гераклида, который съ трудомъ избѣгъ отъ поиска воиновъ.

Съ сего времени Дїонисїй ни въ чемъ не наблюдалъ уже мѣры; онъ твердо предпринялъ завладѣть имѣнїемъ Дїона; а меня изъ дворца выслалъ. Всякое сношенїе съ друзьями моими и всякой къ нему доступъ были строго возпрещены. Мнѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ только о его жалобахъ, выговорахъ и угрозахъ. Ежели мнѣ и случалось его видѣть, то для того только, чтобы слышать отъ него язвительныя насмѣшки и непристойныя шутки. Ибо государи, а по примѣру ихъ и царедворцы, безъ сомнѣнїя будучи увѣрены въ томъ, что одна ихъ благосклонность составляетъ наше достоинство, престаютъ уважать тѣхъ, коихъ престаютъ уже любить. Меня увѣдомили тогда же, что жизнь моя въ опасности. И въ самомъ дѣлѣ тѣлохранители тиранна говорили, что

они при первой встрѣчѣ со мною, лишатъ меня жизни.

Я нашелъ средство увѣдомить о своемъ состоянiи Архита и всѣхъ прочихъ моихъ друзей въ Тарентѣ. Прежде моего прибытiя Дiонисiй увѣрилъ ихъ, что я могу выѣхать изъ Сицилiи, когда мнѣ вздумается; и сами они въ томъ же меня увѣрили. При семъ случаѣ я имъ о томъ напомнилъ. Вскорѣ прибыли Тарентскiе повѣренные; исполнивъ свое порученiе, служившее предлогомъ ихъ посольства, изходатайствовали они мнѣ свободу.

Возвращаясь изъ Сицилiи, сошелъ я на Элидскiй берегъ, и отправился на Олимпiйскiя игры, куда Дiонъ обѣщалъ прiѣхать. Я ему разсказалъ о происшествiяхъ по моему посольству и кончилъ тѣмъ: „суди теперь самъ, какую имѣетъ силу философiя надъ умомъ царя Сиракузскаго.,,

Дiонъ, огорченный новыми обидами, нанесенными ему въ моемъ лицѣ, вдругъ возопилъ: „Нѣтъ! — Дiонисiя не на„добно уже водить въ училище фи„лософiи, а въ училище злосчастiя; и я „покажу ему туда дорогу. — Итакъ мое

„порученіе уже исполнено, отвѣчалъ я ему.
„Хотя бы руки мои были еще въ состоя-
„ніи носить оружіе, я и тогда бы не уст-
„ремилъ онаго на такого государя, съ ко-
„торымъ жилъ я въ одномъ домѣ, обѣдалъ
„за однимъ столомъ и дѣлалъ одни жерт-
„воприношенія; который, отвратившъ слухъ
„свой отъ клеветъ моихъ неприятелей,
„пощадилъ жизнь мою тогда, когда могъ ею
„располагать по своей волѣ; которому сто-
„кратно обѣщалъ я никогда не защищать
„никакого предприятія противу его вла-
„сти. Ежели оба вы когда либо обратитесь
„къ видамъ миролюбивымъ и будете имѣть
„нужду въ моемъ посредничествѣ, я при-
„му его охотно; а ежели помыслите о какихъ
„либо предприятіяхъ гибельныхъ, не ожи-
„дайте отъ меня ни совѣтовъ ни помощи.„

Въ продолженіе трехъ лѣтъ употреб-
лялъ я различные предлоги къ тому, чтобы
Діонъ оставался въ бездѣйствіи; но те-
перь онъ объявилъ мнѣ, что уже время ле-
тѣть на помощь своему отечеству. Знатнѣй-
шіе жители Сиракузскіе, наскучивъ рабст-
вомъ, ожидаютъ только его возвращенія, да-
бы свергнуть съ себя бремя онаго. Я читалъ

ихъ письма; они не требуютъ ни войскъ, ни кораблей, а только его имени для оправданія своего начинанія и присутствія для своего соединенія. Они даютъ ему также чувствовать, что его жена, не могши сносить болѣе угрозъ и неистовыхъ поступковъ государя, принуждена была вступить въ новый бракъ. Дѣло уже кончано. Діонъ ѣдетъ уже въ Пелопонисъ; тамъ наберетъ онъ воиновъ, и какъ скоро кончатся его приуготовленія, онъ отправится въ Сицилію.

Вотъ что разсказывалъ Платонъ. Мы съ нимъ простились и на другой день поѣхали въ Віотію.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Путешествіе въ Віотію; пещера Трофоніева, Исіодъ, Пиндаръ.

По всей Греціи можно путешествовать безопасно; въ главныхъ городахъ и на большихъ дорогахъ построены гостинницы; но плата въ нихъ безсовѣстная и грабительная. По причинѣ, что страна сія почти повсюду покрыта горами и холма-

ми, повозки употребляются только вЪ недальнихЪ переѣздахЪ; да и тутЪ часто надобно подвязывать колеса, чтобы они не вертѣлись. Для дальныхЪ путешествій надобно брать лошаковЪ, и имѣть при себѣ нѣсколько невольниковЪ для ношенія поклажи.

СверьхЪ того, что Греки ласково принимаютЪ чужестранцевЪ, вЪ главныхЪ городахЪ находятся Проксены, коимЪ препоручено имѣть попеченіе о иностранцахЪ. Проксены бываютЪ частные жители города, по торговлѣ или гостепріимству имѣющіе связи сЪ частными же другихЪ городовЪ людьми; а иногда получаютЪ они званіе отЪ правительства, и признаются за повѣренныхЪ города или цѣлаго народа, торжественнымЪ опредѣленіемЪ избравшаго ихЪ сЪ согласія того народа, кЪ коему они принадлежатЪ; наконецЪ бываютЪ изЪ нихЪ и такіе, кои вЪ одно и то же время отправляютЪ дѣла иностраннаго города и нѣкоторыхЪ изЪ своихЪ гражданЪ.

ПроксенЪ какого нибудь города даетЪ вЪ домѣ своемЪ пристанище посланцамЪ сего города; онЪ ихЪ всюду сопровождаетЪ и употребляетЪ свое ходатай-

ство къ успѣшнѣйшему производству ихъ дѣлъ. Онъ доставляетъ всевозможное удовлетворенiе путешествующимъ своего города жителямъ. Мы воспользовались таковымъ пособiемъ во многихъ городахъ Грецiи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ простые граждане сами предупреждали наши желанiя въ надеждѣ получить благосклонность Аѳинянъ, коихъ они желаютъ быть повѣренными, и пользоваться, когда случатся они въ Аѳинахъ, правомъ сего званiя, какъ-то засѣдать во всеобщихъ собранiяхъ и присутствовать при богослужебныхъ обрядахъ, также и при народныхъ играхъ.

Мы выѣхали изъ Аѳинъ въ первыхъ числахъ мѣсяца Мунихiона, въ 3мъ году 105й Олимпiады. Въ тотъ же самый вечеръ прiѣхали мы въ Оропъ, по дорогѣ весьма безпокойной, однако же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осѣняемой лавровыми деревьями. Сей городъ, лежащiй на границахъ Вiотiи и Аттики, отстоитъ отъ моря стадiй на двадцать. Тамъ при въѣздѣ собираются пошлины съ крайнею строгостiю и простираются даже на съѣстные припасы, ввозимые для продовольствiя жи-

тпелей, изЪ коихЪ весьма многїе неприступны и скупы до подлости.

Неподалеку отЪ города вЪ одномЪ прекрасномЪ мѣстѣ, орошаемомЪ источникомЪ чистыхЪ водЪ, воздвигнутЪ храмЪ вЪ честь Амфїарая. ОнЪ былЪ изЪ числа полководцевЪ во время Ѳивской войны; и какЪ онЪ исполнялЪ должность гадателя; то и предполагали, что онЪ будетЪ давать прорицанїя и послѣ своей смерти. Приходящїе кЪ нему сЪ моленїемЪ обЪ откровенїи будущаго, должны воздерживаться отЪ вина трои, а отЪ пищи одни сутки. Послѣ того закалаютЪ предЪ его истуканомЪ овна, разстилаютЪ кожу его и спятЪ на оной. По ихЪ мнѣнїю, богЪ являяся во снѣ, отвѣтствуетЪ на ихЪ вопросы. РазсказываютЪ о многихЪ чудесахЪ, вЪ семЪ храмѣ произшедшихЪ: но Вїотяне столь слѣпо вѣрятЪ прорицанїямЪ, что не льзя полагаться на ихЪ слова.

ВЪ 30ти стадїяхЪ отЪ сего храма стоитЪ на возвышенномЪ мѣстѣ городЪ Танагра; домы вЪ немЪ снаружи довольно красивы; многїе изЪ нихЪ украшены живописными восковыми изображенїями и вели-

колѣпными входами. Земля, на коей построенъ сей городъ, орошаемая небольшею рѣкою Ѳермодономъ, покрыта маслинами и другими разнаго рода деревьями. Она производитъ мало хлѣба, а виноградное вино самое лучшее во всей Віотіи.

Жители хотя и богаты, но не знаютъ ни роскоши, ни другихъ излишествъ, всегда за оною слѣдующихъ. Ихъ винятъ тѣмъ, что они завистливы; а мы напротивъ видѣли въ нихъ токмо добросердечіе, любовь къ справедливости и страннопріимству, усердіе помогать несчастнымъ, коихъ нужда заставляетъ скитаться изъ города въ городъ. Они убѣгаютъ праздности, гнушаются непозволительными пріобрѣтеніями и довольны своимъ жребіемъ. Нѣтъ ни одного мѣста въ Віотіи, гдѣ бы путешествующіе опасались хотя малѣйшаго притѣсненія. Я надѣюсь, что открылъ тайный источникъ ихъ добродѣтелей: земледѣліе предпочитаютъ они прочимъ искуствамъ.

Они столько почитаютъ боговъ, что храмы всегда сооружаютъ въ мѣстахъ от-

дѣленныхъ отъ жилища смертныхъ. Они утверждаютъ, что Меркурій нѣкогда избавилъ ихъ отъ язвы тѣмъ только, что обнесъ вокругъ города овна на раменахъ своихъ. Въ такомъ видѣ они изобразили его и во храмѣ своемъ; а въ день празднества его обрядъ сей возобновляется юношею отличнаго вида. Ибо Греки увѣрены, что почтеніе, воздаваемое богамъ юностію и красотою, для нихъ бываетъ гораздо пріятнѣе.

Коринна была родомъ изъ Танагры: она съ успѣхомъ упражнялася въ стихотворствѣ. Мы видѣли ея гробницу въ самомъ лучшемъ мѣстѣ города, а изображеніе въ гимназіи. Читая ея творенія спросишь, почему они въ преніяхъ о стихотворствѣ столь часто были предпочитаемы твореніямъ Пиндара? Но взирая на ея изображеніе, спросишь, почему не всегда были онѣ предпочитаемы?

Танагріяне, какъ и прочіе Греческіе народы, имѣютъ пристрастіе къ сраженію пѣтуховъ. У нихъ животныя сіи отмѣнно рослы и красивы, но кажется, онѣ болѣе опредѣлены на истребленіе, нежели на продолженіе своего рода; ибо свойство ихъ есть

таково, чтобЪ биться безпрестанно. ИхЪ перевозятЪ изЪ города вЪ городЪ, спускаютЪ на бой одного противу другаго, и чтобы сдѣлать ярость ихЪ смертоноснѣе, на когти ихЪ надѣваютЪ мѣдные бодцы.

Мы оставили Танагру и, переѣхавЪ 200 стадїй дорогою выбитою и безпокойною, прибыли вЪ Платею, городЪ нѣкогда могущественный, а нынѣ подЪ развалинами своими погребенный. ОнЪ лежалЪ при подошвѣ горы Киѳерона на той прекрасной долинѣ, которую орошаетЪ рѣка АзопЪ и на которой былЪ разбитЪ Мардонїй сЪ 300,000 ПерсовЪ. Платеяне такЪ отличились вЪ семЪ сраженїи, что прочїе Греки сколько изЪ благодарности за ихЪ мужество, столько во избѣжанїе зависти, приписали имЪ однимЪ всю почти славу. ВЪ незабвенную память сей побѣды были у нихЪ установлены торжества; и положено каждый годЪ возобновлять тамЪ погребательные обряды вЪ честь ГрековЪ, падшихЪ на томЪ сраженїи.

Таковаго рода установленїя умножились между Греками; они знаютЪ, что

одни памятники недостаточны содѣлать безсмертными знаменитые подвиги или по крайней мѣрѣ возродить подобныя онымъ. Сїи памятники разрушаются или остаются неизвѣстными, а часто показываютъ одно только искуство художника и тщеславїе тѣхъ, кѣмъ они воздвигнуты: но всенародныя и торжественныя собранїя, въ которыхъ ежегодно провозглашаются имена пожертвовавшихъ произвольно жизнїю своею за отечество, въ которыхъ краснорѣчивыми устами произносится хвала доблести, въ которыхъ отечество, гордящееся ихъ рожденїемъ, орошаетъ слезами гробы ихъ, суть достойнѣйшая мужеству ихъ почесть. И вотъ порядокъ, который наблюдали Платяане при возобновленїи оной.

При самомъ разсвѣтѣ звукъ трубы возвѣщалъ шествїе: тотчасъ являлись одна за другою многїя колесницы, наполненныя вѣнками и миртовыми вѣтьвями; за ними черный волъ, послѣдуемый юношами, несущими въ сосудахъ млеко, вино и различныя благовонїя; и наконецъ первый градоначальникъ Платейскїй, облеченный въ длинную пурпуровую одежду, держа въ од-

ной рукѣ сосудъ, а въ другой мечъ. Сей торжественный ходъ слѣдовалъ чрезъ весь городъ и какъ скоро достигалъ до мѣста сраженія, то градоначальникъ черпалъ воду изъ ближайшаго источника, омывалъ столпы, воздвигнутые на могилахъ, окроплялъ ихъ благовоніями, закалалъ вола и возславъ молитвы Юпитеру и Меркурію, приглашалъ къ жертвеннымъ возліяніямъ тѣни умершихъ на сраженіи воиновъ; потомъ наполнялъ виномъ чашу, изливалъ нѣкоторую часть онаго, и говорилъ громогласно: „Я пію въ честь храбрыхъ мужей, приявшихъ смерть за свободу Греціи!„

Послѣ сраженія жители города Платеи соединилися съ Аѳинянами и свергли иго Ѳивянъ, которые почитали себя основателями ихъ города, и которые съ того времени сдѣлались непримиримыми ихъ врагами. Злоба ихъ до того простерлась, что они во время войны Пелопониской, соединяся съ Лакедемонянами, осадили и разрушили Платею до основанія. Вскорѣ послѣ того она была опять населена; и какъ она была всегда въ связи съ Аѳинянами, то Ѳивяне назадъ тому 17 лѣтъ

опять ее взяли и снова раззорили. Нынѣ ничего тамъ не осталось, кромѣ храмовъ, пощаженныхъ побѣдителями, нѣкоторыхъ домовъ и одной пространной гостинницы для тѣхъ, кои приходятъ въ сіи мѣста приносить жертвы. Сіе зданіе въ длину и ширину имѣетъ двѣсти футовъ; въ нижнемъ и верхнемъ жильѣ множество покоевъ.

Мы видѣли храмъ Минервинъ, построенный отъ корыстей, отнятыхъ у Персовъ на Мараѳонскомъ сраженіи. Тамъ Полигнотъ представилъ возвращающагося въ свои области Улисса и убивающаго любовниковъ Пенелопы. Тамъ Онотай изобразилъ первый походъ Аргіянъ на Ѳивы. Сія живопись сохраняетъ еще и нынѣ всю свою красоту. Истуканъ богини есть необыкновенной величины, сдѣланъ Фидіемъ изъ дерева и вызолоченъ; но лице, руки и ноги марморныя.

Въ храмѣ Діаны видѣли мы гробъ Платейскаго гражданина, именемъ Эвхида. При семъ случаѣ сказали намъ, что оракулъ, послѣ разбитія Персовъ, приказалъ Грекамъ бывшій тогда у нихъ огонь погасить; по

тому что онъ былъ оскверненъ варварами, и взять въ Дельфахъ тотъ огонь, который они впредь употреблять должны при своихъ жертвоприношенїяхъ. Посему всѣ огни въ той странѣ были погашены. Эвхидъ тотчасъ пошелъ въ Дельфы, взялъ съ жертвенника огня и возвратился въ Платею въ тотъ же день до захожденїя солнечнаго, и чрезъ нѣсколько минутъ умеръ. Онъ пѣшкомъ перешелъ тысячу стадїй; такая чрезмѣрная поспѣшность безъ сомнѣнїя удивитъ тѣхъ, коимъ неизвѣстно, что Греки особенно упражняются въ бѣганїи, и что большая часть городовъ содержитъ у себя скороходовъ, привыкшихъ переходить въ одинъ день великое разстоянїе.

Послѣ мы переѣхали чрезъ мѣстечко Левктры и городъ Ѳеспїй, которые будутъ знамениты только по великимъ своимъ злоключенїямъ. При Левктрахъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, происходило кровопролитное сраженїе, низпровергнувшее силу Лакедемона: Ѳеспїй былъ разоренъ, такъ какъ Платея, въ послѣднюю войну. Ѳивяне пощадили тамъ одни священные памятники; два изъ нихъ при-

влекли наше вниманіе: храмъ Ираклов, въ коемъ отправляла служеніе жрица, обязанная сохранять дѣвство во всю свою жизнь; и истуканъ того Купидона, котораго иногда почитали за одно съ Амуромъ; оный не иное что есть, какъ необдѣланный камень и почти подобный лишь только вынутому изъ каменоломни. Ибо виды всеобщаго почтенія въ таковомъ образѣ представлялися въ древности.

Мы расположились ночевать въ одномъ селеніи, называемомъ Аскра, отстоящемъ отъ Ѳеспія около 40 стадій. Въ сей деревушкѣ пребываніе какъ лѣтомъ, такъ и зимою несносно; но она есть отечество Исіода.

На другой день узкая тропинка привела насъ къ священной рощѣ Музъ. Не входя въ нее, мы остановились на берегу источника Аганиппова, потомъ приближились къ истукану Лина, одного древнѣйшаго стихотворца Греческаго; истуканъ сей стоялъ въ пещерѣ, какъ будто въ маломъ храмѣ. Въ правой и лѣвой сторонѣ взоры наши съ удовольствіемъ встрѣчали многочисленныя жилища, построенныя сельскими жителями на холмахъ.

Вскорѣ мы вошли въ прекрасные сады и тогда мечтали, что будто мы пресѣлились въ блистательное обиталище Музъ: тамъ въ самомъ дѣлѣ могущество и вдохновенiе ихъ означаются въ полномъ сiянiи памятниками, украшающими и оживляющими сiи уединенныя мѣста. Тамо истуканы, произведенные различными художниками, часто представляются очамъ зрителя. Здѣсь Аполлонъ и Меркурiй спорятъ о лирѣ; тамъ являются, еще какъ бы живые, славные стихотворцы и музыканты: Ѳамирiй, Арiонъ, Исiодъ и Орфей, коего окружаютъ многiя изображенiя дикихъ звѣрей, привлеченныхъ прiятностiю его голоса.

Со всѣхъ сторонъ возвышаются мѣдяные треножники, благородная награда дарованiямъ, увѣнчаннымъ на состязанiяхъ поэзiи и музыки. Сами побѣдители посвящали ихъ симъ мѣстамъ. Между прочими отличается награда, полученная Исiодомъ въ Халкисѣ Эввейскомъ. Нѣкогда Ѳеспiяне приходили каждый годъ въ сiю священную рощу для раздаянiя таковыхъ

наградЪ и отправленія празднества вЪ честь МузамЪ и Амуру.

За рощею между цвѣтущими берегами протекаютЪ рѣчка именуемая ПермесЪ, источники Иппокрена и НарциссЪ, надЪ коимЪ, какЪ думаютЪ, юноша сего имени, безпрестанно созерцая образЪ свой вЪ спокойныхЪ его водахЪ, умерЪ отЪ любви.

Мы были тогда на Геликонѣ, на сей горѣ толь знаменитой чистотою воздуха, изобиліемЪ водЪ, плодоносіемЪ долинЪ, прохладностію тѣней и красотою долголѣтнихЪ деревЪ, ее покрывающихЪ. Окрестные жители увѣряли насЪ, что растѣнія тамЪ столь цѣлительны, что змѣи, питающіяся ими, не имѣютЪ болѣе яда. ВЪ плодѣ сихЪ деревЪ находили онѣ особенную сладость, а особливо вЪ плодахЪ Андрахнеи.

Музы царствуютЪ на Геликонѣ. Исторія о нихЪ есть нелѣпое преданіе, но имена показываютЪ ихЪ произхожденіе. ВЪ самомЪ дѣлѣ кажется, что первые стихотворцы, плѣненные красотами природы, возчувствовали нужду призывать нимфЪ лѣсовЪ, горЪ, источниковЪ, и что слѣдуя вкусу кЪ иносказаніямЪ, бывшимЪ тогда во

всеобщемъ употребленіи, они означали ихъ именами, приличными тому вліянію, каковое они могли сообщать произведеніямъ разума. Сначала признаны были только три Музы: Мелета, Мнемея, Аэдея; то есть размышленіе или разсужденіе, которое надлежитъ имѣть при всякомъ трудѣ; — память, предающую вѣчности дѣла знаменитыя; — пѣснь, повѣствующую объ оныхъ. По мѣрѣ, какъ стихотворство пріобрѣтало успѣхи, свойства онаго и произведенія преобратилися въ лица. Число Музъ умножилось, и имена, каковыя онѣ тогда получили, соотвѣтствовали прелестямъ поэзіи, ея небесному происхожденію, красотѣ языка ея, удовольствіямъ и веселости, ею доставляемымъ, пѣнію и пляскѣ, умножающимъ блескъ ея, и славѣ, коею она увѣнчана. Въ послѣдствіи времени приобщены къ нимъ Граціи, долженствующія украшать поэзію, и Амуръ, который очень часто бываетъ ея предметомъ.

Сіи понятія родились во Ѳракіи, въ странѣ варварской, гдѣ среди невѣжества внезапно явились Орфей, Линъ и ихъ ученики. Тамъ воздаваема была честь Музамъ на го-

рахъ Піерійскихъ; а оттуда, распространяя свое владычество онѣ, постепенно переселялися на Пиндъ, Парнасъ, Геликонъ и во всѣ уединенныя мѣста, гдѣ изобразители природы, окруженные самыми веселыми видами, ощущаютъ пламень небеснаго вдохновенія.

Пещера Трофоніева.

Мы оставили сіе прелестное убѣжище и отправились въ Левадію, лежащую при подошвѣ горы, съ которой низтекая рѣчка Герсина въ низверженіи своемъ многочисленные составляетъ водопады. Городъ отовсюду представляетъ памятники великолѣпія и вкуса жителей; мы занималися ими съ удовольствіемъ; но еще болѣе спѣшили видѣть пещеру Трофоніеву, сіе знаменитѣйшее прорицалище въ Греціи: Филотова нескромность воспрепятствовала намъ войти въ оную.

Нѣкогда вечеромъ за ужиномъ у одного изъ начальствующихъ въ городѣ происходилъ разговоръ о чудесахъ, бывшихъ въ сей таинственной пещерѣ. Филотъ показывалъ нѣкоторыя сомнѣнія и говорилъ, что сіи удивительныя произшествія не иное что суть, какъ обыкновенныя дѣйствія

природы. Однажды я былъ въ нѣкоемъ храмѣ, присовокупилъ онъ; мнѣ показалось, что истуканъ Бога покрытъ былъ потомъ: народъ кричалъ: чудо! чудо! Но я узналъ послѣ, что сей истуканъ сдѣланъ былъ изъ такого дерева, изъ котораго, по свойству его, временемъ исходилъ потъ. Едва онъ произнесъ сіи слова, какъ мы примѣтили, что одинъ изъ гостей поблѣднѣлъ и чрезъ нѣсколько минутъ вышелъ: это былъ одинъ изъ жрецовъ Трофонія. Во избѣжаніе мщенія его, совѣтовали намъ не заходить далеко въ подземелье, котораго извороты извѣстны были только однимъ жрецамъ.

Нѣсколько дней спустя, сказали намъ, что одинъ Ѳивянинъ намѣренъ былъ сойти въ пещеру; мы пошли къ горѣ, сопровождаемы будучи нѣсколькими пріятелями, а потомъ великимъ числомъ жителей Левадскихъ. Скоро достигли мы храма Трофоніева, воздвигнутаго среди рощи, также ему посвященной. Истуканъ, изобразующій его въ видѣ Эскулапія, есть произведеніе руки Праксителя.

Трофоній былъ зодчій, который сово-

купно съ братомъ своимъ Агамедомъ, построилъ храмъ Дельфїйскїй. Одни говорятъ, что они сдѣлали въ ономъ тайный проходъ для похищенїя въ нощное время хранившихся тутъ сокровищъ, и какъ Агамедъ попалъ въ сѣть, нарочно для него поставленную; то Трофонїй, дабы избѣжать всякаго подозрѣнїя, отсѣкъ ему голову, и спустя нѣсколько времени самъ былъ поглощенъ землею, разверзшеюся подъ его стопами. Другїе утверждаютъ, что сїи два брата, довершивъ строенїе храма, просили у Аполлона себѣ награды; сей богъ сказалъ имъ, что они получатъ ее чрезъ семь дней; и какъ седьмый день прошелъ, они уснули спокойно, и тѣмъ кончили жизнь свою. Также различныя полагаютъ причины, почему Трофонїй заслужилъ божескїя почести: всѣ почти предметы богопочитанїя Греческаго имѣютъ такїя начала, въ кои проникнуть не возможно, а изыскивать безполезно.

По всей дорогѣ, лежащей отъ Левадїи до пещеры Трофонїевой, находятся храмы и истуканы. Сїя пещера ископанная, нѣсколько выше священной рощи, представляетъ

взору нѣкоторый родъ всхода, окруженнаго перилами изъ бѣлаго мрамора, на которыхъ поставлены бронзовые обелиски. Отсюда входятъ въ изсѣченный остріемъ млата вертепъ, вышиною въ восемь, шириною въ четыре локтя. Здѣсь-то находится отверзтіе пещеры; въ нее сходятъ по лѣствицѣ; и достигши до нѣкоторой глубины, ничего не увидишь, кромѣ весьма узкаго отверзтія: сперва надобно опустить туда ноги, и когда съ великимъ трудомъ пролезешь всѣмъ тѣломъ, то почувствуешь себя увлекаема какъ бы быстрымъ стремленіемъ потока, даже до самаго дна подземелья. Ежели надобно оттуда выдти, то будешь выброшенъ внизъ головою съ такою же силою и съ такою же скоростію. Медовые хлѣбы, которые должно имѣть въ рукахъ, препятствуютъ касаться рукою къ пружинамъ, которыя ускоряютъ сходъ или выходъ. Но дабы не подать подозрѣнія что тутъ употребленъ обманъ, жрецы увѣряютъ, что пещера наполнена змѣями, отъ угрызенія коихъ не иначе избавиться можно, какъ только бросая имъ сіи медовые хлѣбы.

Въ пещеру не въ иное время входить должно какъ ночью, послѣ многихъ приуготовленій и строгаго испытанія. Терсидъ, такъ назывался тотъ Ѳивянинъ, который, пришедъ вопросить оракула, провелъ нѣсколько дней въ небольшемъ храмѣ, посвященномъ Счастію и Благому духу, и между тѣмъ употреблялъ холодную баню, воздерживался отъ вина и отъ всего запрещеннаго обрядомъ, а питался жертвами, имъ самимъ принесенными.

При наступленіи ночи закланъ былъ въ жертву овенъ, а гадатели, разсмотрѣвъ внутренности онаго, такъ какъ они дѣлали и при прежнихъ жертвоприношеніяхъ, объявили, что Трофоній приемлетъ приношеніе Терсида и будетъ отвѣчать на его вопросы. Повели его къ берегамъ рѣки Герсины, гдѣ два тринадцатилѣтніе отрока помазали его елеемъ и дѣлали надъ нимъ разныя омовенія; оттуда онъ приведенъ былъ къ двумъ ближайшимъ источникамъ, изъ коихъ одинъ назывался Лета, а другой Мнемосина: первый истребляетъ изъ памяти прошедшее, второй напечатлѣваетъ въ умѣ все видѣнное или слышанное въ пещерѣ. Потомъ

ввели его одного въ нѣкую божницу, гдѣ находится древній истуканъ Трофонія. Терсидъ, облеченный въ длинную льняную одежду, произнесъ предъ нимъ молитву и приближился къ пещерѣ. Мы слѣдовали за нимъ при слабомъ мерцаніи свѣточей, предъ нимъ несенныхъ. Онъ вошелъ въ пещеру и отъ глазъ нашихъ скрылся.

Ожидая его возвращенія, мы со вниманіемъ слушали разговоры другихъ зрителей: многіе изъ нихъ бывали въ подземельѣ; одни говорили, что ничего не видѣли, но что оракулъ давалъ имъ отвѣты на словахъ; другіе напротивъ ничего не слышали, но привидѣнія, которыя имъ представлялися, могли объяснить ихъ сомнѣнія. Нѣкоторый гражданинъ Ливадійскій, внукъ Тимарха, ученика Сократова, разсказалъ намъ о случившемся съ его дѣдомъ: онъ слышалъ о томъ отъ Кевія, философа Ѳивскаго, который пересказалъ ему почти тѣми словами, каковыя употребилъ Тимархъ.

Я ходилъ, разсказывалъ Тимархъ, вопросить у Оракула, что должно думать о духѣ хранителѣ Сократа? Кромѣ глубока-

го мрака сначала я ничего не нашелъ въ пещерѣ. Долгое время лежалъ на землѣ и между тѣмъ возсылалъ молитвы къ Трофонію, не зная, спалъ ли я или бодрствовалъ: вдругъ услышалъ я приятные, но неявственные голоса и увидѣлъ множество великихъ островов освѣщенныхъ слабымъ свѣтомъ; ежеминутно они перемѣняли мѣсто и цвѣтъ, обращаясь около себя и плавая по морю, изъ береговъ коего низвергались два огненные потока. Предо мною открылась неизмѣримая бездна, гдѣ густые пары, казалось, кипѣли; изъ глубины сей пропасти изходили рыканія животныхъ, смѣшанныя съ воплями младенцевъ и со стенаніями мужей и женъ.

Между тѣмъ, какъ сіи страшные призраки наполняли душу мою ужасомъ, неизвѣстный плачевный голосъ сказалъ мнѣ: Тимархъ! что ты хочешь знать? я отвѣтствовалъ почти на удачу: все; ибо здѣсь все кажется мнѣ удивительнымъ. Голосъ продолжалъ: острова, видимые тобою вдали, суть высшія области; они подвластны другимъ богамъ; но ты можешь обозрѣть владѣніе Прозерпины, управля-

емое нами, и отдѣляемое отъ сихъ областей Стиксомъ. Я спросилъ, что такое Стиксъ? голосъ отвѣчалъ: путь, ведущій во адъ, и черта раздѣляющая тьму отъ свѣта. Тогда изъяснилъ онъ мнѣ происхожденіе и премѣненіе душъ. Души оскверненныя беззаконіями, присоединилъ голосъ, падаютъ, какъ ты видишь, въ бездну и приуготовляются къ перерожденію. — Я вижу однѣ только звѣзды, движущіяся по краямъ пропасти, однѣ низходятъ туда, другія исходятъ изъ оной. Сіи звѣзды, отвѣчалъ голосъ, суть ду́ши, кои можно раздѣлить на три рода; тѣ, которыя погружались въ роскошахъ, помрачили свой естественный свѣтъ; тѣ, которыя попремѣнно, то противилися страстямъ, то разсудку, ни совершенно ясны, ни совершенно мрачны; тѣ, которыя имѣли руководителемъ одинъ разсудокъ, сохранили всѣ черты своего нача́ла. Ты видишь первыя ду́ши въ тѣхъ звѣздахъ, которыя кажутся тебѣ погасшими; вторыя видишь въ тѣхъ, коихъ блескъ помрачается пара́ми, которые онѣ какъ бы съ себя отрясаютъ; третіи въ тѣхъ, кои, блистая яркимъ свѣтомъ, восходятъ пре-

выше другихъ: сіи послѣднія суть благіе духи, одушевляющіе тѣхъ счастливыхъ смертныхъ, кои имѣютъ тѣсное сообщеніе съ богами: обьяснивъ нѣсколько подробнѣе сіи понятія, голосъ сказалъ мнѣ: юноша! чрезъ три мѣсяца ты лучше узнаешь сіе ученіе; теперь можешь удалиться. Послѣ сего голосъ умолкъ. Я хотѣлъ узнать, откуда онъ происходилъ, но вдругъ почувствовалъ жестокую боль въ головѣ, какъ будто кто-то мнѣ ее сильно сжималъ: я упалъ въ обморокъ, и когда началъ приходить въ чувства, то увидѣлъ себя внѣ пещеры. Таково было повѣствованіе Тимархово. Внукъ его присоединилъ, что дѣдъ, возвратясь въ Аѳины, умеръ, такъ какъ оракулъ ему предсказалъ, спустя три мѣсяца.

Мы провели ночь и часть слѣдующаго дня въ слушаніи подобныхъ повѣствованій; соображая ихъ, удобно могли видѣть, что служители храма входили въ пещеру тайными путями, и что къ призракамъ присовокуплялось насиліе, дабы возмутить воображеніе тѣхъ, кои приходили вопрошать оракула.

Они остаются въ пещерѣ иногда болѣе, иногда менѣе времени; иные возвращались оттуда чрезъ двѣ ночи и одинъ день. Уже былъ полдень. Терсидъ не являлся, мы ходили около пещеры. Чрезъ часъ увидѣли толпу людей, въ смятенїи бѣгущихъ къ периламъ: мы за ними послѣдовали и увидѣли того Ѳивянина, коего жрецы поддерживали и сажали на кресла, называемыя креслами Мнемосины; здѣсь-то онъ долженъ сказать все видѣнное и слышанное имъ въ подземелїи. Онъ былъ объятъ ужасомъ, померкшїе его глаза никого не узнавали: прерывающїяся въ устахъ его слова приняты были за отвѣтъ оракула, слуги проводили его въ божницу Благаго духа и Счастїя. Мало по малу приходилъ онъ въ себя, но въ немъ остались однѣ только темныя понятїя о пребыванїи его въ пещерѣ, и можетъ быть, нѣкое сильное впечатлѣнїе ощущеннаго имъ ужаса. Вопрошающїе оракула не остаются безъ наказанїя. Во многихъ тѣхъ, кои спускалися въ пещеру, оставалась на всю ихъ жизнь нѣкоторая непреодолимая печаль. Отъ чего и произошла пословица, говоря о человѣкѣ чрезмѣрно печальномъ:

онъ вышелъ изъ пещеры Трофонiевой. Между таковымъ множествомъ прорицалищъ, находящихся въ Вiотiи, нѣтъ ни одного, въ которомъ было бы столько грубаго и явнаго обмана, для того-то оно и въ такой славѣ.

Мы сошли съ горы и чрезъ нѣсколько дней отправились въ Ѳивы, проѣхали Херонею, коея жители имѣютъ главнымъ предметомъ своего поклоненiя скипетръ, который сдѣланъ Вулканомъ по приказанiю Юпитера и перешелъ отъ Пелопса по порядку въ руки Атрея, Ѳiэста и Агамемнона. Ему покланялися не въ храмѣ, но въ домѣ одного жреца, гдѣ каждый день приносили жертвы и давали богатый столъ.

Изъ Херонеи, проѣхавъ лѣса, холмы, плодоносныя поля и множество небольшихъ рѣкъ, прибыли мы въ Ѳивы. Городъ сей, одинъ изъ знаменитыхъ Греческихъ городовъ, обнесенъ стѣнами и защищается башнями. Въ него входятъ семью вратами: въ окружности имѣетъ 43 стадiи. Замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, гдѣ первые жители Ѳивскiе поселились, и

откуда выходитъ источникъ, съ давнѣйшихъ временъ проведенный въ городъ чрезъ подземные водопроводы.

Окрестности сего города украшены двумя рѣками, лугами и садами: улицы его, такъ какъ и всѣхъ древнихъ городовъ, неправильны. Между великолѣпными украшенїями общественныхъ зданїй, видны истуканы красоты чрезвычайной; во храмѣ Иракла удивился я исполинскому виду сего бога, сдѣланному Алкаменомъ, такъ какъ и подвигамъ онаго ироя, которые изобразилъ Праксиmель; а въ храмѣ Аполлона Исменїйскаго, Меркурїю Фидїеву и Минервѣ Скоповой. Какъ нѣкоторые изъ сихъ памятниковъ воздвигнуты были въ честь знаменитыхъ Ѳивянъ, то я искалъ истукана Пиндарова. Мнѣ сказали: у насъ нѣтъ его, но вотъ истуканъ Клеона, который былъ искуснѣйшїй пѣвецъ своего вѣка. Я, подошедъ къ нему, увидѣлъ изъ надписи, что Клеонъ прославилъ свое отечество.

Въ храмѣ Аполлона Исменїйскаго между множествомъ мѣдныхъ треножниковъ, большею частїю превосходной работы, ви-

дѣли мы одинъ золотый треножникъ, который былъ подаренъ Крезомъ царемъ Лидійскимъ. Сіи треножники суть приношенія отъ цѣлыхъ народовъ, или отъ частныхъ людей. На нихъ курятся благовонія, и какъ они имѣютъ пріятный видъ, то служатъ украшеніемъ во храмахъ.

Тамъ, подобно какъ и во многихъ Греческихъ городахъ, есть театръ, гимназія или мѣсто для тѣлесныхъ упражненій, и обширная народная площадь: она окружена храмами и множествомъ другихъ зданій, коихъ стѣны покрыты оружіемъ, отнятымъ Ѳивянами у Аѳинянъ на сраженіи при Деліи: изъ прочихъ знаменитыхъ корыстей они построили на томъ же самомъ мѣстѣ величественный портикъ, украшенный множествомъ истукановъ.

Городъ весьма многолюденъ; жители его, такъ какъ Аѳиняне, раздѣлены на три степени: въ первой граждане; во второй обселившіеся иностранцы; въ третіей невольники. Крамолы, одна противу другой злобствующія, часто производятъ перемѣны въ правительствѣ. Одни, держася стороны Лакедемонянъ, защищали олигархію; дру-

гіе, при помощи Аѳинянъ, держались демократіи. Сіи послѣдніе за нѣсколько предъ симъ лѣтъ превозмогли, и власть совершенно осталась въ рукахъ народа.

Городъ Ѳивы служитъ не только оплотомъ, но можно сказать и столицею Віотіи. Онъ почитается главою великаго тѣла, состоящаго изъ главныхъ городовъ Віотіи. Каждый изъ оныхъ имѣетъ право посылать повѣренныхъ на сеймъ, гдѣ рѣшатся дѣла народныя, послѣ разсмотрѣнія оныхъ въ четырехъ разныхъ совѣтахъ. Одиннадцать начальниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Віотарховъ, тамъ предсѣдательствуютъ; сей городъ предоставилъ имъ самъ пользоваться таковою властію. Они имѣютъ весьма великую силу при разсужденіяхъ и обыкновенно начальствуютъ надъ войскомъ. Таковая власть была бы опасна, естьлибы навсегда при нихъ оставалась; и для того Віотархи, подъ смертною казнію, должны съ себя въ концѣ года слагать власть, хотя бы они въ сіе время начальствовали надъ побѣдоноснымъ войскомъ, и въ такомъ положеніи,

что въ состояніи одержать величайшія надъ непріятелемъ выгоды.

Всѣ города Віотіи имѣютъ законныя права и требованія на независимость; но Ѳивяне при всѣхъ своихъ усиліяхъ, равно какъ и другихъ народовъ Греціи, никогда не хотѣли дозволить имъ наслаждаться совершенною вольностію. На города, ими основанные, они имѣютъ такія же права, какія каждый городъ на своихъ переселенцевъ; а другимъ противуполагаютъ силу, которая весьма часто бываетъ первымъ правомъ; или давнее владѣніе, яко благовиднѣйшее всѣхъ правъ. Они разорили Ѳеспій и Платею за отступленіе ихъ отъ союза съ Віотіею, коего нынѣ располагаютъ они всѣми дѣйствіями и который можетъ поставить болѣе 20000 человѣкъ войска.

Сія сила тѣмъ страшнѣе, что Віотяне вообще храбры, приучены къ воинскимъ трудамъ и гордятся тѣми побѣдами, кои одержали они подъ предводительствомъ Эпаминонда. Они имѣютъ удивительную крѣпость тѣла и безпрестанно оную умножаютъ гимнастическими упражненіями.

Земля, обитаемая ими, плодоноснѣе Ат-

тики, и производитЪ множество хлѣба превосходной доброты; по выгодному положенію ихЪ пристаней, они вЪ состояніи производить торговлю сЪ одной стороны сЪ Италіею, Сициліею и Африкою; сЪ другой сЪ ЕгиптомЪ, островомЪ КипромЪ, Македоніею и ЭллеспонтомЪ.

КромѢ всеобщихЪ празднествЪ, отправляемыхЪ на поляхЪ КоронейскихЪ близь храма Минервина, часто совершаемы бываютЪ особыя вЪ каждомЪ городѢ празднества, изЪ коихЪ многія установлены были Ѳивянами и на коихЪ я самЪ былЪ. Я упомяну только обЪ одномЪ обрядѢ, наблюдаемомЪ при торжествѢ лавровыхЪ вѢтвей. Сіе состояло вЪ великолѢпномЪ ходѢ, который я видѢлЪ, какЪ приближался онЪ ко храму Аполлона Исменійскаго. ЖрецЪ онаго бога ежегодно смѢняется; онЪ долженЪ быть, при красотѢ лица, молодЪ и знатнѢйшей породы. ОнЪ явился, имѢя на головѢ золотый вѢнецЪ, вЪ рукахЪ лавровую вѢтвь, сЪ развѢвающимися по плечамЪ волосами и вЪ великолѢпной длинной одеждѢ: за нимЪ слѢдовалЪ ликЪ молодыхЪ дѢвицЪ, державшихЪ также

вѣтви и воспѣвавшихъ духовныя пѣсни. Ему предшествовалъ одинъ юноша изъ его родственниковъ, неся въ рукахъ длинную масличную вѣтвь, украшенную цвѣтами и лавровыми листьями: на концѣ ея былъ мѣдный шаръ, представляющїй солнце. На семъ шарѣ висѣло множество шариковъ изъ того же металла, изображающихъ прочїя свѣтила и триста шестьдесять пять пурпуровыхъ узелковъ, означающихъ дни года; наконецъ луна была представлена внизу меньшимъ въ сравненїи перваго шаромъ. Поелику сїе торжество отправлялось въ честь Аполлону или Солнцу, то и представляли таковыми торжественными знаками преимущество сего свѣтила предъ всѣми прочими. Одержанная нѣкогда надъ жителями города Арны побѣда подала причину установить таковое празднество.

Между Ѳивскими законами есть такїе, о которыхъ достойно здѣсь упомянуть. Одинъ запрещаетъ избирать въ судьи такого гражданина, который за десять лѣтъ прежде не оставилъ мѣлочнаго торга; другимъ налагается пеня на живописцевъ и ваятелей, которые не соблюдаютъ благопристойности въ своихъ изображенїяхъ;

третьимъ запрещено подкидывать новорожденныхъ младенцевъ, какъ сїе дѣлается въ нѣкоторыхъ городахъ Грецїи. Отецъ долженъ ихъ представить правительству, съ доказательствомъ, что онъ не въ состоянїи ихъ воспитать; правительство за малую плату отдаетъ ихъ такому гражданину, который желаетъ ихъ имѣть, и который въ послѣдствїи времени включаетъ ихъ въ число своихъ рабовъ. Ѳивяне дозволяютъ военноплѣннымъ себя выкупать, кромѣ токмо уроженцевъ Вїотїйскихъ; ибо таковыхъ они умерщвляютъ.

Въ Аттикѣ воздухъ очень чистъ, а въ Вїотїи весьма густъ, хотя сїя послѣдняя страна отдѣляется отъ первой одною только горою Киѳерономъ. Таковая разность, кажется, производитъ разность и въ умахъ, и подтверждаетъ наблюденїя философовъ о влїянїи поднебесности; ибо Вїотяне вообще не имѣютъ ни той проницательности, ни той живости, каковая составляетъ отличительное свойство Аѳинянъ; но въ семъ, можетъ быть, должно обвинять болѣе воспитанїе, нежели природу. Ежели они кажутся непроворны и тупы въ мыс-

ляхъ, то потому, что они непросвѣщенны и грубы: поелику они болѣе упражняютъ тѣло, нежели умъ, то и не имѣютъ ни дара слова, ни пріятности въ выговорѣ, ни познаній почерпаемыхъ изъ связи наукъ, ни той плѣняющей наружности, которая происходитъ болѣе отъ искуства, нежели отъ природы.

Впрочемъ не должно думать, чтобы Віотія была скудна людьми умными: многіе Θивяне принесли честь училищу Сократову: Эпаминондъ отличался столько же просвѣщеніемъ, сколько и воинскими дарованіями. Во время путешествія моего я видѣлъ много ученыхъ, между прочими Анаксиса и Діонисіодора, которые сочиняли новую Греческую исторію. Наконецъ въ Віотіи родились Исіодъ, Коринна и Пиндаръ.

Исіодъ. Исіодъ оставилъ по себѣ славное имя и знаменитыя творенія. Почитая его современникомъ Омира, думали, что онъ былъ его соперникъ: но Омиръ не могъ имѣть соперниковъ.

Родословіе боговъ, писанное Исіодомъ, также и многими другими древними писа-

телями Греческими, не иное что есть, какЪ сплетенїе нелѣныхЪ понятїй или непроницаемыхЪ иносказанїй.

По преданїю народовЪ, обитающихЪ близь Геликона, приписываемыя ему сочиненїя отвергаются, изключая одно только посланїе кЪ брату его Персесу, для убѣжденїя его кЪ трудамЪ. ОнЪ приводитЪ ему вЪ примѣрЪ своего отца, который доставлялЪ нужное семейству своему, многократно подвергая жизнь свою опасности на купеческомЪ кораблѣ, и который при концѣ дней своихЪ оставилЪ городЪ Кумы вЪ Еолидѣ, и поселился близь Геликона. Кромѣ весьма здравыхЪ разсужденїй о должностяхЪ человѣка, и кромѣ плачевныхЪ жалобЪ на его несправедливость, ИсїодЪ наполнилЪ сїе посланїе многими наставленїями, относящимися кЪ земледѣлїю, и тѣмЪ болѣе важными, что ни одинЪ сочинитель прежде его симЪ искуствомЪ не занимался.

ОнЪ никогда не путешествовалЪ, а упражнялся вЪ стихотворствѣ даже до глубокой старости. Прїятный и сладкозвучный его слогЪ плѣняетЪ слухЪ, и от-

зывается тою древнею простотою, которая не что иное есть, какъ точное согласіе между предметомъ, мыслями и выраженіями.

Исіодъ превосходенъ въ родѣ Поэзіи, требующемъ небольшаго возвышенія, а Пиндаръ въ родѣ, требующемъ бóльшаго паренія. Сей послѣдній процвѣталъ во время похода Ксерксова и жилъ около 65 лѣтъ.

Пиндаръ учился поэзіи и музыкѣ у разныхъ наставниковъ, а особенно у Миртисы, женщины знаменитой своими дарованіями и еще болѣе прославившейся тѣмъ, что имѣла въ числѣ учениковъ своихъ Пиндара и прекрасную Коринну. Сихъ обоихъ воспитанниковъ соединяла, по крайней мѣрѣ, любовь къ наукамъ; Пиндаръ, бывъ моложе Коринны, считалъ всегда долгомъ во всемъ совѣтоваться съ нею, и узнавъ, что поэзія должна обогащаться баснотворными вымыслами, онъ началъ такимъ образомъ одно свое сочиненіе: „Воспѣть ли „мнѣ рѣку Исмену, Нимфу Мелію, Кадма, „Иракла, Ѳакха и проч?„ Ко всѣмъ симъ названіямъ были приданы имена прилагательныя. Коринна сказала ему съ улыбкою:

,,Ты взялъ мѣшокъ съ зернами для того, ,,чтобы засѣять участокъ земли; и вмѣс-,,то того, чтобы сѣять руками, ты вдругъ ,,высыпалъ весь мѣшокъ,,.

Онъ упражнялся во всѣхъ родахъ стихотворства, и славою своею одолженъ особенно пѣснямъ, которыхъ отъ него требовали для прославленія празднествъ боговъ, или для содѣланія блистательнѣйшимъ торжество побѣдителей на играхъ Греческихъ.

Можетъ быть, нѣтъ ничего труднѣе таковаго подвига. Дань похвалы, требуемая отъ пѣснопѣвца, должна быть готова къ назначенному дню; у него предъ глазами одинаковыя картины, онъ безпрестанно подвергается опасности быть или слишкомъ выше, или слишкомъ ниже своего предмета: но Пиндаръ упитался такимъ чувствованіемъ, которое не встрѣчало ни одного изъ сихъ малѣйшихъ препятствій, и взоръ свой простиралъ за предѣлы нашего взора.

Сильный, и свободный его умъ не иначе можетъ оказаться, какъ движеніями неправильными, быстрыми и смѣлыми. Хочетъ ли онъ воспѣвать боговъ? Онъ возносится

подобно орлу, къ подножїю ихъ престола: хочетъ ли прославить смертныхъ? Онъ вступаетъ, въ поприще подобно быстротечному коню, на небесахъ и на землѣ изливаетъ, такъ сказать, потоки высокихъ изображенїй, смѣлыхъ инорѣченїй, мыслей поразительныхъ и правилъ блистающихъ свѣтомъ истинны.

Для чего иногда сей быстрый потокъ выступаетъ изъ бреговъ своихъ, иногда входитъ въ свое мѣсто, иногда съ большимъ стремленїемъ выбѣгаетъ изъ онаго, и паки возвращается съ тѣмъ, чтобы тихо окончить свое теченїе? — Для того, что тогда подобно льву, который по излучистымъ стезямъ бросается въ разныя стороны и не прежде успокоевается, какъ схвативъ свою добычу, Пиндаръ ненасытимо гонится за цѣлїю своею, которая появляется и скрывается отъ его взора. Онъ спѣшитъ, летитъ по слѣдамъ славы; пылаетъ желанїемъ показать ее своимъ соотечественникамъ. Когда она не довольно блистаетъ въ побѣдителяхъ, имъ прославляемыхъ, онъ ищетъ ее въ ихъ предкахъ, въ ихъ отечествѣ, въ учредителяхъ игръ и повсюду, гдѣ толь-

ко издаются лучи ея, которые онЪ одинЪ умѣетЪ соединять сЪ тѣми, коими увѣнчаваетЪ своихЪ ироевЪ: при воззрѣнiи на нихЪ погружается онЪ вЪ изступленiе, коего ничто остановить не можетЪ; блескЪ ихЪ уподобляетЪ сiянiю дневнаго свѣтила; смертнаго, обратившаго на себя оные, поставляетЪ на верьхЪ блаженства; ежели смертный сей соединяетЪ богатство сЪ красотою, онЪ посаждаетЪ его на престолЪ самаго Юпитера: а чтобы предохранить его отЪ гордости, спѣшитЪ напомянуть ему, что онЪ облеченЪ вЪ тѣло бренное, и земля вскорѣ будетЪ послѣднею его одеждою.

Толь странный языкЪ былЪ сообразенЪ вкусу того вѣка. Побѣды, Греками одержанныя надЪ Персами, увѣрили ихЪ снова, что ничто болѣе не возвышаетЪ душЪ, какЪ громкiя засвидѣтельствованiя всеобщаго почтенiя. ПиндарЪ, пользуясь обстоятельствами, набираетЪ самыя сильныя слова и самыя блистательныя изображенiя; кажется, онЪ заимствовалЪ звукЪ громовЪ, чтобы сказать народу Греческому: „Никогда не угашайте бо„жественнаго огня, воспламеняющаго серд-

„ца наши; возбуждайте всякое соревнова-„нїе, почитайте всякаго рода достоинст-„ва; ожидайте мужественныхъ и великихъ „дѣлъ отъ того только, который дышетъ „одною славою!„ Грекамъ, собравшимся на поляхъ Олимпїйскихъ, онъ сказалъ: „вотъ борцы, которые, дабы въ вашемъ присутствїи получить нѣсколько листковъ масличныхъ, подвергаются столь суровымъ подвигамъ! чего же не сдѣлаете вы, когда надобно будетъ отмщать за свое отечество?„

Даже и нынѣ всѣ тѣ, кои присутствуютъ при блистательныхъ Греческихъ торжествахъ, кои видятъ борца въ минуту его побѣды, кои слѣдуютъ за нимъ, когда входитъ онъ въ тотъ городъ, гдѣ родился, кои слышатъ раздающїеся вокругъ его вопли, восторги удивленїя и радости, съ коими смѣшиваются имена предковъ, заслуживших таковыяжъ отличїя, имена боговъ покровителей, доставившихъ таковую побѣду ихъ отечеству; всѣ тѣ, говорю я, вмѣсто того, чтобы удивиться отступленїямъ и восторгамъ Пиндара, безъ сомнѣнїя найдутъ, что поэзїя его, сколько ни

высокопарна, не можетъ однакожъ выразить того впечатлѣнія, каковое они сами чувствовали.

Пиндаръ, часто поражаемый зрѣлищемъ сколько трогательнымъ, столько и величественнымъ, соучаствовалъ во всеобщемъ восхищеніи, и наполнивъ онымъ свои картины, содѣлался и хвалителемъ и раздаятелемъ славы: по сему-то содержаніе всякой его пѣсни было благородно и величественно. Ему нужно было прославить и знаменитыхъ царей и малоизвѣстныхъ гражданъ. Онъ смотрѣлъ въ обоихъ случаяхъ не на человѣка, а на побѣдителя подъ тѣмъ предлогомъ, что чужія похвалы легко становятся скучными, не слишкомъ занимался личными достоинствами; но какъ добродѣтели царей суть права къ славѣ, то онъ хвалитъ ими сдѣланное благо, и указываетъ на то, которое могутъ еще содѣлать. „Будьте „справедливы, говорилъ онъ, во всѣхъ ва„шихъ дѣяніяхъ, правдивы во всѣхъ ва„шихъ словахъ; (*) представте себѣ, что

(*) Образъ, каковымъ представляетъ Пиндаръ сіи правила, можетъ дать намъ понятіе о

„тысяча свидѣтелей устремляютъ на васъ „свои взоры, и малѣйшая погрѣшность съ „вашей стороны будетъ гибельнымъ зломъ.„ Такимъ-то образомъ хвалилъ Пиндаръ: онъ не расточалъ своего ѳиміама и не всякому давалъ право возжигать оный. „Похва„ла, говорилъ онъ, есть награда доб„рыхъ дѣяній; отъ ея сладостнаго ороше„нія добродѣтели возрастаютъ, такъ какъ „растенія отъ росы небесной; но одному „честному человѣку прилично только хва„лить людей честныхъ.

Не взирая на глубокія его размышленія и видимый безпорядокъ въ слогѣ, стихи его привлекаютъ на себя всеобщее одобреніе. Простой народъ удивляется имъ, не понимая, потому что для него довольно и того, что сильныя изображенія въ глазахъ его на подобіе молніи, быстро пролетаютъ, и что пышныя и громкія слова поражаютъ удивленный слухъ его сугубыми ударами: но просвѣщенные судіи будутъ почитать сего сочинителя въ числѣ

смѣлости его выраженій: *управляйте*, говоритъ онъ, *кормиломъ правосудія; куйте языкъ вашъ на наковальнѣ истинны.*

первыхъ лирическихъ стихотворцевъ; и самые философы съ уваженїемъ ссылаются на его правила.

Не разбирая подробно красотъ, разсыпанныхъ въ его творенїяхъ, я только коснусь благороднаго чувствованїя, ихъ одушевляющаго. Итакъ да позволено будетъ мнѣ сказать вмѣстѣ съ нимъ: „Я могъ бы „пустить многїя стрѣлы, но избралъ изъ „нихъ такую, которая оставила бы въ мѣ„тѣ славный знакъ„,

Теперь остается нѣчто сказать о его жизни и свойствахъ. Я почерпнулъ главныя изъ оныхъ изъ его сочиненїй, гдѣ, по увѣренїю Ѳивянъ, онъ самъ себя изобразилъ. „Было вре„мя, когда подлая корысть не оскверняла сти„хотворческаго языка. Пусть иные прель„щаются нынѣ блескомъ золота; пусть „распространяютъ далеко свои владѣнїя: „я даю цѣну богатству тогда только, „когда оное, будучи сопровождаемо и укра„шаемо добродѣтелями, приводитъ насъ въ „состоянїе снискать безсмертную славу. „Мои слова всегда согласны съ мысля„ми моими. Люблю моихъ друзей, нена„вижу врага; но никогда не нападаю на не-

„го съ оружіемъ клеветы и злорѣчія. Къ „зависти я имѣю только уничижительное „для неяжъ самой презрѣніе: вмѣсто мще-„нія, я предоставляю ее собственной язвѣ, „грызущей ея сердце. Слабые крики роб-„кой, но завистливой птички, никогда не „возпрепятствуютъ смѣлому орлу парить „по воздуху.„

„Среди прилива и отлива радостей и „горестей, вращающихся надъ главами „смертныхъ, кто можетъ ласкаться, „что онъ непрерывно счастливъ будетъ? „Я обращалъ около себя взоры, и видя, „что человѣкъ щастливѣе бываетъ въ по-„средственномъ, нежели въ другихъ со-„стояніяхъ, сожалѣлъ о участи людей „сильныхъ, и молилъ боговъ не отягчать „меня бременемъ таковаго благополучія: я „иду простыми стезями, будучи доволенъ „своимъ состояніемъ и любимъ своими со-„гражданами; все мое любочестіе состоитъ „въ томъ, чтобы имъ нравиться, не от-„казываясь отъ преимущества изъяснять-„ся свободно какъ о вещахъ похвальныхъ, „такъ и о вещахъ тому противныхъ. Въ „сихъ-то расположеніяхъ я спокойно при-

„ближаюсь къ старости; счастливъ буду, „ежели, достигнувъ мрачныхъ предѣловъ „жизни, я оставлю дѣтямъ моимъ драго„цѣннѣйшее наслѣдство — добрую славу.„

Желанія Пиндара исполнились. Онъ жилъ въ нѣдрѣ спокойствія и славы: правда, Ѳивяне осудили его на пеню за то, что онъ хвалилъ Аѳинянъ, враговъ ихъ, и что въ стихотворческихъ спорахъ сочиненія Коринны пять разъ получали надъ его сочиненіями преимущество; но скоро возсіяли ясные дни послѣ сей кратковременной бури. Аѳиняне и всѣ народы Греціи осыпали его почестями; сама Коринна отдала справедливость превосходству его ума. Въ Дельфахъ во время Пиѳійскихъ игръ онъ принужденъ былъ уступить желанію безмѣрнаго числа зрителей, и возшелъ увѣнчанный лаврами на возвышенное мѣсто, гдѣ воспріявъ свою лиру, произнесъ восхитительные звуки, которые возбуждали повсюду гласы удивленія и составляли лучшее украшеніе празднества. Какъ скоро жертвоприношенія кончились, то жрецъ Аполлоновъ торжественно пригласилъ его къ священной трапезѣ: и дабы почтить его бли-

стательнымъ и новымъ отличїемъ, оракулъ повелѣлъ оставить для него часть начатковъ во храмъ принесенныхъ плодовъ.

Вїотяне имѣютъ великую склонность къ музыкѣ; всѣ почти учатся играть на флейтѣ. Съ того времени, какъ они выиграли сраженїе при Левктрахъ, стали они предаваться съ бо́льшею жадностїю удовольствїямъ пиршествъ: они имѣютъ превосходный хлѣбъ, много овощей, плодовъ, дичи и рыбы, такъ что изъ всего того могутъ они отправлять довольное количество въ Аѳины.

Во всей Вїотїи зима бываетъ очень холодная, а въ Ѳивахъ почти несносная. Снѣгъ, холодный вѣтръ и недостатокъ въ дровахъ дѣлаютъ тамо пребыванїе зимою столько же ужаснымъ, сколько оно прїятно лѣтомъ какъ по благорастворенїю воздуха и по чрезвычайной прохладительности тамошнихъ водъ, такъ и по прелестному виду полей, долгое время сохраняющихъ свою зелень.

Ѳивяне мужественны, наглы, смѣлы и тщеславны: у нихъ одинъ шагъ отъ гнѣва къ обидѣ, и отъ презрѣнїя законовъ къ

забвенію человѣчества. Малѣйшая корысть можетъ подать поводъ къ ужаснымъ несправедливостямъ, и малѣйшій предлогъ къ убійству. Жены ихъ рослы, статны и по большой части бѣлокуры: походка ихъ благородна, нарядъ довольно щегольской. Выходя изъ домовъ, онѣ закрываютъ свои лица такъ, что видны только глаза: волосы поверьхъ головы связываютъ, на ногахъ носятъ обувь багрянаго цвѣта, которая такъ мала, что почти вся нога остается наружѣ. Голосъ ихъ весьма пріятенъ и трогателенъ, а у мущинъ грубъ и непріятенъ, и нѣкоторымъ образомъ соотвѣтственъ ихъ нравамъ.

Но тщетно стали бы искать изображеній сихъ свойствъ въ полку молодыхъ воиновъ, такъ называемомъ священною дружиною: ихъ числомъ 300. Они вообще воспитываются и содержатся въ замкѣ на казенномъ иждивеніи. Усладительные звуки флейты управляютъ не только ихъ военными упражненіями, но даже и забавами. Желая воспрепятствовать тому, чтобы храбрость ихъ не обратилася въ слѣпое бѣшенство, впечатлѣваютъ въ души ихъ сильное чувствованіе благородства.

Каждый воинъ долженъ избрать себѣ друга и быть съ нимъ во всѣхъ случаяхъ неразлучно. Все его честолюбіе состоитъ въ томѣ, чтобы угодить другу, заслужить его уваженіе, раздѣлять съ нимъ въ теченіи жизни удовольствія и огорченія, а въ сраженіяхъ труды и опасности. Естьли онъ по несчастію неспособенъ сохранить почтеніе къ самому себѣ, то долженъ себя уважить для своего друга, коего выговоръ для него есть жесточайшее мученіе, а похвала самое пріятнѣйшее удовольствіе. Таковое сочетаніе почти сверьхъ-естественное, заставило предпочитать смерть безчестію, а славолюбіе всѣмъ другимъ пользамъ. Одинъ изъ сихъ воиновъ въ самомъ сильномъ жару сраженія былъ повергнутъ лицемъ на землю, и когда увидѣлъ непріятеля уже готовящагося пронзить его съ тылу: „Постой, приподнимаясь сказалъ „онъ ему, вонзи мечъ въ мою грудь! великій стыдъ будетъ для моего друга, когда станутъ подозрѣвать, что я въ „бѣгствѣ пріялъ смерть.„

Иногда раздѣляли 300 сихъ воиновъ на малыя части, по разнымъ отрядамъ войска. Но когда Пелопидъ, ча-

сто имѣвшій честь предводительствовать ими, выводилъ ихъ вмѣстѣ на сраженіе, то Ѳивяне одолжены стали имъ почти всѣми побѣдами, каковыя они одерживали надъ Лакедемонянами. Филиппъ при Херонеѣ на голову побилъ сей полкъ, дотолѣ непобѣдимый. Оный государь, видя сихъ молодыхъ Ѳивянъ, поверженныхъ на полѣ сраженія, покрытыхъ почтенными ранами и лежащихъ другъ подлѣ друга на томъ самомъ мѣстѣ, на коемъ стояли въ бою, не могъ удержаться отъ слезъ, и чрезъ то воздалъ достойную честь ихъ мужеству и добродѣтели.

Примѣчено, что народы и города, такъ какъ и семейства, имѣютъ какой-либо недостатокъ, или господствующій порокъ, который, подобно нѣкоторымъ болѣзнямъ, переходитъ отъ рода въ родъ съ бо́льшею или меньшею силою; отъ сего-то дѣлаются между ими взаимныя укоризны, которыя наконецъ обращаются въ пословицы. Итакъ Віотяне говорятъ вообще, что ненависть утвердила свое пребываніе въ Танагрѣ, любовь къ непозволительному удовольствію въ Оропѣ, духъ противорѣ-

чїя въ Ѳеспїи, насилїе въ Ѳивахъ, любостяжанїе въ Анѳедонѣ, ложное усердїе въ Коронеѣ, надмѣнность въ Платеѣ и наконецъ глупость въ Галїартѣ.

Отправляясь изъ Ѳивъ, мы ѣхали близъ довольно великаго озера, называемаго Гилика, въ которое впадаютъ рѣки, орошающїя окрестность сего города: отсюда отправились мы на берега озера Копаиса, которое обратило на себя все наше вниманїе.

Вїотїю можно почесть за пространство водъ, окруженное горами, коихъ различныя цѣпи соединяются довольно высокими мѣстами. Другїя горы простираются во внутренность сей страны: исходящїя изъ нихъ рѣки по большей части соединяются въ озерѣ Копаисѣ, коего окружность простирается на 380 стадїй, и кое не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого примѣтнаго прохода. И посему оно скоро покрыло бы всю Вїотїю, естьлибы природа, или паче искуство людей не сдѣлало потаенныхъ путей для истеченїя водъ.

Въ ближайшемъ мѣстѣ къ морю озеро оканчивается тремя малыми заливами, простирающимися даже до подошвы горы

Птоона, лежащей между моремъ и озеромъ. Изъ каждаго залива, выходитъ множество водопроводовъ, текущихъ сквозь гору во всю ея ширину, одни продолжаются на 30 стадїй, а другїе еще гораздо болѣе: для ископанїя или чищенїя оныхъ вырыты по мѣстамъ на сей горѣ колодези, которые по видимому безмѣрно глубоки. Находяся въ сихъ мѣстахъ, чувствуешь ужасъ, когда вообразишь о трудностяхъ сего предпрїятїя, о иждивенїи, каковыя потребны были для исполненїя онаго, и о времени, какое нужно было употребить для приведенїя его къ окончанїю. Удивительнѣе всего еще то, что труды сїи, о коихъ совсѣмъ не упоминается ни въ исторїи, ни въ преданїи, должно относить къ самой глубокой древности, и что въ сїи отдаленные вѣки не видно въ Вїотїи никакой области, которая была бы въ состоянїи составить и произвесть въ дѣйство столь великое предпрїятїе.

Какъ бы то ни было, водопроводы сїи требуютъ великаго иждивенїя на ихъ содержанїе. Нынѣ они въ крайнемъ небреженїи: большая часть оныхъ засыпалась, и кажется, что озеро выступаетъ

ужѐ на долину. Весьма вѣроятно, что потопъ, или паче разлитіе водъ, потопившее во времена Огигеса Віотію, произошло единственно отъ засоренія сихъ подземныхъ водопроходовъ.

Проѣхавъ Опонтъ и нѣкоторые другіе города, принадлежащіе Локріянамъ, мы прибыли къ Ѳермопиламъ. Я объятъ былъ внутреннимъ трепетомъ, вступивъ въ сей славный тѣсный проходъ, гдѣ четыре тысячи Грековъ чрезъ многіе дни удерживали безчисленное Персидское войско, и гдѣ палъ Леонидъ съ тремя стами Спартанъ, коими онъ предводительствовалъ. Сей проходъ съ одной стороны стѣсняется высокими горами, а съ другой моремъ. Я описалъ его во введеніи въ сіе сочиненіе.

Мы обошли сей узкій проходъ нѣсколько разъ: осматривали Ѳермы или теплыя бани, по которымъ дано ему названіе Ѳермопилъ; видѣли тотъ малый холмъ, куда удалились соратники Леонида по смерти сего ироя. Мы прошли по ихъ слѣдамъ до другаго края сего узкаго перехода, даже до шатра самаго Ксеркса, котораго они хотѣли умертвить посреди его воинства.

Великое множество обстоятельствЪ возродило вЪ душахЪ нашихЪ сильнѣйшія впечатлѣнія. Сіе море, обагренное нѣкогда кровію народовЪ; сіи горы, верьхи свои возносящія до облаковЪ; сія безмолвная пустыня, окружавшая насЪ; воспоминаніе множества знаменитыхЪ подвиговЪ, кои, при воззрѣніи на сіи мѣста казалось, какЪ бы при насЪ совершались; наконецЪ сильное участіе, кое человѣкЪ пріемлетЪ вЪ несчастной доблести, все возбуждало вЪ насЪ удивленіе и сострадательность, какЪ вдругЪ увидѣли мы возлѣ себя памятники, каковые собраніе Амфиктіоновъ повелѣло воздвигнуть на упомянутомЪ мною холмѣ. Это суть малые столбы, поставленные вЪ честь трехЪ сотЪ СпартанЪ и другихЪ разныхЪ сражавшихся тогда ГреческихЪ воиновЪ. Мы подошли кЪ первому, представившемуся глазамЪ нашимЪ, и прочли на немЪ: „Здѣсь че„тыре тысячи ГрековЪ изЪ Пелопониса „сражалися противу трехЪ милліоновЪ „ПерсовЪ.„ Мы приближились кЪ другому, и прочли на немЪ сіи Симонидовы слова: „Прохожій, скажи вЪ Лакедемонѣ, что

„мы здѣсь лежимъ для того, что по„виновалися его священнымъ законамъ.„ Съ какимъ чувствованїемъ величїя, съ какимъ высокимъ безпристрастїемъ возвѣщены потомству таковыя произшествїя! Имена Леонида и трехъ сотъ его товарищей неозначены въ сей второй надписи для того, что и на мысль никому не приходило, чтобы они могли быть когда-либо забыты. Я видѣлъ многихъ Грековъ, которые на память затвердили имена ихъ, и такимъ образомъ передавали оныя другимъ. Въ третьей надписи къ гадателю Мегистїю сказано, что сей Спартанинъ, свѣдомъ бывъ объ ожидавшей его участи, восхотѣлъ лучше умереть, нежели оставить Греческое войско. Подлѣ сихъ надгробныхъ памятниковъ находится трофей, который Ксерксъ приказалъ воздвигнуть и который болѣе чести дѣлаетъ побѣжденнымъ, нежели побѣдителямъ.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Путешествіе по Өессаліи. Амфиктіоны. Волшебницы. Цари Ферескіе. Темпейская долина.

Вышедъ изъ Өермопилъ, тотчасъ вступишь въ Өессалію, которая заключаетъ въ себѣ Магнезію и другія различные малые округи, имѣющіе особенныя наименованія. Она съ восточной стороны прилежитъ къ морю, съ сѣверной къ горѣ Олимпу, съ западной къ Пинду, съ южной къ горѣ Этѣ. Отъ сихъ непремѣняемыхъ границъ исходятъ другія цѣпи горъ и холмовъ, продолжающихся вовнутрь земли: между ими по нѣкоторымъ мѣстамъ находятся плодоносныя долины, видомъ и окружностію своею подобныя пространнымъ амфитеатрамъ. На холмахъ, окружающихъ сіи долины, видны богатые города: вся страна орошается рѣками, по большой части впадающими въ Пеней, который до впаденія своего въ море протекаетъ славную долину, извѣстную подъ именемъ Темпейской.

Въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ Өермопилъ мы видѣли Анөелу, малый городокъ, Амфиктіоны.

славящійся Цереринымъ храмомъ и ежегоднымъ собраніемъ Амфиктіоновъ. Собраніе сіе былобы полезнѣйшимъ, и слѣдовательно лучшимъ установленіемъ въ свѣтѣ, естьлибы человѣколюбивыя намѣренія, бывшія причиною учрежденія онаго, не уступали страстямъ правителей народовъ. Учредителемъ таковаго собранія былъ, по мнѣнію однихъ, Амфиктіонъ, царствовавшій въ окрестныхъ странахъ; а по мнѣнію другихъ, Аргосскій царь Акрисій. Извѣстно только то, что въ самыя древнія времена двѣнадцать сѣверныхъ народовъ Греціи, какъ-то Доріяне, Іоніяне, Фокеяне, Віотяне, Ѳессаліяне и проч. составили союзъ для предупрежденія бѣдствій, каковыя война влечетъ за собою. Постановлено было посылать ежегодно повѣренныхъ въ Дельфы, и чтобы всякое злое покушеніе противъ храма Аполлона, коему они клялися, такъ какъ и всѣ прочія преступленія противъ правъ человѣка, коего они защитники, были представляемы на сужденіе сего собранія, и что каждый изъ двѣнадцати народовъ имѣетъ чрезъ повѣренныхъ своихъ два голоса и обязывается къ исполненію опредѣленій сего знаменитаго судилища.

Сей союзъ утвержденъ былъ клятвою, которая потомъ всегда была возобновляема въ слѣдующихъ выраженїяхъ: ,,Клянемся ,,никогда не разорять Амфиктїонскихъ го-,,родовъ, никогда, какъ во время мира, такъ ,,и во время войны, не обращать необходимо ,,нужныхъ онымъ пособїй на другое какое ,,либо употребленїе. Естьли какая нибудь ,,область дерзнетъ предпринять сїе, то мы ,,пойдемъ противу ея и разрушимъ города ,,ея. Естьли нечестивые похитятъ прино-,,шенїя храма Аполлонова, то мы клянем-,,ся употребить наши ноги, наши руки, ,,нашъ голосъ, всѣ силы наши противу ихъ ,,и противу ихъ сообщниковъ.,,

Сїе судилище существуетъ еще и нынѣ почти въ таковомъ же видѣ, въ каковомъ сначала учреждено было. Его власть распространилась вмѣстѣ съ народами, вышедшими изъ сѣверной Грецїи, которые, присовокупившись къ Амфиктїонскому союзу, внесли въ свои новыя жилища право присутствовать и предлагать мнѣнїя въ его собранїяхъ. Таковы суть Лакедемоняне: они обитали нѣкогда въ Ѳессалїи и когда поселились въ Пелопонисѣ, то сохранили одинъ изъ двухъ голосовъ, принадлежавшихъ

Дорійскому народу, коего они часть составляли. Право имѣть два голоса, въ началѣ данное Іонянамъ, было въ послѣдствіи раздѣлено между Аѳинянами и Іонійскими поселеніями, находящимися въ малой Асіи. И хотя на всеобщемъ собраніи должны быть только 24 голоса, однако число повѣренныхъ неопредѣленно; Аѳиняне посылаютъ иногда трехъ, а иногда четырехъ.

Сословіе Амфиктіоновъ весною бываетъ въ Дельфахъ, а осенью въ Анѳелѣ. Оно привлекаетъ къ себѣ великое число зрителей и начинается жертвами, приносимыми о спокойствіи и благоденствіи Греціи. Кромѣ предметовъ, показанныхъ нами въ упомянутой клятвѣ, разбираются тамъ споры, возставшіе между городами, о предсѣданіи при общенародныхъ жертвоприношеніяхъ, или между тѣми городами, которые, по одержаніи побѣды, восхотѣли бы одни присвоить себѣ почести, каковыя они должны раздѣлять съ другими. Тамъ еще разсматриваются другія дѣла, какъ гражданскія, такъ и уголовныя, а наипаче дѣянія, явно нарушающія права народовъ. Повѣренные спорющихся сторонъ разбираютъ дѣло;

судилище рѣшитъ по большинству голосовъ; и на каждый виновный народъ налагается пеня. По истеченіи опредѣленной отсрочки бываетъ другой судъ, который увеличиваетъ пени вдвое. Въ случаѣ неповиновенія собраніе имѣетъ право требовать подкрѣпленія своему опредѣленію, и вооружать противу онаго все Амфиктіоническое сословіе т. е. большую часть Греціи. Оный такъ же имѣетъ право отлучить его отъ Амфиктіоническаго союза и лишить участія въ храмѣ.

Но сильные народы не всегда покоряются подобнымъ опредѣленіямъ, что можно видѣть изъ недавно учиненнаго Лакедемонянами поступка. Когда завладѣли они во время мира замкомъ Ѳивскимъ, то градоначальники Ѳивскіе позвали ихъ къ суду на общее собраніе. Лакедемоняне осуждены были внести 500 талантовъ пени, а потомъ 1000, которые они отреклись заплатить подъ тѣмъ предлогомъ, яко бы приговоръ сей былъ несправедливъ.

Рѣшенія, произносимыя противу народовъ, Дельфійскій храмъ оскорбляющихъ, внушаютъ великій ужасъ. Воины оныхъ тѣмъ

съ большимъ отвращенїемъ прїемлютъ оружїе, что бываютъ наказываемы смертїю и лишены погребенїя, когда попадаются въ плѣнъ съ оружїемъ въ рукахъ; а тѣ бываютъ ревностнѣе, которыхъ собранїе призываетъ къ отмщенїю за олтари, потому что тотъ почитается участникомъ въ нечестїи, кто ему благопрїятствуютъ или терпитъ оное. Въ таковыхъ случаяхъ виновные народы должны страшиться еще, чтобы къ проклятїямъ, коимъ они подвергаются, не присоединилась политика сосѣднихъ государей, находящихъ случай удовлетворить своему честолюбїю, защищая должное богамъ почтенїе.

Изъ Анѳелы прїѣхали мы въ страну Трахинїянъ и увидѣли въ окрестностяхъ ея сельскихъ жителей, занимающихся собиранїемъ драгоцѣнной травы, чемерицею называемой, растущей на горѣ Этѣ.

Волшебницы.

Желанїе удовлетворить нашему любопытству заставило насъ отправиться въ Гипатъ. Намъ сказали, что мы найдемъ многихъ волшебницъ въ Ѳессалїи, а наипаче въ городѣ сего имени. И въ самомъ дѣлѣ мы увидѣли многихъ женщинъ простаго народа, которыя,

какъ намъ сказывали, могутъ останавливать солнце, привлекать луну на землю, возбуждать и усмирять бури, возвращать жизнь умершимъ и низвергать живыхъ во гробъ.

Какъ могли вкрасться таковыя понятія въ человѣческій умъ? Тѣ, которые почитаютъ ихъ какъ недавно произшедшими, утверждаютъ, что въ послѣднемъ вѣкѣ Ѳессаліянка, по имени Аглаоника, научившись предсказывать лунныя затмѣнія, приписывала сіе явленіе силѣ своихъ волхвованій, и что заключили изъ того, что сіе же средство достаточно нарушить всѣ законы природы. Упоминаютъ такъ же о другой Ѳессаліянкѣ, которая еще во времена ироевъ, имѣла верховную власть надъ симъ свѣтиломъ; и наконецъ многія произшествія доказываютъ, что волшебство введено въ Грецію уже съ древнихъ временъ.

Не много любопытствуя о началахъ волшебства, мы хотѣли во время пребыванія нашего въ Гипатѣ узнать дѣйствія онаго. Насъ тайно водили къ нѣкоторымъ старухамъ, коихъ убожество и невѣжество было чрезмѣрно. Онѣ хвастались, что умѣютъ заговаривать угрызенія скорпіоновъ и змѣй,

что могутъ сдѣлать слабымъ и недѣйствительнымъ пламень молодаго супруга, или погубить стада и пчелъ. Мы видѣли, что нѣкоторыя изъ нихъ производили свое чародѣйство надъ восковыми куклами, и дѣлали надъ ними заклинанія, вонзали въ сердце ихъ иглы и повергали потомъ на разныхъ улицахъ города. Тѣ, кои служили предметомъ сихъ восковыхъ изображеній, бывъ поражены ужасомъ, почитали себя въ объятіяхъ смерти, такъ что сей страхъ прекращалъ иногда жизнь ихъ.

Мы нашли нечаянно на одну изъ сихъ женщинъ, быстро вертящую самопрялку, и произносящую какія-то таинственныя слова. Намѣреніе ея было снова воспламенить мододаго Поликлета, оставившаго Саламиду, одну изъ отличнѣйшихъ женщинъ въ городѣ. Дабы познать обстоятельнѣе о семъ приключеніи, мы сдѣлали нѣсколько подарковъ Микалѣ, такъ называлась волшебница. Спустя нѣсколько дней она намъ сказала: Саламида не хочетъ ожидать дѣйствія моихъ первыхъ очарованій; она придетъ вечеромъ симъ увидѣть новыя испытанія; я васъ скрою въ такомъ мѣстѣ, откуда

вы можете все видѣть и слышать. Мы пришли въ назначенное время. Микала дѣлала таинственныя приуготовленія. Около ея находились лавровыя вѣтьви, благовонныя растенія, мѣдныя дщицы, исписанныя неизвѣстными буквами, клочки овечьей шерсти багрянаго цвѣта; выдернутые изъ висѣлицы гвозди, на коихъ видны были еще кровавые знаки; головные человѣческіе черепы, до половины съѣденные дикими звѣрями; оторванные отъ труповъ куски пальцовъ, носа и ушей; внутренніе части жертвъ; стклянка, въ которой хранилась кровь человѣка, погибшаго насильственною смертію; восковое изображеніе Гекаты, разкрашенное бѣлымъ, чернымъ, краснымъ цвѣтомъ, держащее бичъ, лампаду и обвитый змѣею мечъ; многіе сосуды наполненные ключевою водою, коровьимъ молокомъ, горнымъ медомъ; волшебная прялка, мѣдныя орудія, Поликлетовы волосы, лоскутъ бахрамы отъ его длиннаго платья; и множество другихъ предметовъ, которые привлекали наше вниманіе. Вдругъ тихій шумъ возвѣстилъ намъ о прибытіи Саламиды.

Мы тихонько прокрались въ ближай-

шую комнату. Прекрасная Ѳессалїянка вошла къ волшебницѣ исполненная гнѣва и любви: послѣ произнесенныхъ ею горькихъ жалобъ на любовника и волшебницу, начались обряды. Вообще требуется, для учиненїя ихъ дѣйствительнѣйшими, чтобъ они имѣли нѣкоторое соотношенїе къ предмету, для коего оные предпринимаются.

Микала дѣлала сперва на внутренности жертвъ многїя возлїянїя воды, молока и меда: потомъ взяла она волосы Поликлетовы, переплела ихъ различнымъ образомъ, связала ихъ въ узлы, и смѣшавъ съ нѣкоторыми травами, бросила въ горящее уголье. Вотъ минута, въ которую Поликлетъ, влекомый непреоборимою силою, долженъ бы предстать и пасть къ ногамъ своей любовницы.

Но тщетно ожидавъ его Саламида, которая съ нѣкоего времени сама искусилась въ тайнахъ очарованїя, мгновенно вскричала: я, я сама хочу производить волхвованїя. Помогай мнѣ, Микала! возьми сей сосудъ, опредѣленный для возлїянїя, обвей его сею шерстїю. Нощное свѣтило! низпосли мнѣ, благоприятный свѣтъ свой! А ты, о божество ада! скитающееся около

гробницЪ, и вЪ мѣстахЪ орошенныхЪ кровїю смертныхЪ, явися; страшная Геката! да будутЪ очарованїя наши такЪ же сильны, какЪ очарованїя Медеи и Цирцеи! Микала! разсыпь сїю соль на огнь, и говори сїи слова: я разсыпаю кости Поликлетовы. Да содѣлается сердце сего вѣроломнаго добычею любви, такЪ какЪ лаврЪ сей сожигается пламенемЪ, какЪ воскЪ сей таетЪ отЪ горящаго угля; да обращается ПоликлетЪ около дома моего, какЪ сїе колесо прялки обращается около своей оси; повергни полными руками плевелы во огнь, ударь вЪ сїи мѣдные сосуды. Я слышу вой псовЪ; Геката уже приближается; ударь, говорю я тебѣ: пусть звукЪ возвѣститЪ ей, что мы чувствуемЪ силу ея присутствїя. Но вотЪ уже вѣтры останавливаютЪ свое дыханїе, все спокойно вЪ природѣ—увы! одно мое сердце волнуется! О Геката! о страшная богиня! Я вЪ честь твою дѣлаю сїи три возлїянїя; я хочу сдѣлать троекратное заклинанїе противу новой любви Поликлетовой. Да оставитЪ онЪ мою соперницу, какЪ Ѳисей оставилЪ несчастную Арїадну. ИспытаемЪ сильнѣйшее врачевство;

истолчемъ въ ступкѣ сїю ящерицу, смѣшаемъ ее съ мукою, составимъ изъ сего напитокъ для Поликлета, а ты, Микала, возьми сокъ сихъ травъ, и вылей теперь же на порогъ дверей его. Естьли онъ воспротивится столь многимъ соединеннымъ усилїямъ, то я употреблю ужѐ пагубнѣйшїя средства, и его смерть удовлетворитъ моей мести. Послѣ сихъ словъ Саламида вышла.

Дѣйствїя, описанныя мною, были сопровождаемы таинственными изрѣченїями, которыя по временамъ Микала произносила. Сїи изрѣченїя не заслуживаютъ того, чтобы объ нихъ здѣсь упоминать; онѣ составлены изъ однихъ только грубыхъ или обезображенныхъ словъ, безъ всякаго смысла.

Намъ оставалось посмотрѣть обряды, кои употребляются для вызыванїя тѣней. Микала велѣла намъ придти ночью въ уединенное и наполненное гробницами мѣсто, находящееся въ нѣкоторомъ разстоянїи отъ города. Мы нашли ее тамъ занимающуюся копанїемъ ямы, которую потомъ начала она обкладывать множествомъ травъ, костей, остатками человѣческихъ тѣлъ,

куклами сдѣланными изъ шерсти, воска и теста, волосами одного Ѳессалійца, котораго мы знавали, и котораго она хотѣла намъ показать. По возженіи огня излила въ яму изъ одной черной овцы кровь, которую она принесла съ собою и дѣлала многократно возліянія, призыванія и произносила таинственныя слова. Она ходила то скорыми, то медлѣнными шагами, имѣя босыя ноги, разтрепанные волосы, дѣлая страшныя заклинанія и испуская завыванія, которыя наконецъ обратились ей въ бѣду. Ибо накликала она стражей, посланныхъ правительствомъ, ужѐ давно за ней подсматривающимъ. Ее схватили и отвели въ темницу. На другой день мы покушались ее избавить, но намъ присовѣтовали предоставить ее строгости суда, а самимъ выѣхать изъ города.

Отправляемое Микалою ремесло почитается у Грековъ мерзостнымъ. Народъ проклиналъ волшебницъ, думая, что онѣ причиною всѣхъ несчастій. Онъ ихъ обвиняетъ въ томъ, что онѣ, открывая гробы, отторгаютъ члены отъ тѣлъ умершихъ. Правда, что бо́льшая часть изъ таковыхъ

женщинъ готовы на величайшія злодѣянія, и что онѣ болѣе употребляютъ ядъ, нежели чарованія. По сему-то правительство почти повсюду строгія противу ихъ принимаетъ мѣры. Во время моего пребыванія въ Аѳинахъ одна изъ нихъ была осуждена на смерть, и ея родственники сдѣлавшись ей участниками подверглись такому же наказанію. Но законы запрещаютъ только дѣлать изъ сего пустаго искусства злоупотребленія: они позволяютъ волхвованія, но чтобы онѣ не были сопровождаемы вредомъ, и цѣль коихъ обратить можно въ пользу общества. Ихъ употребляютъ иногда для отвращенія эпилепсіи, головныхъ припадковъ, и для уврачеванія многихъ другихъ болѣзней. Съ другой стороны гадатели, уполномоченные правительствомъ, должны вызывать и примирять тѣни умершихъ. Я скажу подробнѣе о сихъ вызываніяхъ, когда описывать буду путешествіе по Лаконіи.

Изъ Ипата мы отправились въ Ламію и продолжая путь дикою страною по неровной и выбоистой дорогѣ, прибыли наконецъ въ Ѳаумаки, гдѣ представился намъ

Великое количество хлѣба доставляется въ разныя пристани, а наипаче въ пристань Ѳивскую и Фтіофійскую, откуда отвозится оный въ другія земли. Сія торговля, доставляющая нарочитый доходъ, тѣмъ выгоднѣе для народа, что онъ легко можетъ поддерживать и даже умножить оную удивительнымъ множествомъ своихъ невольниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Пенестовъ. Большею частію происходятъ они отъ Перревовъ и отъ тѣхъ Магнетовъ, которыхъ Ѳессаліяне побѣдивъ, ввергли въ оковы; сіе произшествіе достаточно доказываетъ противуположность человѣческаго разума. Ѳессаліяне можетъ быть изъ всѣхъ Грековъ, есть такой народъ, который наиболѣе прочихъ тщеславится своею свободою, и они первые привели Грековъ въ рабство. Лакедемоняне толико же же ревнительные къ своей свободѣ, показали Греціи такой же примѣръ.

Пенесты неоднократно возмущались: ихъ такъ много, что они всегда внушаютъ страхъ, и по сему-то господа ихъ торгуютъ ими и продаютъ другимъ Греческимъ народамъ. Но постыднѣе всего то,

что между Өессалїянами есть такїе жадные, которые крадутъ чужихъ невольниковъ, похищаютъ даже свободныхъ гражданъ, и отводятъ ихъ отягченныхъ оковами на корабли, привлекаемые корыстолюбїемъ въ Өессалїю.

Я видѣлъ невольниковъ въ городѣ Арнѣ, коихъ состоянїе гораздо лучше и спокойнѣе. Они происходятъ отъ Вїотянъ, поселившихся нѣкогда въ странѣ сей, и потомъ изгнанныхъ изъ оной Өессалїянами. Большая часть изъ нихъ возвратилась въ свою отчизну: а прочїе, не могши оставить жилища, въ коемъ они обитали, остались друзьями съ своими побѣдителями. Они согласились быть рабами, съ тѣмъ токмо условїемъ, чтобъ господа ихъ не могли ихъ ни лишать жизни, ни переселять въ другїя страны. Они обязались обработывать землю изъ годовой платы. Нынѣ многїе изъ нихъ сдѣлались богатѣе господъ своихъ.

Өессалїяне съ великимъ усердїемъ принимаютъ чужестранцевъ и угощаютъ ихъ великолѣпно. Роскошь блеститъ въ ихъ одѣянїи и въ украшенїи домовъ: они без-

прекраснѣйшій во всей Греціи видъ. Городъ сей стоитъ надъ обширною долиною, при воззрѣніи на которую внезапно раждается живѣйшее ощущеніе. На сей богатой и прекрасной долинѣ находятся многіе города и между прочими Фарсалія, одинъ изъ величайшихъ и богатѣйшихъ городовъ Ѳессалійскихъ. Мы были во всѣхъ оныхъ городахъ, и освѣдомлялись, сколько намъ возможно было, о ихъ преданіяхъ, правленіи и нравахъ жителей.

Стоитъ только посмотрѣть на свойство страны, дабы увѣриться, что она вмѣщала нѣкогда столько народовъ и поколѣній, сколько представляетъ нынѣ горъ и долинъ. Обитатели ея, отдѣленные крѣпкими преградами, которыя всегда надлежало осаждать или защищать, содѣлались столько же мужественны, сколько предприимчивы; когда умягчилися нравы ихъ, то Ѳессалія была обиталищемъ ироевъ, и позорищемъ самыхъ знаменитыхъ подвиговъ. Въ ней-то появилися Кентавры и Лапифы; въ ней сѣли на корабль Аргонавты, умеръ Ираклъ, родился Ахиллъ, жилъ Пириѳой; въ ней самыхъ отдаленнѣйшихъ странъ

ратоборцы отличалися воинскими дѣянїями.

Ахеяне, Еоляне, Дорїяне, отъ которыхъ произошли Лакедемоняне, и другїе сильные народы Грецїи, восприяли начало свое въ Ѳессалїи. Народы отличающїеся въ ней нынѣ суть Ѳессалїяне, собственно такъ называемые, Этеане, Ѳтїотяне, Малїане, Магнеты, Перревы и проч. Нѣкогда народы сїи были управляемы царями, но въ послѣдствїи испытали перемѣны какъ малымъ, такъ и великимъ государствамъ свойственныя; а нынѣ бо́льшая часть изъ нихъ подвержены олигархическому правленїю.

Города каждаго округа, т. е. каждаго народа, посылаютъ иногда своихъ повѣренныхъ въ общее собранїе, гдѣ разбираются тяжбы ихъ: но опредѣленїя сихъ собранїй налагаютъ обязательство только на тѣхъ, которые ихъ подписали. Итакъ округи не только не зависимы одни отъ другихъ, но независимость сїя простирается и на города каждаго округа. Напримѣръ въ округѣ Этеевъ, раздѣленномъ на 14 уѣздовъ, жители одного уѣзда могутъ не идти на войну съ жителями другаго. Сїя излишняя вольность

ослабляетъ каждый округъ, препятствуя имъ соединять свои силы, и произвела толикое ослабленіе въ народныхъ засѣданіяхъ, что очень часто они увольняютъ сами себя отъ созыванія собраній.

Союзъ Ѳессаліянъ, собственно такъ называемыхъ, есть сильнѣйшій изъ всѣхъ, какъ по количеству обладаемыхъ городовъ, такъ и по присоединенію Магнетовъ, и Перревовъ, которыхъ онъ почти совершенно покорилъ.

Есть также города свободные, ни къ какому, по видимому, большому народу не относящіеся; но они по чрезмѣрной своей слабости, будучи не въ состояніи находиться въ извѣстной степени уваженія, заблагоразсудили соединиться съ двумя или тремя сосѣдственными городами, равно отдѣленными и равно слабыми.

Ѳессаліяне въ состояніи выставить 6000 конницы и 10,000 пѣхоты, не считая превосходныхъ стрѣлковъ, которыхъ могутъ умножать число по произволенію; потому, что сей народъ съ младенчества пріобученъ стрѣлять изъ лука. Нѣтъ въ свѣтѣ славнѣе конницы Ѳессалійской: она

не по одному какому либо предубѣжденію страшна, но общее всѣхъ признаніе утверждаетъ, что не возможно выдержать ея нападенія.

Говорятъ, что они первые умѣли укротить коня и вывести его на сраженіе; и что отъ сего-то произошло мнѣніе, существовавшее нѣкогда въ Ѳессаліи, о людяхъ называвшихся Кентаврами, у коихъ одна половина тѣла человѣческая, а другая конская. Баснь сія по крайней мѣрѣ доказываетъ, что они первые начали ѣздить верьхомъ, и любовь ихъ къ сему упражненію освящается обрядомъ, наблюдаемымъ ими при бракосочетаніи. Послѣ жертвоприношеній и другихъ употребительныхъ чиноположеній, новобрачный подводитъ женѣ своей коня, во всемъ воинскомъ уборѣ.

Ѳессалія производитъ вино, масло и различные плоды. Земля такъ плодоносна, что хлѣбъ слишкомъ бы скоро поспѣвалъ, естьлибы изъ предосторожности не подкашивали и не пускали овецъ объѣдать его.

Жатвы бываютъ обыкновенно тамъ весьма изобильны, но часто повреждаетъ ихъ червь.

мѣрно любятъ пышность и лакомыя яствы; въ разсужденiи стола своего они столь-же прихотливы, сколь и расточительны, и приглашаемыя къ оному для пляски жены не иначе могутъ имъ нравиться, какъ обнаживъ себя отъ всѣхъ покрововъ стыдливости.

Они вспыльчивы, безпокойны и толь неспособны къ управленiю, что я видѣлъ многiе города ихъ, кои были тогда терзаемы крамолами. Ихъ упрекаютъ, такъ какъ и всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, что они не сохраняютъ рабски даннаго сло́ва и удобно измѣняютъ своимъ союзникамъ: такъ какъ воспитанiе ихъ присоединяетъ къ природѣ ихъ одни только предразсудки и заблужденiя, то развращенiе и показывается въ нихъ очень рано; вскорѣ потомъ и примѣръ дѣлаетъ преступленiе удобнымъ, а ненаказанность необузданнымъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ они упражнялись въ стихотворствѣ. Они утверждаютъ, что произвели Ѳамириса, Орфея, Лина и многихъ другихъ пѣснопѣвцевъ, жившихъ въ вѣкъ тѣхъ ироевъ, съ коими раздѣляли они славу: но съ сего времени у

нихъ не было уже никакого писателя и никакого знаменитаго художника Прошло уже полтора вѣка, какъ Симонидъ увидѣлъ, что они нечувствительны къ прелестямъ его стиховъ. Въ сïи послѣднïя времена они были внимательнѣе къ наставленïямъ Ритора Горгïя; они превозносятъ еще и нынѣ пышное краснорѣчïе, коимъ онъ отличался, и которое не очистило ихъ отъ ложныхъ понятïй о правосудïи и добродѣтели.

Они такой имѣютъ вкусъ и уваженïе къ пляскѣ, что слова сего искусства придаютъ они званïямъ благороднѣйшимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старѣйшины или градоправители называются начальниками пляски. Музыка ихъ имѣетъ среднее мѣсто между музыкою Дорïйскою и Iонïйскою; и какъ она попеременно изображаетъ и надѣянïе на свое высокомѣрïе и нѣгу сладострастïя, то и она сообразуется со нравами сего народа.

На ловлѣ они обязаны щадить аистовъ. Я бы не сталъ упоминать о семъ обстоятельствѣ, естьлибы убивающïе сихъ птицъ, не подвергались одинаковой съ человѣкоубïйцами казни. Удивленные толь

страннымъ узаконенїемъ, мы спросили о причинѣ онаго, и намъ сказано было, что аисты очистили Өессалїю отъ ужасныхъ змїевъ, которыми она прежде была наполнена, и что безъ сего узаконенїя, жители вскорѣ были бы принуждены оставить страну сїю, такъ какъ за множествомъ кротовъ оставленъ былъ какой-то Өессалїйскїй городъ, коего имя я забылъ.

Въ наши уже дни въ городѣ Өерѣ возникла держава коль блистательная, толь и маловременная. Ликофронъ положилъ оной первыя основанїя. А преемникъ его Язонъ столько превознесъ, что содѣлалъ страшною Грецїи и другимъ отдаленнымъ народамъ. Я такъ много наслышался о семъ необыкновенномъ человѣкѣ, что за долгъ почитаю дать нѣкоторое понятїе о томъ, что онъ сдѣлалъ и что могъ сдѣлать. Цари Өересскїе.

Язонъ имѣлъ качества способнѣйшїя къ основанїю великаго государства. Онъ еще заблаговременно началъ содержать 6000 вспомогательнаго войска, которое безпрестанно обучалъ и которое привязалъ къ себѣ наградами, когда онѣ отличались, неусыпными попеченїями, когда изъ нихъ бывали

больные, и отличнымъ погребенїемъ, когда кто изъ нихъ умиралъ. Чтобъ вступить и остаться на долгое время въ семъ войскѣ, надлежало имѣть испытанную храбрость и такую же неустрашимость, каковую самъ Язонъ оказывалъ въ трудахъ и опасностяхъ. Тѣ, которые знали его, говорили мнѣ, что онъ по крѣпости тѣлесныхъ силъ своихъ могъ переносить самые великїя трудности, а по дѣятельности своей преодолѣвать величайшїя препятствїя. Когда надлежало дѣйствовать, то онъ не думалъ ни о снѣ, ни о другихъ жизненныхъ потребностяхъ; онъ былъ нечувствителенъ, или паче неприступенъ къ прелестямъ удовольствїя; столько остороженъ, что ничего не предпринималъ, не бывъ увѣренъ въ успѣхѣ; столько же искусенъ, какъ Ѳемистоклъ въ проницанїи намѣренїй непрїятеля, въ сокрытїи отъ него намѣренїй собственныхъ и въ замѣнѣ силы хитростїю или пронырствомъ; наконецъ всемъ жертвовалъ своему честолюбїю и ничего не предпринималъ на удачу.

Къ симъ чертамъ прибавить можно и то, что онъ народомъ своимъ управлялъ

кротко, умѣлъ чувствовать дружество до такой степени, что когда Тимоѳей, Аѳинскій полководецъ, соединенный съ нимъ узами гостепріимства, былъ обвиненъ предъ собраніемъ народа; то Язонъ, оставя великолѣпіе престола, отправился въ Аѳины, гдѣ какъ частная особа вмѣстѣ съ друзьями обвиненнаго поспѣшествовалъ прозьбами своими къ спасенію его жизни.

Покоривъ нѣкоторые народы и заключивъ съ прочими мирные договоры, онъ сообщилъ свои намѣренія главнымъ начальникамъ Ѳессалійскимъ. Онъ живо имъ представилъ, что могущество Лакедемонянъ уничтожилось сраженіемъ при Левктрахъ, что силы Ѳивянъ существовать долго не могутъ и сила Аѳинянъ состоитъ только въ морскомъ ополченіи и скоро будетъ ослаблена тѣми флотами, каковые можно построить въ Ѳессаліи. Онъ присоединилъ къ тому, что имъ посредствомъ завоеваній и союзовъ будетъ очень легко покорить Грецію и разрушить Персидскую имперію, которыя слабость обнаружилась недавно походами Агезилая и младшаго Кира. Слова сіи воспламенили сердца ихъ; онъ былъ избранъ вер-

ховнымъ начальникомъ Ѳессалійскаго союза, и вскорѣ послѣ того содѣлался предводителемъ 20,000 человѣкъ пѣхоты, болѣе трехъ тысячъ конницы и великаго числа легкихъ войскъ.

Ѳивяне при сихъ обстоятельствахъ просили у него помощи противу Лакедемонянъ. Онъ хотя былъ въ войнѣ съ Ѳокеянами, но беретъ лучшія свои войска, летитъ какъ молнія и, предупреждая повсюду слухъ о своемъ походѣ, соединяется съ Ѳивянами, коихъ войско было въ виду войскъ Лакедемонскихъ. Чтобы не подкрѣпить ни той ни другой стороны побѣдою, которая могла бы вредить его намѣреніямъ, онъ склоняетъ ихъ подписать перемиріе: а самъ тотчасъ нападаетъ на Ѳокиду и ее опустошаетъ; и послѣ другихъ равномѣрно быстрыхъ подвиговъ онъ со славою и уважаемый многими народами, искавшими его союза, возвращается въ Феру.

Наступало время торжествованія Пиѳійскихъ игръ. Язонъ вознамѣрился привесть туда свое войско. Нѣкоторые думали, что онъ хотѣлъ навести страхъ на собраніе и получить начальство въ сихъ играхъ; но какъ иногда употреблялъ онъ сред-

ства необыкновенныя для прокормленія своихъ войскъ; то Дельфійскіе жители подозрѣвая его въ намѣреніи похитить священное сокровище, вопрошали бога своего о способѣ, какъ отвратить таковое святотатство: богъ отвѣтствовалъ, что онъ попеченіе о семъ приемлетъ на себя. Спустя нѣсколько дней Язонъ, предводительствуя своимъ воинствомъ былъ, убитъ отъ семи составившихъ заговоръ юношей, которые, какъ говорятъ, имѣли причину жаловаться на его жестокость.

Между Греками одни возрадовались смерти его, потому что страшилися притѣсненія своей свободѣ; а другіе опечалились, потому что основывали надежду свою на его предприятіяхъ. Не извѣстно, самъ ли по себѣ предпринялъ онъ соединить Грековъ и нанесть войну Персіи, или получилъ онъ мысль сію отъ одного изъ тѣхъ софистовъ, которые съ нѣкоего времени за честь себѣ поставляли имѣть о томъ пренія или въ своихъ сочиненіяхъ, или въ общихъ собраніяхъ Греціи. Но наконецъ сіе предприятіе удобно было привесть въ исполненіе, что и оправдалось

самымъ событіемъ. Я видѣлъ, что послѣ того Филиппъ Македонскій давалъ законы Греціи, а по возвращеніи моемъ въ Скиѳію узналъ я, что сынъ его низпровергъ Персидское государство. Тотъ и другой слѣдовали одинакой системѣ съ Язономъ, который, можетъ быть, не менѣе перваго былъ хитръ, и не менѣе втораго дѣятеленъ.

Спустя уже нѣсколько лѣтъ по смерти его прибыли мы въ Феру, городъ довольно великій и окруженный садами. Мы надѣялись увидѣть тамъ нѣкоторые слѣды того великолѣпія, каковымъ блисталъ онъ во времена Язоновы; но тамъ царствовалъ Александръ и представлялъ Греціи зрѣлище, о которомъ еще не имѣлъ я понятія: ибо я никогда не видывалъ тиранна. Престолъ, на которомъ сидѣлъ онъ, дымился еще кровію его предшественниковъ. Я выше сказалъ, что Язонъ убитъ былъ злоумышленниками; два брата его Полидоръ и Полифронъ были его преемниками; но Полифронъ умертвилъ Полидора, и вскорѣ послѣ сего былъ умерщвленъ Александромъ, который царствовалъ почти одиннадцать лѣтъ, какъ мы прибыли въ Феру.

Сей жестокій государь имѣлъ страсти посрамленныя грубыми пороками. Будучи невѣренъ въ договорахъ, робокъ и малодушенъ въ сраженіяхъ, онъ алкалъ завоеваній для того только, чтобы насытить свое корыстолюбіе, и имѣлъ вкусъ къ забавамъ для того, чтобы предаться гнусному сладострастію. Толпа бѣглецовъ и бродягъ, злодѣяніями оскверненныхъ, но не столько беззаконныхъ, какъ онъ самъ, учинившись его воинами и тѣлохранителями, причиняли опустошенія и въ его областяхъ и въ земляхъ сосѣдственныхъ народовъ. Иногда видали, какъ онъ, предводительствуя ими, входилъ въ союзный городъ, собиралъ тамъ подъ различными предлогами гражданъ на народную площадь, умерщвлялъ ихъ и предавалъ домы на разграбленіе. Войска его сперва имѣли нѣкоторые успѣхи, но когда послѣ были побѣждены Ѳивянами, соединившимися съ различными Ѳессалійскими народами, то онъ неистовство свое устремлялъ только на собственныхъ своихъ подданныхъ; иныхъ живыхъ зарывалъ въ землю; другихъ одѣтыхъ въ медвѣжьи или дикихъ кабановъ кожи гонялъ и терзалъ злобными псами, къ сей ловлѣ приученными. Онъ ве-

селился ихъ мученіями, и вопли ихъ служили только къ большему ожесточенію души его. Нѣкогда однакожъ удивился и почувствовалъ было сожалѣніе; сіе было во время представленія Троянокъ Эврипидовыхъ; но тотчасъ вышелъ изъ ѳеатра, сказавъ, что для него было бы очень стыдно, естьли бы взирая спокойнымъ окомъ на лїющуюся кровь своихъ подданныхъ, онъ показался сострадательнымъ къ несчастію Гекубы и Андромахи.

Обитатели Феры пребывали въ страхѣ и въ томъ уныніи, которое происходитъ отъ излишества золъ, и которое еще усугубляетъ несчастіе. Они не смѣли обнаруживать своихъ воздыханій, и обѣты, каковые приносили они втайнѣ о своей свободѣ, оканчивались однимъ безсильнымъ отчаяніемъ. Александръ, колеблемый страхомъ, каковымъ онъ ужасалъ другихъ, имѣлъ участь тиранновъ, т. е. участь ненавидѣть и быть ненавидиму. Сквозь начертанную на лицѣ его жестокость видимы были въ очахъ его смущеніе, недовѣрчивость и страхъ, терзавшій его душу. Все ему было подозрительно. Тѣлохранители приводили его въ трепетъ. Онъ

остерегался и Ѳивы, супруги своей, которую любилъ съ толикою же безмѣрностїю, съ коликою ревнивостїю, естьли жестокую страсть, привлекавшую его къ супругѣ, можно назвать любовїю. Онъ проводилъ ночи въ верхнемъ отдѣленїи чертоговъ своихъ, куда всходъ былъ по лѣстницѣ, стрегомый псомъ, который не нападалъ только на царя, царицу и невольника, который его кормилъ. Уходилъ туда всякой вечеръ, бывъ провождаемъ тѣмъ же невольникомъ, который, имѣя въ рукѣ обнаженный мечъ, прилѣжно осматривалъ его покои.

Я намѣренъ разсказать странное произшествїе, не входя ни въ какое объ немъ разсужденїе. Эвдемъ Кипрянинъ на пути своемъ изъ Аѳинъ въ Македонїю, занемогъ въ Ферѣ. А какъ я часто видалъ его у Аристотеля, коему онъ былъ другъ; то въ продолженїе болѣзни его прилагалъ я объ немъ все зависящее отъ меня попеченїе. Въ одинъ вечеръ узнавъ отъ врачей, что они ужѐ отчаялись излѣчить его, я сѣлъ подлѣ его ложа; бывъ тронутъ моимъ соболѣзнованїемъ простеръ онъ ко мнѣ руку и сказалъ умирающимъ голосомъ: я долженъ ввѣрить

твоему дружеству тайну, которую опасно было бы открыть другому. Въ одну изъ сихъ послѣднихъ ночей явился мнѣ во снѣ молодый человѣкъ плѣнительной красоты; онъ сказалъ, что я освобожусь отъ болѣзни и чрезъ пять лѣтъ возвращусь въ мое отечество: въ доказательство своего предсказанія онъ присоединилъ, что тиранну осталося жить только нѣсколько дней. Сію Эвдемову довѣренность почелъ я бредомъ и оставилъ его съ бо́льшею горестію.

На другой день при разсвѣтѣ мы были пробуждены тысящекратно повторяемыми восклицаніями: онъ умеръ! тиранна болѣе нѣтъ! онъ погибъ отъ рукъ царицы! Мы тотчасъ побѣжали во дворецъ; увидѣли тамо тѣло Александрово, преданное поруганію черни, попиравшей оное ногами, и прославлявшей въ восторгѣ мужество царицы. Въ самомъ дѣлѣ она или по ненависти къ тиранству, или по мести за личныя обиды, была начальницею заговора. Одни говорили, что Александръ хотѣлъ разрушить свой бракъ съ царицею; другіе, что онъ приказалъ умертвить младаго, ею

любимаго Θессалїянина, а иные наконецъ говорили, что Пелопидъ за нѣсколько лѣтъ попавшійся въ руки Александру, во время своего пребыванія въ темницѣ, имѣлъ тайное свиданіе съ царицею и совѣтовалъ ей освободить свое отечество и показать себя достойною знаменитаго своего рода; ибо она была дочь царя Язона. Какъ бы то ни было, Θива, восприявъ намѣреніе, созвала трехъ братьевъ своихъ, Тисифона, Пиθолая и Ликофрона, и сказала имъ, что супругъ ея вознамѣрился погубить ихъ; и съ сей минуты они рѣшились погубить его.

За день предъ тѣмъ она скрыла ихъ во дворцѣ. Въ вечеру Александръ излишно напившись, входитъ въ покой свой, бросается на ложе и засыпаетъ. Θива тотчасъ приходитъ, удаляетъ раба и собаку, возвращается опять съ единомысленниками, беретъ мечъ, висящїй при возглавїи его ложа. Тутъ мужество ихъ нѣсколько по видимому ослабѣло; но какъ Θива стала грозить имъ, что царя разбудитъ, ежели они еще нѣсколько замедлятъ, то они вдругъ бросаются на него и пронзаютъ многими ударами.

Я тотчасъ увѣдомилъ о семъ Эвдема, который тому не удивился. Силы его возстановились; онъ умеръ пять лѣтъ спустя въ Сициліи; и Аристотель, посвятивши разговоръ свой о душѣ памяти своего друга, утверждалъ, что сновидѣніе оказалось по всѣмъ обстоятельствамъ истиннымъ; потому что оставить землю значитъ возвратиться въ свое отечество.

Заговорщики, позволивъ на нѣсколько времени отдохнуть жителямъ Феры, наконецъ радѣлили между собою верховную власть и учинили столько несправедливостей, что подданные ихъ принуждены были призвать себѣ на помощь Филиппа, царя Македонскаго, который не только выгналъ Ферсскихъ тиранновъ, но даже и тѣхъ, кои были въ другихъ городахъ. Сіе благотвореніе столько привязало Ѳессаліянъ къ нему, что они способствовали ему въ большей части его предпріятій и содѣйствовали къ совершенію оныхъ.

Обозрѣвъ окрестности Феры, а паче пристань ея, называемую Пагазъ, на 90 стадій отъ города сего отстоящую, мы осмотрѣли южныя части Магнесіи, потомъ пред-

приняли путь къ сѣверу, имѣя въ правой рукѣ цѣпь горы Пелїона. Сїя страна плѣняетъ прияпностїю своего климата, разнообразїемъ видовъ и множествомъ долинъ, которыя составляютъ, а наипаче въ ближайшей части сѣвера, вѣтви горъ Пелїона и Оссы.

На одномъ холмѣ горы Пелїона воздвигнутъ храмъ въ честь Юпитера; подлѣ него находится славная пещера, гдѣ, какъ утверждаютъ, Хиронъ древле имѣлъ свое пребыванїе. Она еще и нынѣ носитъ имя сего Кентавра. Мы вошли туда за торжественнымъ ходомъ юношей, которые всякой годъ отъ имени сосѣдственнаго города приносятъ тамъ жертву владыкѣ боговъ. Хотя было тогда лѣто и жаръ безмѣрный при подошвѣ горы, но мы должны были по примѣру другихъ воздѣть на себя густошерстныя кожи. Въ самомъ дѣлѣ, на вершинѣ сей горы бываетъ жестокая стужа, коея суровость нѣкоторымъ образомъ ослабляется пышнымъ видомъ, каковый представляютъ съ одной стороны поверхность моря, а съ другой равнины Ѳессалїйскїя.

Гора покрыта елями, кипарисами, кедрами и другими различными деревами, и былїемъ весьма употребительнымъ во врачебной наукѣ. Намъ показали корень, издающїй запахъ тмина, который, какъ говорятъ, смертоносенъ для змѣй, но принятый въ винѣ излечаетъ отъ ихъ угрызенїй. Находится также деревцо, коего корень излѣчаетъ отъ подагры, кора отъ колики, листья отъ глазной болѣзни; но искуство приуготовлять сїе лѣкарство находится въ рукахъ одного только семейства, утверждающаго, что оное переходило потомственно отъ отца къ сыну, начиная отъ Кентавра Хирона, которому изобрѣтенїе сїе приписывается. Семейство сїе не получаетъ никакой изъ того прибыли, и почитаетъ себя обязаннымъ безъ возмездїя лѣчить больныхъ, требующихъ помощи.

Когда мы спустились съ горы за торжественнымъ ходомъ, насъ пригласили къ обѣду, которымъ оканчивается весь обрядъ: мы видѣли потомъ родъ пляски, свойственной токмо нѣкоторымъ Ѳессалїйскимъ народамъ, и очень способной возбудить мужество и бодрость въ сельскихъ жите-

ляхъ. Одинъ Магнесіянинъ предстаетъ съ оружіемъ своимъ, кладетъ оное на землю и подражаетъ тѣлодвиженіямъ и походкѣ такого человѣка, который во время войны сѣетъ и обработываетъ свое поле. Страхъ изображенъ на челѣ его, онъ обращаетъ голову свою на всѣ стороны и усматриваетъ неприятеля идущаго плѣнить его; тотчасъ беретъ свое оружіе, нападаетъ на врага, побѣждаетъ его, привязываетъ къ своимъ воламъ и гонитъ предъ собою. Всѣ сіи тѣлодвиженія совершаются согласно со звукомъ свирѣли.

Продолжая путь свой, мы прибыли въ Сикурій. Городъ сей, лежащій на холмѣ, при подошвѣ горы Оссы, окруженъ богатыми полями. Чистота воздуха и изобиліе водъ дѣлаютъ его приятнѣйшимъ мѣстопребываніемъ изъ всей Греціи. Оттуда до Ларисcы страна плодоносна и довольно населена. Видъ ея становится приятнѣе по мѣрѣ приближенія къ сему городу, по справедливости почитающемуся первымъ и богатѣйшимъ въ Ѳессаліи; наружности его украшаются рѣкою Пенеемъ, которая орошаетъ его прозрачными водами.

Мы остановились у Аминтора и нашли у него все возможное гостепрiимство, каковаго должно было ожидать отъ старинной дружбы, соединявшей его съ отцемъ Филотовымъ.

Темпейская долина.

Мы нетерпѣливо хотѣли отправиться въ Темпею. Хотя тамъ и многiя долины называются симъ именемъ, но оно приписывается единственно тому мѣсту, которое составляютъ сближаясь между собою горы Олимпъ и Осса, и гдѣ проложена большая дорога изъ Ѳессалiи въ Македонiю. Аминторъ восхотѣлъ насъ проводить. Мы взяли судно и на зарѣ отправилися по Пенею, 15 числа мѣсяца Метагейтнiона. Вскорѣ представились намъ многiе города, какъ-то Фаланна, Гиртонъ, Елатiя, Момпсiй, Гомолисъ; одни построены на берегахъ рѣки, а другiе на сосѣдственныхъ пригоркахъ. Прошедъ устье рѣки Титаресiя, въ которомъ воды не столько чисты, какъ въ Пенеѣ, мы прибыли въ Гоннъ, отстоящiй отъ Лариссы около 160 стадiй: тамъ оставили мы наше судно. Здѣсь-то начинается долина, и рѣка протекаетъ между горою Оссою, находящеюся по правую сто-

рону, и горою Олимпомъ по лѣвую, коея высота простирается немного болѣе 10 стадій.

Землетрясеніе, какъ утверждаетъ нѣкое древнее преданіе, раздѣлило сіи горы и открыло путь водамъ, долины потопляющимъ. Однако неоспоримо то, что когда бы заключили сей протокъ, то бы Пеней не могъ имѣть выхода; ибо рѣка сія, принимающая на пути своемъ многія малыя рѣки, течетъ по землѣ возвышающейся постепенно отъ береговъ своихъ до холмовъ и горъ, окружающихъ сію страну. По сему говорятъ, что естьли бы Ѳессаліяне не покорились Ксерксу, то бы сей государь непремѣнно вздумалъ овладѣть Гонномъ и поставить неодолимую для рѣки преграду. Сей городъ очень важенъ по своему положенію: оный есть ключъ Ѳессаліи со стороны Македоніи, такъ какъ Ѳермопилы служатъ ключемъ со стороны Фокиды.

Сія долина простирается отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; длина ея имѣетъ 40 стадій, самая большая ея ширина около 2½ стадій; но ширина сія уменшается иногда до того, что по видимому имѣетъ только 100 футовъ.

Горы покрыты тополами, яворами, ясенями удивительной красоты. Изъ-подъ нихъ бьютъ ключи чистой воды подобной кристалу, и между ихъ вершинами проходитъ свѣжїй воздухъ, производящїй нѣкое тайное услажденїе. Рѣка вездѣ представляетъ тихїй протокъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ объемлетъ малые острова, на коихъ питаетъ онъ вѣчную зелень. Пещеры въ нѣдрахъ горъ, а по обоимъ берегамъ дерновыя площадки составляютъ убѣжище покойное и приятное. Насъ болѣе плѣнилъ нѣкоторый порядокъ, находящїйся въ украшенїяхъ сихъ пустынь. Индѣ искуство старается подражать природѣ; а здѣсь, можно сказать, что природа хочетъ подражать искуству. Лавры и различныя деревца составляютъ сами собою бесѣдки и кустарники и производятъ прекрасную противуположность съ отдѣленными рощами при подошвѣ Олимпа. Скалы, устланныя какъ бы нѣкоторымъ плющемъ, и дерева украшенныя растенїями, извивающимися около пней ихъ, переплетающимися съ вѣтвями ихъ и низпадающими въ видѣ цѣпей и связокъ, словомъ все представляетъ въ сихъ пре-

красныхъ мѣстахъ восхитительное убранство. Повсюду взоръ услаждается свѣжестію, а душа получаетъ новыя жизненныя силы.

Греки имѣютъ чувствованія столь нѣжныя, обитаютъ въ столь жаркой поднебесности, что не должно удивляться движеніямъ, ощущаемымъ ими при воззрѣніи и даже при воспоминаніи о сей прелестной долинѣ: къ начертанному мною изображенію присоединить еще должно то, что весною вся долина сія бываетъ изпещрена цвѣтами, и что безчисленное множество птицъ поютъ тамъ пѣсни, которыя сіе время года и безмолвіе дѣлаютъ пріятнѣйшими и нѣжнѣйшими.

Между тѣмъ мы медлѣнно слѣдовали за теченіемъ Пенея; и мои взоры, хотя развлекаемые множествомъ восхитительныхъ предметовъ, всегда обращались на сію рѣку. То взиралъ я на волны, мелькающія сквозь листья деревъ, осѣняющихъ берега ея; то приближась къ берегу, разсматривалъ тихое теченіе водъ, которыя, казалось, взаимно поддерживаясь, безъ шума и усилія совершали свое шествіе. Вотъ,

сказалъ я Аминтору, вотъ изображенїе чистой и спокойной души; ея добродѣтели раждаются однѣ отъ другихъ; всѣ онѣ дѣйствуютъ согласно и безъ волненїя. Одна только несовмѣстная съ ними тѣнь порока своимъ противоположенїемъ приводитъ ихъ въ возмущенїе. Я хочу, отвѣтствовалъ мнѣ Аминторъ, показать тебѣ изображенїе честолюбїя и пагубныя дѣйствїя, имъ производимыя.

Тогда привелъ онъ меня къ одному изъ ущелїй горы Оссы, гдѣ, какъ утверждаютъ, было сраженїе Титановъ съ богами. Тамъ стремительный источникъ низвергается во глубину каменныхъ горъ, потрясаемыхъ сильнымъ его паденїемъ. Мы пришли на одно мѣсто, гдѣ волны его, сильно сжимаяся, стараются проложить себѣ путь. Онѣ спираются, воздымаются и съ ревомъ низвергаются въ бездну, откол̂ѣ исторгаются съ новымъ стремленїемъ, дабы разсыпаться въ воздухѣ, ударяясь одна о другую.

Душа моя занята была симъ зрѣлищемъ, и когда я возводилъ взоры на окрестныя мѣста, тогда увидѣлъ я себя между двухъ горъ

черныхъ, безплодныхъ и изрытыхъ глубокими безднами по всей высотѣ ихъ. Подлѣ вершинъ ихъ медлѣнно блуждали облака между пасмурныхъ деревъ, о которыя цѣпляясь, висѣли на безплодныхъ ихъ вѣтьвяхъ. Внизу видѣлъ я природу въ раззоренiи, обрушившiяся горы покрыты были своими развалинами и представляли только ужасныя и безобразно наваленныя скалы. Какая сила разрушила связи сихъ ужасныхъ громадъ? Не ярость ли аквилоновъ? Низпроверженiе ли земнаго шара? Или въ самомъ дѣлѣ страшное мщенiе боговъ противу Титановъ? Я сего не знаю; но наконецъ въ сiю ужасную долину должны бы приходить завоеватели, чтобы увидѣть изображенiе опустошенiй, коими они поражаютъ землю.

Мы спѣшили выдти изъ сихъ мѣстъ, и тотчасъ наше вниманiе привлечено было сладкими звуками лиры и еще нѣжнѣйшими оной голосами. Это была *Ѳеорiя* или посольство, отправляемое чрезъ девять лѣтъ отъ Дельфовъ въ Темпею. Они говорятъ, что Аполлонъ пришелъ въ ихъ городъ въ вѣнкѣ и съ лавровою вѣтьвiю, сорванными въ сей до-

линѣ и въ память сего отправляютъ туда вышесказанное посольство. Оно состоитъ изъ отборныхъ Дельфійскихъ юношей, кои отправляютъ богатое жертвоприношеніе на жертвенникѣ, воздвигнутомъ близь береговъ Пенея, и послѣ отсѣкши вѣтьви отъ того же лавра, коимъ богъ увѣнчался, удаляются, воспѣвая пѣсни.

Выходя изъ долины, мы увидѣли прекраснѣйшее зрѣлище, равнину покрытую домами и деревьями, гдѣ рѣка, будучи пространнѣе въ своемъ вмѣстилищѣ, при тихомъ теченіи своемъ умножается по видимому безчисленными излучинами. Въ нѣсколькихъ стадіяхъ виденъ Ѳермаикскій заливъ, за нимъ представляется полуостровъ Паллена; а вдали гора Аѳонъ заключаетъ пышное сіе зрѣлище.

Мы полагали возвратиться вечеромъ въ Гоннъ, но сильная буря принудила насъ провести ночь въ одномъ домѣ, стоящемъ на берегу моря: онъ принадлежалъ нѣкоему Ѳессаліянину, который насъ усердно принялъ. Онъ нѣкоторое время былъ при дворѣ царя Котиса, и за ужиномъ разсказалъ намъ любопытныя происшествія, относительныя до сего государя.

Котисъ, сказалъ онъ намъ, есть богатѣйшій, сластолюбивѣйшій и невоздержнѣйшій изъ царей Ѳракійскихъ. Сверьхъ другихъ доходовъ, онъ получаетъ ежегодно болѣе 200 талантовъ отъ принадлежащихъ ему пристаней въ Херсонисѣ; но его сокровища едва достаточны на его прихоти.

Лѣтомъ скитается онъ съ придворными своими по лѣсамъ, въ которыхъ сдѣланы прекрасныя дороги; какъ скоро найдетъ на берегахъ какого нибудь источника плѣнительный видъ и прохладныя тѣни, тамъ останавливается и предается всѣмъ излишествамъ стола. Онъ нынѣ увлеченъ такимъ безуміемъ, которое могло бы возбудить одно только сожалѣніе, естьлибы безуміе, соединенное со властію, не дѣлало страстей жестокими. Знаете ли, кто предметомъ его любви? Минерва. Онъ сперва велѣлъ одной изъ своихъ любовницъ украсить себя принадлежностями сея богини; но какъ таковая мечта еще болѣе его воспламенила, то онъ вознамѣрился женишься на богинѣ. Бракъ былъ праздкованъ съ величайшею пышностію. Я былъ пригла-

шенъ на оный. Царь ожидалъ съ нетерпѣливостію своей супруги; между тѣмъ напился пьянъ: при концѣ обѣда одинъ изъ тѣлохранителей пошелъ по его велѣнію въ палатку, гдѣ было приуготовлено брачное ложе. По возвращеніи возвѣстилъ, что Минерва еще не пришла. Котисъ умертвилъ его стрѣлою. Другой тѣлохранитель подверженъ былъ такой же участи. Третій, наученный сими примѣрами, объявилъ, что онъ видѣлъ богиню, что она ужѐ на постелѣ и давно ожидаетъ царя. При сихъ словахъ царь возъимѣвъ подозрѣніе, что онъ уже возпользовался благосклонностію его супруги, въ неистовствѣ бросается на него и собственными руками растерзываетъ его.

Таково было повѣствованіе Ѳессаліянина. Спустя нѣсколько времени, два брата Гераклитъ и Пиѳонъ составили заговоръ противу Котиса, и лишили его жизни. Аѳиняне, имѣя причины и хвалиться имъ и жаловаться на него, въ началѣ царствованія поднесли ему золотый вѣнецъ и званіе Аѳинскаго гражданина; а по смерти его они воздали тѣ же самыя почести его убійцамъ.

Буря въ продолженіе ночи утихла. Проснувшись увидѣли мы, что море было тихо и небо ясно; мы возвратились на долину и примѣтили приуготовленія къ празднеству, каждый годъ отправляемому Θессаліянами въ память землетрясенія, которое отверзло путь водамъ Пенея, и открыло прекрасныя долины Лариссы.

Жители Гонна, Омолиса и другихъ сосѣднихъ городовъ приходили одни за другими въ долину. Θиміамъ курился повсюду; рѣка была покрыта судами безпрерывно въ низъ и въ верьхъ оныя идущими. Поставлялись столы въ рощицахъ на дернѣ, на берегахъ рѣки, на малыхъ островахъ, подлѣ источниковъ, исходящихъ изъ горъ. Особенность, отличающая сіе празднество, состоитъ въ томъ, что на ономъ не видно было никакой разности между невольниками и ихъ господами, или, лучше сказать, господа прислуживали своимъ невольникамъ. Они новое господство свое такъ отправляютъ свободно, что иногда оно обращается въ своевольство, но служитъ токмо къ составленію живѣйшей радости. Къ удовольствіямъ стола присоединяются удо-

вольствія пляски, музыки и многихъ другихъ упражненій, которыя продолжаются до глубокой ночи.

На другой день мы возвратились въ Лариссу, и спустя нѣсколько времени, имѣли случай видѣть сраженіе воловъ. Я видѣлъ подобныя сему сраженія въ разныхъ городахъ Греціи; но жители Лариссы показываютъ въ томъ болѣе проворства, нежели другіе народы. Сіе происходило въ окрестностяхъ сего города: пускали многихъ воловъ и столько же всадниковъ, которые за ними гонялись и кололи ихъ дротиками. Каждый всадникъ выбиралъ себѣ вола, скакалъ около его, настигалъ, и удалялся отъ него, а по истощеніи силъ животнаго хваталъ его за рога и повергалъ на землю, не сходя съ коня. Иногда кидался онъ на животное, точащее отъ ярости пѣну, и не смотря на сильныя чувствуемыя имъ потрясенія, повергалъ оное на землю предъ очами безчисленнаго множества зрителей, прославлявшихъ его побѣду.

Правленіе сего города находится въ рукахъ немногаго числа начальниковъ, избира-

емыхъ народомъ, которые почитаютъ себя обязанными ласкать ему и жертвовать благомъ своимъ его своенравїю.

Испытатели природы утверждаютъ, что съ тѣхъ поръ, какъ дали проходъ стоячимъ водамъ, покрывавшимъ во многихъ мѣстахъ окрестности сего города, воздухъ сталъ чище и гораздо холоднѣе. Въ доказательство своего мнѣнїя они приводятъ два произшествїя. Оливковыя деревья чрезвычайно въ великомъ количествѣ росли въ сей округѣ, но нынѣ они не могутъ противиться суровости зимы. Виноградъ также весьма часто вызябаетъ, чего прежде никогда не случалось.

Хотя уже была осень; но какъ сїе время года обыкновенно бываетъ въ Ѳессалїи прекрасно и довольно продолжительно, то мы объѣхали ближайшїе города: при наступленїи же минуты нашего отъѣзда мы рѣшились отправиться чрезъ Эпиръ и восприяли путь въ Гомфи, городъ лежащїй при подошвѣ горы Пинда.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Путешествіе по Эпиру, Акарнаніи и Этоліи. Прорицалище Додонское. Стремнина Левкадская.

Гора Пиндъ отдѣляетъ Ѳессалію отъ Эпира. Мы по ней переправились нѣсколько повыше Гомфи, вступили въ страну Аѳамановъ, и моглибы пріѣхать къ прорицалищу Додонскому, не въ дальнемъ разстояніи находящемуся; но сверьхъ того, что надлежало переѣхать горы, покрытыя ужѐ снѣгомъ, и что тамъ зима бываетъ самая жестокая, мы видѣли толикое множество оракуловъ въ Віотіи, что они поселяли въ насъ болѣе отвращенія, нежели любопытства; и такъ мы приняли намѣреніе отправиться прямо въ Амвракію весьма короткою, но чрезвычайно трудною дорогою.

Сей городъ, заселенный Коринѳянами, лежитъ подлѣ залива, называющагося Амвракійскимъ. На западной его сторонѣ течетъ рѣка Ареѳонъ, а на восточной находится холмъ, на коемъ построенъ зáмокъ. Стѣны его имѣютъ въ окружности около

24 стадій; во внутренности плѣнили насъ храмы и другіе прекрасные памятники, а внѣ плодоносныя далеко простирающіяся долины. Мы пробыли тамъ нѣсколько дней и получили общія понятія объ Эпирѣ.

Гора Пиндъ къ востоку, а къ югу заливъ Амвракійскій отдѣляютъ нѣкоторымъ образомъ Эпиръ отъ прочихъ частей Греціи. Многія цѣпи горъ находятся внутри сей области; а къ берегамъ моря пріятныя мѣстоположенія и богатыя поля. Между рѣками, орошающими Эпиръ, отличается Ахеронъ, впадающій въ озеро сего же имени и Коцитъ, имѣющій непріятнаго вкуса воду. Неподалеку есть мѣсто, называемое Аорнъ или Авернъ, откуда исходятъ заражающія воздухъ испаренія. Изъ сего описанія легко узнать можно тѣ окрестности, гдѣ въ древнѣйшія времена полагали адъ. Когда Эпиръ былъ послѣднею страною изъ извѣстныхъ тогда на западѣ, то его и почитали областію тьмы. Но по мѣрѣ распространенія предѣловъ міра, адъ перемѣнилъ положеніе свое и помѣщаемъ былъ то въ Италіи, то въ Иверіи, въ такихъ всегда мѣстахъ, гдѣ дневное свѣтило по видимому погасаетъ.

Эпиръ имѣетъ многія довольно хорошія пристани. Изъ сей области между прочимъ получаются легкія на бѣгу лошади, и собаки, которыя стерегутъ стада, и имѣютъ сходство съ Эпиротами въ томъ, что самая бездѣлка можетъ привести ихъ въ ярость. Тамъ находятся нѣкоторыя четвероногія и чрезвычайной величины коровы, дающія весьма много молока. Надобно доить ихъ или стоя, или немного наклоняся.

Мнѣ сказывали объ одномъ источникѣ, находящемся въ землѣ Хаоніянъ, что для добыванія изъ него соли, коею во́ды его растворены, надлежитъ ихъ варить и испарять. Остающаяся послѣ сего соль бываетъ бѣла, какъ снѣгъ.

Сверьхъ нѣкоторыхъ Греческихъ поселеній, учрежденныхъ въ разныхъ округахъ Эпира, примѣчанія достойны въ сей странѣ четырнадцать древнихъ племенъ по большой части варварскихъ, разселенныхъ въ простыхъ посадахъ. Нѣкоторые изъ нихъ въ различныя эпохи имѣли различный образъ правленія. Другіе, какъ то Молоссы, около девяти вѣковъ повинуются го-

сударямъ изъ одного древнѣйшаго и славнѣйшаго въ Греціи поколѣнія. Оно произошло отъ Пирра, сына Ахиллова, и его потомки, по порядку отъ отца къ сыну, обладали престоломъ, который никогда потрясенъ не былъ. Философы продолжительность сего царства приписываютъ малому пространству областей, оное нѣкогда составлявшихъ. Они утверждаютъ, что государи чѣмъ меньше имѣютъ могущества, тѣмъ меньше бываютъ честолюбивы и наклонны къ самовластію. Незыблемость сего государства подкрѣпляется неизмѣняемымъ обыкновеніемъ. Когда государь восходитъ на престолъ, то народъ собирается въ одинъ изъ главныхъ городовъ. Послѣ обрядовъ, предписываемыхъ вѣрою, государь и подданные обязуются клятвою, произносимою предъ жертвенниками, первый въ томъ, чтобы царствовать по законамъ, а послѣдніе въ томъ, чтобъ защищать царское достоинство, сообразно съ тѣми же законами.

Сей обычай начался въ послѣднемъ вѣкѣ. Тогда послѣдовала славная въ правленіи и во нравахъ Молоссовъ перемѣна.

Одинъ изъ ихъ царей оставилъ по смерти своей одного только сына. Народъ, будучи увѣренъ, что для него было всего важнѣе воспитанїе сего юнаго государя, поручилъ оное особамъ мудрымъ, которые приняли намѣренїе воспитать его въ удаленїи отъ всякихъ забавъ и ласкательства. Они отправились съ нимъ въ Аѳины. Въ сей-то республикѣ познаъ онъ взаимныя обязанности государей и подданныхъ. По возвращенїи въ свое государство явилъ собою великїй примѣръ; онъ сказалъ предъ народомъ: „власть моя безмѣрна, я хочу ее „ограничить.„ Онъ учредилъ сенатъ, законы и градоправителей. Его старанїемъ и примѣрами вскорѣ процвѣли науки и художества. Молоссы, обожавшїе его, умягчили свои нравы и получили предъ грубыми народами Эпира преимущество, доставляемое просвѣщенїемъ.

Прорицалище Додонское.

Въ одной изъ сѣверныхъ частей Эпира есть городъ Додона. Въ немъ-то находится храмъ Юпитера и древнѣйшее въ Грецїи прорицалище. Сїе прорицалище существовало съ тѣхъ временъ, когда еще обитатели той страны имѣли только тем-

ное понятїе о божествѣ, а между тѣмъ простирали уже взоры свои на будущее: вотъ колико истинно то, что желанїе знать будущее есть самая древняя и купно бѣдственнѣйшая болѣзнь ума человѣческаго! Скажу притомъ, что есть еще и другая болѣзнь у Грековъ не меньше древняя, то есть, чтобы относить къ сверьхъестественнымъ причинамъ не только дѣйствїя природы, но даже обычаи и учрежденїя, коихъ начало неизвѣстно. Естьли последовать за связїю ихъ преданїй; то увидимъ, что всѣ ихъ преданїя чудесны. Безъ сумнѣнїя потребно было какое нибудь чудо, чтобы установить прорицалище Додонское, и вотъ какъ жрицы храма о семъ разсказываютъ.

Нѣкогда двѣ черныя голубицы изъ города Ѳивъ летѣли во Египетъ и остановились одна въ Ливїи, а другая въ Додонѣ, гдѣ послѣдняя сѣвъ на дубѣ, весьма яснымъ голосомъ произнесла сїи слова: „Учредите здѣсь прорицалище въ честь „Юпитера;„ другая то же сдѣлать повелѣла жителямъ Ливїи. Обѣ онѣ почтены были истолковательницами воли боговъ. Какъ

ни нелѣпо повѣствованїе сїе, но оно по видимому имѣетъ свое начало. Египетскїе жрецы утверждаютъ, что двѣ жрицы перенесли нѣкогда священные ихъ обряды въ Додону и въ Ливїю. На языкѣ древнихъ народовъ Эпира одно и то же слово означаетъ и голубицу и старую женщину.

Додона стоитъ при подошвѣ горы Томара, изъ коей вытекаетъ множество неизсякаемыхъ источниковъ. Сей городъ заимствуетъ свою славу и свое богатство отъ чужестранцевъ, приходящихъ вопрошать прорицалище. Храмъ Юпитеровъ и окружающїе его портики украшены безчисленными истуканами и приношенїями почти всѣхъ народовъ земли. Подлѣ его возвышается священная роща. Одинъ въ ней дубъ называется божественнымъ или пророческимъ. Благочестїе народовъ освятило его съ давнихъ вѣковъ.

Недалеко отъ храма находится источникъ, который въ каждый полдень изсякаетъ; а въ полночь подъемлется весьма высоко, и который между симъ временемъ ежедневно то прибываетъ, то убываетъ нечувствительно. Говорятъ, что въ немъ

примѣчается еще чудеснѣйшее явленіе. Хотя вода въ немъ холодна и погашаетъ возженные свѣтильники, въ нее погружаемые, но она же опять возжигаетъ погасшіе свѣтильники, какъ скоро поднесешь ихъ на нѣкоторое разстояніе. Роща Додонская окружена болотами; но земля вообще плодородна и тамъ на прекрасныхъ лугахъ пасутся многочисленныя стада.

Три жрицы имѣютъ долгъ возвѣщать рѣшенія прорицалища: но Віотяне должны получать оныя отъ нѣкоторыхъ принадлежащихъ ко храму священнослужителей. Сей народъ требовалъ нѣкогда совѣта у прорицалища о нѣкоемъ замышляемомъ имъ намѣреніи; жрица отвѣтствовала: „сотворите нечестіе и тогда будетъ успѣхъ.„ Віотяне подозрѣвая, что она благоприятствовала ихъ неприятелямъ, тотчасъ бросили ее въ огонь, сказавъ: „ежели жрица насъ обманываетъ, то она „достойна казни; ежели же говоритъ истинну, то мы, учиня сіе нечестіе, повинуемся прорицалищу.„ Другія двѣ жрицы старались оправдать свою несчастную подругу. Онѣ говорили, что прорицалище про-

сто повелѣло Віотянамъ похитить изъ ихъ храма священные треножники и перенесть во храмъ Юпитера Додонскаго. Тогда же опредѣлено было, чтобы онѣ впредь не отвѣчали на вопросы Віотянъ.

Боги открываютъ многоразличнымъ образомъ свои опредѣленія жрицамъ сего храма. Онѣ ходятъ иногда въ священную рощу, и, сѣдши подлѣ пророчественнаго древа, внимаютъ или шуму его листьевъ, колеблемыхъ зефиромъ, или стенанію вѣтвій, бурею потрясаемыхъ. Иногда останавливаясь на берегу источника, кипящаго у корня сего дерева, слушаютъ шумъ, происходящій отъ журчанія быстротекущихъ водъ. Онѣ рачительно замѣчаютъ постепенныя измѣненія и отличія звуковъ, поражающихъ слухъ ихъ, и почитая оныя предвѣщаніемъ будущихъ произшествій, толкуютъ по правиламъ, которыя онѣ сами себѣ предписали, а чаще сообразно выгодамъ вопрошающихъ.

Онѣ наблюдаютъ таковый порядокъ въ объяснѣніи шума, происходящаго отъ ударенія многихъ мѣдныхъ сосудовъ, повѣшанныхъ около храма, кои такъ сближены, что стоитъ только для приведенія въ движе-

нїе всѣхъ, ударитъ по одному. Жрица, внимая сообщающемуся, измѣняющемуся и ослабѣвающему постепенно звуку, умѣетъ изъ сихъ смѣшанныхъ звуковъ вывесть множество предсказанїй.

Сего еще мало. Близъ храма стоятъ два столпа; на одномъ изъ нихъ находится мѣдный сосудъ, а на другомъ изображенїе младенца, держащаго бичъ о трехъ мѣдныхъ же цѣпочкахъ, гибкихъ и по концамъ съ узелками. Какъ городъ Додона стоитъ на сильномъ вѣтру, то цѣпочки почти безпрестанно ударяютъ въ сосудъ и производятъ продолжительный звукъ. Жрицы могутъ исчислять продолжительность его и тѣмъ споспѣшествовать своимъ намѣренїямъ.

Также вопрошаютъ прорицалище посредствомъ жребїевъ; т. е. свиточковъ или косточекъ, на удачу вынимаемыхъ изъ сосуда. Какъ нѣкогда Лакедемоняне избрали сей способъ для познанїя успѣха въ предприемлемомъ ими походѣ, вдругъ обезьяна царя Молосскаго вскочила на столъ, опрокинула сосудъ, разсыпала жеребьи, и устрашенная жрица вскричала: „что Лакедемоня-

не нетокмо не должны надѣяться одержать побѣду, но должны помышлять о своемъ спасенiи. Послы возвратясь въ Спарту, обнародовали сiе; и никакое происшествiе не производило толь великаго страха въ семъ воинственномъ народѣ.

Аѳиняне сохраняютъ многiе отвѣты Додонскаго прорицалища. Чтобъ дать объ нихъ понятiе, я помѣщу здѣсь одинъ.

Вотъ что жрецъ Юпитеровъ предписываетъ Аѳинянамъ: „вы пропустили время „жертвоприношенiя и посольства; отправляйте скорѣе пословъ. Кромѣ даровъ, „ужè опредѣленныхъ народомъ, да принесутъ они Юпитеру девять воловъ, способныхъ къ землепашеству, присоединивъ „къ каждому двухъ овецъ. Да представятъ они Дiонеи мѣдный столъ, вола и другiя жертвы.

Дiонея была дочь Урана; она раздѣляетъ съ Юпитеромъ ѳимiамъ, возжигаемый въ храмѣ Додонскомъ, и сiе общенiе боговъ служитъ къ умноженiю жертвъ и приношенiй.

Вотъ повѣствованiя, каковыя намъ сказывали въ Амвракiи. Между тѣмъ зима

наступала и мы намѣревались оставить сей городъ. Мы нашли одно купеческое судно, отправлявшееся въ Навпактъ, лежащїй въ Крисскомъ заливѣ. Мы сѣли на оное, такъ какъ странствователи, и какъ скоро установилась хорошая погода, выѣхали изъ пристани и залива Амвракїйскаго. Вскорѣ увидѣли мы Левкадскїй полуостровъ, отдѣляющїйся отъ матерой земли весьма узкимъ перешейкомъ. Мы примѣтили, что корабельщики, не желая объѣзжать сей полуостровъ, на рукахъ переносили суда̀ свои чрезъ сей перешеекъ. А какъ наше судно было тяжелѣе, то мы и приняли намѣренїе ѣхать подлѣ западныхъ береговъ Левкады и присшали къ ея краю, который состоялъ изъ весьма высокой и островерхой горы; на ея вершинѣ стоитъ храмъ Аполлоновъ, который мореходцы издалека усматриваютъ и ему поклоняются. Здѣсь представилось намъ явленїе, могущее возбудить величайшїй ужасъ.

Стремнина Левкадская.

Въ то время, когда великое число судовъ становились полукругомъ подлѣ самаго берега мыса, множество людей силились взобраться на вершину онаго. Одни

останавливались подлѣ храма, а другїе взлезали на высоту каменной скалы, какъ будто желая быть свидѣтелями какого нибудь необыкновеннаго произшествїя. Ихъ движенїя не показывали ничего злонамѣреннаго, и мы тогда были въ совершенной безопасности, какъ вдругъ увидѣли, что на утесистой скалѣ нѣсколько человѣкъ схвативъ одного изъ бывшихъ съ ними, низвергли въ море при радостныхъ восклицанїяхъ, кои раздавались какъ на горѣ, такъ и на судахъ. Человѣкъ сей былъ покрытъ перьями; и къ нему привязаны были многїя птицы, которыя махая крыльями своими, умедляли его паденїе. Едва только онъ низпалъ въ море, какъ находящїеся на судахъ спѣшили помочь ему, вытащили его изъ воды и оказали ему всѣ попеченїя, какихъ только требовать можно отъ самой нѣжной дружбы. Я сперва симъ былъ столько пораженъ, что воскликнулъ: варвары! такимъ-то образомъ играете вы жизнїю человѣковъ! но бывшїе со мною на кораблѣ смѣялись моему удивленїю и негодованїю. Наконецъ одинъ Амбракїянинъ сказалъ мнѣ: сей народъ, отправляющїй ежегодно въ оный день празд-

нество въ честь Аполлону, имѣетъ обыкновенїе приносить сему богу очистительную жертву, дабы на главу оной обратить всѣ угрожающїя ему бѣдствїя. Для сего избираютъ человѣка, на смертную казнь осужденнаго. Онъ рѣдко погибаетъ въ волнахъ; но когда спасется отъ потопленїя, то изгоняютъ его навсегда изъ земель Левкадскихъ.

Но ты еще болѣе удивишся, прибавилъ Амвракїянинъ, когда узнаешь странное мнѣнїе, утвердившееся между Греками, т. е. будтобы низверженїе съ Левкадской горы есть сильнѣйшее врачество отъ неистовства любви. Многократно видали, что несчастные любовники приходили въ Левкаду, восходили на сей мысъ, приносили жертвы въ храмѣ Аполлоновомъ, обязывались непреложнымъ обѣтомъ броситься въ море, и сами повергались въ оное.

Утверждаютъ, что нѣкоторые излѣчались отъ мученїй, претерпѣваемыхъ ими, и между прочими упоминаютъ о жителѣ города Буѳротона, что въ Эпирѣ, который всегда воспламенялся любовїю къ новымъ предметамъ, четырежды подвергалъ

себя сему опыту и всегда съ равнымъ успѣхомъ; однако почти всѣ тѣ, которые рѣшились на сïе, не бравъ никакой предосторожности, чтобы паденïе было менѣе стремительно, лишалися жизни. Часто и женщины были плачевною того жертвою.

Показываютъ въ Левкадѣ гробъ Артемизы, славной царицы Карïйской, оказавшей столь много опытовъ мужества на Саламинскомъ сраженïи. Она, бывъ возпламенена жестокою страстïю къ одному молодому человѣку, который не соотвѣтствовалъ любви ея, напала на него соннаго и выколола ему глаза. Вскорѣ разкаянïе и отчаянïе привели ее въ Левкаду, гдѣ погибла она въ волнахъ, не смотря на всѣ мѣры, предпринятыя для спасенïя жизни ея.

Такой же конецъ былъ и несчастной Сафы. Бывъ оставлена Фаономъ, своимъ любовникомъ, она пришла искать сюда облегченïя своимъ горестямъ, но нашла только смерть. Сïи примѣры истребили довѣренность къ низверженïю съ горы Левкадской, такъ что уже нѣтъ болѣе любовниковъ, обязующихся толь безразсуднымъ обѣтомъ подражать онымъ.

Продолжая путь нашъ, мы увидѣли въ правой сторонѣ острова Итаку и Кефаленію; а въ лѣвой берега Акарнаніи. Въ сей послѣдней области находится нѣсколько большихъ городовъ и множество малыхъ укрѣпленныхъ мѣстечекъ, много народовъ различнаго происхожденія; но соединенныхъ во единый общій союзъ и всегда почти воюющихъ съ Этоліянами, своими соседами, коихъ владѣнія отдѣляются отъ ихъ владѣній рѣкою Ахелоемъ. Акарнаняне вѣрны въ своемъ словѣ и чрезвычайно ревнительны къ своей свободѣ.

Миновавъ устье Ахелоя, мы цѣлый день плыли около береговъ Этоліи. Въ сей странѣ, обильной плодоносными полями, обитаетъ воинственный народъ, раздѣленный на различныя селенія, изъ коихъ большая часть происхожденіемъ не Греки, и изъ коихъ нѣкоторые сохраняютъ еще остатки древняго своего варварства; говорятъ весьма неудобовразумительнымъ языкомъ, ѣдятъ сырое мясо и живутъ въ малыхъ и неукрѣпленныхъ городахъ. Сіи различныя селенія, соединивъ свои выгоды, составили между собою союзъ, подобный союзу Віо-

тянъ, Өессалїянъ и Акарнанянъ. Довѣренные ихъ ежегодно собираются въ городъ Өермъ для избранїя себѣ начальниковъ. Пышность, оказываемая въ семъ собранїи, игры, празднества, стеченїе купцовъ и зрителей дѣлаютъ его столько же блистательнымъ, сколько и величественнымъ.

Этолїяне не уважаютъ ни союзовъ, ни договоровъ. Какъ скоро возгарается война между двумя сосѣдними народами, то они попускаютъ ихъ ослаблять другъ друга; потомъ нападаютъ на нихъ и отнимаютъ приобрѣтенныя ими обоюдно добычи: сїе у нихъ называется: *доставать добычу въ добычѣ.*

Они весьма склонны къ морскимъ разбоямъ, такъ какъ и Акарнаняне и Озольскїе Локры. Всѣ жители сея страны не поставляютъ въ семъ промыслѣ ни несправедливости, ни безславїя. Сїе есть остатокъ древнихъ нравовъ Грецїи, и въ сходствїе съ сими нравами не оставляютъ они своего оружїя и во время мира. Всадники ихъ, когда сражаются безъ всякаго порядка, бываютъ весьма страшны, но не столько уже опасны, когда они стоятъ въ строевомъ бою. Совсѣмъ противное сему примѣчается въ Өессалїянахъ.

Къ востоку отъ рѣки Ахелоя водятся львы, такъ какъ и къ сѣверу вверьхъ по оной до самой рѣки Неста, что во Ѳракіи. Кажется, что въ семъ длинномъ пространствѣ занимаютъ они одну только полосу, которой сіи обѣ рѣки служатъ предѣлами, первая со стороны западной, а другая со стороны восточной. Говорятъ, что сіи животныя неизвѣстны въ другихъ странахъ Европы.

Послѣ четырехдневнаго мореплаванія прибыли мы въ Навпактъ, городъ лежащій при подошвѣ одной горы въ землѣ Локровъ Озольскихъ. Мы увидѣли на берегу храмъ Нептуновъ, а близь его пещеру, наполненную приношеніями и посвященную Венерѣ. Въ ней нашли мы нѣсколько вдовицъ, просящихъ у богини новыхъ супруговъ.

На другой день мы сѣли на малой корабль, на которомъ отправились въ Паги, пристань Мегаридскую, а оттуда поѣхали въ Аѳины.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Путешествіе въ Мегару, въ Коринѳъ, Сикіону и Ахаію.

Зиму провели мы въ Аѳинахъ, ожидая съ нетерпѣливостію времени, удобнаго къ продолженію нашихъ путешествій. Мы видѣли уже сѣверныя области Греціи. Намъ оставалось объѣхать области Пелопониса, куда при наступленіи весны мы и отправились. (*)

Проѣхавъ городъ Элевзисъ, о которомъ я буду говорить послѣ, мы вступили въ Мегариду, отдѣляющую Аѳинскія владѣнія отъ Коринѳскихъ. Въ ней находится небольшое число городовъ и селъ. Мегара, столичный городъ, соединялась нѣкогда съ Низейскою пристанью двумя длинными стѣнами, которыя, уже около ста лѣтъ тому назадъ, жители сочли за нужное разрушить. Она была долгое время подъ властію царей. Народоправленіе тамъ суще-

Мегара.

(*) Около мѣсяца Марта 356 года до Рож. Христова.

ствовало до тѣхъ поръ, доколѣ народные ораторы въ угодность черни не склонили ея къ раздѣлу между собою имущества богатыхъ гражданъ. Тогда учреждено было Олигархическое правленїе. Но въ наши дни народъ опять восприялъ свою власть.

Аѳиняне не забыли, что сїя область нѣкогда составляла часть ихъ владѣнїй и весьма бы желали опять ее присвоить. Ибо она могла бы въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ служить имъ оградою: но она неднократно привлекала на себя ихъ оружїе за то, что предпочитала союзу съ ними союзъ съ Лакедемономъ. Во время Пелопонїйской войны Аѳиняне довели ее до послѣдней крайности опустошенїемъ ея полей и запрещенїемъ торга съ своими областями.

Въ продолженїи мира Мегаряне привозятъ на продажу въ Аѳины съѣстные припасы, а наипаче великое множество соли, собираемой ими въ каменныхъ горахъ, находящихся въ окрестностяхъ пристани. Хотя занимаютъ они не великое пространство земли, столько же безплодной какъ и въ Аттикѣ; но многїе изъ нихъ обога-

тились благоразумнымъ хозяйствомъ; другіе бережливостію, по которой они прослыли, будто бы какъ въ договорахъ, такъ и торговлѣ употребляютъ они только хитрости, вѣроломства и барышничество.

Въ послѣднемъ столѣтіи они имѣли великіе успѣхи; могущество ихъ нынѣ уничтожилось; но тщеславіе возрасло по мѣрѣ ихъ слабости, и они помнятъ болѣе о томъ, что они были, нежели о томъ, что они теперь. Въ самый вечеръ нашего прибытія ужиная съ знатнѣйшими гражданами, мы спрашивали ихъ о состояніи морскихъ силъ, но они отвѣтствовали намъ: во время войны Персидской мы имѣли двадцать галеръ при Саламинскомъ сраженіи. — Можете ли нынѣ поставить достаточную силу на сухомъ пути? У насъ было 3000 воиновъ на сраженіи при Платеѣ. — Многочисленъ ли вашъ народъ? — онъ былъ нѣкогда столь многочисленъ, что мы должны были отсылать на поселеніе въ Сицилію, въ Пропонтиду, Восфоръ Фракійскій и Понтъ Эвксинскій. Они старались потомъ оправдать себя въ нѣкоторыхъ вѣроломствахъ, коими ихъ укоряютъ и разсказали намъ одно досто-

памятное произшествїе. „Жители Мегариды другъ противъ друга воевали: они согласились, чтобы война не прекращала трудовъ земледѣльческихъ. Когда воинъ бралъ въ плѣнъ земледѣльца, то отводилъ его въ домъ свой, приглашалъ его къ столу и отсылалъ назадъ прежде, нежели получалъ выкупъ, въ которомъ они между собою согласились. Плѣнникъ немедлѣнно приносилъ выкупъ, какъ скоро былъ въ состоянїи сїе сдѣлать. Ибо хотя и не было издано законовъ противъ нарушителя даннаго слова, но имъ повсюду гнушались за его неблагодарность и подлость.„ Такъ произшествїе сїе было не въ наше время, сказалъ я имъ? — Нѣтъ, отвѣчали они: это было въ началѣ основанїя нашего государства. Я и думалъ, примолвилъ я, что сїе относится ко временамъ невѣжества.

Въ послѣдующїе дни показывали намъ многїе истуканы одни деревянные, и то были самые древнѣйшїе; а другїе золотые и изъ слоновой кости, кои были не самые лучшїе; иные наконецъ марморные или мѣдные работы Праксителя и скопы. Мы видѣли также домъ, гдѣ собирается Сенатъ, и другїе зданїя, выстроныя изъ камня весь-

ма бѣлаго, весьма мягкаго и наполненнаго окаменѣлыми раковинами.

Училище Мегарское.

Въ семъ городѣ есть знаменитое училище философіи. Эвклидъ, его основатель, былъ ревностнѣйшій ученикъ Сократовъ: не смотря на разстояніе мѣстъ и смертную казнь, опредѣленную Аѳинянами противу всякаго Мегарянина, который дерзнетъ перейти границы ихъ, многократно видали его вечеромъ скрывшагося подъ видомъ женщины, провождающаго по нѣскольку минутъ съ своимъ учителемъ, и опять возвращающагося при разсвѣтѣ дня. Они разсуждали между собою, въ чемъ состоитъ истинное благо. Сократъ, къ сему единственно обращающій всѣ изысканія свои, употреблялъ къ достиженію онаго средства только простыя; но Эвклидъ, слишкомъ познакомившись съ сочиненіями Парменида и училища Елейскаго, прибѣгнулъ наконецъ къ отвлеченіямъ, путямъ часто опаснымъ, а чаще непроницаемымъ. Его начала весьма сходны съ началами Платона: онъ говорилъ, что истинное благо должно быть одно, всегда одинаково, всегда себѣ подобно. Въ послѣдствіи надлежало

опредѣлить сіи различныя свойства; и такимъ образомъ важнѣйшая для нашего свѣдѣнія вещь была неудобопонятна.

Наиболѣе всего затмевалъ прáвила Эвклидовы принятый способъ противополагать одному предложенію другое противное предложеніе и ограничиваться только тѣмъ, чтобъ разсуждать объ нихъ долгое время и совокупно. Новоизобрѣтенное тогда орудіе часто способствовало къ умноженію замѣшательства: я разумѣю здѣсь прáвила силлогизма, который столь же ужаснымъ какъ и внезапнымъ пораженіемъ повергаетъ противника недовольно искуснаго въ отвращеніи онаго. Какъ скоро нáчали утверждать тонкости метафизическія на логическихъ хитростяхъ, то словà заступили мѣсто вещей, и младые питомцы въ училищахъ получили склонность къ сварливости и противорѣчію.

Эвклидъ ввелъ таковую склонность въ свое училище, можетъ быть и противъ своего желанія; ибо онъ по природѣ былъ кротокъ и терпѣливъ. Нѣкогда братъ его, почитая себя отъ него оскорбленнымъ, сказалъ ему во гнѣвѣ: „Умру, естьли не

„отмщу за себя. А я, отвѣтствовалъ Эв„клидъ, умру, естьли не заставлю тебя „опять любить меня.„ Но онъ часто находилъ для себя удовольствїе въ томъ, чтобъ умножать и побѣждать трудности, и не предвидѣлъ, что начала, часто колеблемыя, теряютъ нѣкоторую часть силы своей.

Эвбулидъ Милетскїй, преемникъ его, повелъ учениковъ своихъ еще болѣе скользкими и болѣе затруднительными стезями. Эвклидъ упражнялъ умы, Эвбулидъ сильно потрясалъ оные. И тотъ и другой имѣли обширныя познанїя и просвѣщенїе. Я долженъ былъ сказать о семъ прежде, нежели о Эвбулидѣ.

Мы нашли Эвбулида окруженнаго молодыми людьми, кои съ великимъ вниманїемъ примѣчал всѣ его слова, и даже малѣйшїе знаки. Онъ объяснилъ намъ способъ, каковымъ обучалъ ихъ; и мы поняли, что войну наступательную предпочиталъ онъ оборонительной. Мы просили его показать намъ опытъ сего прѣнїя; и между тѣмъ, какъ къ тому готовились, Эвбулидъ сказалъ намъ, что онъ изобрѣлъ многїе роды силлогизмовъ, и что всѣ они удивительнымъ образомъ способствуютъ къ объя-

снѣнію понятій. Одинъ назывался покровеннымъ, другой плѣшивымъ, третій лжецомъ, и такъ далѣе.

Я намѣренъ нѣкоторые изъ нихъ показать вамъ на опытѣ, примолвилъ онъ; за ними послѣдуетъ пренїе, коего вы хотите быть свидѣтелями: не судите объ нихъ слегка; нѣкоторые изъ нихъ останавливаютъ людей самыхъ умныхъ и приводятъ въ такія затрудненія, изъ коихъ они не иначе, какъ только съ великимъ усиліемъ могутъ выйти.

Въ сію минуту явился человѣкъ *покровенный* съ головы до ногъ. Онъ спросилъ меня, знаю ли его? Я отвѣтствовалъ: нѣтъ. Хорошо, примолвилъ онъ, вотъ какъ я умствую: ты не знаешь сего человѣка; но сей человѣкъ есть твой другъ: слѣдовательно ты не знаешь своего друга. Онъ снялъ покрывало, и я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ молодаго Аѳинянина, съ которымъ я былъ очень друженъ. Потомъ Эвбулидъ обратясь къ Филоту спросилъ его, что такое есть человѣкъ плѣшивый? — Плѣшивый человѣкъ есть тотъ, у котораго на головѣ нѣтъ волосовъ. — А ежели бы у него

былъ хотя одинъ волосъ, то можно ли назвать его плѣшивымъ? — Можно. — Но естьли бы у него было 2, 3, 4, волоса? Онъ простеръ сей порядокъ чиселъ очень далеко, умножая всегда единицею до того, что Филотъ наконецъ признался, что тотъ человѣкъ не былъ бы плѣшивъ. Слѣдовательно, возразилъ Эвбулидъ, довольно одного волоса, чтобы человѣка не почитать плѣшивымъ; а ты теперь еще былъ увѣренъ въ противномъ. Итакъ ты довольно понимаешь, присоединилъ онъ, что также доказать можно: одна овца можетъ составлять стадо; одно зерно наполнитъ четверикъ. Мы показали такое удивленіе къ симъ пустымъ двусмысленностямъ, и пришли въ такое замѣшательство, что всѣ ученики захохотали.

Между тѣмъ неутомимый Эвбулидъ сказалъ намъ: вотъ еще узелъ, который весьма трудно разрѣшить. Эпименидъ сказалъ, что всѣ Критяне лжецы: а какъ онъ самъ былъ Критянинъ, слѣдовательно онъ солгалъ: слѣдовательно Критяне не лжецы; слѣдовательно Эпименидъ не солгалъ; слѣдовательно Критяне лжецы. Едва успѣлъ онъ кончить сіе, какъ вдругъ

закричалъ: вооружайтеся, нападайте, защищайте ложь Эпименидову.

При сихъ словахъ съ пламенными глазами, съ грозными тѣлодвиженїями выходятъ двѣ противныя стороны, тѣснятъ, толкаютъ другъ друга, пускаютъ одна на другую градъ силлогизмовъ, софизмовъ, паралогизмовъ. Вскорѣ тьма распространяется, ряды смѣшиваются, побѣдители и побѣжденные пронзаютъ себя собственнымъ оружїемъ и впадаютъ въ однѣ и тѣ же сѣти. Ругательныя слова раздаются по воздуху и наконецъ заглушаются пронзительными воплями, раздающимися въ храминѣ.

Ужѐ готовились еще возобновить сїе дѣйствїе, какъ Филотъ сказалъ Эвбулиду, что каждая сторона болѣе старалась опровергнуть мнѣнїе противника нежели утвердить свое; что сей способъ умствованїя есть худой: я съ своей стороны далъ ему замѣтить, что ученики его по видимому стараются съ бóльшимъ жаромъ дать торжество заблужденїю, нежели истиннѣ, а сїе также есть опасный способъ дѣйствовать. Онъ хотѣлъ мнѣ отвѣчать, но намъ сказали, что повозки наши готовы.

Мы простились съ нимъ, и удаляясь сожалѣли о недостойномъ злоупотребленїи, каковое дѣлаютъ софисты изъ своего разума и способностей учениковъ своихъ.

Чтобъ доставить насъ къ перешейку Коринѳскому, провожатый повезъ насъ высотами по свѣсу каменной скалы, весьма узкому и неровному, возвышающемуся надъ моремъ, по скату горы, возносящей главу свою до небесъ. Сей есть тотъ самый узкїй проходъ, гдѣ, какъ говорятъ, жилъ Скиронъ, который грабилъ путешественниковъ, и бросалъ ихъ въ море, и котораго Ѳисей наказалъ такою же смертїю.

При первомъ взглядѣ нѣтъ ничего страшнѣе сего перехода; мы не смѣли посмотрѣть на бездну; ревъ волнъ, казалось, ежеминутно возвѣщалъ намъ, что мы стоимъ между смертїю и жизнїю. Но вскорѣ познакомясь, такъ сказать, съ опасностїю, мы ужѐ съ удовольствїемъ наслаждались занимательнымъ зрѣлищемъ. Стремительные вѣтры, пролетѣвъ верхи каменныхъ горъ, которыя были у насъ въ правой сторонѣ, шумѣли надъ нашими головами и раз-

дѣлясь на вихри, падали прямо въ разныхъ мѣстахъ на поверхность моря, возмущали оное, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывали его сѣдою пѣною, между тѣмъ какъ въ промежуточныхъ пространствахъ оно оставалось гладко и спокойно.

Стезя, по коей мы ѣхали, продолжается около 48 стадїй, наклоняясь и возвышаясь попеременно даже до Кромїона, пристани и за̀мка Коринѳянъ, отстоящаго отъ ихъ столицы на 120 стадїй. Продолжая путь подлѣ моря спокойнѣйшею и приятною дорогою, мы прибыли наконецъ къ тому мѣсту, гдѣ перешеекъ имѣетъ въ ширину не болѣе 40 стадїй; здѣсь-то народы Пелопонисскїе вознамѣрились нѣкогда окопаться валомъ, страшась неприятельскаго впаденїя. Здѣсь также празднуютъ они Истмическїя игры подлѣ храма Нептуна и сосновой рощи, посвященной сему богу.

Коринѳская область заключается въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ; хотя самая большая ея длина простирается по берегу моря, однако можно оную всю проѣхать на кораблѣ въ одинъ день. Въ сей области

есть нѣсколько богатыхъ полей, а болѣе мѣстъ неровныхъ и мало плодоносныхъ; тамошнее виноградное вино худаго качества.

Коринѳъ. Городъ лежитъ при подошвѣ высокой горы, на коей построенъ замокъ. Съ юга онъ защищается сею горою, которая въ семъ мѣстѣ чрезвычайно крута; а съ прочихъ трехъ сторонъ весьма крѣпкими и высокими валами. Въ окружности его 40 стадій. Но какъ стѣны простираются къ бокамъ горы и объемлютъ замокъ, то и можно сказать, что кругомъ всего города 85 стадій.

Моря Крисское и Сароникское оканчиваются при подножіи его, какъ будто для того, дабы признать его могущество. На первомъ находится пристань Лехейская, касающаяся города двойною стѣною въ длину около 12 стадій. На второмъ пристань Кенхрійская, отстоящая отъ Коринѳа на 70 стадій.

Великое множество храмовъ и гражданскихъ зданій какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ украшаетъ сей городъ. Обозрѣвъ площадь, украшенную по обыкно-

венїю храмами и истуканами, мы увидѣли ѳеатръ, куда собирается народъ для разсужденїя о государственныхъ дѣлахъ, и гдѣ происходятъ состязанїя въ музыкѣ и въ другихъ играхъ, бывающихъ при ихъ празднествахъ.

Намъ показали гробницу двухъ сыновъ Медеи. Коринѳяне взяли ихъ отъ жертвенниковъ, при которыхъ сїя несчастная мать ихъ положила и побили каменїемъ. Въ наказанїе за сїе злодѣянїе заразительная болѣзнь истребила дѣтей ихъ въ самой колыбели такъ, что наконецъ, повинуяся гласу прорицалища, они обязались чествовать память жертвъ своего неистовства. А я, утверждаясь на свидѣтельствѣ Эврипида, сказалъ я тогда, думалъ, что сїя княжна сама ихъ умертвила. Я слышалъ, отвѣтствовалъ одинъ изъ предстоящихъ, что сей стихотворецъ былъ подкупленъ отъ нашего правительства за пять талантовъ. Но какъ бы то ни было, на что сокрывать сїе? Древнее обыкновенїе ясно доказываетъ, что предки наши были виновны; ибо въ воспоминанїе и удовлетворенїе за ихъ злодѣйство наши дѣти до извѣстнаго возраста должны хо-

дить съ обритыми головами и въ черной одеждѣ.

Дорога, ведущая въ замокъ, такъ излучиста, что должно проѣхать 30 стадій прежде, нежели достигнешь до онаго. Мы пришли къ одному источнику, называемому Пирень, гдѣ, какъ утверждаютъ, Беллерофонтъ нашелъ коня Пегаса. Вода въ немъ чрезвычайно холодна и свѣтла. Какъ она не имѣетъ явнаго изтока, то и думаютъ, что она путями, самою природою въ каменной горѣ ископанными, низходитъ въ городъ, гдѣ составляетъ одно вмѣстилище, коего вода славится своею легкостію, и которой было бы достаточно для потребностей гражданъ, хотябы и не было у нихъ великаго множества выкопанныхъ колодезей.

Положеніе сего замка, и валы дѣлаютъ его столь крѣпкимъ, что не иначе овладѣть имъ можно какъ измѣною, или голодомъ. При входѣ въ оный, мы увидѣли храмъ Венеры, коея истуканъ покрытъ блистательнымъ оружіемъ; приономъ находятся истуканы Амура и Солнца, коимъ покланялись въ семъ мѣстѣ прежде, нежели введено было поклоненіе Венерѣ.

Съ сего возвышеннаго мѣста богиня, кажется, царствуетъ надъ землею и морями. Таково было очарованіе, произведенное надъ нами великолѣпнымъ зрѣлищемъ, которое очамъ нашимъ представлялось. Со стороны сѣверной, зрѣніе простиралось даже до Парнасса и Геликона; съ восточной до острова Егины, Аѳинскаго зáмка и Сунійскаго мыса; съ западной на богатыя поля Сикіонскія. Мы съ удовольствіемъ обозрѣвали два залива, коихъ воды ударяются о сей перешеекъ, который справедливо Пиндаръ уподоблялъ мосту, самою природою среди морей поставленному, дабы соединить между собою двѣ главныя части Греціи.

При семъ воззрѣніи, кажется, не возможно установить никакого сообщенія одной изъ сихъ твердыхъ земель съ другою безъ согласія Коринѳа; и не безъ основанія почитаютъ сей городъ оплотомъ Пелопониса и преградою Греціи. Но какъ зависть другихъ народовъ никогда не позволяла Коринѳянамъ возбранить переходъ чрезъ перешеекъ; то положеніе сихъ послѣднихъ служило имъ къ великому обогащенію.

Какъ скоро появились мореходцы, то появились и морскїе разбойники; по той же самой причинѣ, что гдѣ есть голуби, тамъ есть и ястребы. Торговля Грековъ производилась сперва на твердой только землѣ; они въ Пелопонисъ и обратно изъ онаго ѣздили всегда чрезъ перешеекъ. Коринѳяне собирали съ нихъ пóдать и довольно обогатились. Когда изтребили морскихъ разбойниковъ, то корабли при слабой опытности не смѣли пускаться по волнамъ бурнаго моря съ острова Крита къ Малїйскому мысу въ Лаконїи. Тогда-то вошло въ пословицу, что прежде нежели обойдешь мысъ, ты долженъ забыть все, что въ свѣтѣ ни есть для тебя драгоцѣннаго. Итакъ рѣшились лучше ѣздить по морямъ, сливающимся у перешейка.

Корабли съ товарами изъ Италїи, Сицилїи и другихъ западныхъ народовъ приходили въ Лехейскую пристань; а корабли отъ острововъ Егейскаго моря, береговъ малой Асїи и Финикїи приходили въ пристань Кенхрейскую. Въ послѣдствїи времени начали переправлять товары су-

химъ путемъ изъ одной пристани въ другую, и изобрѣли средство переносить и корабли.

Коринѳъ, сдѣлавшись мѣстомъ складки товаровъ Асійскихъ и Европейскихъ, продолжалъ брать пошлины съ иностранныхъ товаровъ, покрылъ море собственными кораблями и образовалъ морскую силу для защищенія своей торговли. Успѣхи поощряли къ промышленности; построили новаго вида корабли, и первыя о трехъ рядахъ веселъ галеры были сдѣланы Коринѳскими строителями. Морскія силы сего города возбудили къ нему почтеніе, и въ нѣдра его начали собираться произведенія другихъ странъ. Мы видѣли на берегу разложенныя кипы писчей бумаги, корабельные парусы, привезенные изъ Египта, слоновую кость изъ Ливіи, кожи изъ Кирины, ладонъ изъ Сиріи, финики изъ Финикіи, ковры изъ Карѳагена, всякаго рода хлѣбъ и сыръ изъ Сиракузъ, груши и яблоки изъ Эввеи, невольниковъ изъ Фригіи и Ѳессаліи, не говоря уже о великомъ множествѣ другихъ вещей, привозимыхъ ежедневно въ пристани Греческія, а наипаче въ Коринѳ-

скія. Желаніе прибытка привлекаетЪ туда иностранныхЪ купцовЪ, а особливо ФиникійскихЪ, а на торжественныя Истмическія игры собирается безчисленное множество зрителей.

Когда сими средствами умножилось богатство народное, то ремесленники, долженствовавшіе дѣлать изЪ онаго употребленіе, были покровительствуемы, и они оживотворились новымЪ соревнованіемЪ. По крайней мѣрѣ уже отличились они, какЪ думаютЪ, полезными изобрѣтеніями. Я ихЪ не описываю подробно, потому что не могу опредѣлить точно предмета оныхЪ. Художества начинаются сперва сЪ покушеній сомнительныхЪ и повторяемыхЪ опытами во многихЪ мѣстахЪ; но какЪ скоро онѣ приходятЪ вЪ совершенство, то именуютЪ изобрѣтателями тѣхЪ, кои какимЪ либо счастливымЪ способомЪ облегчили употребленіе художествЪ. Я приведу одинЪ примѣрЪ: историкЪ ЕфорЪ, довольно времени занимавшійся изслѣдованіемЪ древнихЪ обыкновеній, сказалЪ мнѣ нѣкогда, что колесо, коимЪ горшечникЪ

округляетъ сосудъ, введено въ употребленіе между Греками мудрецомъ Анахарсисомъ. Во время моего пребыванія въ Коринѳѣ, я хотѣлъ онымъ похвалиться. Но мнѣ сказали, что сія честь принадлежитъ одному изъ сограждан, именемъ Иперві; толкователь Омира изъ одного мѣста его стихотвореній доказалъ намъ, что сіе орудіе извѣстно было еще прежде Иперві. Филотъ съ своей стороны утверждалъ, что честь изобрѣтенія сего принадлежитъ Ѳалосу, жившему прежде Омира, и внуку Дедала Аѳинскаго. Есть много и такихъ открытій, которыя Греческіе народы наперерывъ себѣ присвояютъ. Изъ чего можно заключить, что они художествами занимались гораздо прежде, нежели какъ думаютъ писатели.

Коринѳъ наполненъ кладовыми и заведеніями разныхъ рукодѣлій; между прочимъ тамъ дѣлаются одѣяла, покупаемыя дорогою цѣною отъ прочихъ народовъ. Правительство сего города собираетъ великимъ иждивеніемъ картины и истуканы великихъ художниковъ. Но по сіе время въ Коринѳѣ нѣтъ еще донынѣ ни одного изъ тѣхъ художниковъ, которые дѣлаютъ честь

Грецїи, или потому, что Коринѳъ въ отмѣнныхъ произведенїяхъ искуства любитъ только пышность, или потому, что природа, предоставляя себѣ право помѣщать, гдѣ хочетъ, превосходныя дарованїя, возлагаетъ на государей только одно попеченїе отыскивать и дѣлать ихъ извѣстными въ свѣтѣ. Однакожъ нѣкоторыя мѣдныя и скудѣльныя издѣлїя, производимыя въ семъ городѣ, уважаются. Въ Коринѳѣ совсѣмъ нѣтъ мѣдныхъ рудниковъ. Тамошнїе ремесленники, смѣшивая доставляемую иностранцами мѣдь съ малымъ количествомъ золота и серебра, составляютъ металлъ блестящїй, и почти неподверженный ржѣ. Дѣлаютъ изъ онаго брони, шишаки, небольшїя изображенїя, чаши, сосуды, не столько многоцѣнные по своему веществу, сколько по искуству работы. По большей части они обложены листочками и другими рѣзными украшенїями. Съ неменьшимъ искуствомъ украшаютъ они и глиняныя издѣлїя. Даже самое обыкновенное вещество отъ прїятнаго вида и украшенїй, оному придаваемыхъ, получаетъ такое достоинство, что заставляетъ пред-

почитать то вещество и самымъ мраморамъ и драгоцѣннѣйшимъ металламъ.

Женщины Кориноскія отличаются красотою, а мущины корыстолюбіемъ и склонностію къ забавамъ. Они разстроиваютъ здоровье свое неумѣренностію въ пищѣ и питіи; а любовь у нихъ не иное что есть, какъ необузданное распутство. Они не только ея не стыдятся, но еще стараются оправдать ее такимъ установленіемъ, которое, какъ кажется, оную вмѣняетъ имъ въ должность. Венера у нихъ есть главное божество; они посвятили ей любострастныхъ женъ, коихъ обязанность была ходатайствовать у богини о покровительствѣ. При великихъ бѣдствіяхъ, при належащихъ опасностяхъ онѣ присутствуютъ при жертвоприношеніяхъ и при торжественныхъ ходахъ купно съ прочими гражданами, поя священныя пѣсни. При нашествіи Ксерксовомъ просили у нихъ заступленія, и я видѣлъ картину, на которой онѣ изображены молящимися богинѣ. Стихи Симонидовы, начертанные внизу картины, приписываютъ имъ ту славу, что онѣ спасли Грековъ.

Толь знаменитое торжество приумножило число сего рода жрицъ. Нынѣ частные люди, желая удостовѣриться въ успѣхѣ своихъ предприятїй, дѣлаютъ обѣщанїе представить Венерѣ нѣкоторое число сладострастныхъ женъ, которыхъ выписываютъ они изъ разныхъ мѣстъ. Здѣсь считаютъ ихъ болѣе тысячи. Онѣ приманиваютъ къ себѣ иностранныхъ купцовъ; онѣ въ короткое время раззоряютъ цѣлыя общества ихъ, и оттуда произошла пословица: не всякому позволительно ѣздить въ Коринѳъ.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что во всей Грецїи женщины, занимающїяся таковымъ ремесломъ развращенїя, никогда не имѣли нималѣйшаго права на уваженїе отъ общества; что въ самомъ Коринѳѣ, гдѣ съ великимъ удовольствїемъ показывали мнѣ гробъ древнїя Лаисы, честныя женщины отправляютъ въ честь Венерѣ особенное торжество, къ которому распутныя женщины не допускаются, и что Коринѳяне, оказавшїе толь великїе опыты мужества на войнѣ съ Персами, ослабѣли отъ роскоши, подпали подъ иго Аргїянъ, были принуждены попеременно просить покровительства у Лаке-

демонянъ, Аѳинянъ и Ѳивянъ и наконецъ довели себя до того, что сдѣлались самымъ богатымъ, женоподобнымъ и самымъ слабымъ народомъ во всей Греціи.

Мнѣ остается только подать нѣкоторое понятіе о перемѣнахъ, случившихся въ Коринѳскомъ правленіи; и для того мнѣ должно на краткое время обратиться къ вѣкамъ отдаленнѣйшимъ.

Около 110 лѣтъ послѣ войны Троянской и 30 лѣтъ послѣ возвращенія Ираклидовъ, Алетъ, происходившій отъ Иракла, получилъ Коринѳское царство. Его потомство владѣло онымъ 417 лѣтъ. Старшій сынъ всегда наслѣдовалъ по отцѣ. Наконецъ царское достоинство уничтожилось и верховная власть перешла въ руки 200 гражданъ, которые вступали въ брачный союзъ только между собою и происходили отъ крови Ираклидовъ. Ежегодно одинъ изъ нихъ былъ избираемъ для управленія дѣлами подъ именемъ Притана. Они установили брать подать съ товаровъ, провозимыхъ черезъ перешеекъ; они тѣмъ обогатились и погибли отъ излишней роскоши. Девяносто лѣтъ послѣ ихъ учрежденія

Кипселъ, преклонивъ народъ къ собственной пользѣ, присвоилъ себѣ всю ихъ власть, и возобновилъ царство, которое продолжалось въ его родѣ 73 года и 6 мѣсяцовъ.

Начало его царствованія было ознаменовано ссылками и мученіями. Онъ не могъ терпѣть гражданъ, которыхъ довѣренность была ему подозрительна: однихъ ссылалъ въ заточеніе, другихъ лишалъ имѣнія, а многихъ приказывалъ умерщвлять. Чтобы богачей привесть въ бо́льшее изнеможеніе, чрезъ цѣлыя десять лѣтъ бралъ онъ на себя десятую часть ихъ имѣнія, подъ предлогомъ, какъ говорилъ онъ, обѣщанія, сдѣланнаго имъ до вступленія на престолъ, и которое думалъ онъ не иначе исполнить, какъ поставивъ подлѣ Олимпійскаго храма весьма великій позлащенный истуканъ. Когда нечего ему было опасаться, то онъ хотѣлъ заставить себя любить, и выходилъ въ народъ безъ стражи и великолѣпія. Народъ, тронутый такою довѣренностію, великодушно простилъ его во всѣхъ тѣхъ несправедливостяхъ, коихъ не былъ онъ жертвою, и оставилъ его умереть спокойно по 30 лѣтнемъ царствованіи.

Перïандрѣ, сынѣ его, началѣ тѣмѣ, чѣмѣ отецѣ его кончилѣ. Онѣ подавалѣ надежду, что дни правленïя его будутѣ счастливы и спокойны. Удивлялися его кротости, его просвѣщенïю, мудрости и установленïямѣ вѣ разсужденïи тѣхѣ гражданѣ, у коихѣ было много невольниковѣ, или коихѣ издержки превосходили доходы; и наконецѣ вѣ разсужденïи тѣхѣ, которые впали вѣ ужасныя злодѣянïя и растлили нравы свои. Онѣ учредилѣ Сенатѣ и не наложилѣ никакой новой подати; довольствовался только сборами сѣ товаровѣ, построилѣ довольное количество кораблей, и чтобы привести торговлю вѣ бо́льшую дѣятельность, вознамѣрился прорыть перешеекѣ и соединить оба моря. Онѣ велѣ войны, и его побѣды подали высокую мысль о его храбрости. И вѣ самомѣ дѣлѣ, чего не льзя было надѣяться отѣ такого государя, котораго устами, кажется, говорила премудрость? который говаривалѣ иногда:„ что излишняя любовь кѣ богатству есть клевета противѣ природы: удовольствïя временны, а добродѣтель вѣчна: истинная свобода состоитѣ только вѣ чистотѣ совѣсти.„

При нѣкоторомъ затруднительномъ обстоятельствѣ онъ просилъ совѣта у Ѳразивула своего друга, царя Милетскаго. Ѳразивулъ повелъ присланнаго въ поле, гдѣ гуляя по обильной жатвѣ, онъ спросилъ его о причинѣ посольства; идучи сбивалъ онъ колосья, которые росли выше другихъ. Посланникъ не понялъ, что Ѳразивулъ представилъ ему предъ глаза то правило, которое принято во многихъ правленїяхъ, даже и республиканскихъ, въ коихъ не позволяется частнымъ гражданамъ имѣть слишкомъ много достоинствъ, или силы. Перїандръ понялъ смыслъ сего разговора, но продолжалъ быть умѣреннымъ.

Знаменитость его успѣховъ и похвалы его ласкателей обнажили наконецъ его свойство, котораго всегда онъ обуздывалъ пылкость. Въ безмѣрномъ гнѣвѣ, возбужденномъ, можетъ быть, его ревнивостїю, умертвилъ онъ супругу свою Мелиссу, которую любилъ до безумїя. Симъ кончилось его благополучїе и добродѣтели. Снѣдаемый долговременною горестїю, онъ не менѣе терзался и тѣмъ, когда узналъ, что не только не сожалѣютъ о немъ, но обвиняютъ его, что нѣ-

когда осквернилъ онъ ложе отца своего. Думая, что народное уваженіе къ нему охладѣло, онъ осмѣлился презирать оное; и забывъ, что есть такія обиды, за которыя государь не инымъ чѣмъ долженъ отмщевать, какъ только милосердіемъ, онъ началъ утѣснять всѣхъ своихъ подданныхъ, окружилъ себя тѣлохранителями, ожесточился на тѣхъ, которыхъ щадилъ отецъ его. Подъ самымъ пустымъ предлогомъ отнималъ у Коринѳскихъ женъ алмазныя украшенія и все, что онѣ имѣли драгоцѣннѣйшаго; народъ обременилъ работами, для содержанія его въ рабствѣ; самъ терзаясь то подозрѣніями, то страхомъ, онъ наказывалъ всякаго гражданина, котораго видѣлъ сидящаго на площади спокойно, и осуждалъ на казнь, яко виновнаго, каждаго человѣка, который могъ сдѣлаться таковымъ.

Домашнія горести усугубили ужасное его положеніе. Младшій его сынъ Ликофронъ, извѣстясь отъ дѣда своего о несчастной судьбѣ своея матери, столько возненавидѣлъ убійцу, что не могъ терпѣть его взоровъ, и даже не удостоивалъ его отвѣтами на вопросы. Тщетно употреблялъ онъ и ласки и

прозьбы. Періандръ принужденъ былъ выгнать его изъ своего дома; запретилъ всѣмъ гражданамъ не только не принимать, но и говорить съ нимъ, назначивъ за ослушаніе пеню, опредѣленную въ храмъ Аполлоновъ. Юноша скрылся въ одномъ общенародномъ портикѣ, не имѣвъ ни откуда помощи, ни на кого не жалуясь и рѣшась лучше претерпѣть все, нежели повергнуть своихъ друзей лютости тиранна. Спустя нѣсколько дней отецъ нечаянно его увидя, возчувствовалъ къ нему всю родительскую нѣжность: подбѣжалъ къ нему, и ничего не забылъ, чтобы преклонить его къ себѣ; но ничего не получа въ отвѣтъ, кромѣ сихъ словъ: „ты самъ преступилъ свой законъ и подвергся пени„ Періандръ рѣшился сослать его на островъ Корциру, присоединенный къ его владѣніямъ.

Раздраженные боги даровали сему государю долговременную жизнь, которая медлѣнно изчезала отъ печалей и угрызеній совѣсти. Уже не время было говорить, какъ говаривалъ онъ прежде, что лучше возраждать въ другихъ зависть, нежели жалость. Несчастія принудили его

наконецъ согласиться, что народоправленіе лучше тиранніи. Нѣкто осмѣлился предложить ему, что онъ можетъ оставить престолъ. Ахъ! отвѣчалъ онъ: для тиранна сойти со престола столько же опасно, какъ и быть низвергнуту съ онаго.

Когда уже бремя правленія становилось для него день ото дня тягостнѣе и когда не находилъ онъ никакой помощи въ старшемъ сынѣ своемъ, который былъ слабоуменъ; то рѣшился призвать Ликофрона, и покушался дѣлать ему различныя предложенія, которыя однакожъ всѣ были отвергнуты съ негодованіемъ. Наконецъ предложилъ, что когда сынъ его оставитъ Корциру и приметъ престолъ въ Коринѳѣ, то онъ самъ откажется отъ царствованія и удалится въ Корциру. Намѣреніе приближалось къ исполненію; но Корциряне, опасаясь Періандрова присутствія, прекратили дни Ликофрона. Отецъ даже не имѣлъ и того утѣшенія, чтобъ совершить мщеніе за толь лютое злодѣйство. Онъ посадилъ на корабль 300 дѣтей, взятыхъ насильно изъ первыхъ домовъ въ Корцирѣ, чтобы отправить ихъ къ царю Ли-

дїйскому. Лишь только корабль присталъ къ берегамъ Самоса; то жители, пришедъ въ жалость о судьбѣ сихъ несчастныхъ жертвъ, нашли средство спасти и возвратить ихъ къ родителямъ. Перїандръ, снѣдаемый безсильною злобою, умеръ почти 80ти лѣтъ, царствовавъ 44 года.

Какъ только онъ сомкнулъ глаза, тотчасъ изчезли памятники и даже малѣйшїе слѣды тираннїи. По немъ содѣлался преемникомъ государь малоизвѣстный, царствовавшїй только три года. Послѣ сего краткаго времени Коринѳяне, соединивъ войско свое со Спартанскимъ, основали такое правленїе, которое осталось навсегда; потому что оно болѣе походило на олигархїю, нежели на демократїю, и что важныя дѣла въ такомъ правленїи не зависѣли отъ произвольнаго народнаго рѣшенїя. Коринѳъ болѣе нежели какой либо другой городъ Грецїи, произвелъ гражданъ знающихъ искуство управлять. Они-то единственно своею мудростїю и просвѣщенїемъ такъ умѣли поддержать сїе постановленїе, что зависть, чувствуемая бѣдными къ богатымъ, не сильна была поколебать онаго.

Ликургъ уничтожилъ въ Лакедемонѣ отличіе между сими двумя степенями граждан. Фидонъ, который, кажется, жилъ въ то же время, долгомъ своимъ почелъ сохранить оное въ Коринѳѣ, гдѣ онъ былъ изъ числа законодателей. Сей городъ, лежащій на большой торговой дорогѣ и безпрестанно принимающій въ себя иностранцевъ, не могъ быть подверженъ такому же управленію, каковому слѣдуетъ городъ находящійся на краю Пелопониса. Но Фидонъ, наблюдая неравенство въ состояніяхъ, не менѣе обращалъ вниманія на то, чтобы опредѣлить число семействъ и гражданъ. Такой законъ сообразовался со свойствомъ тѣхъ отдаленныхъ вѣковъ, въ которые люди, раздѣленные на малыя поселенія, не знали другой нужды, кромѣ нужды въ содержаніи себя, и другаго честолюбія, кромѣ честолюбія въ защищеніи себя. Тогда для каждаго народа довольно было и того, чтобы имѣть довольно земледѣльцевъ для воздѣлыванія земли, и силъ для сопротивленія въ случаѣ нечаяннаго нападенія. Таковыхъ мыслей Греки никогда не

перемѣняли. Ихъ философы и законодатели, увѣренные, что великое размноженїе народа служитъ средствомъ къ умноженїю богатства и къ непрерывнымъ войнамъ, вмѣсто попеченїя объ ономъ, пеклися единственно о предупрежденїи всякихъ излишествъ. Первые не такъ-то дорого цѣнили жизнь, чтобы почитать ее необходимою для размноженїя человѣческаго рода; а послѣднїе обращая вниманїе на учрежденїе малочисленной области, всегда опасались размножать въ ней жителей, которые могли бы ее вскорѣ изтощить.

Такова была главная причина, побудившая нѣкогда выйти изъ пристаней Греческихъ тѣ многочисленные, такъ сказать, рои переселенцевъ, кои послѣ водворились въ отдаленнѣйшихъ степяхъ. Сиракузы, составляющїе украшенїе Сицилїи, и Корцира, бывшая нѣкоторое время обладательницею морей, Амвракїя въ Эпирѣ, о коей я уже говорилъ, и многїе другїе города болѣе или менѣе цвѣтущїе, началомъ своимъ одолжены Коринѳу.

Сикїона. Сикїона не въ дальнѣйшемъ находится разстоянїи отъ Коринѳа. На пути къ сему

городу намъ надлежало переправляться чрезъ многія рѣки. Округъ оный, изобилующій хлѣбомъ, виномъ и масломъ, есть прекраснѣйшій и богатѣйшій во всей Греціи.

Какъ Сикіонскіе законы строго запрещаютъ погребать въ городѣ кого бы то ни было, то и увидѣли мы по правую сторону дороги гробницы, которыхъ видъ нимало не безобразитъ красоты сихъ мѣстъ. Небольшая ограда со столпами, поддерживающими кровлю, заключаетъ мѣсто, на которомъ выкапываютъ могилу: въ нее кладутъ умершаго, засыпаютъ землею и, послѣ обыкновенныхъ обрядовъ, сопровождавшіе покойника называютъ его по имени, и въ послѣдній разъ прощаются съ нимъ.

Мы нашли жителей приуготовлявшихся къ празднеству, которое у нихъ бываетъ ежегодно, и которое отправляемо ими было въ слѣдующую ночь по пріѣздѣ нашемъ. Они, взявъ многіе древніе истуканы изъ особой нѣкоей храмины, гдѣ они нарочно для сего хранятся, носили ихъ по улицамъ, и потомъ поставили въ храмѣ Вакха. Истуканъ сего бога несенъ былъ

впереди, а другїе за нимъ: шествїе сїе освѣщено было великимъ множествомъ пламенниковъ и были воспѣваемы имны напѣвами, въ другихъ мѣстахъ неизвѣстными.

Сикїоняне полагаютъ основанїю своего города такую эпоху, которая ни мало не можетъ быть согласна съ преданїями другихъ народовъ. Аристратъ, у котораго мы жили, показывалъ намъ длинный списокъ государей, владѣвшихъ престоломъ въ продолженїе 1000 лѣтъ, изъ которыхъ послѣднїй жилъ около того времени, когда происходила война Троянская. Мы просили, чтобы онъ не заводилъ насъ въ такую древность временъ, и восходилъ не далѣе трехъ или четырехъ вѣковъ. Въ сїе-то время, отвѣтствовалъ онъ, появилось нѣсколько сряду государей, извѣстныхъ подъ именемъ тирановъ, потому что они имѣли власть неограниченную; для сохраненїя оной чрезъ цѣлое столѣтїе имѣли они только то средство, что содержали оную въ надлежащихъ предѣлахъ, уважая законы. Орѳагоръ изъ нихъ былъ первый, а Клисѳенъ послѣднїй. Боги, кои къ отвращенїю крайнихъ золъ иногда употребля-

ютъ жестокіе способы, произвели на свѣтъ сихъ двухъ государей, для того единственно, чтобы лишить насъ свободы, пагубнѣйшей самаго рабства. Орѳагоръ своею кротостію и благоразуміемъ истребилъ неистовые заговоры; Клисѳенъ своими добродѣтелями заставилъ себя обожать, а мужествомъ страшиться его.

Когда собраніе Амфиктіоновъ положило вооружить Греческіе народы противу жителей Кирры, виновныхъ въ нечестіи ко храму Дельфійскому; то въ число предводителей войскъ избрало Клисѳена, который былъ столько благоразуменъ, что часто слушался совѣтовъ Солона, бывшаго въ семъ походѣ. Война вскорѣ кончилась; и Клисѳенъ доставшуюся ему часть изъ добычи употребилъ на построеніе великолѣпнаго портика въ столицѣ своихъ областей.

Слава о его мудрости увеличилась еще отъ особеннаго обстоятельства. Въ Олимпіи онъ одержалъ верьхъ въ бѣганіи на колесницѣ, запряженной четырьмя конями. Какъ скоро провозглашено было его имя, то провозвѣстникъ, обратясь къ безчисленному множеству зрителей, объявилъ, что

всѣ тѣ, кои желали получить въ супружество Агаристу, дочь Клисѳенову, могутъ являться въ Сикїону въ продолженїе 60 ти дней, и что спустя годъ послѣ сего срока будетъ объявленъ супругъ Царевнинъ.

Вскорѣ изъ разныхъ странъ Грецїи и Италїи стеклися женихи, изъ которыхъ каждый почиталъ себя достойнымъ вступить въ сей славный союзъ. Въ числѣ оныхъ былъ Сминдиридъ, богатѣйшїй и сластолюбивѣйшїй изъ Сибаритовъ; онъ прибылъ на собственной галерѣ, ведя за собою 1000 своихъ невольниковъ рыбаковъ, птицеловъ и поваровъ. Онъ-то, видя земледѣльца подъемлющаго съ трудомъ свой заступъ, чувствовалъ всегда внутренность свою раздирающеюся, и не могъ спать, ежели хотя одинъ изъ розовыхъ листковъ, коими усыпалась его постеля, какъ нибудь свертывался. Его нѣга ни съ чемъ не могла равняться, какъ только съ его пышностїю, а пышность съ нахальствомъ. Въ самый вечеръ его прибытїя, когда надобно было садиться за столъ, онъ требовалъ, чтобъ никто не садился подлѣ него,

кромѣ царевны, и что когда будетъ она его супругою.

Въ числѣ соперниковъ его были Лаокидъ, изъ древняго Аргосскаго дома; Лафанесъ изъ Аркадіи, потомокъ Эвфоріона, который угощалъ нѣкогда, какъ думаютъ, Діоскуровъ Кастора и Поллукса; Мегаклъ, произшедшій изъ рода Алкмеонидовъ, самаго знаменитаго въ Аѳинахъ; Гиппоклидъ, родившійся въ томъ же городѣ и отличавшійся своими дарованіями, богатствомъ и красотою; и еще восемь другихъ заслуживали, по различнымъ качествамъ своимъ, ту честь, чтобъ спорить съ таковыми соперниками.

Дворъ Сикіонскій былъ занятъ одними празднествами и забавами; поприще безпрестанно было открыто для соискателей; тамъ спорили о первенствѣ въ бѣганіи и въ другихъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Клисѳенъ, который уже освѣдомился о ихъ породѣ, присутствовалъ при сихъ пренїяхъ: онъ старался вызнать каждаго изъ нихъ свойство какъ изъ общихъ, такъ и частныхъ съ ними разговоровъ. Нѣкая тайная склонность привлекала его то къ одному, то

къ другому изъ двухъ Аѳинянъ; но приятности Гиппоклида наконецъ его плѣнили.

День, въ который надлежало объявить выборъ жениха, начался принесенїемъ въ жертву ста воловъ; за тѣмъ послѣдовалъ пиръ, къ которому приглашены были всѣ Сикїоняне вмѣстѣ съ соискателями. Ставъ изъ-за стола, продолжали пить, имѣли пренїе о музыкѣ и о другихъ предметахъ. Гиппоклидъ, который во всемъ имѣлъ превосходство, продолжалъ бесѣду: вдругъ приказываетъ онъ свирѣльщику заиграть нѣкоторую пѣсню, и пускается плясать, изъявляя сладострастныя движенїя съ такимъ удовольствїемъ, на которое Клисѳенъ смотрѣлъ съ негодованїемъ: спустя нѣсколько времени, велѣлъ онъ внести столъ, вспрыгнулъ на него, и началъ плясать сперва по Лакедемонски, а потомъ по Аѳински. Клисѳенъ, оскорбяся такою непристойностїю и вѣтренностїю, едва могъ воздержаться отъ гнѣва; но когда увидѣлъ, что онъ ставъ внизъ головою и опершись на руки, началъ дѣлать различныя движенїя ногами; то вскричалъ: „сынъ Тизандровъ! ты теперь проплясалъ разрывъ твоего сватовства. — Повѣрь, государь, отвѣчалъ Аѳинянинъ,

,,Гиппоклидъ о семъ нимало не заботится.,, Послѣ сихъ словъ, которыя потомъ вошли въ пословицу, Клисѳенъ, давъ знакъ къ молчанїю, благодарилъ всѣхъ соискателей, просилъ изъ нихъ каждаго принять по таланту серебра и объявилъ, что онъ дочь свою выдаетъ за Мегакла сына Алкмеонова: отъ сего супружества произошелъ по матери знаменитый Периклъ.

Аристратъ присовокупилъ, что со времени Клисѳена взаимная ненависть у богатыхъ съ бѣдными, сїя неизлѣчимая болѣзнь Греческихъ республикъ, непрестанно терзала его отечество; и что недавно нѣкоторый гражданинъ, по имени Евфронъ, прибравъ хитростїю въ свои руки всю власть, удерживалъ ее чрезъ нѣкое время, потомъ лишился оной, и былъ убитъ въ присутствїи градоправителей Ѳивскихъ, къ которымъ пришелъ онъ просить покровительства. Ѳивяне не осмѣлились наказать убїйцъ человѣка обвиненнаго въ тираннїи; но народъ Сикїонскїй, къ которому онъ былъ всегда благосклоненъ, воздвигъ ему гробницу посреди народной площади, и понынѣ воздаетъ ему почесть, яко отличному гражданину и еди-

ному изъ своихъ покровителей. Я его виню, сказалъ Аристратъ, за то, что онъ часто употреблялъ вѣроломство и огорчалъ богатыхъ; но республикѣ всегда нужна голова. Сїи послѣднїя слова обнаружили его намѣренїе, и спустя нѣсколько времени, мы узнали, что онъ похитилъ верховную власть.

Мы осмотрѣли городъ, пристань и замокъ. Сикїона будетъ славиться въ исторїи народовъ тщанїемъ, каковое она прилагала о разпространенїи художествъ. Я желалъ бы опредѣлить съ точностїю, до какой степени способствовалъ сей городъ введенїю живописи и ваятельства; но я далъ уже замѣтить, что художества чрезъ многїе вѣки шествуютъ по путямъ темнымъ: важное открытїе не иное что есть, какъ соединенїе множества малыхъ открытїй, предшествовавшихъ оному; и поелику не возможно слѣдовать по стезямъ оныхъ, то довольно уже имѣть въ виду хотя ощутительнѣйшїя, а ограничить себя нѣкоторыми выводимыми изъ того послѣдствїями.

Рисованїе получило свое начало отъ случая, ваянїе отъ богопочитанїя, живопись отъ успѣховъ другихъ художествъ.

Въ отдаленнѣйшія времена кто нибудь вздумалъ начертать на землѣ или на стѣнѣ тѣнь, отражаемую тѣломъ, освѣщеннымъ солнечными лучами, или какимъ либо другимъ свѣтомъ. Въ послѣдствіи времени отъ сего научились изображать видъ предметовъ простыми очертаніями.

Еще со временъ самыхъ отдаленныхъ, для возбужденія бо́льшей ревности въ народѣ, представляли предъ глаза его символъ или образъ его богопочитанія. Сначала, для воздаянія божеской чести, представляли камень, или пень, вскорѣ пото́мъ вздумали верхнюю часть онаго округлить на подобіе головы, наконецъ были проведены черты для означенія рукъ и ногъ. Въ такомъ-то состояніи ваяніе находилось у Египтянъ въ то время, когда они передали его Грекамъ, кои долгое время были довольны тѣмъ, что подражали своимъ учителямъ. Отсюда-то вышли тѣ истуканы, которые мы часто видимъ въ Пелопонисѣ во образѣ бруса, столпа и пирамиды съ головкою на верьху, иногда и съ руками; но руки только назначены, а ноги не отдѣлены одна отъ другой. Меркуріевы истуканы, на-

зываемые Гермесами, сушь не иное что, какъ остатокъ сего древняго обыкновенія.

Египтяне хвалятся, что уже тому десять тысячъ лѣтъ прошло, какъ они открыли ваяніе. Живопись, говорятъ они, изобрѣтена тогда же, или по крайней мѣрѣ за 6000 лѣтъ прежде, нежели она извѣстна была у Грековъ. Греки, не приписывая себѣ открытія перваго изъ сихъ искуствъ, думаютъ, что открытіе послѣдней совершенно принадлежитъ имъ. Чтобы согласить толь противныя мнѣнія, надобно раздѣлить живопись на два рода; одна заключалась въ томъ, чтобы покрывать рисунокъ красками сплошь и нераздѣльно; а другая есть та, которая по долговременномъ усиліи достигла до совершеннаго подражанія природѣ.

Первую живопись открыли Египтяне. И дѣйствительно, въ Ѳиваидѣ можно видѣть самыя яркія краски, коими по самому древнему вкусу расписаны пещеры, служившія, можетъ быть, гробницами, также потолки въ храмахъ, іероглифы и всѣ изображенія, представляющія людей и животныхъ. Сіи краски, будучи обложены иногда золоты-

ми привинченными листочками, довольно доказывают, что въ Египтѣ живописное искуство заключалось въ одномъ разцвѣчиванiи.

Надобно думать, что и во время Троянской войны Греки небольшiе имѣли успѣхи въ живописи; но около первой Олимпiады Сикiонскiе и Коринѳскiе художники, показавшiе уже въ рисованiи больше искуства, отличились такими опытами, которыхъ память еще соблюдается, и которые могли удивить своею новостiю. Между тѣмъ какъ Дедалъ Сикiонскiй отдѣлялъ у истукановъ руки и ноги, Клеофантъ Коринѳскiй изображалъ красками черты лицъ. Онъ ничего не употреблялъ кромѣ толченаго кирпича; а сiе самое доказываетъ, что Греки тогда не знали никакихъ красокъ, которыми пользуются нынѣ при изображенiи тѣлеснаго цвѣта.

Около временъ войны Мараѳонской живопись и ваянiе вышли изъ состоянiя долговременнаго младенчества, и быстрые успѣхи возвысили ихъ до той степени величественности и красоты, въ какой мы оную теперь находимъ. Даже и въ наши времена Сикiона произвела Евпомпа, основателя третьяго жи-

вописнаго училища. Прежде сего извѣстны были только училища Аѳинское и Іоническое. Изъ его училища вышли знаменитые художники, между прочими Павзаній и Памфилъ, управлявшій онымъ во время нашего пребыванія въ семъ городѣ. Дарованія и слава его привлекли къ нему великое множество учениковъ, которые платили ему по одному таланту еще до своего принятія. Онъ съ своей стороны обязывался чрезъ цѣлые 10 лѣтъ преподавать имъ наставленія, основанныя на прекрасной ѳеоріи и доказанные успѣхами его произведеній. Онъ притомъ совѣтовалъ имъ упражняться въ словесности и въ наукахъ, въ которыхъ онъ самъ былъ весьма свѣдущъ.

По его-то совѣту Сикіонское правительство приказало, чтобы рисованіе приобщено было впредь къ воспитанію гражданъ, и чтобы изящныя искуства не были болѣе въ рукахъ рабовъ. Другіе города Греціи, убѣжденные симъ примѣромъ, начали оному послѣдовать.

Мы познакомились съ двумя его учениками, которые послѣ весьма прославились. Это есть Меланѳъ и Апеллесъ. Онъ весьма много надѣялся и на перваго, но еще болѣе на

втораго, который за счастїе почиталъ имѣть такого учителя. Памфилъ вскорѣ возчувствовалъ удовольствїе, что онъ образовалъ такого ученика.

Мы проѣзжались иногда по окрестностямъ Сикїоны. При мѣстечкѣ Титанѣ, лежащемъ на горѣ, мы видѣли въ одной кипарисной рощѣ храмъ Эскулапїевъ; его истуканъ покрытъ туникою, сотканною изъ самой бѣлой шерсти, и ризою. Онъ представляетъ только одно лицо, руки и ступни ногъ. Близь его стоитъ истуканъ Гигїи, богини здравїя, который также покрытъ длинною одеждою и плетешками изъ волосъ, которыя женщины вырываютъ у себя изъ головы и посвящаютъ сему божеству. Обыкновенїе облекать истуканы одеждами, иногда весьма богатыми, есть общее между Греками, и оно часто заставляетъ сожалѣть о томъ, что таковыя украшенїя закрываютъ отъ глазъ нашихъ красоты искуства.

Мы остановились въ городѣ Флїонтѣ, которагo жители въ наши времена получили знаменитость, каковой ни побѣды, ни богатство дать не могутъ. Флїонтяне были соединены со Спартою тогда, когда Флїонтъ.

она была на самомъ высочайшемъ степени славы. Послѣ войны Левктрійской невольники и большая часть союзниковъ возстали противъ оной. Флїонтяне летѣли къ ней на помощь и по возвращенїи въ домы ни могущество Ѳивянъ и Аргїянъ, ни ужасы войны, ни голодъ не были сильны принудить ихъ оставить съ нею союзъ. Таковый примѣръ мужества былъ показанъ въ маленькомъ и бѣднѣйшемъ городкѣ изъ всей Грецїи въ такой вѣкъ, въ коемъ клятва почитается за шутку.

Ахаія. Проведя нѣсколько дней въ Сикїонѣ, поѣхали мы въ Ахаїю, простирающуюся даже до Аракскаго мыса, лежащаго противъ острова Кефалленїи; это есть коса земли, окруженной къ полудню Аркадїею и Елидою, а къ сѣверу моремъ Крисскимъ, берега котораго почти всѣ усѣяны скалами, дѣлающими оное неприступнымъ. Внутри сей страны кряжъ земли весьма неплодоносенъ и ничего почти не производитъ, однакожъ по мѣстамъ есть хорошїе виноградные сады.

Ахаїя прежде была населена Іонянами, живущими нынѣ на берегахъ Асїи. Они

были изгнаны Ахеянами, когда сїи последнїе принуждены были уступить Геркулесовым потомкам Аргосское и Лакедемонское государство.

Ахеяне, поселясь в новое жилище свое, не вмѣшивались в дѣла, принадлежащїя до Грецїи, даже и тогда, когда Ксеркс угрожал им долговременным рабством. Пелопонисская война возмутила покой, составлявшїй их счастїе; они соединялись то с Лакедемонянами, то с Аѳинянами, к которым они болѣе были привержены. Тогда-то Алкивїад хотѣл убѣдить жителей Патры в том, чтобы они стѣны города своего провели даже до гавани для того, чтобы флоты Аѳинскїе удобнѣе могли им помогать; а один из предстоящих среди собранїя вскричал: „ежели вы послушаете сего совѣта; то Аѳиняне наконец вас поглотят. „Это может статься, отвѣчал Алкивїад, только с тѣм различїем, что Аѳиняне начнут с ног, а Лакедемоняне с головы.„ Ахеяне вступали потом и в другїе союзы. Спустя нѣсколько лѣт послѣ нашего отъѣзда они послали 2000 человѣк к Фокеянам, и их войско отличилось при Херонейском сраженїи.

Пеллена. Городъ Пеллена также малъ, какъ и всѣ города Ахейскіе. Онъ выстроенъ на хребтѣ одного холма, котораго видъ столько неправиленъ, что двѣ четверти города, стоящія на противуположныхъ сторонахъ, не имѣютъ почти никакого сообщенія между собою. Пристань отъ него разстояніемъ на 60 стадій. Опасность отъ морскихъ разбойниковъ принудила нѣкогда жителей селиться на высотахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ моря, и всѣ древніе Греческіе города расположены такимъ же порядкомъ.

Выѣхавъ изъ Пеллены, видѣли мы храмъ Вакховъ, въ которомъ ежегодно во время ночи производится праздникъ лампадъ, коихъ горѣло великое множество, и со изобиліемъ разливалось для черни вино. На противной сторонѣ стоитъ роща, посвященная Діанѣ хранительницѣ; никто не можетъ въ нее входить кромѣ жрецовъ. Потомъ увидѣли мы въ Минервиномъ храмѣ истуканъ, сдѣланный изъ золота и слоновой кости столь высокой работы, что его почитаютъ Фидіевымъ.

Эгира. Мы пріѣхали въ Эгиру, отстоящую отъ моря на 12 стадій. Между тѣмъ, какъ

мы смотрѣли на памятники, намъ сказали, что нѣкогда жители, бывъ не въ состоянїи выставить соотвѣтственныхъ силъ противъ войска Сикїонскаго, которое ихъ осаждало, собрали великое число козъ, привязали къ рогамъ горящїя головни и гнали ихъ ночью. Неприятель подумалъ, что это были соединенныя войска Эгирскїя, и для того удалился.

Далѣе, вошли мы въ пещеру, жилище оракула, употребляющаго жребїи для предсказанїя будущаго. Подлѣ Ираклова истукана наметана груда костей, у которыхъ на каждой сторонѣ есть особенный значекъ. Должно ихъ захватить на удачу числомъ четыре и бросить на столъ, гдѣ тѣ же самые знаки изображаются съ истолкованїемъ. Народъ оракулу сему, какъ и прочимъ, вѣритъ и посѣщаетъ его весьма часто.

Еще далѣе мы увидѣли развалины Гелиса, который прежде отстоялъ отъ моря на 12 стадїй, а нынѣ разрушенъ отъ сильнаго землетрясенїя. Сїи ужасныя приключенїя бываютъ на мѣстахъ, Гелисъ.

находящихся близЪ моря. Они часто бывають предшествуемы ужасными явленїями, какЪ-то, вЪ продолженїи многихЪ мѣсяцовЪ дожди наводняютЪ землю, или совсѣмЪ не доставляетЪ ей влажности, блескЪ солнечныхЪ лучей помрачается или солнце рдѣетЪ подобно раскаленному углю; порывистые вѣтры опустошаютЪ поля, разные огни летаютЪ вЪ воздухѣ и другїя явленїя предвѣщаютЪ обыкновенно ужасное приключенїе.

Послѣ несчастїя Гелїйскаго приводили себѣ на память разныя чудеса, предшествовавшїя оному. ОстровЪ ДелосЪ колебался, огромный огненный столбЪ возвышался даже до небесЪ. КакЪ бы то ни было, но не много прежде Левктрїйскаго сраженїя, зимою вЪ самую полночь, лишь только сЪ одной стороны повѣялЪ сѣверный вѣтрЪ, а сЪ другой полуденный: то городЪ отЪ сильныхЪ и стремительныхЪ потрясенїй, умножающихся еще до разсвѣта дня, былЪ разрушенЪ до основанїя, погребенЪ вЪ морскихЪ волнахЪ, выступившихЪ изЪ своихЪ предѣловЪ. Наводненїе было столь велико, что

вода покрывала даже вершину рощи, посвященной Нептуну. Нечувствительно вода начала убавляться, но все еще покрываетъ развалины Гелиса, и только развѣ едва примѣтные слѣды города сего показываетъ. Всѣ жители погибли. Тщетно въ слѣдующіе дни старались вытащить ихъ трупы для погребенія.

Говорятъ, что въ 40 стадіяхъ отъ Гелиса въ городѣ Егіумѣ трясеніе не было ощутительно. Но съ другой стороны оно простиралось до города Буры, который отъ Гелиса столько же былъ далекъ, какъ и Эгіумъ. Стѣны, домы, храмы, истуканы, люди и животныя всѣ были истреблены или подавлены. Граждане, бывшіе въ отлучкѣ, по возвращеніи своемъ, построили городъ, который еще стоитъ и понынѣ. На мѣсто города Гелиса построено маленькое мѣстечко, откуда мы поплыли на плоскодонномъ суднѣ съ тѣмъ, чтобы видѣть вблизи нѣкоторые обломки, разбросанные по берегу. Наши вожатые поворотили въ сторону, опасаясь, чтобъ не разбиться о мѣдный истуканъ Нептуновъ, который наровнѣ съ водою стоитъ еще на своемъ подножіи. Эгіумъ.

По разрушенїи Гелиса, Эгїумъ наслѣдовалъ его землю и сдѣлался главнымъ городомъ въ Ахаїи. Сюда-то собираются народные сеймы въ рощу, посвященную Юпитеру близъ храма сего бога и на берегу морскомъ.

Съ самыхъ древнихъ временъ Ахаїя была раздѣлена на 12 городовъ, заключающихъ въ своихъ округахъ отъ семи до осьми мѣстечекъ. Всякой имѣетъ право посылать повѣренныхъ въ обыкновенное собранїе, которое производилось среди весны въ началѣ ихъ года. Тамъ учреждаемы были правила, съ примѣненїемъ къ обстоятельствамъ, тамъ назначали судей для приведенїя оныхъ въ исполненїе, собирать народъ въ случаѣ войны, или разсуждать о союзѣ.

Правительство держится, такъ сказать, само собою. Оно есть такая демократїя, коея начало и продолженїе зависитъ отъ нѣкоторыхъ особенныхъ обстоятельствъ: какъ страна сїя бѣдна, не имѣетъ торговли, и почти безъ промысловъ; то граждане въ полномъ покоѣ наслаждаются здѣсь равенствомъ и свободою, до-

ставляемою имъ мудрымъ законоучрежденїемъ; какъ между ими нѣтъ людей безпокойныхъ, то они никакой не поставляютъ и славы въ завоеванїяхъ: какъ они мало имѣютъ связей съ народами развращенными, то никогда не употребляютъ лжи, ни обмана даже противу своихъ неприятелей: наконецъ, какъ всѣ города имѣютъ одинаковые законы и одинаковые суды, то составляютъ они единое тѣло, единое государство и между ими царствуетъ согласїе, которое разливается на различныя степени гражданъ. Изящность ихъ законоположенїй и честность судей ихъ столько извѣстны, что Греческїе въ Италїи города, утомясь отъ собственныхъ раздоровъ, нѣкогда прибѣгали къ сему народу для прекращенїя оныхъ, а нѣкоторые изъ нихъ составляли между собою союзъ подобный Ахейскому. Наконецъ Лакедемоняне и Өивяне, спорившїе между собою, кому изъ нихъ принадлежала побѣда при Левктрахъ, избрали народъ сей судїею въ такомъ дѣлѣ, которое относилось до ихъ чести, и которое требовало строжайшаго безпристрастїя.

Мы неоднократно видали, какъ малыя дѣти на морскомъ берегу метали весьма далеко каменья изъ пращи. Ахеяне съ удовольствіемъ предаются сему упражненію, и столько усовершились въономъ, что свинецъ, извѣстнымъ образомъ вложенный въ ремень, извергается, летитъ и ударяетъ мгновенно въ ту цѣль, куда былъ направленъ.

Фары. На пути нашемъ въ Патры мы проѣхали множество городовъ и селъ; ибо Ахаїя очень многолюдна. Въ Фарахъ увидѣли мы на общенародной площади тридцать четвероугольныхъ камней, которые почитаются тамъ за нѣкїя божества, названія коихъ я позабылъ. Близь сихъ камней стоитъ Меркурїй съ низу сдѣланный брусомъ, съ длинною бородою. Напротивъ стоялъ истуканъ Весты, окруженный мѣдными лампадами. Насъ увѣряли, что Меркурїй предсказывалъ будущее; и чтобы получить отвѣтъ, стоитъ только пошептать ему на ухо. Въ то самое время приходитъ къ нему поселянинъ вопрошать его; ему надлежало принесть богинѣ ѳимїамъ, наполнить лампады масломъ и зажечь ихъ, положить на

жертвеникЪ нѣкоторую небольшую монету, приближиться кЪ Меркурїю, вопросить его весьма тихо, потомЪ удалиться заткнувЪ себѣ уши и послѣ припамятовать первыя слова, какїя услышитЪ; ибо оныя должны разрѣшить его сомнѣнїя. НародЪ слѣдовалЪ за нимЪ, а мы пошли домой.

Не вступая вЪ Патры, вошли мы вЪ прекрасную рощу, гдѣ многїе юноши упражнялись вЪ бѣганїи. ВЪ одной просѣкѣ встрѣтили мы отЪ 12ти до 13ти лѣтняго мальчика, одѣтаго вЪ хорошее платьице и увѣнчаннаго колосьями. Мы его спросили, и онЪ намЪ отвѣчалЪ: сего дня праздникЪ Вакха Есимнета, такЪ его называютЪ: всѣ дѣти изЪ города выходятЪ на берега рѣки Милиха; тамЪ станемЪ мы вЪ порядокЪ и пойдемЪ кЪ Дїанину храму, который вы видите; положимЪ сїи вѣнки кЪ ногамЪ богини, и, омывшисЪ вЪ источникѣ, возмемЪ ужѐ блющевые и пойдемЪ ко храму Вакха, который стоитЪ подалѣе. Я сказалЪ ему: на что сей колосяный вѣнокЪ? — ТакЪ украшали намЪ головы тогда, когда закалали насЪ на жертвенникѣ Дїаны. КакЪ? васЪ закалали! — ТакЪ вы не слыхали ис-

сторіи о прекрасномъ Меланиппѣ и Комеѳѣ, жрицѣ сей богини. Я вамъ о томъ разскажу.

Они другъ друга столько любили, что желали всегда быть вмѣстѣ; и даже въ самой разлукѣ воображали себѣ, что другъ друга еще видятъ. Они наконецъ просили у родителей позволенія вступить въ супружество, а сіи жестокосердые имъ въ томъ отказали. Спустя нѣсколько времени случился великой голодъ, появились опасныя болѣзни. Вопрошенъ былъ оракулъ, и оный отвѣтствовалъ: Діана была прогнѣвана тѣмъ, что Меланиппъ и Комеѳо сочетались бракомъ въ самомъ ея храмѣ въ ночь ся праздника; для умягченія гнѣва ея надлежитъ ежегодно приносить ей въ жертву юношу и младую дѣву отличной красоты. Потомъ оракулъ обѣщалъ намъ, что сіе варварское обыкновеніе прекратится, какъ скоро нѣкто принесетъ сюда нѣкій истуканъ Вакха; истуканъ принесенъ и поставленъ въ семъ храмѣ, и жертвоприношеніе было замѣнено торжественнымъ ходомъ и обрядами, о которыхъ я вамъ говорилъ. Прощай иностранецъ!

Сіе повѣствованіе, о которомъ подтвер-

дили намъ просвѣщенныя особы, тѣмъ менѣе было для насъ удивительно, что долгое время не знали средствъ къ отвращенію небеснаго гнѣва, кромѣ пролитія человѣческой крови на жертвенникѣ, а наипаче крови юной дѣвицы. Причины сего выбора были справедливы; но проистекали онѣ изъ того гнуснаго начальнаго положенія, что боги болѣе преклоняются цѣною жертвъ, нежели намѣреніемъ приносящихъ оныя. Когда сіе пагубное заблужденіе было единожды принято, то и надлежало постепенно приносить имъ самыя лучшія произведенія земли, и самыя великолѣпныя жертвы; а какъ кровь человѣческая гораздо драгоцѣннѣе крови животныхъ, то и проливали кровь такой дѣвицы, которая соединяла вмѣстѣ и юность и красоту и породу, словомъ, которая соединяла преимущества болѣе уважаемыя человѣками.

Осмотрѣвъ памятники въ Патрахъ, и въ другомъ городѣ, называемомъ Диме, мы переправились чрезъ Ларисcъ и вступили въ Элиду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ОСЬМАЯ.

Путешествіе въ Элиду. Олимпійскія игры.

Элида есть небольшая страна, прилежащая къ Іоническому морю, и раздѣляющаяся на три долины. Въ сѣверной долинѣ находится городъ Элисъ, построенный при Пенеѣ рѣкѣ, не столь знаменитой, какъ Пеней Ѳессалійскій; средняя долина примѣчательна по храму Юпитера, воздвигнутому подлѣ рѣки Алфея; а послѣдняя называется Трифиліею.

Жители, населяющіе сію страну, долгое время наслаждались глубокою тишиною. Всѣ Греческіе народы согласились признавать ихъ яко посвященныхъ Юпитеру, и столько ихъ почитали, что иностранное войско при входѣ въ сію страну оставляло оружіе, и не прежде принимало оное, какъ по выходѣ изъ ея предѣловъ. Въ нынѣшнія времена они рѣдко имѣютъ сіе преимущество; однакожъ не смотря на кратковременныя войны, къ которымъ и они въ послѣднія времена были принуждаемы, не смотря на раздоры, въ нѣкоторыхъ городахъ ихъ и нынѣ еще существующіе, Элида изъ всѣхъ округовъ Пелопониса изобильнѣйшая и много-

люднҍйшая. Плодоносныя поля ея покрыты трудолюбивыми невольниками. Землепашество тамъ въ цвҍтущемъ состоянiи, потому что правительство къ земледҍльцамъ имҍетъ такое уваженiе, которое заслуживаютъ сiи полезные граждане. Они имҍютъ у себя судилища, гдҍ разбираются ихъ дҍла заключительно, и они не принуждены останавливать своихъ работъ съ тҍмъ, чтобъ идти въ городъ для испрошенiя несправедливаго и медлительнаго суда. Многiя богатыя семейства спокойно проводятъ дни свои въ селахъ; я самъ видҍлъ около Элиса такiя семейства, изъ коихъ никто въ продолженiе двухъ или трехъ поколҍнiй не бывалъ въ столицҍ.

По уничтоженiи самодержавнаго правленiя, города совокупно постановили между собою оборонительный и наступательный союзъ. Но городъ Элисъ, сильнҍйшiй прочихъ, нечувствительно покорилъ оные своей власти, и нынҍ далъ имъ наружный только видъ свободы. Они вмҍстҍ составляютъ восемь племенъ, которыя управляются девятьюдесятью сенаторами, кои по смерть занимаютъ мҍста свои, и ко- Элисъ.

торые въ случаѣ упразднившагося мѣста, по собственной своей довѣренности избираютъ себѣ въ товарищи кого пожелаютъ: изъ сего происходитъ то, что власть остается въ рукахъ немногаго только числа людей, и олигархїя еще введена въ олигархїю; а сїе-то и есть пагубнѣйшїй порокъ сего правленїя. И для того-то въ послѣднїя времена старались о возстановленїи народоправленїя.

Городъ Элисъ еще недавно основался: онъ составился по примѣру многихъ Греческихъ городовъ, а особливо Пелопонисскихъ, чрезъ соединенїе многихъ селенїй; ибо во времена невѣжества жили въ мѣстечкахъ открытыхъ и удобоприступныхъ, а въ просвѣщеннѣйшїя начали запираться въ городахъ укрѣпленныхъ.

По прибытїи нашемъ въ Элисъ увидѣли мы торжественное шествїе ко храму Минервы. Шествїе сїе составляло часть того обряда, при коемъ юноши Элидскїе спорилися о преимуществѣ въ красотѣ. Одержавшїе преимущество препровождаемы были въ торжествѣ, первый изъ нихъ, съ повязкою на головѣ, несъ оружїе, которое

посвящалось богинѣ; вторый велъ жертву; третій несъ другіе дары.

Я часто видалъ въ Греціи подобныя пренія какъ между юношами, такъ и между женами и дѣвицами. Видѣлъ я также между отдаленными народами женъ, допускаемыхъ къ таковымъ преніямъ предъ всемъ народомъ, съ тою только разностію, что въ Греціи отдаютъ преимущество красавицѣ, а варвары добродѣтельнѣйшей.

Городъ украшенъ храмами, великолѣпными зданіями, множествомъ истукановъ, изъ коихъ нѣкоторые были работы Фидіевой. Между сими послѣдними памятниками были такіе, въ которыхъ художникъ не менѣе показалъ разума, сколько и искуства; напримѣръ купа Грацій во храмѣ имъ же посвященномъ; онѣ представлены подъ легкою и блистательною одеждою; первая держитъ миртовую вѣтвь въ честь Венеры, а другая розу въ знакъ весны, третья косточку, символъ дѣтскихъ игръ, и чтобы не было ничего опущено въ красотахъ сего произведенія, Амуръ изображенъ на одномъ подножіи съ Граціями.

Олимпійскія игры

Ничто не придаетъ столько блеска

сей странѣ, какъ Олимпійскія игры, празднуемыя чрезъ каждые четыре года въ честь Юпитера. Въ Греціи всякой городъ имѣетъ свои празднества, въ которыя бываютъ собранія; четыре знаменитыя торжества соединяютъ между собою всѣ Греческіе народы, какъ-то: игры Пиѳическія или Дельфійскія, игры Истмическія или Коринѳскія, Немейскія и Олимпійскія. О первыхъ я ужѐ упомянулъ въ моемъ путешествіи въ Фокиду: теперь скажу нѣчто о послѣднихъ, а о прочихъ умолчу, потому что онѣ представляютъ нашему взору одинаковыя зрѣлища.

Олимпійскія игры, установленныя Иракломъ, по долговременномъ своемъ прекращеніи, паки возстановлены по совѣту знаменитаго Ликурга и стараніемъ Ифита, государя одной Элидской области. По истеченіи ста осьми лѣтъ въ первый разъ въ Елейской списокъ было внесено имя того, который одержалъ побѣду въ бѣганіи и получилъ за то награду; онъ назывался Коревомъ. Сіе обыкновеніе долго существовало: отсюда произошло множество побѣдителей, которыхъ имена, означая различныя олимпіады, составляютъ столько же и эпохъ

вѣ лѣтосчисленіи. Вѣ Элидѣ приготовлялись кѣ отправленію игрѣ во сто шестый разѣ, когда мы туда прибыли (*).

Всѣ жители Элиды готовились кѣ сему толь важному торжеству. Уже было обнародовано опредѣленіе о прекращеніи неприятельскихѣ дѣйствій. Войска, которыя вошли бы тогда вѣ сію священную землю, осуждены были бы заплатить пени по двѣ драхмы сѣ каждаго воина.

Уже четыреста лѣтѣ, какѣ Эліяне распоряжаютѣ Олимпійскими играми; сему зрѣлищу придали они всевозможное совершенство, то введеніемѣ сраженій новаго рода, то уничтоженіемѣ такихѣ, которыя не удовлетворяли ожиданію собранія. Они-то должны отдалять всѣ ухищренія и происки, смотрѣть за наблюденіемѣ правоты вѣ сужденіяхѣ, не допускать кѣ состязанію иностранныхѣ, и даже такіе Греческіе города, кои обличены вѣ нарушеніи правилѣ, установленныхѣ единственно сѣ тѣмѣ намѣреніемѣ, чтобы соблюсти порядокѣ при празднествахѣ. Они столь высоко думали

(*) Лѣтомѣ вѣ 356 году до Р. Х.

о сихъ учрежденіяхъ, что посылали нѣкогда къ Египтянамъ повѣренныхъ вопрошать тамошнихъ мудрецовъ, нѣтъ ли въ нихъ какого опущенія; въ нихъ опущена, отвѣчали сіи, важная статья: когда судіями назначаются Эліяне, то они должны быть изключены изъ состязанія. Не смотря на сей отвѣтъ, они не изключаются даже и нынѣ, и многіе изъ нихъ одержали преимущества, такъ что и судіи не были подозрѣваемы въ пристрастіи. Правда, что для бо́льшаго увѣренія въ безпристрастіи, каждому состязателю позволено жаловаться Олимпійскому сенату на приговоръ, лишающій его вѣнка.

При всякой Олимпіадѣ по жеребью выбираются судіи или предсѣдатели на играхъ: ихъ бываетъ числомъ восемь, поелику назначаются по одному изъ каждаго племени. Они собираются въ Элисъ до празднованія игръ и въ продолженіе десяти мѣсяцовъ стараются подробно узнать, въ чемъ состоитъ ихъ званіе; они научаются сему подъ руководствомъ градоначальниковъ, кои суть хранители и истолкователи сказанныхъ мною учрежденій. А дабы

соединить опытъ съ правилами, то во все сїе время они упражняютъ состязателей, желающихъ спорить о преимуществѣ въ бѣганїи и многихъ другихъ пѣшихъ сраженїяхъ. Многїе изъ сихъ состязателей были сопровождаемы своими родителями, друзьями, а паче воспитавшими ихъ наставниками: желанїе ко славѣ являлось въ очахъ ихъ, и жители Элиса по видимому восхищались живѣйшею радостїю. Я бы удивился важности, которую они поставляютъ въ праздновании игръ, ежели бы не зналъ напередъ, сколь жадны Греки къ зрѣлищамъ, и сколь великую пользу Элїане получаютъ отъ сего торжества.

Осмотрѣвъ все, что только могло насъ занимать, какъ въ Элисѣ, такъ и въ Килленѣ, служащемъ ему пристанью и отстоящемъ отъ него не болѣе какъ на 120 стадїй, отправились мы въ Олимпїю. Къ ней лежатъ двѣ дороги, одна проведена по равнинѣ на 300 стадїй; другая чрезъ горы и мѣстечко Алисїей, гдѣ въ каждомъ мѣсяцѣ собирается знаменитая ярмонка. Мы избрали первую, ѣхали плодоносными полями, кои рачительно были воздѣланы и Олимпїя.

орошаются различными рѣками; осмотрѣвъ мимоѣздомъ города Диспонтій и Летрину, прибыли мы въ Олимпію.

Сей городъ, извѣстный также подъ названіемъ Пизы, имѣетъ свое положеніе на правомъ берегу Алфея, при подошвѣ холма, называемаго Сатурновою горою. Алфей течетъ изъ Аркадіи, скрывается и паки по мѣстамъ появляется, и принявъ въ себя многія рѣки, впадаетъ въ ближайшее море.

Алтисъ заключаетъ въ себѣ весьма любопытные предметы, какъ-то: священную рощу, окруженную на великомъ пространствѣ стѣнами, въ которой находятся храмы Юпитера и Юноны, сенатъ, ѳеатръ, и много другихъ прекрасныхъ зданій посреди безчисленныхъ истукановъ.

Юпитеровъ храмъ построенъ въ послѣднемъ вѣкѣ, изъ добычей, полученныхъ Эліанами отъ нѣкоторыхъ народовъ, возмутившихся противу ихъ. Оный храмъ есть Дорическаго чина; окруженъ столпами и состоитъ изъ камня, вынутаго изъ ближайшихъ каменоломень, но такъ чистаго и твердаго, какъ Паросской марморъ, хо-

тя и легче онаго. Въ высоту имѣетъ онъ 68 футовъ, въ длину 230, въ ширину 95.

Искусному Зодчему Либону препоручено было построение сего храма. Два ваятеля, не менѣе искусные, украсили остроумными изображенiями фронтоны съ обѣихъ лицевыхъ сторонъ. На одномъ изъ нихъ представлены между многочисленныхъ лицъ Эномай и Пелопсъ готовящимися въ присутствiи Юпитера состязаться о преимуществѣ въ бѣганiи, а на другомъ сраженiе Кентавровъ и Лапиѳовъ. Двери были мѣдныя: на нихъ изображены нѣкоторые подвиги Иракловы. Марморныя дщицы, обдѣланныя на подобiе черепицъ, покрываютъ верьхъ. Надъ каждымъ фронтономъ поставлена мѣдная позлащенная Побѣда, на каждомъ углу стоятъ большiе изъ того же металла сосуды, которые также вызолочены.

Храмъ раздѣляется столпами на три части. Въ немъ, какъ и въ преддверiи, находится великое множество приношенiй, посвященныхъ богу благочестiя и признательности, но взоры вмѣсто того, чтобы остановиться на сихъ предметахъ, быстро стремятся на истуканъ и престолъ

Юпитера. Сїе превосходное произведенїе Фидїя и самаго ваянїя, раждаетъ при первомъ взглядѣ впечатлѣнїе, которое отъ подробнѣйшаго разсматриванїя еще болѣе увеличивается.

Изображенїе Юпитера сдѣлано изъ золота и слоновой кости; хотя онъ представленъ сидящимъ, однакожъ головою своею достигаетъ до самаго потолока. Въ правой рукѣ держитъ онъ Побѣду, также изъ золота и слоновой кости, въ лѣвой скипетръ изящной работы, украшенный различными богатыми металлами, на верьху коего поставленъ орелъ. Обувь сдѣлана изъ золота такъ какъ и одежда, на которой вырѣзаны животныя, цвѣты, а по большей части лилїи.

Престолъ стоитъ на четырехъ ножкахъ, и столпахъ между ими стоящихъ и ту же вышину имѣющихъ. Самыя драгоцѣнныя вещества и превосходнѣйшїя художества какъ бы совокупными силами украсили его. Повсюду видно золото, слоновая кость, гебеновое дерево и дорогїе каменья; вездѣ живопись и выпуклыя изображенїя.

Четыре выпуклыя рѣзныя изображенія покрываютъ со внѣшней стороны каждую изъ переднихъ ножекъ. Первое представляетъ четыре Побѣды въ видѣ пляшущихъ женъ; второе Сфинксовъ, кои похищаютъ Ѳивскихъ дѣтей; третіе Аполлона и Діану, которые поражаютъ своими стрѣлами дѣтей Ніовы, а послѣднее изображаетъ еще двѣ Побѣды.

Фидій не оставилъ ни малѣйшаго мѣста безъ украшенія. На четырехъ перемычкахъ, связывающихъ ножки у престола Юпитерова, я насчиталъ тридцать семь изображеній, изъ коихъ однѣ представляютъ борцовъ, а другія сраженіе Иракла съ Амазонками. Надъ головою Юпитера въ верьхней части престола съ одной стороны видны три Граціи, рожденныя имъ отъ Евриномы, и три богини годичныхъ временъ, которыхъ имѣлъ онъ отъ Ѳемиды. На ступеняхъ и основаніи, на которомъ утверждена сія огромная тяжесть, видно множество другихъ выпуклыхъ изображеній, сдѣланныхъ большею частію изъ золота и представляющихъ боговъ Олимпа. У ногъ

Юпитера положена слѣдующая надпись: *Я есмь произведенiе Фидiя, Аѳинянина, сына Хармидова.* Художникъ, кромѣ своего имени, дабы содѣлать безсмертными память и красоту юноши друга своего Пантаркеса, (*) вырѣзалъ и его имя на одномъ пальцѣ Юпитера.

Къ престолу не льзя подойти такъ близко, какъ бы желалось. Вокругъ его на нѣкоторое разстоянiе поставлены перила, украшенныя превосходною живописью работы Памена, ученика и сродника Фидiева. Это самый тотъ, которому вмѣстѣ съ Колотомъ, другимъ ученикомъ сего великаго мужа, поручены были главныя части сего превосходнаго произведенiя. Говорятъ, что по окончанiи онаго Фидiй снялъ съ него бывшiй на немъ покровъ, совѣтовался со вкусомъ цѣлаго об-

(*) Надпись была слѣдующая: *Пантаркесъ прекрасенъ.* Ежели бы кто вздумалъ вмѣнить сiе Фидiю въ преступленiе, онъ могъ бы оправдаться, сказавъ, что похвала сiя относится къ Юпитеру: Слово Пантаркесъ, знаменуетъ то, *что для всего достаточно.*

щества и самъ сообразовался со мнѣніями народа.

Всякаго поражаетъ великость предпріятія, богатство вещества, превосходство работы, удачное согласованіе всѣхъ частей; но еще болѣе удивляетъ та высокая выразительность, которую художникъ умѣлъ изъявить на главѣ Юпитера. Кажется, самое божество напечатлѣно здѣсь во всей славѣ могущества, со всею глубокою мудростію и совершенною кротостію милосердія. Сперва художники изображали владыку боговъ чертами обыкновенными, безъ изъявленія въ немъ превосходства и отличительнаго свойства. Фидій первый, такъ сказать, постигнулъ божеское величіе, и умѣлъ внушить народамъ вящшее уваженіе, содѣлавъ для нихъ видимымъ того, коего они обожали. Изъ какогожъ источника почерпнулъ онъ сіи высокія понятія? Стихотворцы сказали бы, что онъ возносился на небо, или божество низходило на землю; но онъ отвѣчалъ весьма просто и благородно тѣмъ, которые ему дѣлали такой вопросъ: онъ привелъ стихи изъ Омира, въ которыхъ сей стихотворецъ сказалъ, что Юпи-

теръ единымъ взоромъ можетъ поколебать Олимпъ. Сїи стихи, возбудивъ въ душѣ Фидїя образъ истинныя красоты, той красоты, которую могъ только постигнуть человѣкъ великихъ дарованїй, произвели Юпитера Олимпїйскаго; и каковъ бы ни былъ жребїй господствующей въ Грецїи вѣры, Олимпїйскїй Юпитеръ будетъ всегда служить образцемъ художникамъ, желающимъ достойно изобразить верьховное существо.

Элеяне знаютъ цѣну памятника, ими обладаемаго; они и нынѣ показываютъ еще иностранцамъ рабочую Фидїя. Они осыпали благодѣянїями потомковъ сего великаго художника и препоручили имъ храненїе Юпитерова истукана во всемъ его великолѣпїи. Такъ какъ храмъ и священная ограда находятся на мѣстѣ болотистомъ, то единое средство, употребляемое къ сохраненїю слоновой кости отъ сырости, состоитъ въ частомъ поливанїи масла у подножїя престола, на ту часть помоста, которая къ сему назначена.

Изъ Юпитерова храма мы пошли въ храмъ Юнонинъ: онъ также выстроенъ по чину дорическому, окруженъ столбами, но

гораздо древнѣе перваго. Бо́льшая часть находящихся тамъ истукановъ какъ изъ золота, такъ и изъ слоновой кости сдѣланныхъ, показываютъ искуство еще грубое, хотя они не древнѣе 300 лѣтъ. Намъ показывали ящикъ Кипсела, въ которомъ сей государь, овладѣвшій потомъ Коринѳомъ, былъ въ самомъ младенчествѣ заключенъ своею матерью, для спасенія его отъ гоненія враговъ ея дома. Онъ сдѣланъ изъ кедроваго дерева, крышка и боковыя доски украшены выпуклыми изображеніями, изъ коихъ иныя сдѣланы на самомъ кедрѣ, другія изъ слоновой кости и золота; онѣ представляютъ сраженія, игры и другіе предметы, относящіеся къ вѣкамъ ироискимъ съ надписями въ древнихъ буквахъ. Мы съ удовольствіемъ разсматривали и самыя малѣйшія части сей работы, потому что она показываетъ грубое состояніе, въ которомъ находились за три вѣка предъ тѣмъ художества въ Греціи. Подлѣ сего храма отправляются игры, которыми распоряжаютъ шестьнадцать женъ, избранныхъ изъ осьми племенъ Элейскихъ, и уважаемыхъ какъ по добродѣтели, такъ и по знатности рода.

Онѣ содержатъ два хора мусикiйскихъ для пѣнiя имновъ въ честь Юноны; вышиваютъ прекрасное покрывало, употребляемое въ день празднества и назначаютъ награду за отличiе въ бѣганiи дѣвицамъ Элидскимъ. Лишь только подадутъ знакъ, юныя подвижницы пускаются въ поприще почти полунагiя съ развѣвающимися по плечамъ волосами; та, которая изъ нихъ одержитъ побѣду, получаетъ масличный вѣнокъ и позволенiе, еще лестнѣйшее того, поставить свое изображенiе во храмѣ Юноны.

Изъ храма ходили мы по священной оградѣ. Сквозь яворовыя и масличныя дерева, осѣняющiя мѣста сiи, представлялись намъ со всѣхъ сторонъ столпы, трофеи, торжественныя колесницы, безчисленное множество истукановъ, мѣдныхъ и марморныхъ, изъ коихъ одни изображаютъ боговъ, а другiе побѣдителей; ибо сей храмъ славы отверзтъ только для тѣхъ, которые имѣютъ право на безсмертiе.

Многiе изъ сихъ истукановъ приставлены къ столпамъ, или утверждены на подножiяхъ; при всѣхъ находятся надписи, содержащiя въ себѣ причины посвященiя

ихъ. Тамъ видѣли мы болѣе сорока изображенiй Юпитера, дѣланныхъ разными художниками, посвященныхъ народами или частными людьми: нѣкоторыя изъ нихъ были даже до 27 футовъ вышиною. Истуканы бойцовъ тамъ видны въ великомъ множествѣ; одни поставлены въ сихъ мѣстахъ или ими же самими, или городами, гдѣ они родились, или народомъ, которому они оказали услуги.

Сiи памятники, умножившiеся въ теченiе четырехъ вѣковъ, представляютъ очамъ потомства какъ бы живыми тѣхъ, которые заслужили оные. Ихъ показываютъ чрезъ каждые четыре года зрителямъ, въ великомъ множествѣ отовсюду приходящимъ въ сiе мѣсто заниматься славою побѣдителей, слушать повѣсти о ихъ подвигахъ, и показывать съ восторгомъ другъ другу тѣхъ, коими гордится ихъ отечество. Какое счастiе для человѣчества, ежели бы таковое святилище было отверзто только для людей добродѣтельныхъ! Нѣтъ, я обманываюсь. Оно было бы осквернено пронырствомъ и лицемѣрiемъ, которыя въ почестяхъ отъ народа имѣютъ нужды болѣе, нежели добродѣтель.

Между тѣмъ, какъ мы удивлялись симъ произведеніямъ ваянія, и вникали въ открытіе и послѣднія усилія сего художества, показывавшіе намъ оныя рѣдкости разсказывали намъ довольно пространныя повѣсти и приключенія о тѣхъ самыхъ особахъ, которыхъ мы видѣли изображенія. Послѣ сего остановили мы свои взоры на двухъ мѣдныхъ колесницахъ, изъ которыхъ на одной сидѣлъ Гелонъ, Царь Сиракузскій, а на другой Гіеронъ, братъ и преемникъ его; подлѣ Гелона, говорили они, вы видите истуканъ Клеомеда. Сей боецъ по несчастію убилъ въ борьбѣ своего соперника, за что судьи и лишили его вѣнка побѣды; онъ столько симъ огорчился, что сошелъ съ ума. Спустя нѣсколько времени вступилъ онъ въ домъ, опредѣленный для воспитанія юношества, схватилъ столпъ, поддерживавшій кровлю, и домъ обрушился. Около шестидесяти юношей погибли подъ развалинами сего зданія.

Вотъ истуканъ другаго бойца Тиманѳа. Въ старости своей онъ всякой день упражнялся въ стрѣляніи изъ лука; путешествіе принудило его оставить сіе упра-

женіе; по возвращеніи опять хотѣлъ приняться за оное, но примѣтивъ, что силы его изнемогли, онъ самъ поставилъ костеръ и бросился въ пламя.

Кобылица, которую вы здѣсь видите, была прозвана *Вѣтромъ* по чрезвычайной своей легкости. Нѣкогда на бѣгу по ристалищу, Филотъ сидѣвшій на ней упалъ; но она продолжая бѣжать, сдѣлала еще оборотъ назадъ, остановилась предъ судьями, которые присудили вѣнокъ ея хозяину, и позволили ему изобразить себя здѣсь вмѣстѣ съ виновницею побѣды своей.

Сей борецъ назывался Главкомъ; онъ еще былъ молодъ и воздѣлывалъ землю; его отецъ съ удивленіемъ примѣтилъ, какъ онъ вмѣсто молота рукою наколачивалъ сошникъ, свалившійся съ сохи. Онъ привелъ его въ сіе мѣсто и представилъ для сраженія кистенемъ съ прочими. Главкъ бывъ одолѣваемъ противникомъ, употреблявшимъ попеременно ловкость и силу, едва было не упалъ, какъ вдругъ отецъ вскричалъ ему: бей, сынъ мой! какъ по сошнику; тогда молодой Главкъ удво-

илъ свои удары и былъ объявленъ побѣдителемъ.

Вотъ Ѳеагенъ, который, какъ сказываютъ, на различныхъ Греческихъ играхъ одержалъ верьхъ 1200 разъ то въ беганіи, то въ борьбѣ и другихъ подвигахъ. Послѣ его смерти истуканъ, который ему поставили въ городѣ Ѳазѣ, его отчизнѣ, непрестанно возбуждалъ зависть въ сопернике, который всякую ночь приходилъ къ нему, удовлетворялъ своему бѣшенству надъ мѣдью, и силою ударовъ такъ его поколебалъ, что оный упалъ и задавилъ его; истуканъ представленъ предъ судъ и брошенъ въ море. Наконецъ когда городъ Ѳазъ терпѣлъ великій голодъ, прорицалище, вопрошенное жителями о причинѣ онаго, отвѣтствовало, что они предали забвенію память Ѳеагена. Ему опредѣлены были божескія почести, и истуканъ, его изображавшій, вынутъ изъ воды, и опять поставленъ на томъ мѣстѣ, какъ вы видите.

Вотъ еще боецъ, который на своихъ плечахъ принесъ собственный свой истуканъ и самъ поставилъ его на семъ мѣстѣ. Это знаменитый Милонъ. Онъ-то во время

войны жителей Кротоны, его отечества, съ Сибаритами, сдѣланъ былъ предводителемъ войскъ и одержалъ славную побѣду: во время сраженія появился онъ съ палицею и другими принадлежностями Иракла, и тѣмъ самимъ привелъ его на память. Онъ часто одерживалъ верьхъ на нашихъ и Дельфійскихъ играхъ, часто оказывалъ тамъ опыты необычайной силы. Иногда садился на палетъ (кружокъ), намазанный для большей скользкости масломъ, и никакія усилія сдвинуть его не могли. Иногда бралъ онъ въ горсть гранатное яблоко и не раздавивъ его, держалъ такъ крѣпко, что самые сильнѣйшіе бойцы не могли разжать его пальцовъ, чтобы у него вынуть яблоко; однакоже любовница его разнимала его руку. О немъ еще говорятъ, что онъ взваливъ на свои плечи вола, пробѣгалъ все поприще; что находясь нѣкогда въ одномъ домѣ съ Пиѳагоровыми учениками, спасъ ихъ жизнь, поддержавъ столпъ, на которомъ утверждался потолокъ, клонившійся вмѣстѣ съ нимъ къ паденію. Наконецъ въ старости своей сдѣлался онъ добычею дикихъ звѣрей, потому что увязилъ руки свои въ

древесный пень, который частію разколотъ былъ клиньями и который онъ совсѣмъ хотѣлъ разнять.

Потомъ мы видѣли столпы, на которыхъ были изображены союзные договоры съ различными Греческими народами. Они хранились въ сихъ мѣстахъ, чтобы сдѣлать ихъ еще священнѣйшими. Но всѣ сіи договоры были нарушены вмѣстѣ съ клятвами, утверждавшими продолжительность оныхъ; а столпы, еще и нынѣ существующіе, свидѣтельствуютъ о той ужасной истиннѣ, что просвѣщенные народы, бываютъ тогда-то болѣе и вѣроломны, когда обязуются жить въ мирѣ между собою.

Къ сѣверной сторонѣ Юнонина храма, при подошвѣ Сатурновой горы есть большая дорога, простирающаяся до самаго поприща, при которой многіе Греческіе и другіе народы построили зданія, извѣстныя подъ именемъ сокровищницъ. Такія же зданія находятся и въ Дельфахъ; но сіи послѣднія наполнены драгоцѣнными приношеніями, а Олимпійскія содержатъ въ себѣ одни только почти истуканы и памятники

худаго вкуса или малоцѣнные. Мы спрашивали, отъ чего произходитъ такая разность? Одинъ проводникъ сказалъ намъ: у насъ есть одно прорицалище, но и то еще не пришло въ славу, и можетъ быть скоро совсѣмъ умолкнетъ. Два или три предвѣщанія, оправданныя событіемъ, приобрѣли довѣренность Дельфійскому прорицалищу отъ нѣкоторыхъ государей, а ихъ щедрота сдѣлала всѣ народы щедрыми.

Между тѣмъ народъ шелъ толпами въ Олимпію. Моремъ, сухимъ путемъ, изъ всѣхъ частей Греціи и странъ самыхъ отдаленныхъ спѣшили на сіи празднества, которыхъ знаменитость гораздо преимущественнѣе другихъ торжествъ, и которыя однакожъ не имѣютъ такихъ приятностей, кои сдѣлали бы ихъ великолѣпнѣйшими. Женщины туда не были допускаемы, безъ сомнѣнія потому, что борцы были нагіе. Законъ, изключающій отъ участія въ празднествахъ, такъ строгъ, что преступницы онаго свергаются съ самой вершины скалы. Однакожъ жрицы имѣютъ здѣсь назначенное мѣсто и могутъ присутствовать при нѣкоторыхъ подвигахъ.

Одиннадцатый день мѣсяца Гекатомвеона, начинающійся при новолуніи послѣ лѣтняго солнечнаго поворота, былъ днемъ перваго праздника, продолжавшагося чрезъ пять дней; въ изходѣ послѣдняго дня, который бываетъ всегда въ полнолуніе, торжественно были провозглашаемы имена побѣдителей. Оныя открылись вечеромъ многими жертвами, принесенными на жертвенникахъ, воздвигнутыхъ въ честь различныхъ божествъ, или въ Юпитеровомъ храмѣ, или въ окрестностяхъ онаго. Всѣ жертвенники украшены были вѣнками и перевязями цвѣточными. Всѣ были одинъ за другимъ окропляемы кровію жертвъ. Сіе окропленіе начиналось отъ великаго жертвенника Юпитерова, стоящаго между храмомъ Юноны и оградою Пелопса. Сей жертвенникъ есть главный предметъ благоговѣнія народовъ; здѣсь-то Элеяне всякій день, а иностранцы во всякое время года посвящаютъ свои жертвы; онъ поставленъ на высокомъ четвероугольномъ подножіи, на которое восходятъ по каменнымъ ступенямъ. Тамъ находится родъ дерновой площадки, на которой закалаются жертвы; посреди

оной поставленъ жертвенникъ вышиною въ 22 фута: къ верьхней части онаго восходятъ по ступенямъ, составленнымъ изъ пепла жертвъ, раствореннаго водою рѣки Алфея. Обряды продолжалися до глубокой ночи при звукѣ мусикійскихъ орудій и при сіяніи луны, которая приближалась къ своей полнотѣ, и происходили съ такимъ порядкомъ и великолѣпіемъ, что внушали и удивленіе и благоговѣніе. Въ полночь, по окончаніи обрядовъ, бо́льшая часть присутствовавшихъ, по ревности продолжающейся во все время праздниковъ, заняли свои мѣста на поприщѣ и на ристалищѣ, чтобы лучше возползоваться зрѣніемъ игръ, которыя должны были начаться вмѣстѣ съ зарею.

Мѣсто для Олимпійскихъ игръ раздѣляется на двѣ части, на поприще (стадію) и ристалище (ипподромъ). Поприще есть насыпь длиною въ 600 футовъ и соразмѣрной ширины. Здѣсь-то происходитъ бѣганіе и бо́льшая часть сраженій. Ристалище опредѣлено для бѣганія на колесницахъ и на коняхъ. Одна сторона лежитъ на холмѣ, а другая нѣсколько длиннѣе составле-

на изъ насыпи: ширина ея 600 футовъ, а длина вдвое; она отдѣляется отъ поприща однимъ зданїемъ, называемымъ заставою, которая не иное что есть какъ портикъ, предъ коимъ находится пространный дворъ, имѣющїй видъ корабельной кормы, гдѣ стѣны сближаяся одна съ другою, на самомъ краѣ оставляютъ довольно великое отверзтїе для того, чтобы многїя колесницы вдругъ могли съ онымъ проѣзжать. Внутрь сего двора въ различныхъ рядахъ подѣланы мѣста для колесницъ и коней; онѣ назначаемы бываютъ по жеребью, потому что однѣ изъ нихъ гораздо имѣютъ положенїе выгоднѣйшее, нежели другїя. Поприще и ристалище украшены истуканами, жертвенниками и другими памятниками, на которыхъ прибиты списокъ и порядокъ сраженїй, каковыя должны происходить во время праздниковъ.

Порядокъ боевъ неоднократно перемѣнялся. Общее правило, которому послѣдуютъ нынѣ, состоитъ въ томъ, чтобы утро было посвящено на упражненїя такъ называемыя легкимм: какъ-то, различное бѣганїе, а послѣ полудня производились

тяжкія или требующія великаго усилія, каковы сутъ борьба, кулачный бой и проч.

На самомъ разсвѣтѣ дня пришли мы на поприще. Оно ужѐ было наполнено подвижниками, (атлетами), готовящимися къ сраженіямъ, и окружено великимъ множествомъ зрителей: другіе, и при томъ въ бо́льшемъ числѣ, безъ всякаго разбора садились на холмѣ, имѣющемъ видъ амфитеатра, превышающаго ристалище. Колесницы летали по равнинѣ; звукъ трубъ, ржаніе коней смѣшивалися съ крикомъ собравшихся во множествѣ зрителей; и когда наши взоры отвращались отъ сего зрѣлища, и когда съ шумными движеніями народнаго веселія, сравнивали мы тишину и безмолвіе природы, тогда сколь сильное впечатлѣніе имѣли въ нашихъ душахъ ясность неба, приятная прохлада воздуха, Алфей, составляющій въ семъ мѣстѣ великолѣпный протокъ и сіи плодоносныя поля, кои украшалися первыми лучами солнца!

Спустя краткое время, подвижники прервали свои подвиги и начали входить въ священную ограду. Мы пошли за ними, и въ храминѣ собравшагося сената нашли

восемь судей въ великолѣпныхъ одеждахъ и во всѣхъ знакахъ ихъ достоинства. Здѣсь при подножїи Юпитерова истукана надъ кровавыми членами жертвъ, подвижники свидѣтельствовались богами въ томъ, что они занимались десять мѣсяцовъ тѣми сраженїями, въ которыхъ они намѣрены подвизаться. Они обѣщались также не употреблять никакихъ хитростей и въ своемъ поведенїи строго наблюдать честь: родители и наставники ихъ дали такую же клятву.

Послѣ сего обряда мы возвратились на поприще. Подвижники вступили за преграду, передъ поприщемъ находящуюся; скинули съ себя все платье, надѣли на ноги сандалїя и приказали натирать тѣло свое масломъ. Повсюду видны были низшїе чиновники какъ въ самомъ ристалищѣ, такъ и между многими рядами зрителей, для сохраненїя порядка.

Лишь только судїи сѣли по своимъ мѣстамъ, кличїй (герольдъ) возгласилъ. „да явятся желающїе препираться въ бѣга„нїи на поприщѣ.„ Вдругъ являются они въ великомъ числѣ, становятся въ рядъ такимъ точно порядкомъ, какъ назначилъ имъ жребїй. Кличїй прочелъ ихъ имена и имена ихъ отечествъ. Ежели чьи имена уже

были славны по прежнимъ побѣдамъ, то таковыя были приняты съ сугубымъ рукоплесканiемъ. Послѣ сего кличiй говорилъ: „не можетъ ли кто укорить сихъ подвижниковъ въ „томъ, что они были когда либо въ оковахъ, „или вели жизнь непорядочную?„ Молчанiе было глубокое и я былъ восхищенъ чувствованiемъ, которое приводило въ движенiе всѣхъ сердца, и которое неизвѣстно въ зрѣлищахъ другихъ народовъ. Вмѣсто того, чтобы при началѣ подвига видѣть простолюдиновъ, готовыхъ состязаться о нѣкоторыхъ листкахъ оливныхъ, видѣлъ я тамъ людей только свободныхъ, которые, имѣя на своемъ отчетѣ, по единодушному согласiю всей Грецiи, славу или позоръ ихъ отечества, отваживались на то, чтобы или подвергнуться презрѣнiю, или приобрѣсти честь въ присутствiи многихъ тысящъ свидѣтелей, которые возвѣстятъ своимъ соотечественникамъ имена побѣдителей и побѣжденныхъ. Надежда и страхъ изображались на лицахъ безпокоившихся зрителей: они умножались по мѣрѣ приближенiя минуты, долженствовавшей рѣшить оныя. Сiя минута наступила. Труба подала

знакъ; бѣгальщики пустились, и въ одно мгновеніе ока достигли до предѣла, гдѣ находились судіи игръ. Кличій провозгласилъ имя Пора Киренскаго, и тысяча устенъ повторяли оное.

Честь, которую онъ получилъ, занимала первое и самое блистательнѣйшее мѣсто между всѣми награжденіями, опредѣленными на Олимпійскихъ играхъ; по тому что бѣгъ по простой стадіи есть самый древнѣйшій изъ всѣхъ бѣговъ, принятыхъ въ сіи празднества. Въ послѣдствіи времени они различно были перемѣняемы. Мы видѣли какъ бѣгали по сей стадіи мальчики лѣтъ въ 12, и взрослые люди въ шишакѣ, со щитомъ и въ полусапогахъ.

Въ послѣдующіе дни вызваны были другіе бѣгальщики, чтобы пробѣжать вдругъ поприще двойное, то есть, достигнувъ мѣты и обѣжавъ оную должны возвратиться на мѣсто, отъ коего начали бѣгъ. За сими вышли подвижники, которые двѣнадцать разъ пробѣжали чрезъ всю длину поприща. Нѣкоторые состязались во многихъ изъ сихъ подвиговъ и неоднократно одерживали верьхъ. Между произшествіями, возбуждавшими по временамъ вниманіе всего собранія, мы ви-

дѣли, какъ бѣгальщики скрывались и удалялись отъ посмѣянія зрителей, а другіе приближаясь ужѐ къ цѣли своихъ желаній, вдругъ поскользнувшись падали. Намъ показывали изъ нихъ такихъ, коихъ слѣды на пескѣ едва примѣтить можно было. Двое изъ Кротонянъ долгое время содержали зрителей въ неизвѣстности. Они далеко выпередили своихъ соперниковъ. Но когда одинъ изъ нихъ толкнувъ другаго, уронилъ на землю, тогда всѣ возопили на него и онъ лишенъ былъ почести за побѣду, потому что именно запрещено употреблять таковыя средства къ достиженію оной; позволено только, чтобы зрители своимъ крикомъ ободряли тѣхъ изъ бѣгающихъ, которымъ они доброжелательствуютъ.

Побѣдители не прежде были увѣнчиваемы, какъ въ послѣдній день празднествъ. Но при концѣ своего бѣганія они получали или лучше сказать восхищали предопредѣленную имъ пальму. Сія минута была для нихъ началомъ многихъ послѣдующихъ торжествъ. Всякой старался видѣть и поздравлять ихъ. Родственники, друзья, соотечественники ихъ проливая слезы умиленія и радости, поднимали ихъ на свои

плеча, чтобы предстоящїе могли удобнѣе ихъ видѣть, и тѣмъ побуждали къ рукоплесканїю все собранїе, которое осыпало ихъ цвѣтами.

На другой день рано пошли мы на ипподромъ (ристалище), гдѣ должно было происходить бѣганїе на коняхъ и колесницахъ. Одни только богатые люди могутъ заниматься сими состязанїями, которые дѣйствительно требуютъ великихъ издержекъ. Во всей Грецїи многїе граждане поставляютъ за первое упражненїе и достоинство размножать родъ коней, способныхъ къ бѣгу, ихъ обучать и представлять къ состязанїю съ прочими на общенародныя игры. Какъ желающїе получить награду не обязаны состязаться сами собою, то не рѣдко государи и республики включаютъ себя въ число состязателей и ввѣряютъ славу свою искуснымъ всадникамъ. Въ спискѣ побѣдителей находится Ѳеронъ, царь Агригентскїй; Гелонъ и Гїеронъ, цари Сиракузскїе; Архелай, царь Македонскїй; Павзанїй, царь Лакедемонскїй; Клисѳенъ, царь Сикїонскїй, и множество другихъ царей, равно какъ и многїе Греческїе города.

легко можно подумать, что такїе соперники могутъ возбуждать самое живѣйшее соревнованїе. Они оказываютъ такое великолѣпїе, въ которомъ частные люди стараются сравняться съ ними и которыхъ иногда превосходятъ. Еще и теперь остается въ памяти, какъ на тѣхъ играхъ, на которыхъ Алкивїадъ былъ увѣнчанъ, появились на поприщѣ семь колесницъ отъ имени сего славнаго Аѳинянина, и какъ три изъ оныхъ получили первую, вторую и четвертую награду.

Между тѣмъ, какъ мы ожидали знака, сказали намъ, чтобъ мы смотрѣли со вниманїемъ на мѣднаго дельфина, поставленнаго при началѣ ристалища, и на орла изъ того же металла, поставленнаго на жертвенникѣ среди преграды. Вскорѣ увидѣли мы, что дельфинъ опустился и скрылся въ землю; а орелъ поднялся, распустивъ крылья и показался зрителямъ; великое число всадниковъ пустилися по ипподрому, пролетѣли передъ нами быстро какъ молнїя, и объѣхали рубежъ, лежащїй на самомъ концѣ; одни изъ нихъ удерживали свой бѣгъ, другїе ускоряли оный до тѣхъ поръ, пока

одинъ изъ нихъ, усугубивъ свои усилія, оставилъ за собою своихъ соперниковъ въ огорченіи.

Побѣдитель состязался о наградѣ именемъ Филиппа, царя Македонскаго, который искалъ всякаго рода славы, и который вдругъ ею такъ пресытился, что просилъ у Счастія, дабы оно умѣрило свои благодѣянія какою либо немилостію. И въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ одержалъ сію побѣду на Олимпійскихъ играхъ; Парменіонъ, одинъ изъ его полководцевъ, разбилъ Иллиріянъ; Олимпія, жена его, родила сына, знаменитаго Александра.

Потомъ, какъ подвижники, едва вышедшіе изъ отрочества, появились на томъ же ристалищѣ, оно наполнилось великимъ множествомъ колесницъ, послѣдовавшихъ одна за другою. Онѣ были заложены въ двѣ лошади на одномъ бѣгу, двумя молодыми жеребцами на другомъ, и наконецъ четырьмя лошадьми на послѣднемъ бѣгу, которой есть изъ всѣхъ великолѣпнѣйшій и славнѣйшій.

Чтобы видѣть приуготовленія оныхъ, мы вошли за преграду; тамъ находилось мно-

жество великолѣпныхъ колесницъ, преграждаемыхъ веревками, кои протянуты вдоль каждаго ряда и кои отпускать должно одну послѣ другой. Управлявшїе колесницами одѣты были въ легкую ткань; ихъ кони, которыхъ стремленїе они едва могли удерживать, всѣхъ взоры привлекали своею красотою, а другїе тѣми побѣдами, которую они ужѐ удержали. Лишь только данъ былъ знакъ, то они подвинулись ко второму ряду, и, соединившись такимъ образомъ съ другими рядами, появились всѣ строемъ при началѣ поприща. Въ минуту покрылися они пылью, перебивали одинъ у другаго дорогу, сталкивались и увлекали колесницы съ такою быстротою, что едва можно было послѣдовать за оными взоромъ. Ихъ стремительность усугублялась, когда они достигали до истукана одного Генїя, который, какъ говорятъ, наполняетъ ихъ внутреннимъ ужасомъ. Сей ужасъ усугублялся, когда они слышали громкїй звукъ трубъ близъ преграды, знаменитой потому, что тутъ часто разбиваются колесницы. Въ сей преградѣ, поставленной поперегъ поприща, остается

для проѣзда колесницъ весьма узкое мѣсто, въ которомъ искуство управляющихъ конями очень часто бываетъ совсѣмъ тщетно. Опасность бываетъ тѣмъ ужаснѣе, что надобно объѣзжать преграду до двѣнадцати разъ; ибо должно пробѣжать двѣнадцать разъ вдоль иппродрома то впередъ, то взадъ.

При каждомъ оборотѣ случались такія произшествія, которыя возбуждали въ собраніи или жалость, или колкія насмѣшки. Иныя колесницы со стремленіемъ пробѣгали за самую преграду, а другія, сильно ударяясь одна о другую, разбивались. Все ристалище было устлано обломками, отъ которыхъ бѣганіе становилось еще опаснѣе. Только оставалося пять соперниковъ, Ѳессаліянинъ, Ливіянинъ, Сиракузянинъ, Коринѳянинъ и Ѳивянинъ. Первые трое готовы уже были объѣхать преграду въ послѣдній разъ. Но колесница Ѳессаліянина разбивается о сію препону: онъ падаетъ, запутавшись въ возжахъ, и въ то время, какъ его кони набѣжали на коней Ливіянина, который тѣснилъ его; какъ кони Сиракузянина повергаются въ

ровъ, окружающій въ семъ мѣстѣ ристалище; какъ повсюду раздавались поразительные крики, Коринѳянинъ и Ѳивянинъ пробѣгаютъ мимо, пользуются благопріятною минутою, проѣзжаютъ предѣлъ, понуждаютъ бичемъ быстрыхъ коней и являются предъ судіями, которые первую награду опредѣлили Коринѳянину, а вторую Ѳивянину.

Въ продолженіе сихъ праздниковъ и въ нѣкоторые часы дня мы удалялись отъ сего зрѣлища и осматривали окрестности Олимпіи. Иногда съ удовольствіемъ смотрѣли мы какъ приходили ѳеоріи или послы, коимъ препоручено было приносить Юпитеру жертвы почти отъ всѣхъ Греческихъ народовъ; иногда удивлялись мы проворству и дѣятельности иностранныхъ купцовъ, пріѣзжающихъ въ сіи мѣста показывать свои товары; иногда были мы свидѣтелями знаковъ отличія, каковое нѣкоторые города воздаютъ одни другимъ. Знаки сіи состояли въ опредѣленіяхъ, которыми они назначали взаимно другъ другу истуканы и вѣнцы, и которыя читаны были на Олимпійскихъ иг-

рахъ, дабы благодарность стольже была всенародно извѣстна, какъ и благодѣянїе.

Нѣкогда прогуливаясь при рѣкѣ Алфеѣ, коего берега, осѣняемые всякаго рода деревьями, покрыты были разноцвѣтными шатрами, увидѣли мы прекраснаго и статнаго юношу, бросавшаго въ сїю рѣку пальмовыя обломки, которыя онъ держалъ въ рукѣ и сопровождалъ сїе жертвоприношенїе тайными обѣтами: онъ лишь только одержалъ побѣду въ бѣганїи и едва только имѣлъ отъ роду пятнадцать лѣтъ. Мы спросили его. „Сей Алфей, сказалъ онъ намъ, коего обильныя и чистыя воды оплодотворяютъ сїю страну, былъ Аркадскїй звѣроловецъ; онъ горѣлъ любовїю къ Ареѳузѣ, отъ него убѣгавшей, которая, чтобы избавиться отъ его преслѣдованїя, скрылась въ Сицилїю: она была превращена въ источникъ, а онъ въ рѣку; но какъ любовь его не угасала, то боги, чтобы увѣнчать его постоянство, открыли ему путь въ нѣдра морскїя и позволили наконецъ соединиться ему съ Ареѳузою. „ Юноша при окончанїи сихъ словъ воздохнулъ.

Мы часто ходили въ священную ограду.

Тутъ подвижники, еще не вступившіе въ поприще, желали узнать по внутренностямъ жертвъ судьбу, ихъ ожидающую. Тамъ трубачи, стоявшіе при огромномъ жертвенникѣ, состязались о преимуществѣ, яко единственномъ предметѣ ихъ честолюбія; далѣе множество иностранцевъ, стоявшихъ вокругъ портика, внимали эху, которое до семи разъ повторяло произносимыя слова. Вездѣ представлялись намъ поразительные примѣры пышности и тщеславія; ибо сіи игры привлекали всѣхъ тѣхъ, которые когда-либо приобрѣли славу, или хотятъ приобрѣсть оную своими дарованіями, знаніемъ или богатствомъ. Они представляются взорамъ всего собранія, стремящагося смотрѣть тѣхъ, которые или имѣютъ, или кои присвояютъ себѣ въ чемъ-либо преимущество.

Послѣ Саламинскаго сраженія Ѳемистоклъ явился среди поприща, и плески въ честь его раздалися. Вмѣсто того, чтобы заняться играми, во весь день взоры всего народа были обращены на него. Съ крикомъ радости и удивленія показывали иностранцамъ сего мужа, который спасъ Грецію; и

Ѳемистоклъ принужденъ былъ признаться, что сей день былъ для него самый счастливѣйшій въ жизни.

Мы извѣстились, что въ послѣднюю Олимпіаду Платонъ получилъ почти подобную почесть. Когда онъ показался на играхъ, то собраніе устремило на него взоры и самыми лестными выраженіями обнаруживало радость, которую произвело въ нихъ его присутствіе.

Мы были свидѣтелями зрѣлища еще чувствительнѣйшаго. Одинъ старикъ искалъ мѣста гдѣ сѣсть; прошедъ многія скамьи, на коихъ язвительные насмѣшники не давали ему мѣста, онъ наконецъ дошелъ до скамьи, гдѣ сидѣли Лакедемоняне. Всѣ молодые люди и бо́льшая часть пожилыхъ встали съ почтеніемъ и предлагали ему свои мѣста. Вдругъ раздалися безчисленныя рукоплесканія, и умиленный старикъ не могъ удержаться, чтобы не сказать: „Греки только знаютъ правила благопри„стойности; а Лакедемоняне исполняютъ „оныя.„

Въ собраніи увидѣлъ я живописца воспитанника Зевксиса, который по примѣру

своего учителя прохаживался въ прекрасной пурпуровой одеждѣ; на ней было изображено его имя золотыми буквами. Со всѣхъ сторонъ ему говорили: ты подражаешь тщеславію Зевксиса; но ты не Зевксисъ.

Я видѣлъ тамъ Киринеянина и Коринѳянина, изъ коихъ одинъ изчислялъ свои богатства, а другой своихъ предковъ. Киринеянинъ досадовалъ на тщеславіе своего сосѣда; а онъ смѣялся гордости Киринеянина.

Тамъ же видѣлъ я одного Іонянина, который былъ посредственныхъ дарованій, исполнилъ успѣшно нѣкоторое небольшое препорученіе, возложенное на него отечествомъ. Онъ имѣлъ къ себѣ то же уваженіе, которое глупцы имѣютъ къ произшельцамъ. Одинъ изъ его друзей, оставивъ его, сказалъ мнѣ на ухо: онъ и не думалъ, чтобы можно было столь легко сдѣлаться великимъ человѣкомъ.

Не далеко оттолѣ софистъ держалъ сосудъ, въ каковыхъ хранятся благовонія, и щетку какъ будтобы шелъ онъ въ баню. Посмѣявшись надъ тщеславіемъ другихъ, взошелъ онъ по

одну сторону Юпитерова храма, сталъ среди колоннады и съ сего возвышеннаго мѣста кричалъ къ народу: смотрите на сїе кольцо, я самъ его вырѣзалъ; на сосудъ и сїю щетку, я ихъ сдѣлалъ; смотрите на мою обувь, епанчу, тунику и поясъ, все сїе моей работы; я готовъ самъ читать ироическїя поэмы, трагедїи, дифирамвы, всякаго рода прозаическїя и стихотворческїя сочиненїя, которыя я писалъ о разныхъ предметахъ; я готовъ разсуждать о музыкѣ, о грамматикѣ и отвѣчать на вопросы всякаго рода.

Между тѣмъ какъ Софистъ, выказывалъ съ удовольствїемъ свое чванство, живописцы представляли народу свои картины; Рапсодисты пѣли отрывки изъ Омира и Исїода: одинъ изъ нихъ прочелъ намъ всю Эмпедоклову поэму. Пїиты, ораторы, философы, историки, находясь въ предхрамїяхъ и на прочихъ возвышенныхъ мѣстахъ, читали свои сочиненїя: иные разсуждали о нравственныхъ предметахъ, другїе превозносили похвалами Олимпїйскїя игры или свое отечество, или государей, у которыхъ они искали покровительства.

Почти за 30 ть лѣтъ предъ симъ Діонисій Тираннъ Сиракузскій хотѣлъ обратить на себя удивленіе всего собранія. Отъ него прислано было, подъ руководствомъ его брата Ѳеаридеса, торжественное посольство съ приношеніями Юпитеру; много колесницъ, запряженныхъ четырьмя конями, назначенныхъ для прѣнія въ ристаніи; множество богатыхъ шатровъ, раскинутыхъ въ полѣ, и толпа искусныхъ дѣйствователей, которые должны были читать всенародно стихотворенія сего государя. Дарованія и приятность ихъ голоса сначала обратили было на нихъ вниманіе Грековъ, ужѐ предубѣжденныхъ великолѣпіемъ толикихъ снарядовъ: но вскорѣ наскуча слушаніемъ сочиненій безъ вкуса и остроумія, начали они дѣлать язвительныя насмѣшки надъ Діонисіемъ, и презрѣніе ихъ столь далеко простерлось, что низпровергли его шатры и разграбили оные. Къ крайнемужъ несчастію, колесницы выѣхали за ристалище, или разбились одна о другую; а корабль, на которомъ возвращалось посольство, былъ занесенъ бурею къ берегамъ Италіи. Когда въ Сиракузахъ говорили, что Ді-

онисїевы стихи нанесли великое несчастїе какъ дѣйствователямъ, такъ конямъ и кораблю; тогда при дворѣ напротивъ того утверждали, что дарованїя всегда производятъ зависть. Четыре года спустя послѣ Дїонисїй послалъ новыя свои сочиненїя и искуснѣйшихъ лицедѣевъ; но они были отвержены съ бо́льшимъ постыжденїемъ, нежели прежнїе. При семъ извѣстїи онъ пришелъ въ чрезвычайное бѣшенство и для облегченїя своей досады, прибѣгнулъ къ пособїю тиранновъ; онъ заточалъ въ ссылку и рубилъ го́ловы.

Мы со вниманїемъ слушали чтенїе въ Олимпїи При чтенїи присутствовали иногда разпорядители игръ, а народъ весьма охотно тѣмъ занимался. Однажды, когда онъ слушалъ съ особеннымъ вниманїемъ, вдругъ раздалося повсюду произносимое имя Полидама. Большая часть предстоящихъ тотчасъ побѣжали къ Полидаму. Это былъ атлетъ Ѳессалїйскїй величины и крѣпости удивительной. Говорятъ, что онъ безъ всякаго оружїя на горѣ Олимпѣ сразилъ ударами величайшаго льва; что когда онъ схватилъ ярящагося быка, то онъ не иначе могъ у

него вырваться, какъ оставивъ копыто въ рукахъ атлета; что самые сильнѣйшіе кони не могли сдвинуть съ мѣста колесницы, когда онъ позади держалъ ее одною рукою. Онъ одержалъ многія побѣды въ народныхъ играхъ; но какъ онъ поздно пришелъ въ Олимпію, то не былъ допущенъ на состязаніе. Потóмъ мы свѣдали о печальной кончинѣ столь необыкновеннаго человѣка: онъ съ нѣкоторыми своими друзьями зашелъ отъ зноя въ одну пещеру; сводъ пещеры всей разсѣлся; друзья его ушли. Полидамъ хотѣлъ поддержать гору и былъ ею раздавленъ.

Чѣмъ труднѣе отличиться между просвѣщенными народами, тѣмъ болѣе тщеславіе, безпокойство и дерзость пускаются на всѣ непомѣрности. Во второе путешествіе мое въ Олимпію, я видѣлъ тамъ Сиракузскаго врача Менекрата; за нимъ шло много людей, которыхъ онъ излѣчилъ, и которые до пользованія обязались повсюду за нимъ слѣдовать. Одинъ имѣлъ при себѣ принадлежности Иракловы, другой Аполлоновы; иные же являлись со знаками Меркурія или Эскулапа. Врачъ былъ въ пур-

пуровой одеждѣ, на головѣ имѣлъ онъ золотый вѣнецъ, а въ рукѣ скипетръ. Онъ на зрѣлищѣ выдавалъ себя за Юпитера и странствовалъ по свѣту, бывъ сопровождаемъ сими новыми божествами. Нѣкогда посылалъ онъ къ Македонскому государю слѣдующее письмо:

„Менекратъ Юпитеръ Филиппу, здра„вїя! Ты царь въ Македонїи, а я во вра„чебной наукѣ; ты умерщвляешь здравыхъ, „а я возвращаю жизнь больнымъ; твоя „стража составлена изъ Македонянъ, а моя „изъ боговъ.„ Филиппъ ему отвѣчалъ въ двухъ словахъ, что онъ желаетъ ему здраваго разума. Чрезъ нѣсколько времени послѣ царь увѣдомившись, что онъ въ Македонїи, пригласилъ его къ себѣ на ужинъ. Менекратъ и его товарищи посажены на самыхъ пышныхъ и высокихъ ложахъ; передъ ними стоялъ жертвенникъ, наполненный первыми плодами жатвы, и между тѣмъ, какъ для гостей поставленъ былъ прекрасный столъ, новымъ богамъ ничего не было предложено, кромѣ благовонїй и возлїянїй, которые, не могши стерпѣть такой насмѣшки, вышли съ неудовольствїемъ изъ столовой и болѣе туда никогда не являлись.

Вотъ другой случай, который не меньше показываетъ нравы и вѣтренность ихъ свойства. Произошло сраженїе въ священной оградѣ во время празднованїя игръ, за восемь до сего лѣтъ. Жители Пизы несправедливо присвоили себѣ начальство надъ играми, отнявъ оное у Элеянъ, которые желали возвратить свои права. Тѣ и другїе, при помощи своихъ союзниковъ, ворвались въ священную ограду; сраженїе было жаркое и кровопролитное. Безчисленное множество зрителей, стекшихся на праздникъ, которые почти всѣ увѣнчаны были цвѣтами, спокойно обступили мѣсто сраженїя, и показывали въ семъ случаѣ такое же участїе, какъ и при сраженїяхъ атлетовъ, и рукоплескали съ одинаковыми восторгами при успѣхахъ и того и другаго войска.

Теперь остается мнѣ сказать о такихъ упражненїяхъ, которыя требуютъ болѣе крѣпости, нежели предыдущїя, какъ-то: о борьбѣ, кулачномъ боѣ, панкратїонѣ и пятиборствѣ. Я не стану слѣдовать тому порядку, въ которомъ производились сїи сраженїя, а начну съ борьбы.

Намѣренїе сего упражненїя есть то, чтобы

повергнуть противника на землю и заставить признать себя побѣжденнымъ. Подвижники, долженствовавшїе препираться, стояли подлѣ ближайшаго портика; они позваны были въ полдень; ихъ было семь; столько же было кинуто жеребьевъ въ коробочку, стоящую предъ учредителями игръ. Два жеребья были означены буквою А, другїе два буквою В, два С, а седьмый D. Ихъ перемѣшали въ коробочкѣ; каждый подвижникъ взялъ по одному, и одинъ изъ учредителей ставилъ рядомъ тѣхъ, которые вынули одинакїя буквы, и такъ было три пары борцовъ, а седьмый былъ оставленъ для того, чтобы сражаться съ побѣдителями прочихъ. Они скинули съ себя платье и натерлись масломъ, начали кататься по песку для того, чтобы противники не могли за нихъ ухватиться.

Тотчасъ Ѳивянинъ съ Аргїяниномъ выходятъ въ стадїю, сближаются, осматриваютъ другъ друга, и схватываются руками. Иногда упираясь одинъ о другаго челомъ, они толкаютъ другъ друга съ равною силою, кажутся неподвижными, и истощаютъ себя чрезвычайными усилїями;

вдругъ они потрясаютъ другъ друга сильными порывами, перевившись какъ змѣи, вытягиваются, сжимаются, взадъ и впередъ, потъ льется съ ихъ утомленныхъ членовъ; отдыхаютъ малое время, потомъ схватываются поперегъ тѣла, и употребивъ снова хитрости и силу, Ѳивянинъ поднимаетъ своего соперника, но самъ гнется подъ его тягостію; они падаютъ, катаются по песку и попремѣнно одерживаютъ верьхъ. Наконецъ Ѳивянинъ переплетеніемъ своихъ рукъ и ногъ останавливаетъ всѣ движенія своего соперника, котораго онъ держитъ подъ собою, давитъ гортань его и принуждаетъ его поднять руку, чтобы тѣмъ означить свое низложеніе. Однакожъ сего недовольно для полученія вѣнца; надобно, чтобы побѣдитель по крайней мѣрѣ два раза повергъ на землю своего соперника; а обыкновенно они схватываются три раза. Аргіанинъ получилъ преимущество во второмъ дѣйствіи, а Ѳивянинъ въ третьемъ.

Послѣ того, какъ остальные двѣ пары борцевъ окончали свое сраженіе, побѣжденные удалились со стыдомъ и досадою. Оставались только три побѣдителя Агриген-

тинецъ, Ефесеанинъ и Ѳивянинъ, о которомъ я говорилъ. Оставался также Родянинъ, которому вышелъ жеребей одному. Онъ имѣлъ ту выгоду, что вступалъ въ борьбу, имѣвъ свѣжія силы; онъ не иначе могъ получить награду, какъ по многократнымъ сраженіямъ. Онъ восторжествовалъ надъ Агригентинцемъ, былъ поверженъ на землю Эфесеаниномъ, который палъ подъ Ѳивяниномъ; сей послѣдній получилъ пальму. Такимъ образомъ первая побѣда должна вести за собою и другія; и при стеченіи седьми подвижниковъ можетъ случиться, что побѣдитель обязанъ бываетъ сражаться съ четырьмя соперниками, и вступать съ каждымъ изъ нихъ въ дѣйствіе три раза.

Въ борьбѣ не позволено наносить ударовъ противнику; въ кулачномъ боѣ можно только ударять его. Восемь подвижниковъ явились къ сему послѣднему упражненію и были, такъ какъ и борцы, разпредѣлены по жеребью. Головы ихъ были покрыты мѣдною шапкою, а пясти ихъ были покрыты нѣкоторымъ родомъ перчатокъ, составленныхъ изъ ремней, различнымъ образомъ переплетенныхъ.

Нападенія столько же были разнообразны, сколько и приключенія, послѣдовавшія за

оными. Иногда подвижники дѣлали различныя движенія для того, чтобы солнце не свѣтило имъ въ глаза, смотрѣли другъ на друга по цѣлому часу, не упускали ни одной минуты, въ которую соперникъ оставитъ какую нибудь часть своего тѣла безъ защиты; держали вверьхъ руки, простирали ихъ такъ, чтобы закрыть голову и безпрестанно ими махали, чтобъ не допустить къ себѣ неприятеля. Иногда нападали другъ на друга съ бѣшенствомъ и сыпали тысящи ударовъ. Иные, поднявъ руки, и устремясь на неприятеля, который умѣлъ скоро уклоняться, падали на землю, и разбивали всѣ члены своего тѣла. Иные въ истощеніи и покрытые смертоносными ранами вдругъ вставали и получали новыя силы въ своемъ отчаяніи; другіе извлеченные съ поля сраженія не имѣли на лицѣ своемъ ни одной черты, по которой бы можно было ихъ узнать, и не подавали никакого знака жизни, кромѣ крови, которая изъ нихъ лилась рѣкою.

Я трепеталъ при видѣ такого сраженія, и мое сердце предалось состраданію, когда я увидѣлъ, что малыя дѣти при-

учаются къ такимъ свирѣпствамъ. Они, еще прежде взрослыхъ, вызываемы были на борьбу и на бой. Однакоже Греки находили удовольствїе въ сихъ ужасныхъ зрѣлищахъ. Они ободряли воплями своими несчастныхъ остервенѣвшихъ одинъ противъ другаго; и при всемъ томъ Греки кротки и чувствительны! Конечно боги даровали намъ способность пагубную и для насъ уничижительную ко всему привыкать и дойти до того, чтобы сдѣлать себѣ игру изъ варварства, равно какъ изъ порока!

Жестокїя упражненїя, къ которымъ приучаютъ сихъ мальчиковъ, такъ рано ихъ истощаютъ, что въ спискахъ побѣдителей на Олимпїйскихъ играхъ едва можно найти изъ нихъ двухъ или трехъ, которые бы одержали побѣду въ своемъ младенчествѣ и въ совершенномъ возрастѣ.

Что касается до другихъ упражненїй, то легко судить о ихъ успѣхахъ; но въ кулачномъ боѣ надобно, чтобъ одинъ изъ сражающихся призналея въ своемъ изнеможенїи. Доколѣ еще остается въ немъ сколько нибудь силы, онъ не отчаевается о побѣдѣ; потому что она зависитъ

отъ его усилій, отъ его мужества. Намъ сказывали какъ одинъ боецъ, когда ему сильнымъ ударомъ были выбиты зубы, рѣшился ихъ проглотить; а соперникъ видя, что его нападенія безуспѣшны, счелъ свои средства тщетными и объявилъ себя побѣжденнымъ.

Такая надежда дѣлаетъ то, что боецъ скрываетъ боль свою подъ видомъ грознымъ и гордою осанкою; что онъ часто отваживается на свою погибель, и въ самомъ дѣлѣ иногда погибаетъ, не взирая на внимательность побѣдителя, и строгости законовъ, которыя сему послѣднему запрещаютъ убивать своего соперника подъ опасеніемъ лишенія вѣнка. Очень многіе, избѣгая таковой опасности, остаются увѣчными во всю свою жизнь, или носятъ раны, которыя ихъ безобразятъ. По сему-то, можетъ быть, сіе упражненіе маловажнѣе прочихъ, и что оно предоставлено совершенно только одному простому народу.

Впрочемъ сіи жестокіе и звѣронравные люди гораздо удобнѣе сносятъ удары и раны, нежели жаръ удушающій ихъ; потому что сраженія сіи производятся въ такой

странѣ Греціи, въ такое время года, въ такіе часы дня, когда солнечный зной столько ощутителенъ, что и самые зрители съ крайнимъ трудомъ могутъ оный сносить.

Въ то самое время, когда, какъ казалося, они усугубили свирѣпство свое, дано было сраженіе, называемое панкратіонъ, состоящее изъ борьбы и бою, съ тою только разностію, что какъ борцы не должны схватываться другъ съ другомъ, то они и не надѣваютъ желѣзныхъ наручниковъ, а потому и не наносятъ столь опасныхъ ударовъ. Дѣйствіе кончилось скоро. За день предъ тѣмъ пришелъ одинъ Сикіонянинъ, по имени Сострашъ, прославившійся множествомъ полученныхъ имъ вѣнковъ и качествами, которыя ему оные доставили. Большая часть изъ его соперниковъ удалена была его присутствіемъ, а другіе первыми его опытами; ибо въ сихъ предварительныхъ играхъ, при которыхъ подвижники задираютъ другъ друга, схватываясь за руки, онъ весьма сильно сжималъ и коверкалъ пальцы своихъ противниковъ, и тѣмъ тотчасъ показывалъ, что побѣда будетъ на его сторонѣ.

Упомянутые мною подвижники упражня-

лись только въ семъ родѣ сраженій, а тѣ, о коихъ теперь хочу говорить, упражняются во всѣхъ родахъ игръ. Въ самомъ дѣлѣ пятиборство заключаетъ въ себѣ не только бѣганіе, борьбу, кулачный бой и совокупно борьбу и бой, но и прыганіе, метаніе кружка и копья.

Въ семъ послѣднемъ упражненіи надлежало только, чтобъ брошенное копье попадало въ назначенную мету. Кружки бываютъ металлическіе или каменные, чечевицеобразные, то есть круглые и въ срединѣ толще, нежели по краямъ, весьма тяжелые, столь гладкіе, что трудно ихъ ухватить. Три такіе кружка хранятся въ Олимпіи, которые показываются при каждомъ возобновленіи игръ, изъ коихъ въ одномъ сдѣлана скважина, чтобы продѣвать въ нее ремень. Подвижникъ, ставъ на небольшемъ возвышеніи, сдѣланномъ на поприщѣ, держитъ кружекъ въ своей рукѣ или за ремень, машетъ имъ вокругъ себя и бросаетъ изъ всей силы: кружекъ летитъ по воздуху, упадаетъ и катится по поприщу. Замѣчаютъ мѣсто, гдѣ онъ остановится; и другіе подвижники одинъ послѣ другаго употребля-

ютъ всѣ свои усилія, чтобы бросить его еще далѣе.

Такое же должно получить преимущество въ прыганіи, коего всѣ движенія производятся по звуку свирѣли: подвижники держатъ въ рукахъ перевѣсы, способствующіе имъ, какъ говорятъ, къ перепрыгиванію бóльшаго пространства. Нѣкоторые перескакиваютъ болѣе 50 футовъ.

Для полученія награды въ пятиборствѣ, подвижники должны по крайней мѣрѣ одержать верьхъ въ трехъ первыхъ подвигахъ, въ кои они вступаютъ. Хотя они не могутъ въ особенности стоять противу подвижниковъ каждаго рода; однакожъ они въ великомъ уваженіи, потому что стараясь придать тѣлу возможную силу, гибкость и легкость, они исполняютъ все то, что предположено въ учрежденіи игръ и имнастическихъ упражненій. Послѣдній день праздниковъ былъ назначенъ для увѣнчанія побѣдителей. Сей славный для нихъ обрядъ совершился въ священной рощѣ, предъ начатіемъ коего принесены были великолѣпныя жертвы. По окончаніи праздниковъ побѣдители въ богатомъ одѣяніи, и съ паль-

новыми вѣтьвями въ рукахъ, слѣдуя за предсѣдателями игръ пошли на ѳеатръ. Они шествовали съ великою радостїю при звукѣ свирѣли, окруженные безчисленнымъ народомъ, наполняющимъ рукоплесканїями своими воздухъ. При томъ появились другїе подвижники на коняхъ и колесницахъ. Украшенные цвѣтами величавые кони ихъ выступали какъ бы гордясь побѣдою всадниковъ своихъ, и казалось, что они принимали участїе въ торжествѣ.

Достигнувъ до ѳеатра, предсѣдатели игръ приказали начать пѣснь, сочиненную нѣкогда стихотворцемъ Архилохомъ, къ прославленїю побѣдителей и великолѣпнаго сего обряда. Послѣ того какъ зрители при каждомъ повторенїи стиховъ соединяли голосъ свой съ голосами пѣвцовъ, провозвѣстникъ всталъ съ мѣста и возгласилъ, что Поръ Киренскїй одержалъ верьхъ на поприщѣ. Сей подвижникъ подошелъ къ первенствующему предсѣдателю, который возложилъ на главу его вѣнокъ изъ вѣтвїй дикой маслины, взятыхъ, какъ и всѣ раздаваемые въ Олимпїи, съ дерева стоящаго позади Юпитерова храма и содѣлавшагося по сему от-

личїю предметомъ общаго почтенїя. Вдругъ всѣ сїи изъявленїя радости и удивленїя, коими онъ былъ почтенъ при самой побѣдѣ своей, возобновились съ такою силою и непомѣрностїю, что Поръ показался мнѣ на высочайшемъ степени славы. Таковымъ же дѣйствительно признавало его все собранїе, и я не удивлялся болѣе, что подвижники подвергаютъ себя многотруднымъ опытамъ; я ужѐ не дивился, что сїи единодушныя похвалы не однократно производили столь чрезвычайныя дѣйствїя. При семъ случаѣ сказывали намъ, что мудрый Хилонъ умеръ отъ радости, обнимая сына своего, одержавшаго побѣду, и что всѣ бывшїе на Олимпїйскихъ играхъ почли долгомъ своимъ присутствовать при его погребенїи. Говорили еще, что въ послѣднее столѣтїе отцы наши были свидѣтелями гораздо чувствительнѣйшаго произшествїя.

Дїагоръ Родосскїй, возвысившїй знатность своего рода одержанною имъ на играхъ побѣдою, привелъ сюда двухъ своихъ сыновъ, которые, бывъ въ числѣ состязателей, заслужили вѣнокъ. Коль скоро получили его, то и возложили оный на главу

отца своего, коего подъявъ на рамена свои торжественно несли среди зрителей, кои, поздравляя его, осыпали цвѣтами; а нѣкоторые говорили: умри, Дїагоръ! тебѣ уже нѣчего болѣе желать. Старецъ не могши перенесть толь великаго благополучїя, умеръ предъ очами всего собранїя, весьма умиленнаго симъ зрѣлищемъ, орошаемый слезами сыновъ своихъ, кои держали его въ своихъ объятїяхъ.

Сїи похвалы, воздаваемыя побѣдителямъ, бываютъ иногда возмущаемы, или лучше сказать, увеличиваемы неистовствомъ зависти. При общенародныхъ восклицанїяхъ слышалъ я иногда поношенїя отъ многихъ частныхъ людей, рожденныхъ въ городахъ неприязненныхъ тѣмъ, въ коихъ родились побѣдители.

Я видѣлъ, что послѣ таковыхъ знаковъ зависти слѣдовали не менѣе поразительные знаки лести или великодушїя. Нѣкоторые изъ получившихъ награду при ристанїи на коняхъ и колесницахъ, заставляли вмѣсто себя провозглашать тѣхъ, у коихъ хотѣли снискать милость или сохранить дружбу.

Атлеты, получившіе побѣду на другихъ сраженіяхъ, хотя и не могутъ никого выставить вмѣсто себя, но имѣютъ такъ же средства къ удовлетворенію своего корыстолюбія; они во время торжественнаго обнародыванія называютъ себя рожденными въ томъ городѣ, отъ коего получили подарки, и такимъ образомъ подвергаются опасности быть изгнанными изъ своего отечества, коего славою они пожертвовали корыстолюбію. Царь Діонисій, для котораго легче было прославить свою столицу, нежели сдѣлать оную счастливою, не однократно присылалъ повѣренныхъ въ Олимпію для того, чтобы склонять побѣдителей на играхъ объявлять себя Сиракузянами; но какъ честь не покупается за деньги, то равно для него было постыдно, что однихъ подкупалъ, а другихъ подкупить не могъ.

Часто бываетъ, что подкупаютъ и страшнаго соперника, дабы заставить его уступить побѣду, не показывая всей своей силы, и чтобы искусить безпристрастіе судей; но изобличенные въ таковыхъ поступкахъ атлеты бываютъ наказываемы розгами, или осуждаемы на тяжкія денеж-

ныя пени. Здѣсь много находится мѣдныхъ Юпитеровыхъ истукановъ, сдѣланныхъ на сіи пени. Начертанныя на нихъ надписи предаютъ позднѣйшему потомству какъ родъ преступленія, такъ и имена виновныхъ.

Въ самый день раздаванія вѣнковъ побѣдители въ знакъ благодарности богамъ, принесли жертвы. Имена ихъ были внесены въ народные списки Элеянъ, и они были великолѣпно угощены въ Пританеѣ. Въ слѣдующіе дни они сами угощали; музыка и плясаніе увеличивали пріятности угощенія. Потомъ стихотворству предоставлено было содѣлать безсмертными ихъ имена, а ваянію изобразить ихъ самихъ на марморѣ или на мѣди, нѣкоторыхъ въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ одержали побѣду.

По древнему обыкновенію, побѣдители сіи, получившіе великія почести на полѣ сраженія, возвращаются въ отечество свое со всевозможнымъ торжествомъ, будучи предшествуемы и послѣдуемы многочисленными сопровождателями, облеченные въ длинную багрянаго цвѣта одежду; иногда на колес-

ницѣ, запряженной двумя или четырьмя конями, и въѣзжаютъ чрезъ проломъ, сдѣланный въ городской стѣнѣ. А объ одномъ гражданинѣ изъ Агригента, что въ Сициліи, по имени Эксенетъ, говорятъ, что онъ въѣхалъ въ сей городъ на величественной колесницѣ, сопровождаемой множествомъ другихъ колесницъ, между которыми отличались 300, изъ коихъ каждая запряжена была двумя бѣлыми конями.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ народной казны доставляется имъ приличное содержаніе; въ другихъ изъяты они отъ всякаго налога; въ Лакедемонѣ имѣютъ то преимущество, что въ день битвы сражаются близь Царя; вездѣ почти занимаютъ первое мѣсто при играхъ; и званіе Олимпійскаго побѣдителя, присоединяемое къ ихъ имени, доставляетъ имъ уваженіе, дѣлающее ихъ жизнь благополучною.

Нѣкоторые раздѣляютъ полученныя ими отличія и съ конями, къ пріобрѣтенію оныхъ поспѣшествовавшими. Они доставляютъ имъ спокойную старость; удостоиваютъ отличнаго погребенія, а иногда воздвигаютъ даже и пирамиды на ихъ могилахъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЕ I. ГЛАВА XXVI.

О играхъ, коими занимали дѣтей, стран. 25.

Сіи игры служили ко впечатлѣнію въ памяти дѣтей вычисленія извѣстныхъ перемѣнъ: они научались, на примѣръ: что 3 числа, 3 буквы могутъ слагаться 6-ю различными образами; 4, 24-мя образами; 5, 120-ю; 6, 720-ю и проч. и такъ далѣе умножая сумму данныхъ сложеній на слѣдующее число.

ПРИМѢЧАНІЕ II. ГЛАВА та же.

О словѣ Νοῦς, *мысли, разумѣніе, стран.* 40.

Кажется, что слово сіе означало первоначально *зрѣніе*. Слово Νοῦς у Омира иногда значитъ *вижу*. Сіе же значеніе сохранено и въ словѣ Πρόνοια, которое Римляне перевели чрезъ слово provisio, providentia. Сіе-то заставило Аристотеля сказать, что разумѣніе Νοῦσ есть въ душѣ то же, что зрѣніе въ глазѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ III. ГЛАВА та же.

О сходствѣ многихъ статей ученія въ школѣ Аѳинской и школѣ Пиѳагоровой, *стран.* 45.

Аристотель говоритъ, что Платонъ занялъ отъ Пиѳагорейцевъ часть своего ученія о началахъ. Имъ-то послѣдуя Аристотель составилъ ту остроумную лѣствицу, которая помѣщала каждую добродѣтель между двумя пороками, изъ коихъ одинъ согрѣшаетъ по недостатку, а другой по излишеству.

ГЛАВА та же

О изрѣченіи Пиѳагорейцевъ, *стран.* 55.

Философы сіи, примѣтивъ, что все чувствамъ подлежащее предполагаетъ въ себѣ рожденіе, приращеніе и разрушеніе, заключили, что всѣ вещи имѣютъ начало, средину и конецъ; по сему Архитъ говорилъ еще прежде Платона, что мудрый, шествуя путемъ правымъ, достигаетъ до Бога, который есть начало, средина и конецъ всего справедливаго.

ПРИМѢЧАНІЕ IV. ГЛАВА XXVII.

О струнѣ, называемой Прославаноменъ, стран. 74.

Я избралъ для первой степени сея лѣствицы *си*, а не Прославаноменъ *ля*, какъ дѣлали писатели, жившіе послѣ сей эпохи. Молчаніе Платона, Аристотеля и Аристоксена увѣряетъ меня, что во времена ихъ струна Прославаноменъ не была еще введена въ музыкальную систему.

ПРИМѢЧАНІЕ V. ГЛАВА та же.

О числѣ тетрахордъ, введенныхъ въ лиру, стран. 82.

Аристоксенъ говоритъ о пяти тетрахордахъ, которыя въ его время составляли всю систему Греческой музыки; мнѣ кажется во время Платона и Аристотеля сія система была не столь обширна; но какъ Аристоксенъ былъ ученикъ Аристотелевъ, то и можно сказать, что сіе размноженіе тетрахордъ начало вводиться уже во время сего послѣдняго.

ПРИМѢЧАНІЕ VI. ГЛАВА та же.

О числѣ нотъ въ древней музыкѣ, стран. 89.

Г. Бюретъ полагаетъ, что древніе имѣли 1620 нотъ, какъ для пѣнія, такъ и игранія на

мусикійскихъ орудіяхъ. Онъ прибавляетъ, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ едва могли пѣть или разбирать ноты на всѣхъ тонахъ и во всѣхъ родахъ игранія на лирѣ.

Г. Бюретъ не издалъ своего исчисленія, но видѣть можно способъ, какимъ выводитъ онъ свое заключеніе. Онъ начинаетъ съ тѣхъ временъ, когда музыка имѣла 15 строевъ. Во всякомъ строѣ каждая изъ 18 струнъ лирныхъ имѣла двѣ ноты, одну для голоса, а другую для инструмента, что для каждаго строя составляло 36 нотъ; а какъ было 15 строевъ, то умноживъ 36 15-ю, выдетъ 540. Каждый строй, предполагая, что онъ былъ производимъ въ одномъ изъ трехъ родовъ, имѣлъ различныя ноты. Итакъ 540 надобно умножить еще 3-мя, что и дѣйствительно составитъ 1620.

Онъ не припомнилъ, что въ лирѣ 18-струнной, 8 струнъ непремѣнныя, и слѣдовательно принимали одинаковые знаки, въ какомъ бы родѣ лира ни была настроена.

Мнѣ кажется, что ноты, употреблявшіяся въ трехъ родахъ каждаго строя, простирались до 33. Въ разсужденіи пѣнія и столько же въ разсужденіи инструментовъ, а вообще до 66. Умножимъ теперь число нотъ числомъ строевъ, т. е. 66 15-ю, то вмѣсто 1620 нотъ, предполагаемыхъ Г. Бюретомъ, будетъ 990, изъ коихъ 495 для пѣнія и столько же для инструментовъ.

Не смотря на сіе уменьшеніе, на первой разъ покажется страшнымъ таковое множество знаковъ, употреблявшихся нѣкогда въ музыкѣ, и не представится, что мы сами имѣемъ ихъ очень великое число, потому, что наши ключи, наши діэсы, наши бемоли премѣняютъ содержаніе ноты, стоящей на каждой линейкѣ и въ каждомъ промежуткѣ. Греки имѣли ихъ болѣе, нежели мы: слѣдовательно ихъ нотная азбука требовала большаго изученія, нежели наша. Но я не могу согласиться съ Г. Бюретомъ въ томъ, что будто бы требовалось цѣлыхъ годовъ для одного только приобученія себя къ онымъ.

ПРИМѢЧАНІЕ VII. ГЛАВА та же.

О гармоніи Дорійской и Фригійской, стран. 103.

Не всѣ согласны о свойствѣ гармоніи Фригійской. По словамъ Платона, она будучи тише Дорійской, внушала умѣренность, и приличествовала человѣку призывающему боговъ на помощь. Но по мнѣнію Аристотеля она была шумная и свойственна энтузіазму. Онъ приводитъ пѣсни Олимпа, которыя наполняли душу какимъ-то божественнымъ иступленіемъ. Однакожъ Олимпъ употреблялъ сей строй при составленіи пѣсней въ честь мудрой Минервѣ. Гіагнисъ, жившій прежде Олимпа, сочинитель многихъ священ-

ныхъ гимновъ, употреблялъ въ нихъ гармонію Фригійскую.

ПРИМѢЧАННІЕ VIII. ГЛАВА та же.

О свойствѣ музыки при самомъ ея началѣ, стран. 106.

Плутархъ говоритъ, что музыканты его времени тщетно старались подражать Олимпу. Славный Тартиній сими же словами изъясняетъ свои мысли, говоря о древнихъ пѣсняхъ церковныхъ.

ПРИМѢЧАНІЕ IX. ГЛАВА та же.

О странномъ мнѣніи Платона, стран. 115.

Дабы оправдать сіе мнѣніе, то надобно привесть себѣ на память чрезвычайное своеволіе, которое во времена Платоновы царствовало въ большей части Греческихъ республикъ. Исказивъ постановленія, коихъ цѣли оно не вѣдало, разрушало различными отъ времени до времени покушеніями священнѣйшіе узы политическаго тѣла. Сперва начали перемѣнять пѣсни, посвященныя богамъ, а наконецъ стали ругаться и самыми торжественными клятвами, совершаемыми въ присутствіи боговъ. При общемъ развратѣ нѣкоторые

Философы не устрашились утверждать, что въ государствѣ, управляемомъ болѣе нравственностію, нежели законами, малѣйшія нововведенія суть опасны по тому, что онѣ скоро влекутъ за собою другія еще бо́льшія: почему имъ надлежало бы защищать не одну музыку отъ нововведеній; но даже игры, зрѣлища и гимнастическія упражненія и пр. Впрочемъ таковыя понятія заняты были отъ Египтянъ. Сей народъ, или паче тѣ, которые управляли имъ, желая поддержать власть свою, не нашли другаго средства для удержанія безпокойныхъ умовъ, какъ остановить ихъ при первомъ заблужденіи. Отсюда-то вышли тѣ законы, которые запрещали художникамъ выходить изъ за-предѣловъ своего искуства. Обязывали ихъ послѣдовать рабски предшественникамъ своимъ.

ПРИМѢЧАНІЕ X. ГЛАВА XXXI.

О началѣ Цикла Метонова, стран. 212.

День, въ который Метонъ примѣтилъ лѣтнее долгоденствіе, соотвѣтствовалъ 27 числу Іюня по нашему Іуліанскому счисленію, а тотъ, когда солнце начинало свой новый кругъ, соотвѣтствовалъ 16 числу Іюля.

19 Солнечныхъ Метоновыхъ лѣтъ заключали 6940 дней. 19 лучныхъ годовъ, вмѣстѣ

съ 7-ю прибавочными мѣсяцами составляютъ 235 лунныхъ мѣсяцовъ, а какъ каждый заключаетъ въ себѣ 30 дней, то и будетъ 7050 дней: слѣдовательно они были долѣе первыхъ 110 днями. Дабы уравнять ихъ, Метонъ опредѣлилъ для каждаго изъ 110 лунныхъ мѣсяцовъ 29 дней, и въ 19-ти лунныхъ годахъ будетъ 6940 дней.

ПРИМѢЧАНІЕ XI. ГЛАВА та же.

О долготѣ года какъ солнечнаго, такъ и лунпаго, опредѣленной Метономъ, стран. 216.

Пять девятьнадцатыхъ частей дня составляютъ 6 часовъ, 18 минутъ, 56 секундъ, 50 терцій и проч. Итакъ годъ солнечный по мнѣнію Метона состоялъ изъ 365 дней, 6 ч. 18′, 56″, 500‴. Онъ по мнѣнію нынѣшнихъ Астрономовъ состоитъ изъ 365 дней, 5 ч. 48′, 33″ или 45″. Слѣдственно годъ Метоновъ отъ нашего различествуетъ 30-ю минутами и почти 12-ю секундами.

Синодическое кругообращеніе луны совершалось по мнѣнію Метона въ 29 дней, 12 час. 46′, 57″, 26‴ и проч. Годъ лунный по мнѣнію Метона состоялъ изъ 354 дней, 9 ч. 11′, 29″, 21‴. Онъ былъ короче солнечнаго 10-ю днями, 21 ч. 7′, 21″, 29‴.

ПРИМѢЧАНІЕ XII. ГЛАВА та же.

О солнечныхъ часахъ у древнихъ, стран. 218.

Понятіе о таковыхъ часахъ можно имѣть изъ слѣдующаго примѣра. Палладій Рутилій, жившій около пятаго вѣка по Рождествѣ Христовомъ, и оставившій намъ разсужденіе о земледѣліи, прилагалъ при окончаніи каждаго мѣсяца таблицу, показывающую сходство раздѣленій дня съ различною долготою тѣни часовой стрѣлки. Примѣчать надобно: 1-е, что сіе сходство есть одинаково въ мѣсяцахъ равно удаленныхъ отъ долгоденствія, какъ-то въ Генварѣ и Декабрѣ, въ Февралѣ и Ноябрѣ и пр. 2-е. Что долгота тѣни есть одинакова въ разсужденіи часовъ равно удаленныхъ отъ полуденной точки. Вотъ таблица Генваря:

Часы	-	I.	и	XI.	-	футы	- 29.
Ч.	- -	II.	и	X.	-	ф.	- - 19.
Ч.	- -	III.	и	IX.	-	ф.	- - 15.
Ч.	- -	IV.	и	VIII.	-	ф.	- - 12.
Ч.	- -	V.	и	VII.	-	ф.	- - 10.
Ч.	- -	VI.		- -		ф.	- - 9.

Сіи солнечные часы по видимому были сдѣланы для климата Римскаго. Приведенныя въ подлинникѣ мною мѣста доказываютъ, что подобныя имъ сдѣланы были и для климата Аѳинскаго.

Впрочемъ у древнихъ можно читать разсужденіе людей ученыхъ, писавшихъ о семъ предметѣ.

ПРИМѢЧАНІЕ XIII. ГЛАВА XXXIV.

О именахъ Музъ, стран. 289.

Эрато значитъ *любезная*; *Уранія*, *небесная*; *Каллїола* почти означаетъ *красоту языка*; *Эвтерпа*, *нравящуюся*; *Ѳалія*, *живую радость*, *а наипаче царствующую на пиршествахъ*; *Мелпомена*, *любящую пѣніе*; *Полимнія*, *многоразличность пѣнія*; *Терпсихора*, *любящую пляски*; *Кліо славу*.

ПРИМѢЧАНІЕ XIV. ГЛАВА та же.

О тайныхъ проходахъ изъ пещеры Трофоніевой, стран. 291.

Не много спустя послѣ путешествія Анахарсиса въ Левадію одинъ изъ приближенныхъ Царя Димитрія ѣздилъ вопрошать сіе прорицалище. Жрецы подозрѣвали его въ худомъ намѣреніи. Видно было, какъ вошелъ въ пещеру, но никто не видалъ какъ онъ оттуда вышелъ. Нѣсколько дней спустя тѣло его выброшено было изъ оной

уже изъ другаго выхода, а не изъ обыкновеннаго.

ПРИМѢЧАНІЕ XV. ГЛАВА та же.

Окружности города Ѳивъ, стран. 301.

Диксархъ, описывая стихами состояніе Греціи, говоритъ, что окружность города Ѳивъ имѣетъ 43 стадіи. Но въ прозаическомъ описаніи сего же сочинителя сказано, что она простирается на 70 стадій. Въ семъ послѣднемъ показаніи предполагали ошибку переписщика. Можно бы такъ же предположить, что сочинитель въ первомъ мѣстѣ говоритъ о окружности нижняго города, а во второмъ беретъ въ счетъ и замокъ.

Диксарсъ совсѣмъ не говоритъ о Ѳивахъ, разрушенныхъ Александромъ. Онѣ суть тѣ, о которыхъ упоминается въ его сочиненіямъ. Но какъ Павзаній увѣряетъ, что Кассандръ при возстановленіи оныхъ воздвигъ древнія стѣны, то явствуетъ, что и древній и новый городъ имѣли одинаковую окружность.

ПРИМѢЧАНІЕ XVI ГЛАВА та же.

О числѣ жителей въ Ѳивахъ, стран. 302.

Число жителей въ Ѳивахъ съ точностію опредѣлить не можно. Когда сей городъ взятъ былъ Александромъ, то въ немъ погибло болѣе 6000 человѣкъ, и болѣе 30000 продано въ невольники. Пощажены были только жрецы и тѣ, которые имѣли связи по гостепріимству или по взаимнымъ съ Александромъ или съ отцемъ его Филиппомъ выгодамъ. Правда, многіе граждане спаслися бѣгствомъ; однакожъ можно по сему число жителей въ Ѳивахъ и въ окружностяхъ сего города предполагать до 50000 человѣкъ обоего пола и всякаго возраста, не исключая изъ того и невольниковъ.

ПРИМѢЧАНІЕ XVII. ГЛАВА XXXV.

О народахъ, которые отправляли пословъ въ собраніе Амфиктіоновъ, стран. 330.

Древніе писатели различно думаютъ о народахъ, которые посылали пословъ на общее собраніе. Эсхинъ, коего свидѣтельство по крайней мѣрѣ предпочитается всѣмъ другимъ, потому что онъ самъ былъ посломъ, упоминаетъ Ѳессаліянъ, Віотянъ, Доріянъ, Іонянъ, Перевовъ,

Магнетовъ, Локріянъ, Этеянъ, Фтіотянъ, Маліанъ, Фокеянъ. Перепищики пропустили двѣнадцатый народъ, а критики предполагаютъ, что то были Долопы.

ПРИМѢЧАНІЕ XVIII. ГЛАВА та же.

О высотѣ горы Олимпа, стран. 367.

Плутархъ упоминаетъ объ одной древней надписи, показывающей, что Ксенагоръ высоту Олимпа полагалъ во 10 стадій, 1 плеѳру безъ 4 хъ футовъ. Плеѳра, по мнѣнію Свида, была шестая часть стадіи.

ПРИМѢЧАНІЕ XIX. ГЛАВА XXXVI.

О кипящемъ источникѣ Додонскомъ. стран. 385.

Говорили почти то же о кипящемъ источникѣ, лежащемъ въ трехъ миляхъ отъ Гренобля, и долгое время почитавшимся за одно изъ семи чудесъ Дофинейскихъ. Но чудо изчезло, какъ скоро приняли трудъ изслѣдовать причину онаго.

ПРИМѢЧАНІЕ XX. ГЛАВА XXXVII.

О Дедалѣ Сикіонскомъ, стран. 439.

Древніе весьма часто упоминаютъ о Дедалѣ Аѳинскомъ, которому приписываютъ самыя важныя открытія въ художествахъ и ремеслахъ, какъ то: пилы, топора, бурава, рыбьяго клея, парусовъ, мачтъ корабельныхъ и проч. Въ Критѣ показывали его Лавиринѳъ; въ Сициліи замокъ и теплицы; въ Сардиніи великія зданія, повсюду великое число истукановъ. Говорятъ, что прежде Делала истуканы имѣли закрытые глаза, прижатыя къ тѣлу руки, плотно соединенныя ноги, а Дедалъ открылъ имъ рѣсницы и отдѣлилъ ноги и руки. Сей-то Дедалъ наконецъ заставилъ двигаться и ходить деревянныхъ истукановъ посредствомъ ртути или пружинъ, внутри ихъ сокровенныхъ. Впрочемъ примѣтить надобно, что его почитали современнымъ Миносу, и что большая часть открытій, дѣлающихъ ему честь, другими писателями приписываются художникамъ, жившимъ гораздо послѣ его.

Соображая понятія, каковыя подаютъ писатели и памятники, я нахожу, что живопись и ваяніе начали приходить въ совершенство у Грековъ не прежде двухъ вѣковъ, изъ коихъ одинъ предшествовалъ, а другой послѣдовалъ первой Олимпіадѣ, за 776 лѣтъ до Р. Х. полагаемой. Таково было заключеніе изысканій Г. Ноза о живописи.

Почему я за долгъ почелъ упомянуть о перемѣнахъ, произшедшихъ въ образованiи древнихъ истукановъ въ разсужденiи сего Дедала Сикiонскаго, о которомъ часто упоминается у Павзанiя, и который жилъ въ продолженiи времени, протекшаго отъ 700 до 600 года Р. Х. Вотъ свидѣтельства, оправдывающiя сiе мнѣнiе.

Нѣкоторые, говоритъ Павзанiй, почитали учениками Дедаловыми Дипена и Сцилиса, жизнь коихъ Плинiй полагаетъ прежде царствованiя Кира, около пятидесятой Олимпiады, начавшейся за 580 лѣтъ до Р. Х. Изъ чего слѣдовало бы, что Дедалъ жилъ около 610 года до той же самой эры.

Аристотель, на коего ссылается Плинiй, утверждаетъ, что Эвхиръ, родственникъ Дедаловъ, былъ первымъ изобрѣтателемъ живописи у Грековъ. Ежели сей Эвхиръ есть тотъ самый, который упражнялся особенно въ лѣпномъ искуствѣ и который сопровождалъ Демарата изъ Коринѳа въ Италiю, то сiя новая современность утвердитъ предъидущую эпоху. Ибо Демаратъ былъ отецъ старшаго Тарквинiя, вступившаго на престолъ Римскiй около 614 лѣтъ до Р. Х.

Наконецъ Аѳенагоръ, говоря о различныхъ Коринѳскихъ и Сикiонскихъ художникахъ, жившихъ послѣ Исiода и Омира, присоединяетъ: „Послѣ ихъ появились Дедалъ и Ѳеодоръ Милезскiе „изобрѣтатели истуканнаго и лѣпнаго художества.„

Я не отвергаю бытiя самаго древняго Деда-

ла; но говорю только, что первые успѣхи ваянія должно приписать Сикіонскому Дедалу.

ПРИМѢЧАНІЕ XXI. ГЛАВА XXXVIII.

О Полидамѣ.

Павзаній и Свидъ полагаютъ жизнь сего отлета во времена Дарія Нота, Царя Персидскаго, почти за 60 лѣтъ до Олимпійскихъ игръ, куда, какъ я думаю, онъ предсталъ сражаться. Но съ другой стороны жители Пеллены утверждали, что Полидамъ былъ побѣжденъ на Олимпійскихъ играхъ однимъ изъ сихъ гражданъ, по имени Промахомъ, жившимъ во времена Александра. Хотя весьма маловажно объясненіе сей статьи лѣтосчисленія, но я долженъ былъ показать затрудненіе сіе для того, чтобы и мнѣ не сдѣлали за то упрека.

Конецъ третьяго тома.

ПОГРѢШНОСТИ.

стран.	строк.	напечатано	читай:
41	21	предостявляетъ	предоставляетъ
42	2	души.	души,
43	25	безчувстенность	безчувствен-ность
74	24	343	243
82	18	тетракордъ	тетрахордъ
83	22	звукѣ.	звукѣ?
112	26	тотъ	тотъ же
145	1	дорево	дерево
147	18	Скифы	Скиѳы
160	5	филосовъ	философъ
162	6	Его. Сей	Его; сей
232	16	Принялъ	Принявъ
308	14	путешестія	путушествія
355	9	былъ, убитъ	былъ убитъ
357	27	спами	псами
402	18	примѣчал	примѣчали
480	25	легкимм	легкими

2010514805